Проф. А. Ф. ЛАЗУРСКИЙ

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТЕЙ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Я. БАСОВА и В. Н. МЯСИЩЕВА

С СТАТЬЕЙ ПРОФ. М. Я. БАСОВА
«НОВЫЕ ИДЕИ В УЧЕНИИ О ЛИЧНОСТИ»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Пров. 1959

Пров. 1959

4672
94

Гиз № 10114. Ленинградский Гублит № 9657. 18¼ л. Отп. 4000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие к 3-му изданию 7

ЧАСТЬ I

Общие основы классификации.

1. Основной принцип 45
2. Эндо-психика и экзо-психика 49
3. Деление по психическим уровням 52
4. Отношение между эндо-психикой и экзо-психикой на разных уровнях 61
5. Деление на группы и типы 65
6. Чистые типы различных уровней 68
7. Комбинированные, извращенные и переходные типы различных уровней:
   a) Комбинированные типы 72
   b) Извращенные типы 73
8. Связь нашей классификации с предшествовавшими 80

ЧАСТЬ II

Низший уровень.

ГЛАВА I. *Общая характеристика* 85
1. Основные факторы низшего уровня 85
2. Отношение к профессии 87
3. Отношение к людям и обществу 89

ГЛАВА II. *Чистые* 91
1. Рассудочные 92
2. Аффективные 96
   a) Подвижные (живые) 96
   b) Чувственные 99
   c) Мечтатели 100

стр.
3. Активные 102
a) Энергичные низшего порядка 102
b) Покорно-деятельные 108
c) Упрямые 111

ГЛАВА III. *Извращенные* 115
1. Пассивные 122
a) Апатичные 122
b) Безвольные 125
2. Расчетливые эгоисты 125
3. Аффективные — извращенные 127
4. Активные — извращенные (насильники) 130
a) Беспорядочные насильники 131
b) Сосредоточенно-жестокие 133

ЧАСТЬ III.

Средний уровень.

ГЛАВА I. *Общая характеристика* 135
1. Основные черты среднего уровня 135
2. Отношение к среде 137
3. Профессиональные типы 139
4. Значение профессиональных типов для классификации личностей 143

ГЛАВА II. *Чистые* 146
Непрактичные (теоретики, идеалисты) 148
1. Ученые 148
2. Художники 153
Практики-реалисты 159
3. Общественники 159
a) Внутренне-аффективные 159
b) Внешне-деятельные 163
4. Властные 167
5. Хозяйственные 173

ГЛАВА III. *Комбинированные* 178
1. Научно-практические 179
2. Научно-общественные 181
3. Художественно-практические 184

ГЛАВА V. *Смешанные* 185

ГЛАВА V. *Извращенные* 189
Неудачники 192
1. Неприспособленные мечтатели 192
2. Аффективные неудачники 195
3. Энергичные озлобленные 198

стр.
Успевающие 202
4. Лицемерные 202
5. Властные — извращенные 208

ЧАСТЬ IV.

Высший уровень.

ГЛАВА I. *Общая характеристика* 213
1. Основные черты высшего уровня 213
2. Талант и гений, как выражение принадлежности к высшему уровню 214
3. Творчество, как необходимый признак представителей высшего уровня 222
4. Человеческие идеалы и их характерологическое значение . . 227
5. Значение второстепенных черт личности на высшем уровне . 231
ГЛАВА II. *Чистые* 237
1. Общественность 239
2. Знание 247
a) Индуктивные 248
b) Дедуктивные 251
3. Красота 254
4. Внешняя деятельность, инициатива 263
5. Система, организация 266
6. Власть 268
ГЛАВА III. *Смешанные типы* 273
ГЛАВА IV. *Извращенные типы* 279

ПРЕДИСЛОВИЕ К 3-му ИЗДАНИЮ.

Настоящее издание «Классификации личностей» выходит в несколько измененном виде сравнительно с предыдущим изданием. Необходимость уменьшить объем книги ради ее большей доступности побудила произвести некоторые сокращения, коснувшиеся, главным образом, иллюстративных характеристик, а также двух приложений предыдущих изданий (Программы исследования личности). Схема классификации на низшем уровне оставлена без изменений; на среднем произведены следующие изменения: среди чистых типов в группе «непрактичных теоретиков-идеалистов» исключена третья разновидность — «религиозные созерцатели»; в группе «практиков-реалистов» разновидность «человеколюбцы (альтруисты)» объединена с «общественниками» и образовавшаяся таким путем более общая, чем прежде, разновидность разбита на два подразделения: «внутреннеаффективные» и «внешне-деятельные»; из числа комбинированных типов исключены «религиозно-административные». На высшем уровне среди чистых типов разновидности «альтруизм» и «общество, государство» объединены в общую разновидность «общественность», а разновидность «религия» исключена вовсе; личность Лассаля из разновидности «власть, борьба» перенесена в «общественность», а личность Бисмарка подверглась обратному перемещению.

В некоторых местах книги произведены исправления редакционного характера; кроме того, сделано несколько примечаний для исправления или уяснения мысли автора.

Наконец, в виду того, что за последнее время учение о личности обогатилось рядом новых идей и исследований, во многом существенно дополняющих и углубляющих работу Лазурского, настоящему изданию предпосылается обзорно-критическая статья проф. М. Я. Басова—«Новые идеи в учении о личности».

Редакция.

Новые идеи в учении о личности.

I.

В обширном кругу научных знаний, имеющих своим предметом человека, в настоящее время производится большая и плодотворная работа. На бесконечном фронте всей науки этот участок является труднейшим и вместе с тем ответственнейшим. Можно думать, судя по тому, как развивается наука и познается мир, что «тайны» собственной природы в известной мере и части будут стоять перед человечеством не вполне разгаданными и тогда, когда все остальные «тайны» перестанут быть таковыми. Земля и небо покоряются могучей силе человеческого разума как будто легче, чем сам человек, носитель и воплощение этого разума. Тем отраднее, тем большую бодрость должен вселять в нас каждый поступательный шаг на этом трудном участке: как никакой другой, он говорит о нашей силе, о нашей всепобеждающей мощи.

Задаваясь целью дать некоторую характеристику современного положения проблемы личности, мы делаем это не потому, что в настоящий момент можно подвести какой-либо итог работе, представляющей из себя нечто законченное, а скорее по обратным основаниям: нам кажется, что как раз теперь наметились некоторые новые возможности для дальнейшего развития данной проблемы, и мы, может быть, находимся у истоков нового периода в этом развитии. На фоне основных положений теории личности А. Ф. Лазурского нам представляется наиболее удобным попытаться выделить существенные достижения в данной области за последнее время. В своих взглядах на организацию и развитие личности Лазурский дал лучший синтез всего, что предоставляла в его распоряжение современная ему наука, при чем при создании этого синтеза он выявил не мало оригинальных творческих идей. «Классификация личностей» была последним этапом его работы, который, однако, он определенно намечал и предвидел, будучи в самом начале своего пути. По своей внутренней сущ-

ности она находится в прямой связи со всей его предыдущей психологической и характерологической работой, основные моменты которой вскрыты в «Очерке науки о характерах» [1]). Поэтому, чтобы ясно увидеть, что дает нам Лазурский, а затем — в каких направлениях мы двигаемся в той же области после него, нужно взять его характерологическое учение в целом.

Прежде всего необходимо отметить, что Лазурский по методу всей своей работы является эмпириком. Это не значит, конечно, что у него нет вовсе никаких предвзятых идей. Как это часто бывает, известная предвзятость скрыто может обнаружиться уже в самом восприятии опыта, и это затем должно явиться источником неизбежных заблуждений. Именно в таком положении и находится Лазурский. Так, он придерживается параллелистической теории, полагая это единственно правильным с точки зрения последовательного эмпирика. Но все же верно то, что он не имеет вкуса к умозрительным спекуляциям или, во всяком случае, они не играют у него ответственной роли. Понятие личности он раскрывает перед нами путем анализа и сравнения между собой всех ее проявлений, бесконечно разнообразных по содержанию и по степени сложности.

Всю совокупность этих проявлений каждой личности Лазурский делит на две главнейшие группы. Во-первых, проявления, которые он называет эндо-психическими и которые свидетельствуют о большем или меньшем развитии у данного человека, а также о способах взаимного соединения тех или иных внутренних, психофизиологических элементов личности. Так, например, сопоставляя дерзкую и необдуманную выходку какого-нибудь человека с другими аналогичными его поступками, он заключает, что в основе этих проявлений лежит повышенная аффективная возбудимость данного человека, а также слабое развитие у него задерживающих импульсов, благодаря чему и становятся возможными подобные проявления. Или, наблюдая, как школьник заучивает наизусть стихотворение, мы судим затем о степени развития его памяти, о свойствах его внимания и т. д. Из совокупности этих эндо-психических элементов или функций составляется внутренний механизм личности. Рассматривая различные стороны и части этого механизма, затем обычно выделяют такие понятия, как темпе-

[1]) Кроме этих двух основных трудов, для выяснения взглядов Лазурского по обсуждаемым вопросам могут служить его статьи («Вопросы философии и психологии», 1909 — 10 г.): «Теория способностей в современной психологии», «Душевные способности, как основные биологические функции», «Значение гипотезы способностей для эмпирической психологии», а также его книга «Ueber das Studium der Individualität», Leipzig, 1912.

рамент, характер, умственная одаренность и т. п. Другими словами говоря, понятие эндо-психики Лазурский отождествляет с нервно-психической или биологической организацией человека и рассматривает эту последнюю, как сложный организованный, непрерывно действующий психо-физиологический процесс, в котором отдельные функции тесно между собою связаны, но в то же время пользуются в своей деятельности относительной независимостью. Основным и элементарным понятием по отношению к нервно-психической или биологической организации человека является понятие наклонности или способности. При этом автор дает лишь самое общее определение этому понятию. Под наклонностью (resp. способностью) он понимает возможность неоднократного повторения у данного лица известной стороны того или иного психофизиологического процесса. В более же узком смысле под наклонностями он понимает те неизвестные нам и недоступные современному анализу внутренние причины и условия, которые своим продолжительным и непрерывным действием обусловливают подобную возможность.

В соответствии с этим определением Лазурский рассуждает таким образом: «Положим, что, занимаясь психометрическими исследованиями, мы установили скорость восприятия для разных лиц: мы говорим, что одни исследуемые обнаруживают наклонность быстрее воспринимать, чем другие, или, иначе говоря, наклонность к быстроте восприятия у одних лиц развита сильнее, чем у других. Исследуя память у разных людей, мы убеждаемся, что одни из них в течение долгого времени удерживают все то, что было ими однажды усвоено, тогда как у других всякие знания чрезвычайно быстро улетучиваются из головы: способность удерживания в памяти развита у первых значительно сильнее, чем у вторых. Одни люди обнаруживают сильно развитую наклонность к гневу, приходя в неистовство по самому ничтожному поводу, у других эта наклонность почти отсутствует» [1]). Таким образом, отдельные наклонности представляют собою те внутренние элементы нервнопсихической организации личности, о которых говорилось выше. Различная степень развития наклонностей, а также способ их соединения в одно целое составляют основу индивидуальных свойств биологической организации каждого человека, а также индивидуальных различий отдельных личностей между собою. Наклонности бывают, по Лазурскому, простые и сложные, основные и второстепенные, но он отмечает, что все это условные, относительные понятия.

[1]) См. Очерк науки о характерах, изд. Риккера, 1917, стр. 36.

Каждая наклонность для своего проявления нуждается в соответствующем возбудителе. Этим именем Лазурский обозначает совокупность внешних или внутренних условий, способствующих проявлению данной наклонности. При этом он подчеркивает чрезвычайную важность этого понятия для индивидуальной психологии, так как часто какая-либо наклонность, сильно развитая у данного лица и достигшая значительной степени напряжения, тем не менее не проявляется или проявляется очень слабо только вследствие того, что отсутствует соответствующий возбудитель. Точно так же, когда та или иная наклонность проявляется у наблюдаемого нами лица и мы хотим определить степень ее развития, то при этом необходимо принять во внимание, на-ряду с интенсивностью ее проявления, также и силу действующего в данном случае возбудителя. Все огромное множество действующих возбудителей Лазурский делит на две группы — внешние и внутренние возбудители, оговаривая при этом, что резкую грань между теми и другими провести не всегда возможно, и, кроме того, внутренние возбудители являются таковыми лишь в качестве непосредственных причин того или иного проявления наклонности, в конечном же счете они всегда сводятся к тем или иным внешним обстоятельствам [1]).

Проявления наклонностей, вызываемые различными возбудителями, делятся, по Лазурскому, также на внешние и внутренние. К внешним проявлениям относятся физиологические изменения на периферии организма, физиологические процессы в головном мозгу и, наконец, внешне-социальные проявления личности. К внутренним же проявлениям Лазурский относит наши переживания, при чем он считает, что эти последние должны стоять на первом плане при изучении личности; внешние же проявления дают лишь вспомогательный материал [2]).

Для дальнейшего нам важно, наконец, отметить, что Лазурский считает необходимым в индивидуальной психологии также и изучение анатомо-физиологического коррелата различных наклонностей, каковыми по его мнению, для «огромного большинства наших основных наклонностей являются, вероятно, различные стороны процессов, совершающихся в сером веществе головного мозга» [3]).

Таковы, вкратце, основные моменты его учения об эндопсихической стороне личности.

---

[1]) Очерк науки о характерах, глава VIII, стр. 66.
[2]) Там же, гл. XIII.
[3]) Там же, стр. 77.

Вторую главную группу жизненных проявлений человека составляют те, которые Лазурский называет экзо-психическими. Содержание экзо-психики определяется всей совокупностью отношений личности к окружающей ее среде.

При этом понятие «среды» берется в самом широком смысле и включает в себя все то, что противостоит индивидуальной личности и к чему личность может так или иначе относиться: природа, вещи, люди, социальные группы, наука, искусство, и т. д. Это разграничение между эндо- и экзо-психикой автор считает очень важным в характерологии. По его словам, «очевидно, что индивидуальность человека определяется не только своеобразием его эндо-психических черт, вроде особенностей памяти, воображения и т. п., но в не меньшей мере «его отношениями к окружающим явлениям, тем, как каждый человек реагирует на те или иные объекты, что он любит и ненавидит, чем интересуется и к чему равнодушен» [1]).

В то время как эндо-проявления характеризуют внутренний механизм личности, индивидуальные особенности организации человека, будучи тесно связаны с особенностями его центральной нервной системы, — экзо-проявления, наоборот, всегда отражают внешние условия, всю среду, в которой данная личность живет и действует и которая накладывает на личность свой отпечаток. Конкретный пример уясняет эти соотношения. Некоторый характерный эндо-комплекс (т.-е. сочетание нескольких тесно связанных между собой основных психо-физиологических функций) обыкновенно предрасполагает человека к занятию искусством: сильно развитое воображение, воспроизводящее и отчасти творческое, повышенная восприимчивость к внешним впечатлениям, значительная аффективная возбудимость, развитое эстетическое чувство. В этом эндо-комплексе все его части тесно связаны между собой в одно органическое целое, «так что значительное развитие какой-либо одной из них почти неизбежно влечет за собой хотя бы некоторое развитие также и остальных». С другой стороны, такой нередко встречающийся в жизни пример. Условия больших художественных центров способствуют возникновению так называемой художественной и литературной «богемы», которая характеризуется обычно определенным экзо-комплексом: «молодежь, еще не успевшая как следует устроиться в материальном отношении, обычно холостая (так как не на что содержать семью), живущая компанией (так как одному скучно и тоскливо), неряшливая в своем костюме и домашнем обиходе

[1]) Классификация личностей, стр. 16.

(так как нет жены, которая следила бы за хозяйством), беззаботная (так как не о ком и не о чем особенно заботиться), живущая то впроголодь, то устраивающая кутежи (если кому-нибудь удастся выгодно продать картину или иным каким-нибудь способом достать денег). Эти характерные черты Лазурский считает выразителями не столько внутреннего облика каждой личности, сколько внешних условий и обстоятельств, среди которых приходится человеку жить и работать. Очень важно заметить, что по вопросу о происхождении этих различных элементов личности он все же предостерегает от неправильного, по его мнению, заключения, будто эндо-элементы решительно все и целиком являются прирожденными и наследуемыми, а экзо-элементы всецело сводятся к отпечатку, накладываемому на человека воспитанием и средой. Такое положение он считает, правда, преобладающим, но вместе с тем говорит, что часто бывают случаи, когда воспитание и внешние условия содействуют усилению и дальнейшему развитию таких эндокачеств, которые без этих внешних факторов не могли бы выявиться. С другой стороны, всякий экзо-комплекс имеет в основе и, следовательно, предполагает достаточное развитие соответствующих ему эндо-элементов; так, в приведенном примере «богемы» этими эндо-элементами являются общительность, склонность к чувственным наслаждениям, беспорядочность поступков и т. п. В этом последнем случае определенный примат экзо-фактора сказывается, по Лазурскому, в том, «что сочетание этих элементарных психических свойств определяется не их внутренней, органической связью, а посторонними, вне человека находящимися условиями» [1]).

Неправильно было бы думать, говорит Лазурский далее, что экзо-сторона личности является чем-то внешним и поверхностным, некоторым налетом на основном ее стержне, который легко меняется вместе с переменой внешних условий существования. Некоторые экзо-проявления (например, привычка или непривычка к труду, отношение к собственности, социальные взгляды, миросозерцание и т. п.), будучи раз выработаны и усвоены человеком, могут впоследствии оказаться столь же прочными, как и различные его эндо-черты, оставаясь неизменными до конца жизни, хотя внешние условия, вся среда, окружающая человека, может быть, радикально изменились [2]).

Отношение между личностью и окружающей ее средой, а вследствие этого между эндо- и экзо-психикой играет в теории Лазурского очень важную и ответственную роль.

---

[1]) Классификация личностей, стр. 17.
[2]) Ibid.

Это отношение может быть различным в зависимости от разных условий. Прежде всего, оно зависит от внутренней силы самой личности, которая, в свою очередь, определяется тем фондом нервно-психической энергии, которым каждая личность обладает в большем или меньшем размере. Благодаря различиям в размерах этого фонда образуются личности различных у р о в н е й развития, при чем каждый уровень характеризуется, по Лазурскому, определенным комплексом признаков, отличающих его от всех остальных. В ряду этих признаков одним из важнейших как раз и является характер отношения личностей каждого уровня к окружающей их среде. На низшем уровне среда подчиняет себе личность, часто подавляет ее естественные слабые задатки и формирует человека, которого в общем можно охарактеризовать, как недостаточно приспособленного к условиям окружающей жизни. На среднем уровне эта способность противостоять среде, ориентироваться в ней и приноровиться к ней так, как это соответствует собственным интересам и склонностям, возрастает. «Более сознательные, обладающие большей работоспособностью и инициативой, они (люди этого порядка) выбирают себе род занятий, соответствующий их склонностям и задаткам, работают продуктивно и с интересом и, в конце концов, будучи полезны обществу, успевают в то же время и себе обеспечить не только материальное благосостояние, но и некоторый комфорт, физический и духовный. Их можно назвать поэтому п р и с п о с о б и в ш и м и с я» [1]). Высший уровень характеризуется, как важнейшим своим признаком, моментом т в о р ч е с т в а. В каких бы областях ни проявлялась личность этого уровня, в духовной или материальной, в области науки, искусства или практической жизни и т. п., — всюду она не довольствуется одним приспособлением к тому, что есть, но и стремится внести в жизнь что-то свое, новое и оригинальное, стремится воздействовать на среду, как бы ее приспособляя к себе. В отличие от остальных, но идя по той же самой линии, Лазурский называет людей высшего уровня п р и с п о с о б л я ю щ и м и. Таким образом, разница этих отношений определяется, главным образом, самой личностью, ее внутренними возможностями.

Но отношение личности к среде может зависеть и от других причин. Лазурский считает, что между внутренними свойствами личности и свойствами окружающей его среды, т.-е. в конечном счете между его эндо- и экзо-психикой может быть различная степень соответствия или несоответствия. В одних случаях вся окружающая человека среда идет как бы навстречу

[1]) Классификация личностей, стр. 27.

его внутренним склонностям и задаткам; между тем и другим устанавливается полная гармония; как рыба в воду, человек попадает тогда в свою стихию, благодаря чему и развивает все свои возможности до высшего предела. В других случаях этого соответствия и этой гармонии нет; человек попадает в такие условия, в которых его внутренние силы, его наиболее сильные стороны не находят удовлетворения. Создается конфликт между средой и личностью, результаты которого всегда отрицательны для той и другой стороны. В условиях такого конфликта личность и з в р а щ а е т с я, что конкретно может проявляться различным образом. Обычной схемой извращения Лазурский считает следующую. Человек, взрослый или даже развивающийся, но уже с более или менее сформировавшейся эндо-психикой, попадает в условия, не соответствующие его внутреннему складу. Например, художественно одаренная натура или мыслители-теоретики в поисках средств к существованию вынуждены браться за какое-нибудь практическое дело или с утра до вечера каждый день бегать по урокам, наспех и ремесленно выполнять заказы, нисколько их не интересующие, и т. д.; или тот же тип волею судеб делается администратором, становится во главе крупного промышленного предприятия и т. п. Во всех этих случаях имеется почва для конфликта между личностью и окружающей ее средой. В человеке неизбежно образуются два центра, вокруг которых личность расщепляется. То, чем она сильна, не получает выхода и пищи для развития, в конце концов глохнет и хиреет. То, чем она стремится быть, ни на что не опирается и потому также не достигается. В результате общая ценность личности, как биологическая, так и социальная, значительно и неизбежно понижается. Но мало того. Очень часто в таких случаях, говорит Лазурский, внутренние силы личности, заглушенные и придавленные внешними условиями, тем не менее не уничтожаются вовсе, а продолжают жить и дают знать о себе, принимая, однако, в своем развитии извращенные формы. Дело оканчивается нередко тем или иным преступлением или же различного рода неврозами и психическими расстройствами и т. п. Здесь мы должны подчеркнуть, как особо важное, то обстоятельство, что сам Лазурский отмечает в этом пункте своего учения об извращенных типах связь его с Freud'овской школой, в особенности со взглядами Adler'a и его последователей. Freud и его школа, как известно, прямо указывают на извращенное проявление естественных потребностей человека, как на причину целого ряда различных неврозов. Но к этому нам придется обратиться еще раз ниже. Калеча и извращая личность, неблагоприятная среда в таких случаях обычно всегда восстанавливает

эту личность против себя. «Как бы ни извратилась,—говорит Лазурский,—природа человека, какие бы искусственные радости и цели жизни, нормы и правила поведения ни создал он себе (вспомним хотя бы своеобразные понятия о чести и достоинстве у воров, проституток и т. п.), все же где-то там, в глубине души живет сознание того, что жизнь испорчена, и что виновен в этом не только сам человек, но и, главным образом, окружающая его среда, люди, общество. И естественное сочувствие к людям постепенно угасает в человеке, сменяясь или раздражительной озлобленностью, или же тупой апатией, или, наконец, циничным равнодушием ко всему на свете, кроме своих собственных, большей частью грубо-чувственных интересов» [1]).

С явлениями извращения мы встречаемся на всех трех уровнях, не исключая и высшего. Если вспомнить, что на высшем уровне личность, согласно выше сказанному, подчиняет себе среду, переделывает ее по своему, то, очевидно, факты извращения личностей высшего уровня вносят в это положение известное ограничение и делают его значение относительным. Очевидно, каждую личность среда ставит в строго определенные рамки, питает своим содержанием и накладывает на каждую личность свою печать. Разница в уровнях есть разница в степени интенсивности взаимоотношений личности со средой, но не больше. Все изложенные основные положения своей характерологии Лазурский имеет в виду при построении «классификации личностей», стремясь отразить их в ней в полной мере и соответственным образом. Классификация является для него заключительным этапом характерологического исследования и целью этого последнего. Считая, что большинство попыток в этом направлении обычно страдает оторванностью от жизни, чрезмерной отвлеченностью и схематизмом, Лазурский стремится в своей «Классификации» устранить все эти недостатки, полагая, что положенные в ее основу принципы открывают перед ним такую возможность. «Идеальной классификацией», говорит он, «должна считаться такая, которая в каждом из своих типов давала бы не только субъективные особенности данного человека, но также его мировоззрение и социальную физиономию, — поскольку, конечно, они стоят в связи с его характером; другими словами, классификация личностей должна быть не только психологической, но и психосоциальной в широком смысле этого слова» [2]). Свою собственную классификацию он считает шагом именно в этом направлении.

---

[1]) Классификация личностей, стр. 42.
[2]) Там же, стр. 12.

II.

Самым удивительным обстоятельством в современном учении о личности является то, что оно в наши дни, повидимому, прочно и уверенно подходит к тем положениям, которые были исходными для него в глубокой древности. Как известно, отец греческой медицины, Гиппократ, является основателем учения о темпераментах. Находясь под влиянием натур-философии своего времени, он полагал, что в основе всего мироздания лежат четыре главных элемента: земля, вода, огонь и воздух, обусловливающие собой четыре главных свойства всех вещей, включая и человеческое тело, — твердость, жидкость, тепло и холод. Его школа, по аналогии с этим, учила, что в основе нашего организма находятся четыре главных жидкости или сока: кровь, флегма или слизь, черная желчь и желтая желчь. Преобладание в организме одного из этих соков, по воззрениям того времени, определяет особенности четырех главных темпераментов, наблюдаемых среди людей. Позднее Аристотель усматривал истинную причину различных темпераментов не в преобладании того или иного сока, а в колебаниях состава важнейшего из этих соков — крови. Он различал густую кровь, обильную твердыми или земляными частицами, и жидкую, водянистую кровь. Жидкая кровь— всегда холодная кровь и предрасполагает к страху; густая же кровь, богатая плотными частицами, отличается теплотой и предрасполагает к гневу. Это учение о темпераментах находилось тогда в тесной связи с медициной. При описании отдельных темпераментов речь больше шла о вопросах чисто медицинского характера. Какая пища и напитки более подходят для того и другого темперамента? К каким болезням предрасполагает каждый темперамент? и т. д. Главная причина болезней усматривалась в порче соков тела или в чрезмерном преобладании какого-нибудь одного из них. Те же соки считались носителями и различных свойств темпераментов. Другими словами, физиология и патология того далекого времени были гуморальны по своему содержанию и отправным точкам зрения. Эта экскурсия в древнюю науку не имела бы никакого смысла, если бы она не открывала нам ничего такого, что имело бы отношение к современности. Надо обратиться к работам самого последнего времени в этой области, чтобы видеть, что воззрения древних находятся, пусть в отдаленной, но все же в родственной связи с развивающимися на наших глазах воззрениями. Смысл совершающегося научного прогресса заключается в том, что под ударами фактов и новых исследова-

ний нервная система лишается своих монопольных прав на нашу психику, которыми она владела столь продолжительное время. Учение о внутренней секреции составляет одну из самых интереснейших глав современной физиологии и как раз ту из них, которая уже теперь довольно определенно обещает в ближайшем будущем расширить и пополнить наши представления, касающиеся базиса нашей психологии. Значительное количество клинических данных, представляющих неоспоримый эмпирический материал, утверждает нас в настоящее время в уверенности, что эндокринная система имеет существенное влияние на психику, особенно на качества темперамента. Врачебные наблюдения, установленные в отношении щитовидной железы при кретинизме, микседеме, базедовой болезни; эксперименты с кастрацией в отношении половой железы, клинический материал из патологии шишковидной железы и многие другие аналогичные данные составляют основу совершающихся перемен в наших воззрениях на личность. Приведем один лишь характерный пример для уяснения важного значения этих желез для развития всего нашего организма в целом и его нервнопсихической сферы, — в частности. Известно такое явление: дети трех-пяти-семи лет вдруг начинают очень быстро расти и развиваться во всех отношениях несоответственно своему возрасту. В семь-восемь лет такие дети выглядят, как пятнадцати-шестнадцатилетние: они крупны, в умственном отношении развиты соответственно этому последнему возрасту, у них наблюдаются определенные феномены полового созревания, у девочек развиты грудные железы, у мальчиков появляются усы и борода. При изучении подобных случаев преждевременного развития оказывается, что эти дети одержимы заболеваниями шишковидной железы (маленькая железка, расположенная в мозгу, в 4 желудочке — Gl. pinealis, s. Epiphisis cerebri): у них констатировали или тератомы или даже злокачественные новообразования данной железы. При этом удаление опухоли оперативным путем, если операция не запоздала, приводит организм ребенка в состояние, соответственное его действительному возрасту [1]). Смысл этих фактов становится понятным, если уяснить физиологическое значение шишковидной железы. Клинические наблюдения и экспериментальные данные говорят о том, что эта железа, нормально-функционирующая до семи-

[1]) См. об этом: проф. Н. А. Белов, «Личность и внешность», изд. «Начатки Знаний», стр. 7 и след. Его-же, «Физиология типов», Орел, 1924. Глава I. Проф. Г. Перец, Введение в клинику внутренней секреции, Госиздат Украины, 1924. Глава III.

летнего возраста, а затем подвергающаяся атрофии, энергично влияет на развитие организма вообще и на половое развитие в особенности. Установлено, что раннее удаление шишковидной железы ускоряет половое развитие, тогда как ее повышенное развитие и функционирование усиливает рост, ускоряет соматическое и нервно-психическое развитие организма и одновременно тормозит его половое развитие. В соответствии с этим в отношении отмеченных изменений в детском организме рисуется такая картина: первоначально развивающаяся опухоль усиливает секреторную деятельность железы, что и дает усиление роста и ускорение соматического и нервно-психического развития ребенка; затем, когда разросшаяся опухоль при больших ее размерах начинает тормозить секреторную деятельность железы, возникает процесс ускоренного полового дозревания. В этих случаях мы должны особенно подчеркнуть то, что вместе и одновременно с чисто внешними изменениями в организме происходит процесс преобразования всей структуры личности. Многие авторы, описывавшие таких преждевременно развитых детей, отмечают, что и в отношении своего умственного облика и по своему эмоциональному складу эти дети приближаются к типу взрослых людей; у девочек развивается специфическая женская кокетливость, мальчики начинают «ухаживать» за девушками.

Патологические данные, вроде приведенных естественно вызывают мысль, что и в нормальной организации человека те же самые отношения между эндокринной системой и всем остальным организмом имеют место. Патология лишь с особой наглядностью обнажает эти отношения, привлекает к ним наше внимание, не изменяя, однако, их нормальной сущности. Повидимому, для всех современных авторов, работающих в данной области, это ясно. Так, проф. Н. А. Белов, разобрав соответствующий клинический материал, на основе его затем переходит к исследованию аналогичных особенностей, не выходящих за пределы нормы, оперируя при этом уже не клиническим, а просто жизненным материалом [1]). Или вот что мы имеем по этому же вопросу у другого автора [2]): «Напрашивается мысль, что нормальные типы темпераментов . . . в своей эмпирической корреляции со строением тела могут возникать аналогичным, параллельным гуморальным действием (аналогия с патологическими изменениями темпераментов. М. Б.). При этом мы не должны думать односторонне о кровяных железах в узком смысле, но о всем химизме крови, который вообще обусловливается большими внутренними железами

[1]) Ук. соч.
[2]) Кречмер, «Строение тела и характер», Госиздат, 1924, стр. 276.

и, в конце концов, каждой тканью тела. Мы вместо одностороннего параллелизма: мозг и душа, выставим сознательно и уже окончательно другой: тело и душа, — метод мышления, который все больше и больше вкореняется в клинике». Прочтя эти строки, не знаешь, чему больше удивляться — уму ли древних, в частности Аристотеля, прихотливости ли пути научной мысли.

Таким образом, весьма правдоподобным, эмпирически устанавливаемым является в настоящее время положение, что темпераменты обусловлены гуморально химизмом крови. Телесным субстратом их является аппарат мозга и желез. Значение мозга в определении свойств темперамента, в свете этих новых данных, заключается в том, что он всегда и во всех явлениях, имеющих отношение к темпераменту, хотя бы они и были обусловлены химизмом крови, является все же заключительным органом всего процесса в целом. Экспериментальные наблюдения над травмами мозга показывают, что непосредственное воздействие на мозг может оказывать сильное влияние на темперамент человека. В какой мере, вместе со свойствами заключительного органа, мозг обладает еще и первичными, активными функциями в определении свойств темперамента; что из различных психических проявлений должно быть отнесено непосредственно за счет анатомических мозговых аппаратов и что — за счет лишь перевключений этих аппаратов в цепь других, — пока это не совсем ясно.

Психологическое содержание темпераментов составляется из различных элементов. Кречмер, на основании эмпирических данных, считает установленным влияние темперамента на следующие стороны личности: 1) на психэстезию, т.-е. на степень чувствительности по отношению к раздражениям; 2) на окраску настроения, — оттенок удовольствия и неудовольствия во всех переживаниях, прежде всего на скалу веселого или печального; 3) на психический темп, т.-е. на скорость течения психических процессов вообще и на их специальный ритм; 4) на психомоторную сферу, а именно на общий темп движений и на специальный характер движений (параличный, быстрый, стройный, мягкий, закругленный) [1]).

Таким образом, эндокринная система оказывает влияние на весь организм в целом, и на структуру, и на жизнедеятельность его. Однако, имеющиеся здесь и отчасти вскрытые выше отношения осложняются тем, что называется «врожденностью», и «конституцией». Два человека могут принадлежать к одному и тому

[1]) Ук. соч., стр. 273 и след.

же, — если можно так выразиться,—эндокринному типу, но если один из них японец, а другой патагонец или огнеземелец, то первый при гигантском росте все же будет ниже среднего экземпляра второй категории. Гуморальный фактор перекрещивается здесь с фактором иного порядка, который и объемлется общим понятием «конституции». Под конституцией обычно понимается сумма всех индивидуальных свойств организма, покоящихся на наследственности. Очевидно, этим понятием объемлются и индивидуальные свойства эндокринной системы, которые также могут быть наследуемыми, но наряду с тем они могут образовываться и под влиянием прижизненных условий, особенно в эмбриональном периоде и даже в первые дни младенчества (Белов). К числу главнейших конституциональных факторов относятся строение тела, предрасположения личности в ее здоровом состоянии и характер соматической и психической заболеваемости. В какие органические взаимоотношения эти факторы могут вступать между собой, с большой наглядностью показывает Кречмер в своем замечательном труде «Строение тела и характер». Его основные положения сводятся к следующему.

В отношении строения тела автор, на основании обширных эмпирических исследований и наблюдений в клинике и в жизни, устанавливает три главных типа, имеющих постоянный и устойчивый характер — астенический, атлетический и пикнический. Наряду с этими главными типами различаются небольшие группы, объединяемые под общим названием диспластических специальных типов; они представляют собой сильные уклонения от среднего типа и обнаруживают тесную морфологическую связь с специфическими явлениями в области внутренней секреции. На них мы останавливаться не будем. Каждый тип обладает своими характерными чертами, которые пронизывают собой решительно все поры телесной организации человека. Все отмеченные типы встречаются как среди мужчин, так и среди женщин, но, как говорит Кречмер, при более слабой морфологической дифференцировке женского тела, яркие картины типа у женщин бывают гораздо реже. Характеристика типа начинается с установления размеров тела и всех его частей, которые для каждого типа являются одним из его существенных признаков. Чтобы не вдаваться, однако, в большие подробности, ограничимся наиболее важными моментами.

Habitus мужского астеника заключается, главным образом, в слабом росте в толщину при среднем неуменьшенном росте в длину. Это

отношение проходит чрез все части тела—лицо, шею, туловище, кости, сосудистую систему, — и чрез все формы тканей, — кожу, жировую ткань, мышцы, кости и т. д. В наиболее резко выраженных случаях получается такая картина: худой, тонкий человек, кажущийся выше, чем есть на самом деле, с бедной соками и кровью кожей, с узкими плечами, с сухими тонкомышечными руками, с тонкокостными кистями, с длинной, узкой, плоской грудной клеткой, на которой можно пересчитать ребра, с острым реберным углом, с тонким, лишенным жира, животом, с такими же руками и ногами. Очень резко выступает у мужчин отставание веса тела от длины его и объема груди от объема бедер (стр. 35). Характерными особенностями отличается лицо астеника. Во всей совокупности этих особенностей резко выступает несоответствие между длинным носом и небольшой нижней челюстью в профиле. Возникает форма профиля, называемая угловым профилем. Нос у таких лиц обычно узкий, тонкий, заостренный и длинный, кончик не вздернут, но несколько вытянут, стенка носа прямая, или несколько изогнута. С фронтальной стороны астеническое лицо в резко выраженных случаях имеет характерную форму укороченного яйца, при чем контуры нижней челюсти книзу, от ушей неожиданно быстро сливаются с кончиком подбородка (стр. 58 и след.). В процессе развития астенический тип остается довольно постоянным. По этому вопросу Кречмер говорит так: «Уже в детском возрасте эти люди бывают слабыми и нежными; в периоде созревания они быстро растут и вытягиваются; в периоде зрелости и старости они не обнаруживают ни малейшей склонности к правильному накоплению жира и развитию мышц... Черты лица приобретают лишь на 18-м году свои характерные формы» (стр. 36). Наконец, у части астеников, как важный биологический признак, отмечается преждевременное постарение.

Атлетический тип у мужчин характеризуется сильным развитием скелета, мускулатуры и кожи. Общий облик красивых экземпляров этого рода, по Кречмеру, таков. Среднего или высокого роста мужчина особенно широкими и выступающими плечами, статной грудной клеткой, упругим животом, с формой туловища, уменьшающегося к низу, так что таз и все еще статные ноги, по сравнению с верхними частями тела и особенно плечевым поясом, кажутся иногда тонкими. Плотная высокая голова прямо держится на свободной шее. Над линиями и очертаниями тела отчетливо вырисовывается мускульный рельеф.

Костный рельеф особенно резко выступает в чертах лица. Рост тела в общем выше среднего (стр. 38 и сл.). Атлетические формы лица не так характерны, как лица астеников. Формы профиля дают мало характерного, — преобладают тупоносые с грубыми костями, с высоким подбородком и слабым изгибом профиля. Чисто атлетические лица очень высоки, особенно средняя часть может достигать значительной высоты. Фронтальное очертание лица определяется указанными особенностями профиля: при большом диаметре в высоту возникает вытянутая форма яйца, при чем подбородок сдвинут книзу, и контуры челюсти круто поднимаются к уху. В общем получается впечатление высокой, плотной головы (стр. 64 и сл.). О развитии атлетического типа Кречмер говорит следующее: «Развитие атлетического типа в различных возрастах дает мало любопытного. В нашем материале он ясно выступает уже в периоде созревания, приблизительно с 18 лет, с полным развитием головы; после 25 лет он становится более пластичным и четким. В 50-летнем возрасте я его могу установить еще в нескольких случаях. В более позднем возрасте, на шестом десятке, я не имею в своем распоряжении ни одного экземпляра, что объясняется случайностью, так как атлетическая группа гораздо меньше астенической, считая мужчин и женщин вместе, и охватывает лишь около 30 случаев. Нельзя предположить, что этот выраженный тип в более позднем возрасте столь быстро стушевывается, что его нельзя распознать, по крайней мере, по голове и строению скелета» (стр. 40).

Пикнический тип в среднем возрасте характеризуется сильным развитием внутренних полостей тела (головы, груди, живота) и склонностью торса к ожирению при нежной структуре двигательного аппарата (плечевого пояса и конечностей).

Общее впечатление в хорошо выраженных случаях характерно: среднего роста плотная фигура с мягким широким лицом на короткой массивной шее, основательный жирный живот. Члены отличаются мягкостью, округлостью, рельеф мышц и костей выражен слабо; руки мягки, коротки и широки. Плечи не выступают широко, как у атлетиков, но круглы, несколько приподняты и сдвинуты вперед. Особенно интересной у пикников является пропорция груди, плеч и шеи. Если атлетическое туловище кажется прежде всего широким, то пикническое прежде всего кажется глубоким; если там трофический акцент лежит на плечевом поясе и концах конечностей, то здесь он лежит

в центре туловища, на бочкообразно расширяющейся книзу грудной клетке и на обильном жиром животе. Конечности в среднем скорее коротки, чем длинны. Пикники склонны к ожирению, при чем в отличие от некоторых диспластических групп, склонность эта держится в умеренных границах и проявляется прежде всего в ожирении торса. Кожа не дрябла, как у астеников; не упруга, как у атлетиков, но мягка и хорошо облегает тело. Рост пикников средний. Вес, благодаря отложению жира, превышает рост (стр. 44 и сл.).

Лицо пикнического типа в выраженных случаях характерно. Оно имеет тенденцию к ширине, мягкости и закругленности. Над ним большой, круглый, широкий и глубокий, но не очень высокий череп. Жировой слой на лице обилен, он концентрируется особенно у пожилых людей, на боковых нижних частях щек перед углом челюсти и в подбородочной области. При этом рисунок характерных частей лица, лба, носа, скуловой кости, подбородка вовсе не стирается и потому среди пожилых пикников встречаются нередко очень красивые, энергичные и выразительные лица. Профили пикников слабо изогнуты, не высоки, в деталях контуров носа, губ и подбородка отчетливые, но нерезки и не выступают вперед. Фронтальные очертания варьируют вокруг основной формы плоского пятиугольника. Нос средней величины с прямой или вогнутой спинкой, на корне ясно обрублен, скорее широкий, но не приплюснутый, кончик носа мясистый, толстый, не вздернут и не вытянут, ноздри широко развернуты. Глаза малы и глубоки. Лоб красивый, широкий, выпуклый (стр. 68 — 72). О развитии этого типа отметим следующее замечание Кречмера: «Морфологические различия у пикников между отдельными возрастами значительно больше, чем при других типах. Пикнический тип приобретает свою характерную форму в более зрелом возрасте, между 30—40 годами, и после 60 лет стирается» (стр. 48).

В жизни, наряду с описанными чистыми типами и помимо специальных диспластических разновидностей, существуют смешанные типы, образующиеся, очевидно, путем скрещивания различных типических признаков. Так, например, нередко образуются варианты и комбинации астенического типа с атлетическим, когда одновременно выступают характерные признаки того и другого типа (например, узкая грудная клетка с крепкими конечностями, или средний тип жилистостройной фигуры, характеризующийся грациозной худощавостью и крепкими мышцами).

Тип строения тела является основным конституциональным фактором. Однако, это не исключает возможности экзогенных влияний на строение тела. Прежде всего хронические экзогенные заболевания, как, например, lues и туберкулез, в некоторых случаях могут до неузнаваемости изменить конституциональную картину тела. Наряду с этим влияния питания и работы признаются, как важнейшие экзогенные факторы, оказывающие то или иное действие на строение тела. Кречмер, однако, полагает, что «в общем эти моменты скорее переоцениваются обывателями и невдумчивыми врачами. Если кто-нибудь становится бледным и худым, то он, должно быть, вел сидячий образ жизни; если он становится толстым, то говорят то же самое. Если жена крестьянина имеет цветущее лицо и крепкие мышцы, то это происходит «от здоровой деревенской жизни»; если она начинает худеть, значит она измучила себя тяжелой работой. Двое постоянно сидят друг возле друга в трактире: один становится все толще и толще — это производит обильное количество пива; другой все худеет и худеет, так как он недостаточно пил молока» (стр. 132). Кречмер стоит на той точке зрения, что все эти моменты, конечно, имеют значение, но лишь добавочное и вспомогательное; они становятся господствующими только в крайних случаях, когда они выражены в чрезвычайно резкой степени. «Если мы будем кормить пикника капустой и свеклой, то и он сделается худым; если мы заставим стройного атлетика есть с утра до вечера и пить мюнхенское пиво, то и он приобретет корпулентную внешность. Бедная крестьянка, которая ежегодно рожает детей и должна непрерывно работать, кажется увядшей и истощенной, хотя она раньше была цветущей девушкой»... Все эти наблюдения Кречмер считает правильными, но вместе с тем утверждает, что в пределах естественно-гигиенических условий экзогенные влияния такого рода не могут стереть совсем конституциональной основы и иллюстрирует это положение материалом, которым, очевидно, так богата современная голодающая Германия.

Приведенные характеристики главнейших типов строения тела важны для нас не сами по себе, а лишь, как один из конституциональных факторов, с которым в определенной корреляции находятся другие такие же факторы, в частности, наиболее интересующие нас психологические свойства нормальной личности. К уяснению этих корреляций Кречмер подошел путем изучения материала психиатрической клиники. К числу важнейших достижений современной медицины относится установленное Крепелином деление психозов на два основных вида: маниакально-депрессивный (или цирку-

лярный) и шизофрения (dementia praecox). Изучая эти формы расстройств в клинике, Кречмер и пришел прежде всего к заключению, что между типом строения тела и той или другой формой заболевания имеется определенная корреляция. Подвергнув тщательному антропологическому обследованию своих пациентов, страдающих обеими формами психозов, и установив типические черты в строении их тела, он пришел к определенному результату, характеризующему распределение психозов между представителями различных типов. Этот результат выражается следующей таблицей.

Распределение типов строения тела по группам циркулярной и шизофренической.

	Циркулярный.	Шизофренический.
Астенический	4	81
Атлетический	3	31
Атлетич.-астенич.-смешанный . .	2	11
Пикнический	58	2
Пикнические смешанные формы.	14	3

Картину, которую раскрывает эта таблица, Кречмер считает биологически крайне важной. Ее смысл он формулирует в следующих трех основных положениях.

1. Между психическим предрасположением к маниакально-депрессивным заболеваниям и пикническим строением тела существует ясное биологическое родство.

2. Между психическим предрасположением к шизофрении и строением тела астеников и атлетиков существует ясное биологическое родство.

3. Напротив, существует незначительное родство между шизофренией и пикническим типом строения тела, с одной стороны, и между циркулярным психозом и астенически-атлетическим типом строения тела—с другой (стр. 59).

Но, разобравшись таким образом в клиническом материале, Кречмер затем переносит свой взор за пределы клиники, в многообразие жизненных типов, в среду исторических личностей. Границы между болезнью и здоровьем тогда все больше и больше расплываются, циркулярный тип болезни постепенно переходит в циклоидную форму личности, занимающую промежуточное положение между здоровьем и болезнью, а эта

в свою очередь с такой же незаметностью переходит в нормальную циклотимическую личность. С другой стороны, можно сказать, что шизофреники рекрутируются из промежуточного слоя шизоидных личностей, а за этими стоят нормальные шизотимики.

Психологические характерные признаки нормальной личности того или другого типа в состоянии соответствующего психоза или в том промежуточном состоянии, какое занимают циклоидные и шизоидные индивидуумы, заостряются до крайней степени и с наибольшей наглядностью выявляются в их специфической сущности. Минуя описание самых психозов, мы вкратце остановимся на психологических характеристиках циклоидов и циклотимиков, с одной стороны, шизоидов и шизотимиков — с другой, как на более близких и важных с точки зрения характерологии.

Согласно сказанному выше, циклоиды составляют переходную ступень к циркулярному или маниакально-депрессивному психозу. Как наиболее характерное и для этого психоза и для предшествующих ему состояний, выступает явление колебания нервно-психического состояния человека между двумя полюсами маниакальной приподнятости настроения и тяжелой депрессии, угнетения. Эти две фазы, в сущности, составляют органические части одного целого, но нередко они расщепляются или одна преобладает над другой, и тогда мы имеем людей односторонне депрессивных, т.-е. таких, у которых печальное настроение постоянно стоит на первом плане, или односторонне маниакальных (гипоманиакальных), которые характеризуются преобладающей веселостью и вообще повышенностью настроения. То отношение, в котором в циклоидной личности сочетаются гипоманиакальные и мрачные черты темперамента, Кречмер называет диатетической пропорцией или пропорцией настроения. Из других психологических качеств циклоидных личностей отмечается их душевность или, ещё лучше, добродушие, являющееся чем-то общим для большинства этих натур при всем различии их настроений; это мягкий, теплый, добросердечный, естественно откликающийся на радости и горе темперамент. Циклоиды имеют свою, характерную для них социальную установку. Кречмер характеризует ее в следующих выражениях: «Они стремятся ближайшим естественным путем к тому, что приводит их душу в адэкватное движение, радует и облегчает ее: именно к общению с людьми. Всякий раздражитель настроения находит в них свой отклик, нет тормозящих моментов, не мешают заранее готовые мнения. Они могут в настроении момента слиться со средой, тотчас же принять участие и свыкнуться со всем. Каждая

мелочь, каждый предмет окрашивается их теплым чувственным тоном. «С благодарностью и любовью» относятся они к жизни. Конечно, только вне депрессивных настроений. Поэтому средний циклоид в своем обычном состоянии «общителен, человеколюбив, реалистичен и легко приспособляется к окружающему...» Циклоиды не являются людьми строгой последовательности, продуманной системы и схемы... Настроение — это все, размышление не играет здесь никакой роли. Поэтому мы встречаем у циклоидов много радости в работе, текучей практической энергии, но у них нет твердой, непреклонной, решительной энергии известных шизоидных темпераментов. Лишь в редких случаях мы встречаем у циклоидов сильное честолюбие» (стр. 154 и сл.). Не будем останавливаться на особенностях психического темпа и психомоторной сферы циклоидов, которые также характерны для них.

Циклоидные личности, как было сказано, составляют переходную ступень от явной болезни к нормальному здоровью. От них лежит путь, следовательно, в среду совершенно нормальных личностей, которые по характерным чертам своего психического склада родственны циклоидам и составляют основу для образования этих последних. Это циклотимические личности, представляющие собой определенный нормальный биологический тип, по отношению к которому циклоиды и все страдающие циркулярным психозом будут не чем иным, как уклонением от типа. Нам важно также не забывать, что все эти люди, представляющие как тип, так и его уклонения, обладают в огромном большинстве пикническим habitus'ом, который является одним из необходимых элементов их общей конституции. Рассматривая обширную массу циклотимиков, Кречмер прежде всего делит их на две группы, отличающиеся друг от друга по психическому уровню, если воспользоваться терминологией Лазурского: средние и гениальные циклотимики. Та и другая группа распадается на ряд более мелких групп, отличающихся друг от друга по содержанию, но в то же время имеющих общую циклотимическую основу. При всех различиях в подходе нельзя не отметить, что эта классификация напоминает собой во многом классификацию Лазурского: тот же принцип деления по уровням (только не до конца и как-то молча выявленный), те же деления по содержанию с формулами, близко напоминающими формулы Лазурского («энергичные практики», «болтливо-веселые», «беспечные любители жизни» и т. п.).

Шизоидные личности занимают промежуточную ступень, чрез которую лежит переход от шизотимического здоровья к шизофреническому психозу. Как у циклоидов,

у них есть тоже два полюса, между которыми они колеблются в развитии своих внутренних состояний; это полюсы чрезмерной чувствительности, аффективной раздражительности и полной нечувствительности, деревянной тупости. При этом у большинства шизоидов отмечается одновременно и состояние чрезмерной чувствительности (гиперэстезия) и состояние холодности и нечувствительности (анэстезия), но в различных отношениях у отдельных шизоидов. Ту комбинацию отношений, в которой гиперэстетические элементы переплетаются у отдельного шизоида с анэстетическими элементами, Кречмер называет психэстетической пропорцией. Биологическое начало, создающее шизофрению и шизоидную личность, заложено в конституцию индивидуума; в определенном периоде развития оно выступает на поверхность и затем развивается дальше. В тяжелых случаях порядок бывает такой: с самого раннего детства проявляются характерные черты шизоидной личности; в периоде полового созревания отсюда развивается шизофренический психоз, а после него остается специфическое слабоумие. Этот типичный ход может варьировать в отношении временных сроков. Характерна у шизоидов их социальная установка. Она обусловливается у них, как и у здоровых шизотимиков, их психэстетической пропорцией. Шизоидные люди, по Кречмеру, или абсолютно необщительны, или общительны избирательно, в узком замкнутом круге, или поверхностно-общительны без более глубокой внутренней связи с окружающим миром. «Бывают шизоидные люди, — говорит Кречмер, — относительно которых после десятилетней совместной жизни нельзя сказать, что мы их знаем. Робкая, кроткая, как ягненок, девушка служит в течение нескольких месяцев в городе; она послушна, нежна со всеми. Однажды утром находят троих детей убитыми в доме. Дом в пламени. Она не расстроена психически, она знает все. Улыбается без причины, когда признается в преступлении. Молодой человек бесцельно проводит свои молодые годы. Он так вял и неуклюж, что хочется растолкать его. Он падает, когда садится на лошадь. Он смущенно, несколько иронически улыбается. Ничего не говорит. В один прекрасный день появляется томик его стихотворений, с нежнейшим настроением; каждый толчок, полученный от проходящего неуклюжего мальчишки, перерабатывается во внутреннюю трагедию; ритм строго выдержан и отличается стильностью» (стр. 169 и сл.).

Эти характерные черты шизоидов Блейлер выражает общей формулой — жизнь в самом себе или аутизм. За шизоидами стоят шизотимики (астеники и атлетики по типу телесного строения)—средние и гениальные. Общая схема

здесь та же, что в классификации циклотимиков. В ряду разновидностей «средних» мы имеем здесь «тонкочувствующих аристократов», «чуждых миру идеалистов», «холодных властных натур и эгоистов», наконец, «сухих и паралличных». В ряду гениальных шизотимиков фигурируют у Кречмера такие имена, как Шиллер, Кант, Спиноза, Локк, Вольтер, Савонаролла, Робеспьер и др. При этом художники, ученые, народные вожди проявляют свои характерные шизотимические свойства каждый по-своему, в соответствии с специфическими особенностями сферы проявлений, но в то же время и в согласии с общим характером своего единого биологического типа. В циклотимическом ряду гениальных указанным шизотимикам противостоят Готфрид Келлер, Дарвин, Роберт Майер, Бунзен, Пастёр, А. Гумбольдт, Мирабо, Лютер и др. [1]).

Таковы общие контуры картины, грандиозной по охватываемому ею содержанию и замечательной по замыслу. Никоим образом нельзя было бы сказать, что все вопросы, которых касается Кречмер, решаются одинаково убедительно, что не возникает никаких недоумений, когда следишь за смелым ходом его мысли. Читая эту книгу, все время испытываешь ощущение, что собранного фактического материала, которым питается стройная теория, еле хватает, порой возникает боязнь, что вот одни концы теории не сойдутся с другими. Когда на недоуменный вопрос: неужели все разнообразие человеческих индивидуальностей можно уложить в два главных типа; почему не в один или не в три? — получается ответ, что это лишь начало, что дальше общими усилиями могут быть найдены и другие типы и подтипы, то это как-то не удовлетворяет; ответ скорее убеждает, что автор сам не до конца уверен в своей теории и оставляет на всякий случай выход к отступлению. Всякая клиника берет свой материал непосредственно из многообразия жизни; никакого предварительного подбора при этом не бывает. И если затем весь этот материал оценивается с определенной точки зрения, если эта оценка приводит к определенным выводам, то ясно, что говорить потом, будто к какой-то части того же материала разрешается кому угодно подходить и с другой какой-либо точки зрения, значит подрывать построенную теорию, может быть, в самом ее корне. Но объективно Кречмер прав: то, что дается, является началом дела, конец которого и неизвестно где и неизвестно каков будет; в новых идеях мы имеем сейчас не итог, а лишь первые слагаемые. И все же,

[1]) О соотношении между конституцией и психикой человека, см. также проф. М. Лифшиц, Учение о конституциях человека, Госиздат Украины, 1924. Глава XXIII.

несмотря на то, огромный шаг вперед, несомненно, сделан. На фоне характерологии Лазурского этот поступательный шаг вырисовывается с достаточной определенностью. Какое совпадение: оба — врачи, оба — психиатры и клиницисты, оба — характерологи, оба — наши современники. В историческом масштабе один опережает другого всего несколькими минутами, не больше. И все же большая разница. В личности у Кречмера видно больше единства, органичности, взаимной связанности составных элементов, чем в личности Лазурского, и это несмотря на все стремления последнего встать ближе к жизни, отрешившись от абстрактных схематических построений. Характеристики Лазурского, его описания различных типов, подтипов и многочисленных разновидностей — жизненны, вполне натуральны, многие читающие их узнают в них себя, как в зеркале. В этом отношении Кречмер неизмеримо более схематичен и сух. Можно смело сказать, что Лазурский, в обычном житейском смысле слова, лучше знал людей, чем Кречмер. Но когда он начинает производить анализ, когда спускается с поверхности к корням и первоистокам, когда говорит об эндо- и экзо-психике и о их взаимоотношениях, об отдельных наклонностях и о их «анатомо-физиологическом коррелате» на основе параллелистической теории,—иногда, вопреки его воле и желанию, начинается распад личности, до тех пор единой. Личность рвется на части не по линиям своих естественных швов, а по каким-то другим, произвольным. И в этом вся беда. Операции Кречмера в этом отношении, несомненно, удачнее. Его анализы не разрушают в такой степени личности, как единого целостного организма. В этом направлении, к монистическому взгляду на личность, как на единый организм, пойдет, несомненно, дальнейшее развитие нашей науки. Но что всего более делает работу Кречмера недостаточной, односторонней и однобокой, так это то, что он почти совершенно не учитывает значения социального фактора в организации личности. Если бы к человеку можно было подходить так, как каждый биолог подходит ко всякому другому организму, т.-е. элементарно-биологически, тогда Кречмер был бы принципиально безупречен. Но и вся беда в том,— на этом месте не раз спотыкались, — что одного такого подхода для человека мало. Человек есть не просто организм, но биосоциальный организм; его организация и его развитие определяются не только его биологической природой, выражающейся в его конституции, но и не меньше того (говорят даже, что больше того) его социальной природой. Как дальше будет видно, этот момент осложняет проблему личности в высшей степени. Кречмер, повидимому, и не подозревает об

этом. В этом отношении Лазурский стоит на более верном пути, поскольку вопросы о взаимоотношениях личности и среды, о гармонии и дисгармонии этих отношений, об извращенных и чистых типах относятся к числу главнейших во всей его теории. Когда он говорит, что «классификация личностей должна быть не только психологической (правильнее—биологической. М. Б.), но и психосоциальной (правильнее — био - социальной. М. Б.) в широком смысле этого слова», тогда он, несомненно, делает единственно правильный подход к вопросу. У Кречмера, как мы видели, личность тоже характеризуется со стороны ее «социальной установки», но эта последняя определяется у него всецело принадлежностью данной личности к тому или другому биологическому типу. Это-то и неверно. Извращения Лазурского характеризуются также своей, иногда очень ярко выраженной, в большинстве отрицательной социальной установкой, но мы знаем, что это есть всецело результат их конфликта с окружающей средой, главным образом, с социальной средой. Вопрос о личности, следовательно, надо ставить в гораздо более широкие рамки, чем это делают обычно биологи с своими другими объектами.

III.

Выше уже было отмечено, что Лазурский указывал на учение Freud'a, как на такое, которое в сложные вопросы о связи личности с окружающей средой может пролить некоторый свет. В настоящее время громадное значение этого учения для характерологии становится совершенно очевидным. С другой стороны, блестящие достижения современной физиологии в виде учения об условных рефлексах, во многом углубляя и проясняя истинную сущность явлений, изучаемых психо-аналитиками, несомненно, также должны в будущем оказать самое серьезное влияние на наши воззрения в вопросах о личности. Эти два участка развертывающейся на наших глазах научной работы более всего способны исправить однобокость элементарно-биологического подхода к личности, о чем говорилось только что. Материал, которым мы в этой области располагаем в настоящее время, с характерологической точки зрения не обладает пока еще полной определенностью. Здесь тоже можно сказать, что мы находимся лишь у истоков нового течения. Особо остро чувствуется недостаток серьезного, строго научного приложения нового физиологического метода исследования непосредственно к самому человеку, так как такие «приложения данных новой физиологии мозга к обыденной жизни», какие иногда делаются

на основании опытов с собаками, не всегда, очевидно, могут быть вполне удачными, равно как и чисто спекулятивные построения, хотя бы и на здоровой общей платформе, неспособны создать настоящей науки. Тем не менее, уже и теперь можно видеть, в каких общих направлениях упомянутая работа, производимая на двух участках научного фронта, может открывать перед нами новые перспективы в учении о личности. Центр тяжести интереса научных исследований в данных областях, с точки зрения характеролога, лежит в проблеме взаимоотношения эндогенного («конституция», наследственность) и экзогенного, по преимуществу социогенного (среда, воспитание) факторов в организации и развитии личности. Надежда на то, что столь старомодная проблема получит здесь некоторое освежение, подается как будто всей современной психотерапией и психоанализом в особенности. Оговариваемся, что тем экскурсиям в область характерологии, которые делаются самим Freud'ом и в духе его некоторыми из представителей его школы, мы не придаем большого значения. Как бы высоко ни оценивать научное значение общих принципов его учения, все же когда Freud начинает создавать индивидуальность и отдельные черты характера, исходя всего на всего из одной какой-нибудь «анальной эротики», тогда он говорит на языке чуждом нам. Мы согласны с проф. Ив. Ермаковым, что «время «переживаний» психоанализа, надо думать, закончилось, теперь настает время работы над ним и посильного применения тех его выводов, которые после проверки окажутся правильными» [1]); но именно потому и думаем, что «проверка» прежде всего и должна быть направлена в пункты подобных крайних односторонностей. Сейчас пока все картины, которыми иллюстрируются положения и принципы этой «характерологии», остаются непонятными и не вызывают никаких иных «переживаний», кроме недоумения.

Огромную ценность психоанализа для теории личности можно вернее выяснить, если взять главнейшие принципы его в их общем психофизиологическом значении, отрешившись от той узкой сексуалистической точки зрения, с которой сами психоаналитики обычно разрешают каждую частную проблему. Заслуживающую полного внимания попытку в этом направлении делает А. Б. Залкинд [2]). На ней мы и считаем необходимым остановиться. Исходным пунктом для всех построений и выводов и здесь, как и у Кречмера, является клиника, психопато-

[1]) См. S. Freud, E. Jones, Hattinberg, Sadger. «Психоанализ и учение о характерах, вып. V, предисловие проф. Ив. Дм. Ермакова, стр. 16. Государственное Издательство.

[2]) См. А. Б. Залкинд. «Очерки культуры революционного времени». Изд. «Работник просвещения», Москва, 1924 г.

логия. Как мы видели, Кречмер, изучив свой материал, пришел к заключению, что каждая личность является представителем определенного г е н о т и п а, которым определяются все составные элементы ее, как строение тела, нервно-психическая конструкция, склонность к определенного вида заболеваниям. Внешний фактор в виде разнообразных жизненных и социальных влияний здесь имеет, очевидно, второстепенное значение. Подобно тому, как тип строения тела только в самых крайних, а потому редких случаях может быть в корне нарушен экзогенными влияниями, в большинстве же случаев эти последние лишь слегка изменяют его поверхность, так, очевидно, и вся конституция в целом определяется в основном наследственно-органически. Данные психоанализа, дополненные вообще всей современной психотерапией, в общей психофизиологической интерпретации А. Б. Залкинда составляют весьма серьезный противовес этому взгляду. Первоначальным основанием для какого-то иного подхода к личности является уже самый факт существования в настоящее время такой отрасли медицины, как п с и х о т е р а п и я. Ведь о чем этот факт прежде всего говорит? Очевидно, о том, что некоторые заболевания, т.-е. некоторые расстройства нормального организма, могут быть излечиваемы, т.-е. нормальные соотношения в организме восстанавливаемы мерами «психического воздействия». Формой такого воздействия является в н у ш е н и е и с а м о в н у ш е н и е. Но должно быть ясно, что если какое-либо расстройство может быть устранено подобными способами, то аналогичным порядком оно может быть и вызвано. Можно сказать, что вся история психотерапии и шла к уяснению именно этого положения. Когда Д ю б у а, рассматривая самовнушение, как источник соответствующих расстройств, кладет затем в основу его такие явления, как легковерие человека, господство веры и чувствований над критическим анализом и интеллектом, и, как мер лечения, предлагает п е р е в о с п и т а н и е л и ч н о с т и на основе здорового миросозерцания; или когда М а р ц и н о в с к и й, другой психотерапевт, говорит, что причиной многих современных нервных расстройств является «д е з о р г а н и з а ц и я м и р о с о з е р ц а н и я» [1]), которое и следует прежде всего лечить; когда проф. А. Я р о ц к и й [2]) для здоровья прописывает «и д е а л и с т и ч е с к и й о п т и м и з м» и т. д., и т. д.,—тогда становится совершенно ясно, что из одной «конституции», как бы она важна ни была, личности понять нельзя. М е х а н и з м различных нервных расстройств такого «психо-

[1]) См. Marzinovski. «Нервность и миросозерцание», русск. перев.
[2]) Проф. А. Я р о ц к и й. «Идеализм, как физиологический фактор».

енного» порядка (психоневрозов) и раскрывается Freud'ом в его учении о психоанализе. Всякий психоневроз, по мысли Freud'а, возникает в результате несоответствия и конфликта личных естественных склонностей и влечений человека с внешними условиями воспитания и жизни, представляя из себя, таким образом, не что иное как извращенное проявление энергии человека. При этом Freud полагает, что источником таких влечений в личности является исключительно ее сексуальная энергия, но это не стоит в необходимой связи с имеющимся здесь принципом, и, в частности, А. Б. Залкинд также отвергает пансексуализм Freud'а, как односторонность, искажающую самый принцип. В соответствии с таким взглядом на сущность всякого психоневроза Freud конструирует и метод его лечения—метод психоанализа. Задача врача, психоаналитика, заключается в том, чтобы вскрыть истинную причину имеющегося расстройства, отыскав ее иногда в глубоком прошлом больного. Идя в глубь прошлого больного человека вместе с его воспоминаниями, шаг за шагом врач помогает ему вспоминать то, что считалось им окончательно забытым и что послужило исходной точкой патологического процесса. Таким путем отреагированная, высвобожденная энергия может быть направлена на рациональный путь ее использования, и больной благодаря этому оправляется от болезни. Здесь нет никакой необходимости излагать все положения учения Freud'а, столь широко распространенного в настоящее время. Важно понять, что раз уясненное таким путем соотношение между двумя моментами в жизни личности в условиях ее болезненного расстройства легко распространяется затем и на все другие моменты, не связанные непосредственно с заболеванием, благодаря чему раскрывается самый внутренний механизм взаимоотношений личности с окружающей ее средой. Очевидно, что не всякий конфликт и не всякий вытесненный с поверхности сознания аффект способен стать причиной невроза, но невроз дает нам возможность увидеть в особо выпуклой и отчетливой форме то, что в явлениях обыденной жизни не так резко бросается в глаза, хотя, тем не менее, всегда в них присутствует. Недаром и сам Freud впервые пришел к своей теории, работая над истерией.

Связь психоанализа с общей теорией личности А. Б. Залкинд устанавливает, интерпретируя его основные положения на основе общего понимания личности, как био-социального организма, в каждый момент своего бытия находящегося в определенной связи (в социальном контакте) с окружающей его средой. Эта «социально-контактная установка» личности, в силу разнообразных неблагоприятных условий, может принять нерациональный характер, невыгодный

для личности, что и будет означать конфликт ее со средой, в результате которого личность травматизируется и в той или иной степени страдает. Стоя на точке зрения «психофизиологического монизма», автор исправляет обычное понимание роли психического момента во всех подобных взаимоотношениях личности со средой. «Организм,—говорит он,—реагирует на то или иное неблагоприятное социально-контактное обстоятельство сразу, весь, всей своей установкой, в которой, конечно, нет особого места для представлений или чувствований, являющихся равноправными частностями все той же общей, единой установки. Внушая, убеждая, идеологически перевоспитывая, психотерапевт лишь рационализирует, улучшает эту неудачную социально-контактную установку, делая человека более приспособленным к социальным взаимоотношениям» [1]). Современное классовое общество, как это легко понять, по самой сущности своей организации содержит в себе множество разнообразных условий, способных всегда поставить отдельною личность в неблагоприятную для нее социально-контактную установку. Это должно явиться источником всяческих психоневротических страданий. Но мы должны помнить, что все эти страдания есть всецело продукт определенной социальной организации, что они устранимы вместе с изменением самой этой организации, на что и должно быть направлено наше внимание. В частности, подавляющее большинство детских психопатий с этой точки зрения рассматриваются, как явления социального порядка, борьба с которыми должна вестись также прежде всего путем радикальной реорганизации всей воспитывающей среды.

Самый механизм установки социального контакта и всех вообще взаимоотношений личности со средой А. Б. Залкинд пытается уяснить, положив в основу этих явлений понятие «условного рефлекса». Он исходит из того положения, что вся деятельность человеческого организма покоится на двух категориях явлений: 1) безусловных рефлексах, 2) условных рефлексах. И эти понятия в настоящее время достаточно хорошо известны, чтобы не останавливаться на их определении. Важно понять, в каком состоянии эти механизмы находятся у современного человека. Условные рефлексы составляют тот механизм, который лежит в основе прижизненного опыта организма. Очевидно, чем сложнее организм и чем сложнее и изменчивее среда, в которой он живет, тем богаче прижизненный опыт и, таким образом, ответственнее роль условных рефлексов. Наоборот, чем устойчивее среда, чем реже и незначительнее происходят ее изменения, тем беднее опыт такого организма, тем

[1]) Ук. соч., стр. 23.

больше вся жизнь его исчерпывается безусловными рефлексами. В соответствии с этим находится то, что во внечеловеческой части животного мира безусловные рефлексы имеют доминирующее значение и обладают чрезвычайной устойчивостью. Там взаимоотношения каждого организма со средой отличаются прочностью и стереотипностью, на протяжении ряда поколений они не знают перемен. Очевидно, это обстоятельство находится в прямой зависимости от того, что каждый такой животный организм определяется в своем бытии лишь «естественной природой», с которой он непосредственно связан и которая не знает, как правило, быстрых изменений. В ином положении находится человек. Но тут мы слово предоставим самому автору:

«С человеком обстоит сейчас иначе. Производственный прогресс ломает и коверкает окружающую так называемую естественную природу, подчиняя ее человеку. Человеческий организм, по мере освобождения себя от непосредственной власти естественной среды, все больше подпадает под влияние тех условий, которые развиваются вместе с ростом производительных сил. Все меньше зависит он от естественной природы (солнца, леса, реки и проч.), все глубже погружается он в усложняющуюся искусственную среду, созданную производством, в среду общественную. Рост индустриальной техники последнего столетия перекраивает заново всю установившуюся в период примитивного земледелия систему безусловных рефлексов человеческого организма. Люди пользуются конечностями, органами чувств, дышат и т. д. в современных городах, при современном типе борьбы за существование далеко не так, с сильно изменившимися приемами, в сравнении с тем, как это проделывалось их предками несколько столетий назад. Это меняет, конечно, и всю установку внутренних органов. Все так называемые «инстинкты», все так называемые «типические» законы пола, возраста, наследственности, все установившиеся некогда нормы основных функций (пищеварение, кровеобращение, дыхание, иннервация) претерпевают сейчас, под давлением гигантски усложняющегося производственно - общественного бытия, глубочайшие и достаточно быстро развертывающиеся метаморфозы. Некогда твердая, мощная система безусловных рефлексов человеческого организма, дававших право говорить о почти прочных законах человеческой физиологии, зашаталась раздробилась и начала расползаться по всем швам. Но окружающая общественно-производственная среда меняется сейчас с чрезвычайной быстротой, и человеческий организм не успевает задерживать устойчивую серию новых безусловных рефлексов, способных, как бронирующий фонд, переходить по наслед-

ству. Большинство вновь приобретенных сочетаний рефлексов оказываются легко разрываемыми и требующими беспрестанно все новых и поневоле пока хрупких поправок» (стр. 12).

Развивая эти мысли дальше, автор говорит о «классовой физиологии» и о том, какие выводы из всего этого должна сделать коммунистическая педагогика, называемая им «социагогикой». Заключение же таково: «Итак, человеческий организм далеко не столь тугоподвижен, как этого хочется реакционной биологии» (стр. 25).

Таким образом основная задача автора заключается в том, чтобы «тугоподвижности» человеческого организма, вытекающей из учения о наследственности и конституциях, противопоставить нечто обратное, способность к изменчивости и воспитуемости. Нечего и говорить, насколько эти перспективы заманчивы в настоящее время строительства новой жизни и нового общества, для которых нужны и новые люди. Если человек представляет из себя всегда лишь «цитату своих предков», по выражению Эммерсона, то педагогике нечего с ним делать. Правда, не только для нашей эпохи эти перспективы могут быть так заманчивы; вера в научную силу воспитания не раз окрыляла человеческие умы. Достаточно вспомнить одно имя Локка. Автор прав, указывая на то, что биологическое учение о наследственности в наше время иногда очень однобоко применяется к человеку, являясь источником реакционных заключений, как в отношении педагогики, так и общественной жизни в целом. Достаточно указать на ту борьбу, какая вокруг этого вопроса ведется в последнее время в Америке. Там, например, проф. Куттен, ректор Колгэтского университета, во вступительной речи своей провозглашает мнение, что демократизация избирательного права есть ошибка, а избирательное право взрослых—абсурд, потому что четверть свободных и независимых граждан Соединенных Штатов обладает мозгами, не способными понять значение права избирательного голоса [1]). Разумеется, столь нелепое «приложение данных биологии к обыденной жизни» там же находит себе и противодействие в лице проф. Бэглей, Вальтера Липпмана и др. Нельзя не согласиться с А. Б. Залкиндом, что учение Freud'a и учение об условных рефлексах могут предоставить наиболее сильное противоядие против подобных ядов учения о наследственности. «Учение Freud'a о комплексах и сублимации,—говорит автор,—властно расковывает фаталистическое представление о наследственности, приписывая огромное организующее (и дезорганизующее) влияние

[1]) См. об этом в «Педологическом Журнале», № 2, 1923, ст. В. А. «Новое освещение умственных тестов».

«непосредственному социальному опыту организма (в полном согласии с учением об условных рефлексах)»—стр. 58. Или в другом месте: «Ослабление у Фрейда примата наследственности, в сравнении с приобретенным социальным опытом (в согласии с учением об условных рефлексах), является плодотворнейшим методологическим преддверием для диалектического изучения биологической изменчивости человека и для построения оптимистической революционно-марксистской педагогики, в противовес господствующим статически - педологическим течениям, базирующимся целиком на реакционнейшей так называемой биогенетической теории и на учении о конституциях в биопатологии» (стр. 59).

Конечно, ошибкой было бы думать, что законы наследственности в отношении к человеку, таким образом, ниспровергаются совершенно и перед нами открываются ничем неограниченные возможности. Такого мнения, правда, автор и не высказывает. Можно лишь опасаться, что те положения, которые высказаны, при недостаточно критическом к ним отношении могут послужить источником таких уклонов мысли, которые способны будут привести к крайностям, противоположным указанным выше и в такой же мере неверным. Приведенные выше соображения автора о потрясении всех основ человеческой физиологии условиями современной жизни, несомненно, имеют за собой известные основания, но едва ли было бы правильно и целесообразно слишком переоценивать значение соответствующих явлений, как будто в организме нашем в самом деле произошла революция, аналогичная Октябрьской, и мы можем строить развивающегося человека действительно как нам хочется, не считаясь ни с какими законами его естественного развития. В предотвращение таких опасных выводов считаем уместным указать на некоторые соображения А. Б. Залкинда по тем же вопросам, высказанные несколько раньше, соображения, которые нам кажутся не вполне утратившими свое значение и в настоящее время. В связи с вопросом о роли наследственности в психоневротических заболеваниях и с теми спорами, которые были вызваны в свое время по этому вопросу школой Freud'а, автор в статье «К вопросу о факторах, сущности и терапии психоневрозов» [1]), говорит следующее: «Я потому лишь затрагиваю здесь этот избитый вопрос об общей наследственности, что в последние годы Stekel от имени Freud'овской школы единственным этиологическим моментом психоневроза признает душев-

[1]) См. журн. «Психотерапия», № 1, 1913.

ный конфликт, абсолютно отрицая при этом роль наследственности, забыв, вероятно, что сила, патогенная роль конфликта обусловлена, главным образом, не содержанием его, а степенью индивидуальной чувствительности больного. Таковая же наследственностью усугубляется. Одинаковый конфликт может убить больного А, и он же лишь коснется, не оставив следа на Б. Эмпирический закон гласит: повышенная чуткость психических реакций способствует назреванию конфликтов, т.-е. и психоневроза; чуткость же эта чаще всего дело наследственности». Разрешая, таким образом, в положительном смысле вопрос о роли общей наследственности в психоневротических расстройствах, в дальнейшем автор высказывает сомнение по поводу специальных, конституциональных предрасположений к тому или иному психоневрозу. По этому вопросу в той же статье говорится так: «Существует ли у них (психоневротиков М. Б.) специальная система готовых, фатально развивающихся механизмов и симптомов? Повидимому, опыт понуждает ответить на эти вопросы утвердительно лишь в небольшом числе особенно ярких, красочных, классических случаев, где от первого дня рождения, плавно и четко, как по писанному, выявляет себя какая-то непреложная способность психики творить известные, определенные состояния, как бы по заранее предрешенной программе». Наконец, еще одно место той же статьи нам кажется полезным привести здесь, так как оно обсуждает тот же вопрос в более широких рамках и опять-таки в связи с учением Freud'a. Автор, как теперь, так и тогда решительно отрицал односторонний сексуализм Freud'a. В связи с этим он высказывает такие соображения: «Повидимому, Freud'ом в его теории не приняты во внимание: ни существование и значение других инстинктов, кроме сексуального, — питания, самосохранения, социального,—факторов не менее важных для жизни индивидуума, чем половой, а может быть даже более важных. Игнорируется им также и то признанное явление в человеческой психике, что известный склад эмотивных реакций, известная общая манера восприятий, рефлексов рождается вместе с личностью до появления каких бы то ни было первичных «эрогенных» моментов. Забывается, что эта врожденная, индивидуальная манера властвует над всеми дальнейшими продуктами душевной жизни, над силой и направлением отдельных инстинктов и комбинаций их». Заслуживают также внимания соображения автора, развиваемые далее, о «сублимирующей конституции» здоровых людей и «нервозной конституции» невротиков. Нам представляется, что эти соображения могут быть приведены в связь с известными взглядами A d l e r'a, сводящими явления невро-

зов и психоневрозов на конституциональную малоценность органов [1]).

Общее направление, в котором автор трактует все основные вопросы теории личности, нам представляется правильным. Слабое место, имеющееся, по нашему мнению, не по вине автора, заключается в том, что одно понятие условного рефлекса, положенное в основу нашего социального опыта, не дает никакой возможности в полной мере уяснить все многообразие форм этого опыта. Нельзя сказать, чтоб было неверно то положение, что условные рефлексы лежат в основе нашего опыта, как этого нельзя было бы сказать по поводу утверждения, что вообще рефлексы составляют основу всякой активности организма, но дело в том, что одного данного понятия совершенно недостаточно для того, чтобы охватить все формы нашей социальной активности, которые в процессе эволюции чрезвычайно усложнились и развились. Если понятие рефлекса мы будем чисто автоматически присоединять к тем или другим, обычно очень сложным содержаниям нашего опыта, то, ничего не выигрывая в смысле понимания этих содержаний, мы, в конце концов, впадем в чистейший номинализм. Когда автор, очевидно, по аналогии с рефлексами «цели» и «свободы», конструирует рефлекс «революционной цели», то, как нам кажется, мы и становимся тогда непосредственно перед лицом такой опасности. Однако, исходные принципиальные положения автора отнюдь не связаны необходимым образом с таким уклоном мысли. Что касается самой центральной проблемы взаимоотношения эндо- и экзо-генных факторов в теории личности, то в общем итоге нам кажется возможным прийти к выводу, что она продолжает оставаться в положении равновесия между тем и другим полюсами, несмотря на то, что в том и другом неправлении произведена большая углубляющая работа. Крен, который мог получиться в результате исследований, подобных работе Кречмера, вполне выправляется совместными усилиями психоаналитиков и физиологов. Не создается ли, однако, противоположного крена? Во всяком случае, пока его не видно.

Если теперь этот общий итог соотнести к соответственным положениям теории личности Л а з у р с к о г о, то придется признать, что общая позиция, которую он занимал, остается в общем непоколебленной. Его тезис—классификация личностей должна быть не только психологической (биологической. М. Б.), но и психосоциальной (био - социальной. М. Б.), — можно считать оправданным новыми изысканиями. Но, несомненно,

---

[1]) См. Alfr. Adler. «Studie über Minderwertigkeit von Organen», а также е г о ж е — «Nervösen Charakter».

самое содержание этого тезиса весьма значительно углублено. При всей сложности организации личность развивается, как единый организм, живущий единой жизнью. Ее «эндо» и «экзо» сплавлены в одно органическое целое, о чем нужно помнить всегда, когда мы изучаем личность или когда воздействуем на нее. Решительно все наши подходы к личности должны быть пропитаны этим монистическим взглядом на ее сущность. В частности, противопоставлять внешние проявления личности ее внутренним переживаниям нет никаких достаточных оснований, ибо то и другое едино суть.

В этом пункте мы имеем одну из наиболее существенных поправок, какую необходимо внести во взгляды Лазурского, чтобы привести их в соответствие со всеми научными данными.

Если у Freud'a важнейшим недостатком всей теории является узко-сексуалистическая ее основа, то у Лазурского как будто аналогичного недостатка не может быть, так как он стремится установить взаимоотношения личности со средой по всему широкому фронту их действительного общения и понятия «экзопсихики» трактует в самом широком смысле. Можно только думать, что этот принцип им самим недостаточно использован фактически во всех тех случаях, где нужно было раскрывать схему образования того или иного типа или разновидности. В частности, его «обычная схема» образования извращенных типов может служить наглядной иллюстрацией такой недостаточности, поскольку под извращение ею подводится взрослый человек или «хотя бы подросток, но уже более или менее сформировавшейся Эндопсихикой» [1]). Не только обширный материал психоаналитиков, но и просто жизненные наблюдения говорят скорее о том, что извращение, т.-е. конфликтное состояние с окружающей средой, может начинаться в самом раннем детстве [2]). Конечно, содержание этих конфликтов, глубина и устойчивость вызываемых ими процессов здесь не могут, очевидно, быть теми же, что и у зрелого человека, но все же, поскольку ребенок уже при рождении есть некоторая индивидуальность, с своими собственными возможностями, постольку принципиально вопрос о «социально-

---

[1]) Курсив наш.

[2]) Оканчивавший «Классификацию личностей» В. Н. Мясищев среди условий, способствующих извращению на высшем уровне, указывает неблагоприятные влияния в раннем детстве. Это, хотя и в самом конце но все же несколько восполняет упущенное. К сожалению, и здесь этот момент только коротко обозначен без его более глубокого исследования.

контактной установке» и вообще о взаимоотношениях со всем окружающим миром по отношению к нему так же правомерен, как и на всех позднейших стадиях развития. Это положение имеет большую педагогическую важность, а потому здесь не должно бы оставаться никакой недоговоренности.

М. Басов.

4 мая 1924 г.
Ленинград.

ЧАСТЬ I.

Общие основы классификации.

1. Основной принцип.

Всякая наука, имеющая дело с разнообразными и сложными объектами исследования, начинает прежде всего с классификации этих объектов. Только после того, как сходные явления будут соединены в общие группы, можно бывает приступить к более детальному исследованию как отдельных групп, так и взаимоотношений между ними. В свою очередь, дальнейшие успехи научного знания неизбежно отражаются также и на классификации явлений данной области. Первоначальные группировки всегда бывают очень несовершенны и поверхностны, в основу деления часто кладутся различные случайные и маловажные признаки. По мере же дальнейшего изучения классификация все более и более совершенствуется, и притом в двух направлениях: с одной стороны, она начинает основываться на признаках, имеющих наиболее важное, основное значение для данной области явлений; с другой — она все более и более приближается к жизни, точно и подробно отражая в себе как важнейшие типы, так и их разновидности.

Все сказанное можно применить также и к индивидуальной психологии или науке о личности. Классификации, имеющиеся в настоящее время (Ribot, Paulhan, Fouillée, Лесгафт, Лосский и др.), стоят уже значительно выше не только по отношению к тому, что было в древности (например, в трактате о характерах Теофраста), но даже и по сравнению с позднейшими, близкими к нам, делениями Bain'a, Azam'a и др. [1]). В основу классификации стремятся положить действительно основные, наиболее существенные стороны нервно-психической организации и душев-

[1]) Обзор важнейших классификаций см. в моей книге «Очерк науки о характерах», 3-е изд. 1916 г.

ной деятельности человека: преобладание рефлекторных актов над сознательными или обратно (Лесгафт), большее или меньшее развитие умственной, эмоциональной или волевой сферы (Ribot, Fouillée, Malapert, Ribery), степень развития и взаимной координации различных стремлений (Paulhan), отношение их к нашему «я» (Лосский) и т. п. Некоторые из установленных типов отличаются также большей жизненностью и правдивостью.

Тем не менее, значительное большинство современных классификаций все-таки стоит слишком далеко от жизни; они дают нам стройные, более или менее отвлеченные схемы, пригодные для общего, теоретического обзора различных разновидностей характера, но в то же время совершенно не исчерпывающие богатого, сложного и разнообразного содержания личности в каждом данном, конкретном случае. А между тем, при ведении наблюдений и составлении характеристик приходится сталкиваться прежде всего именно с этими сложными, конкретными проявлениями, в которых субъективные и объективные элементы личности тесно и нераздельно между собой связаны. Поэтому идеальной классификацией должна считаться такая, которая в каждом из своих типов давала бы не только субъективные особенности данного человека, но также его мировоззрение и социальную физиономию, — поскольку, конечно, они стоят в связи с его характером; другими словами, *классификация личностей должна быть не только психологической, но и психосоциальной в широком смысле этого слова*. Предлагаемая здесь попытка, нисколько не претендующая на совершенство или законченность, является, тем не менее, шагом именно в этом направлении.

В основу нашей классификации положен принцип, огромную биологическую и философскую важность которого едва ли кто-нибудь станет отрицать в настоящее время, именно — принцип *активного приспособления личности к окружающей среде*; при этом понятие «среды» берется нами в самом широком смысле этого слова, включая сюда, следовательно, не только вещи, природу, людей и человеческие взаимоотношения, но также идеи, духовные блага, эстетические и моральные ценности и т. п. Последовательное применение упомянутого основного принципа к психологии отдельных человеческих индивидуумов приводит нас, прежде всего, к установлению двух важнейших подразделений: по психическому уровню — на три последовательно повышающихся уровня, и по психическому содержанию — на целый ряд различных типов и их разновидностей; каждый отдельный тип можно бывает, в большинстве случаев, проследить по всем трем

уровням, при чем обычно меняется более или менее существенно также и общая его физиономия, сохраняя, однако, в то же время основные, характерные черты данного типа.

Такое двойственное деление прямо и всецело вытекает из упомянутого выше основного принципа, вполне соответствуя способам роста и духовного развития каждой отдельной человеческой личности. Приспособление человека к окружающей среде может быть более или менее полным, глубоким и всесторонним, при чем степень и объем этого приспособления определяется, с одной стороны, благоприятными или неблагоприятными внешними условиями, а с другой (и это самое важное) — тем прирожденным запасом физических и духовных сил, который в общей своей совокупности носит название «степени одаренности». Вместе с все повышающейся полнотой и разносторонностью приспособления идет обыкновенно об руку гакже и усиление элемента активности в отношениях человека к окружающей среде. В то время как бедно одаренные индивидуумы обычно всецело подчиняются влияниям среды, ограничиваясь, в лучшем случае, чисто пассивным приспособлением к ее условиям и требованиям, натуры богато одаренные стремятся, наоборот, активно воздействовать на окружающую их жизнь, приспособляя и переделывая ее сообразно своим запросам и стремлениям; начиная, подобно более примитивным натурам, с подражания и пассивного приспособления, они затем, по мере своего духовного роста, превращаются постепенно в творцов и преобразователей жизни [1]).

Если, таким образом, деление по психическим уровням выражает собою степень активного приспособления личности к окружающей среде (или, на более высоких уровнях, степень приспособления среды к собственным запросам и стремлениям личности), то не следует забывать и того, что самое это приспособление может итти различными путями, в зависимости от чисто качественных различий между отдельными человеческими инди-

[1]) Было бы ошибкой высказанную здесь мысль понимать в том смысле, что на высшем уровне личность превращается в деятеля, совершенно свободного от условий окружающей жизни и способного изменять строй этой жизни по праву самопроизвольного творчества. Творчество и высшая степень активности, отличающие людей высокой одаренности, совершенно так же, как и деятельность всех остальных людей, в условиях окружающей их жизни, в исторической среде, в широком смысле этого слова, имеют единственный питающий их источник. Когда эта среда, в силу своего собственного развития, созревает для некоторого обновления, тогда только и наступает момент для творчества. Услышать этот голос жизни, требующий обновления, увидеть и понять смысл развертывающегося жизненного процесса, сделать отсюда должные выводы иногда наперекор укоренившимся традициям, не всякая личность может в одинаковой степени; в этом и ска-

видуумами. Различия эти обусловливаются, прежде всего, тем, что ни у одного человека нельзя встретить совершенно одинакового развития всех отдельных психических функций или способностей. С одной стороны, условия наследственности создают предрасположение к возникновению того, а не иного темперамента, к преобладанию тех, а не иных инстинктов или идейных влечений; с другой — семейная обстановка и воспитание в ранние годы детства накладывают свой резкий отпечаток на нежную податливую психику развивающегося ребенка, предопределяя нередко на всю жизнь характер и направление его дальнейшей деятельности. Можно, конечно, различным образом оценивать сравнительное значение двух названных факторов, придавая преимущественное значение одному из них и уменьшая или даже совершенно отрицая значение другого, но нельзя отрицать того несомненного факта (неоднократно удостоверенного, между прочим, и мною в занятиях по составлению детских характеристик), что уже к концу дошкольного периода душевный склад большинства детей определяется настолько ясно и стойко, что в дальнейшем можно бывает ожидать лишь дальнейшего развития преобладающих в каждом отдельном случае основных психических функций и формирования их внешних, социальных проявлений («экзо-психики»—см. ниже), но отнюдь не коренной ломки всей личности. Само собою разумеется, что в зависимости от различий темперамента и характера крайне различны будут также и те пути и способы, какими человек воздействует на окружающую жизнь, стремясь так или иначе приспособиться к ней; и вот эти-то именно индивидуальные различия в реакции индивидуума на окружающую среду и лежат в основе того, что мы называем делением личностей по их психическому содержанию. Вопрос осложняется еще тем, что внешние условия могут или благоприятствовать дальнейшему развитию уже сложившегося ядра личности или, наоборот, всячески мешать ему

жется уровень одаренности. Таким образом, творчество и активность личностей высшего уровня, порой перестраивающих жизнь заново, лишь при взгляде на них, как на самодовлеющие, изолированные от всего остального явления, кажутся как бы стоящими над жизнью, над средой, объективно же они в полной мере определяются всей совокупностью окружающих жизненных условий. Можно было бы сказать, что если вместе с автором людей среднего уровня считать приспособляющимися к среде, а высшего уровня — приспособляющими к себе среду, то разница между тем и другим все же не принципиальная, а лишь в степени приспособления. Личность среднего уровня не может подчас ни понять, ни приспособиться к назревшим новым требованиям жизни. Однако, надо признать, что эта терминология недостаточно адэкватно выражает имеющиеся здесь отношения. Ред.

и тормозить его, подавляя и извращая имеющиеся налицо природные задатки и способности человека. В первом случае получаются «чистые», во втором — «извращенные» типы.

2. Эндо-психика и экзо-психика.

Наметивши таким образом основные принципы нашей классификации, перейдем теперь к более детальному рассмотрению каждого из них. Для этого необходимо остановиться прежде всего на вопросе о составе личности, о тех элементах, из которых она складывается, так как различие в содержании и взаимоотношении этих элементов определяет собой, как мы увидим дальше, не только психическое содержание, но, до известной степени, и психический уровень каждого отдельного индивидуума.

Анализируя и сравнивая между собой те бесконечно разнообразные по содержанию и по степени сложности проявления, из которых строится наше представление о человеческой личности, мы можем разбить их на две большие группы. Во-первых, проявления, свидетельствующие о большем или меньшем развитии у данного человека тех или иных психологических (resp. психофизиологических) элементов личности, а также о способах взаимного соединения этих элементов. Так, например, сопоставляя дерзкую и необдуманную выходку какого-нибудь человека с другими аналогичными его поступками, мы заключаем, что в основе разбираемого проявления лежит чрезмерно повышенная аффективная возбудимость данного человека, а также слабое развитие у него задерживающих импульсов, благодаря чему внезапно возникающие побуждения осуществляются прежде, чем в сознании могли появиться мотивы противоположного характера; наблюдая за ходом умственной работы школьника, например, за тем, как он заучивает стихотворение, или проделывая над ним аналогичный по содержанию психологический эксперимент, мы судим о степени развития у него способности запоминания, о сосредоточенности его внимания и т. п. Такого рода проявления мы будем называть в дальнейшем изложении э н д о п с и х и ч е с к и м и [1]), так как они выражают внутреннюю взаимозависимость психических элементов и функций, как бы внутренний механизм человеческой личности. Соответственно этому, и ту сторону личности, которая обнаруживается в этих проявлениях и которая обычно обозначается терминами «темперамент», «характер» и «умственная одаренность», мы будем

[1]) Термины «эндо- и экзо-психический» заимствованы из написанной нами совместно с С. Л. Франком статьи: «Программа исследования личности в ее отношениях к среде». «Русская Школа», 1912 г., январь-февраль.

называть эндо-психикой. Сюда войдет, следовательно, вся совокупность таких основных психических (resp. психофизиологических) функций или способностей, как восприимчивость, память, внимание, комбинирующая деятельность (мышление и воображение), аффективная возбудимость, способность к волевому усилию, импульсивность или обдуманность волевых актов, быстрота, сила и обилие движений и т. п. [1]). Иными словами, эндо-психику мы вполне отождествляем с нервно-психической организацией человека, рассматривая эту последнюю, как сложный, организованный, непрерывно действующий двусторонний (психо-физиологический) процесс, при чем отдельные психические функции составляют части или стороны этого процесса, тесно между собой связанные, но в то же время пользующиеся в своей деятельности относительной независимостью [2]). Эндо-психика составляет, несомненно, ядро человеческой личности, главную ее основу, отражаясь в значительной степени (хотя и не всегда одинаково сильно) также и на экзо-психических ее проявлениях.

Вторую, также очень существенную сторону личности составляют другого рода проявления, которые можно назвать, в отличие от первых, экзо-психическими. Содержание их определяется отношением личности к внешним объектам, к среде, при чем понятие «среды» или «объектов» берется в самом широком смысле, в котором оно объемлет всю сферу того, что противостоит личности, и к чему личность может так или иначе относиться; сюда входят и природа, и материальные вещи, и иные люди, и социальные группы, и духовные блага — наука, искусство, — и даже душевная жизнь самого человека, поскольку последняя также может быть объектом известного отношения со стороны личности. Очевидно, что индивидуальность человека определяется не только своеобразием его эндо-психических черт, в роде особенностей памяти, воображения и т. п., но в не меньшей мере и его отношениями к окружающим явлениям, тем, как каждый человек реагирует на те или иные объекты, что он любит и ненавидит, чем интересуется и к чему равнодушен, т.-е., согласно нашей терминологии, его экзо-психическими проявлениями.

Указанные только что основные признаки, характеризующие эндо-и экзо-психические проявления личности и отличаю-

---

[1]) Систематический перечень основных психических функций в связи с подробным изложением эндо-психических проявлений личности см. в моей «Программе исследования личности», 3-е изд., 1915 г.

[2]) Подробнее об этом см. в моей статье: «Душевные способности, как основные биологические функции», «Вопр. фил. и психол.», кн. 101, а также в моей книге «Ueber das Studium der Individualität», Leipzig. 1912.

щие их друг от друга, отражаются обыкновенно также и на составе этих проявлений. В то время как эндо-проявления являются выражением внутренних, субъективных соотношений между отдельными психологическими (resp. психо-физиологическими) элементами данной личности, будучи в то же время всегда связаны более или менее тесно с индивидуальными особенностями центральной нервной системы данного индивидуума, — экзо-психические проявления, наоборот, всегда отражают на себе в большей или меньшей степени внешние, окружающие человека условия, ту обстановку, среди которой он живет и действует. Возьмем, например, характерный эндо-комплекс (сочетание нескольких тесно связанных между собою основных психофизиологических функций), предрасполагающий обыкновенно человека к занятию искусством: сильно развитое воображение, воспроизводящее и отчасти творческое, повышенная восприимчивость к внешним впечатлениям, значительная аффективная возбудимость, развитое эстетическое чувство. Все эти черты тесно, органически связаны между собою, составляя вместе одно неразрывное целое, так что значительное развитие одной из них почти неизбежно влечет за собой хотя бы некоторое развитие также и остальных. Совсем иное получится, если мы возьмем какой-либо, хотя бы также очень типичный и часто встречающийся, экзо-комплекс. Так, например, условия больших художественных центров способствуют возникновению так называемой художественной и литературной «богемы», основные черты которой всем хорошо известны: молодежь, еще не успевшая как следует устроиться в материальном отношении, обычно холостая (так как не на что содержать семью), живущая компанией (так как одному в пустой, неуютной каморке скучно и тоскливо), неряшливая в своем костюме и домашнем обиходе (так как нет жены, которая следила бы за хозяйством), беззаботная (так как не о ком и не о чем особенно заботиться), живущая то впроголодь, то устраивающая кутежи (если кому-нибудь удастся выгодно продать картину или иным каким-нибудь способом достать денег), — все эти характерные черты обусловлены, очевидно, не столько внутренним психическим складом каждого из этих молодых людей, сколько теми внешними обстоятельствами, среди которых им приходится жить и работать.

Необходимо, впрочем, оговориться, что вопрос о делении личности на эндо- и экзо-психику не следует смешивать с вопросом о различном происхождении отдельных элементов личности. Было бы, например, совершенно неправильно думать, что все решительно эндо-черты являются прирожденными (унаследованными), тогда как экзо-проявления всецело сводятся к отпечатку, накладываемому на человека воспитанием и внешней средой.

В общем, конечно, такое соотношение можно считать безусловно преобладающим. Тем не менее, бывают нередко случаи, когда воспитание и внешние условия могучим образом способствуют усилению и дальнейшему развитию такой эндо-черты, которая без них осталась бы заглохшей и совершенно неразвитой. С другой стороны, тот или иной характерный экзо-комплекс также неизбежно предполагает усиление у данного человека соответствующих ему элементарных психических свойств (например, в приведенном выше примере — общительности, беспорядочности поступков, склонности к чувственным наслаждениям и т. д.); вся суть лишь в том, что сочетание этих элементарных психических свойств определяется в данном случае не их внутренней, органической связью, а посторонними, вне человека находящимися, условиями.

Еще одна оговорка. Не следует думать, что экзо-психическая сторона личности — это нечто внешнее, поверхностное, преходящее, имеющее значение лишь для данного момента, и что с переменой внешних условий всякий раз меняются также и экзо-проявления. Наоборот, некоторые характерные экзо-проявления (например, привычка или непривычка к труду, отношение к собственности, социальные взгляды, миросозерцание и т. п.), будучи раз выработаны и усвоены человеком, отличаются впоследствии нередко такой же прочностью, как и его эндо-психика, оставаясь иногда неизменными до самого конца жизни, несмотря на неоднократную перемену внешних условий и окружающей обстановки.

3. Деление по психическим уровням.

Теперь перейдем к более подробному рассмотрению отдельных принципов нашей классификации и прежде всего остановимся на вопросе о том, что мы называем психическим уровнем. Известно, что всякий человек в своем физическом и духовном развитии проходит последовательно целый ряд определенных ступеней, при чем каждая последующая ступень характеризуется большим богатством и интенсивностью душевной жизни по сравнению с предыдущей. Этот процесс «психического роста» или «психического развития» отличается наибольшей стремительностью в первые годы жизни ребенка, а также в отроческом и отчасти в юношеском возрасте; по мере же приближения к 25 — 30 годам он постепенно замедляется и, наконец, совершенно останавливается; основное ядро личности окончательно определилось, психический уровень человека более или менее выяснился. В дальнейшем ему предстоит, быть может, еще развить крайне интенсивную и разнообразную деятельность,—но это

будут лишь обнаружения уже сформировавшейся личности, сводящиеся преимущественно к ее экзо-проявлениям, в то время как совокупность свойственных ему основных психических функций (эндо-психика) остается в дальнейшем более или менее неизменной.

Сравнивая между собою процесс психического роста у разных индивидуумов, нетрудно убедиться, что высшие, предельные границы этого роста, определяющие собой то, что мы называем психическим уровнем человека, отличаются у разных людей крайним разнообразием. Это зависит, с одной стороны, от «степени одаренности» человека, т.-е. от богатства и интенсивности его прирожденных способностей, а с другой — от влияния внешних условий (и прежде всего воспитания и образования), способствующих или, наоборот, мешающих развитию природных дарований. Как бы то ни было, но, в конце концов, каждый человек достигает в известном возрасте предельного, доступного ему психического уровня, который, в большинстве случаев, является для него уже окончательным. При нормальных внешних условиях и соответствующем воспитании и образовании уровень этот определяется, как уже сказано, прирожденной одаренностью человека, сводящейся, в конце концов, к общему потенциальному запасу его нервно-психической энергии или, употребляя другой термин, к присущему ему большему или меньшему количеству психической активности. Само собою разумеется, что под словами «активность» и «энергия» следует понимать отнюдь не волевое усилие в узком смысле этого слова (как это делают нередко психологи волюнтаристического толка), а нечто гораздо более широкое, лежащее в основе всех вообще наших душевных процессов и проявлений. Иначе, если бы мы в качестве критерия психического уровня брали только волевые процессы, нам пришлось бы сделать целый ряд натяжек, например, многих великих художников, писателей, мыслителей и т. п. поставить в психическом отношении ниже самых заурядных полководцев или администраторов, обладавших твердой, непреклонной волей.

В последнее время были сделаны попытки количественно измерить степень этой общей активности (resp. количество нервно-психической энергии), лежащей в основе душевной жизни каждого отдельного индивидуума. Так Spearman, на основании ряда исследований, произведенных по методу корреляции, пришел к заключению, что нахождение близкой связи (высокого коэффициента корреляции) между двумя какими-нибудь способностями далеко не всегда обусловливается внутренним сродством этих способностей, а, наоборот, чаще свидетельствует об участии в них одного общего фактора, который

Spearman называет «общим фондом психической энергии». Физиологическую основу этого фонда составляет свободная энергия всей мозговой коры и, быть может, также и некоторых других частей нервной системы. Особенно ясно сказывается влияние общего фактора там, где «умственная деятельность требует активной работы сознания. Так, при напряженном мышлении наблюдается сравнительно высокая корреляция между различными видами его... Между низшими функциями, не требующими такой работы сознания, коэффициент корреляции очень мал, и соответственно с этим нельзя установить зависимость их от какого-нибудь одного общего фактора» [1]). Правда, степень развития отдельных способностей Spearman не всецело объясняет упомянутым общим фактором: наряду с ним он признает также и «специфический фактор», сводящийся, по его мнению, к работоспособности соответствующего специфического центра; но значение этого специфического фактора во взаимоотношении отдельных способностей является далеко не таким существенным, как это казалось бы с первого взгляда.

Из своей теории Spearman считает возможным делать важные практические выводы. По его мнению, современем мы будем в состоянии для каждого индивидуума определить величину его общего фактора, его фонда психической энергии. «Когда мы вполне достигнем этого, то уже не понадобится ни экзаменов, ни других испытаний. Может быть, настанет время, когда официально будет установлен для каждого лица общий фонд его психической энергии и соответственно с этим будет выбираться профессия и определяться все общественное положение. Может быть, и политические права будут даваться только лицам, обладающим известным минимальным общим фондом психической энергии». Против таких поспешных и слишком упрощенных выводов очень энергично протестует А. А. Крогиус [2]). Он указывает, прежде всего, на то, что интенсивность проявлений каждой отдельной функции или способности «колеблется в очень широких размерах, в зависимости от того контекста, которым она окружена, от того фона душевной жизни, на котором она выступает. Спирман же без всяких оснований считает развитие каждой функции для данного индивидуума постоянным и смотрит на такие колебания, как на случайные». Вместе с тем Крогиус указывает на значительные разногласия, возникавшие у разных исследователей относительно величины коэффициента корре-

[1]) Цитировано по подробному отчету А. Крогиуса о докладе, сделанном Spearman'ом на съезде по Экспериментальной Психологии в Гёттингене в 1914 г. См. Журн. Мин. Нар. Просв., 1914 г., кн. 10.

[2]) Ibidem, стр. 53 — 55.

ляции между одними и теми же способностями. Наконец, несовершенство метода он видит также и в неожиданно-странном, случайном характере некоторых из полученных корреляций; функции, заведомо близкие друг другу и тесно связанные в своей деятельности, дают иногда гораздо меньший коэффициент корреляции, чем другие, не имеющие между собой ничего общего.

Все эти возражения, конечно, совершенно справедливы. Общий потенциальный запас нервно-психической энергии каждого отдельного человека обнаруживается, как мы сейчас увидим, целым рядом сложных и разнообразных признаков, и определение его далеко не может быть таким простым и схематичным, как это представляет себе Spearman. Тем не менее, заслуга этого последнего состоит в том, что самая проблема существования «общего фонда психической энергии», вместе с количественными колебаниями этого фонда у разных индивидуумов, выдвинута и подчеркнута им с большой рельефностью.

Если, таким образом, повышение психического уровня имеет в своей основе увеличение общего запаса нервно-психической энергии (связанное, по всей вероятности, также с усиленным развитием и морфологическим совершенствованием коры головного мозга), то внешние проявления различных уровней отличаются друг от друга уже не только в количественном, но и в качественном отношении. Здесь мы имеем один из ярких случаев того превращения количества в качество (resp. количественных различий в качественные), с которым нередко приходится встречаться в самых различных областях человеческого знания. Только благодаря этому обстоятельству и является возможность ввести в классификацию личностей деление их по психическому уровню, так как одни только количественные разницы, очевидно, не могли бы служить достаточным критерием классификации. В виду этого необходимо рассмотреть подробнее признаки, характеризующие собой повышение психического уровня.

На первом плане здесь следует поставить большее или меньшее б о г а т с т в о л и ч н о с т и, общее количество психической продукции, проявляющееся вовне обилием, разнообразием и сложностью (или, наоборот, бедностью, однообразием и примитивностью) отдельных психических проявлений. Сюда относится, например, то, что мы с С. Л. Франком в своей программе (см. выше) называем «объемом интереса» или широтой области, на которую он распространяется. Здесь, кроме количества объектов или явлений, привлекающих интерес и возбуждающих деятельность данного человека, важно бывает также отметить

«количество сторон объекта, на которые распространяется интерес в каждом данном случае. Каждый сложный объект или явление имеет целый ряд сторон, и интерес человека может охватывать их все или же сосредоточиваться только на некоторых из них. Так, например, по отношению к знанию и науке человек может быть узким специалистом, всецело погруженным в свою специальность или, наоборот, энциклопедистом, интересующимся самыми различными отраслями знаний» [1]).

Не менее важное значение имеет также «уровень развития или дифференцированности интереса». Сюда относится прежде всего «обилие в нем оттенков: например, религиозное сознание может быть смутным, бедным по содержанию, или развитым в целую религиозную систему с ответами на многие вопросы: также может различаться чувство любви, дружбы и т. п. В связи с дифференцированностью стоит часто и «степень утонченности» интереса, где для удовлетворения его требуется особый, специфический возбудитель: «любитель» чего-нибудь имеет обыкновенно пристрастие к отдельным, исключительным видам объектов, например, гастроном — к изысканным блюдам, винам; любитель умственных занятий — к тонкости логической мысли, и т. п.».

Вторым существенным признаком повышения психического уровня является с и л а, и н т е н с и в н о с т ь отдельных психических проявлений. Если мы сравним какого-нибудь плохенького музыканта-любителя с выдающимся композитором или виртуозом-исполнителем, то увидим, что у последних, в большинстве случаев, и слух тоньше, и музыкальная память значительно более развита, и чувства, вызываемые звуковыми сочетаниями, гораздо ярче и интенсивнее, и т. п. Эта более значительная степень развития отдельных способностей ведет к тому, что и проявления и продукты деятельности таких людей ярко выделяются среди других, аналогичных им, но более слабых обнаружений, свойственных окружающим индивидуумам.

Само собою разумеется, что, пользуясь яркостью и силой психических проявлений в качестве критерия, определяющего принадлежность человека к тому или иному психическому уровню, мы должны всегда иметь в виду проявления именно таких психических функций, которые у данного человека являются преобладающими. Известно, например, что Дарвин, обладая громадной способностью к анализу и индуктивным умозаключениям, в то же время был очень мало восприимчив ко всякого рода эстетическим впечатлениям; и тот, кто захотел бы о психическом уровне Дарвина судить по его эстетическим

[1]) «Программа исследования личности в ее отношениях к среде», стр. 6.

проявлениям, впал бы, конечно, в самую грубую ошибку. То же самое следует сказать о целом ряде других, талантливых и просто способных людей, общий склад личности которых отличается некоторой односторонностью или же концентрированностью (см. ниже).

Третьим признаком, определяющим принадлежность человека к высшему или низшему психическому уровню, является большая или меньшая сознательность и идейность его психических проявлений. Чем выше духовная организация человека, чем более богатой и интенсивной душевной жизнью живет он, тем более способен он ориентироваться среди явлений окружающего мира и тем сознательнее определяет свое отношение как к отдельным явлениям, так и ко всей вообще окружающей жизни. Это обусловливается, с одной стороны, более широкой восприимчивостью и вытекающим отсюда значительным расширением умственного и нравственного кругозора, а с другой — преобладанием высших интеллектуальных процессов (мышление, творческое воображение) над низшими — пассивным восприятием и механической памятью. В результате получается наличность определенных, сознательно выработанных или усвоенных, принципов — нравственных, социальных и др., а на более высоких ступенях — наличность общего миросозерцания, обнимающего все важнейшие стороны жизни и соответствующего, в своих главных чертах, основным потребностям и индивидуальным особенностям данного человека.

Постепенное усиление идейных, более абстрактных процессов и преобладание их над чувственными (связанными с ощущениями) составляет, вообще говоря, характерную особенность повышения психического уровня. На более низких ступенях дело обыкновенно ограничивается тем, что человек, наряду с непосредственными, чисто органическими влечениями, ставит себе также и некоторые более отдаленные задачи, относящиеся к обеспечению своего «я» в более или менее отдаленном будущем. Затем, мало-по-малу, круг идейных целей и интересов постепенно расширяется, обнимая собой уже заботы о других людях, людских отношениях, а также более или менее бескорыстный интерес к явлениям природы, эстетическим и этическим ценностям и т. п. Наконец, на высших ступенях дело доходит до того, что человек, увлекшись какой-нибудь идеей, готов пожертвовать для нее не только своими чувственными влечениями, своими материальными выгодами и удобствами, но и своими отношениями к людям и даже своею жизнью. И это обозначает, в подобных случаях, вовсе не отказ от своей собственной личности и ее потребностей, а, напротив, высшее,

наиболее яркое и интенсивное проявление личности, требующее от человека максимального напряжения всех его духовных сил, всей его моральной энергии. Как справедливо замечает Достоевский [1]), «сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, т.-е. никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это — закон природы; к этому тянет нормально человека». Вполне соглашаясь с этим утверждением, мы, с своей стороны, добавили бы только, что идейные стремления высоко-одаренных личностей могут быть направлены не только на содействие и помощь другим людям, но также и на иные, более абстрактные цели: познание, красоту, самосовершенствование и т. п.

Уже из только что сказанного видно, что характерное для более высоких психических уровней усиление идейных элементов личности неизбежно отражается, по крайней мере, в большинстве случаев, также и на содержании личности, т.-е. на направлении ее интересов, характере профессиональной деятельности и т. п. Если на низшем психическом уровне преобладают занятия мышечным трудом или же такой умственной работой, которая не требует особенного соображения и творчества, то на высших ступенях мы встречаем как раз обратное. Недаром Ribot, а за ним и некоторые другие характерологи придают в своих классификациях такое важное значение большему или меньшему развитию умственных способностей. Надо помнить только, что преобладание высшей интеллектуальной деятельности над низшей составляет лишь одно из проявлений того общего повышения идейности над чувственностью, которое так характерно для более высоких психических уровней. Психическое совершенствование человека далеко не сводится к одному только умственному его развитию; не менее важное значение имет также степень развития идейных интересов, которые на более высоких уровнях начинают все больше и больше выдвигаться вперед, получая, в конце концов, решительный перевес над чувственными влечениями. Само собою разумеется, что и на высших психических уровнях чувственные органические влечения тоже могут быть развиты и иногда даже очень значительно (мы знаем, что некоторые гениальные люди были развратниками, обжорами, пьяницами и т. п.); но все-таки центр тяжести личности, главное направление ее деятельности заключается не в них, а в каких-нибудь других, более идейных интере-

[1]) Полное собрание сочинений, т. III, ч. 2, стр. 46.

сах; иначе никакой гений не удержится на свойственной ему высоте, а быстро и неуклонно начнет опускаться, теряя постепенно то богатство и напряженность душевной жизни, которые отличают его от людей менее одаренных.

Наконец, четвертым существенным признаком, характеризующим повышение психического уровня, следует считать все возрастающую координацию психических элементов, составляющих в своей совокупности человеческую личность. Мы знаем, что у маленьких детей отдельные впечатления, чувства, желания и поступки еще до такой степени мало связаны между собой, так мало вытекают друг из друга, что личность, как единство, в настоящем смысле этого слова, у них почти не существует. То же самое наблюдается при некоторых болезненных формах (например при истерии), а также у извращенных типов (см. ниже), где первоначальная естественная связь психических элементов нарушается и расстраивается благодаря длительному, интенсивному влиянию неблагоприятных обстоятельств. Наоборот, у чистых типов, т.-е. у таких, где личность развивалась естественно, в соответствующей обстановке, где общие условия жизни благоприятны, и род занятий отвечает основным стремлениям и задаткам данного индивидуума, — всегда замечается тенденция к известному объединению личности, к установлению связи между отдельными ее проявлениями. Даже в тех случаях, когда человек, принадлежащий к низшему или среднему психическому уровню, интересуется или работает одновременно в двух или более различных направлениях (например, служба и искусство, или же практическое дело и научные интересы и т. п.), основные, преобладающие черты его эндо-психики можно бывает обычно очень отчетливо проследить на всех его проявлениях; вместе с тем, отдельные сведения и навыки, приобретенные в одной сфере деятельности, мало-по-малу совершенно невольно переносятся на другую, благодаря чему устанавливается единство не только эндо-, но и экзо-психических проявлений личности.

Но особенно отчетливо тенденция к такому объединению выступает на высшем психическом уровне, у людей богато одаренных и обнаруживающих интенсивную и разностороннюю душевную деятельность. Здесь различные побочные, менее развитые у данного индивидуума эндо- и экзо-черты не только не отвлекают силы человека от главного дела, составляющего основную задачу его жизни, но, наоборот, способствуют этому делу, дополняя его существенными и важными деталями. Так, например, выдающийся государственный деятель, принадлежащий к типу энергичных, может серьезно и без всяких предвзятых мыслей интересоваться вопросами философии и религии, — но

в то же время он невольно почерпнет в них глубокие, принципиальные основы для своей политики; будучи одарен творческим воображением, способностью к комбинированию ярких, конкретных образов, он воспользуется этим для того, чтобы придать силу и убедительность своим речам, произносимым в публичных собраниях, и т. п. Получается, таким образом, то, что можно было бы назвать концентрацией личности, т.-е. сосредоточением всех (или, по крайней мере, большинства) ее важнейших функций в направлении какого-нибудь одного, широкого, разностороннего и захватывающего рода деятельности. Такую концентрацию отнюдь не следует смешивать с узкой профессиональной специализацией, сущность которой, как мы уже видели выше, заключается в искусственном, насильственном объединении некоторых отдельных черт личности в направлении данной, сравнительно узкой и односторонней профессиональной работы; при этом остальные психические особенности, хотя бы преобладающие и характерные для данного человека, остаются, как ненужные, совершенно в стороне, — что может, в конце концов, привести к значительному обеднению, а нередко и извращению личности.

Процесс концентрации, способствуя естественному объединению разнообразных элементов личности вокруг одного общего центра, способен привести, в конце концов, к той душевной гармонии, к тому душевному единству, в котором многие философы и моралисты видели идеал и конечную цель духовного развития каждого отдельного индивидуума. Необходимо только иметь в виду, что такое «гармоническое развитие личности» отнюдь не следует понимать в смысле совершенно одинакового по силе развития всех важнейших душевных способностей. И на высшем психическом уровне, так же, как и на более низких, существуют различные типы, обусловленные преобладанием одних основных психических функций над другими; можно сказать даже, что на высшем уровне, с его интенсивными, богатыми проявлениями, типы эти обнаруживаются ярче и рельефнее, чем у индивидуумов менее одаренных. При этом преобладающее ядро личности может быть или сравнительно узким, односторонним (такие типы, как Ибсен, Достоевский), или же более широким (Гете, Леонардо-да-Винчи); суть дела от этого не меняется, так как, повторяем, гармоническое развитие личности состоит не в механической равномерности действия всех отдельных функций, а в тесной, органической связи присущих данному человеку способностей, объединенных вокруг одного общего центра.

Одним из частных проявлений постепенно возрастающей, вместе с психическим уровнем, координации психических элементов следует считать, повидимому, большую или меньшую работо-

способность, в особенности же способность к умственному труду и умственной продукции. Всякая работа, а особенно умственная, состоит, прежде всего, в сосредоточении мыслей в известном направлении, а затем — в ряде усилий, координированных между собою и направленных к достижению известной, определенной цели. Усилия эти, как и вся вообще работа, могут быть, в зависимости от характера человека, спокойны и равномерно-последовательны или же, наоборот, импульсивны и порывисты, сопровождаясь периодами более или менее длительного бездействия. Тем не менее, для успешного выполнения какой бы то ни было работы, всегда необходимо согласование между собой отдельных ее частей, а следовательно и согласованность отдельных психических функций, участвующих в общем процессе работы. И мы увидим дальше, что на низшем уровне, с его бедными, примитивными и недостаточно координированными психическими проявлениями, умственная работоспособность и умственная продукция бывают обычно гораздо меньше, чем на более высоких ступенях; если же представители низшего уровня и способны бывают иногда к длительной, сколько-нибудь интенсивной работе, то обыкновенно это делается не по собственной инициативе, а по чьему-нибудь чужому, настойчивому побуждению или же вследствие чисто внешней необходимости, влияния так или иначе сложившихся обстоятельств.

4. Отношение между эндо- и экзо-психикой на разных уровнях.

Перечисленные только что характерные особенности различных психических уровней приводят, в своей совокупности, к тому, что отношение между личностью и окружающей ее средой, а вследствие этого и отношение между эндо- и экзо-психическими элементами личности бывает на разных уровнях далеко не одинаковым.

На низшем уровне влияние внешней среды и внешних обстоятельств является бузусловно преобладающим. Подчиняя себе слабую, разрозненную психику малоодаренного человека, среда накладывает на нее свой отпечаток, насильственно приспособляя ее к своим запросам и требованиям и очень мало считаясь с эндо-особенностями каждого отдельного индивидуума. Благодаря этому часто получается значительное несоответствие между основными задатками и способностями данного человека, с одной стороны, и усвоенными им профессиональными навыками, взглядами и способами деятельности — с другой. В результате личность часто не дает и того немногого, что она могла бы дать при более самостоятельном и независимом отношении к окружаю-

щему. Общая приспособленность ее к окружающей среде оказывается настолько неполной и нестойкой, общий вес и ценность ее в социальной жизни настолько незначительными, что представителей низшего уровня (и притом не только извращенных, но даже и чистых) можно в общем охарактеризовать, как недостаточно приспособленных.

В противоположность этому, люди, принадлежащие к среднему психическому уровню (если только они не являются извращенными — см. ниже), обладают гораздо большей способностью приноровиться к окружающей среде, найти в ней свое место и использовать ее для своих целей. Более сознательные, обладающие большей работоспособностью и инициативой, они выбирают себе род занятий, соответствующий их склонностям и задаткам, работают продуктивно и с интересом и, в конце концов, будучи полезны обществу, успевают в то же время и себе обеспечить не только материальное благосостояние, но и некоторый комфорт, физический и духовный. Их можно назвать поэтому приспособившимися.

Несколько иные отношения встречаем мы на высшем психическом уровне. Люди талантливые, высокоодаренные, разумеется, в еще большей степени, нежели представители среднего уровня, обладают данными, необходимыми для того, чтобы приспособиться к окружающей среде, воспользоваться ее выгодами и преимуществами и устроить себе жизнь удобную и материально обеспеченную. В некоторых случаях так это и бывает. Но обычно дело осложняется здесь еще тем, что значительная напряженность, интенсивность душевной жизни заставляет человека не ограничиваться одним только приспособлением к среде, но стремиться и самую эту среду переделать, видоизменить сообразно своим собственным влечениям и потребностям. Другими словами, здесь мы всегда встречаемся с более или менее ярко выраженным процессом творчества, в какой бы области оно ни проявлялось — в духовной или материальной, в области науки, искусства или практической жизни и т. п. В дальнейшем изложении, при разборе высшего психического уровня, мы еще будем иметь случай подробно остановиться на анализе этого творческого процесса и на выяснении психологического его механизма (всецело вытекающего из перечисленных выше особенностей разных душевных уровней). Здесь же лишь укажем, что процесс этот далеко не ограничивается так называемым творческим воображением (свойственным, по преимуществу, художественным натурам), а наоборот, может относиться одинаково ко всем, без исключения, основным психическим функциям, ко всякого рода душевной деятельности и душевным проявлениям. Люди, высоко одаренные в каком бы то ни было отно-

шении, проявляя интенсивно те черты, которые им наиболее свойственны (например, волевую энергию или чувство симпатии, или обобщающую деятельность мышления и т. п.), продолжая обнаруживать их даже в совершенно неблагоприятных, новых и необычайных условиях, создают, иногда помимо своей собственной воли, совершенно новые роды проявлений, пробивая дорогу, по которой затем пойдут другие.

Если, таким образом, низший психический уровень дает нам, по преимуществу, индивидуумов недостаточно приспособленных, средний уровень — приспособившихся, то представителей высшего уровня можно назвать, в отличие от предыдущих, п р и с п о с о б л я ю щ и м и [1]). Необходимо только помнить, что процесс творчества, переработка действительности сообразно своим идеалам и стремлениям никогда не дается им даром, а почти всегда сопровождается упорной борьбой и различными лишениями, духовными или материальными. Интенсивная концентрация душевной деятельности в известном направлении, в связи с повышенной идейностью стремлений (см. выше) заставляет их зачастую без достаточного внимания относиться не только к различным чисто материальным потребностям, но и вообще к обеспечению ровного, спокойного течения своей жизни. Благодаря этому представители высшего уровня, даже в случае успеха своих планов и стремлений, нередко оказываются в социальном отношении устроившимися гораздо хуже, нежели обыкновенные, средние люди.

Все сказанное только что по поводу отношения между эндо- и экзо-психикой у представителей различных уровней относится, равным образом, и к способности человека сознательно ориентироваться в окружающей среде, к тому, что обычно называют миросозерцанием. На низшем уровне, благодаря общей бедности и разрозненности психики, обычно вовсе еще не имеется сколько-нибудь цельного миросозерцания, связного и законченного; такой человек руководится в своей деятельности и в отношениях к другим людям небольшим количеством сведений и правил, усвоенных путем воспитания и традиций, отрывочных и зачастую противоречащих друг другу. Представители среднего уровня обычно уже обладают тем или иным миросозерцанием, достаточно связным и соответствующим до известной степени их эндо-психике, однако миросозерцание это лишь редко заключает в себе какие-либо самостоятельные оригинальные черты, обычно же бывает целиком заимствовано от окружающих или же усвоено путем воспитания, посторонних влияний и т. п. И только на высшем психическом уровне миросозерцание, хотя

[1]) См. примечание к стр. 47. Ред.

бы в отдельных своих частях и заимствованное извне, тем не менее непременно подвергается затем самостоятельной переработке, применительно к потребностям и склонностям данного человека, в результате чего всегда имеется в нем хоть что-нибудь свое, оригинальное, непохожее на других. Оттого-то так и интересно бывает знакомиться со взглядами и убеждениями людей талантливых или же выдающихся в том или ином отношении.

Принадлежность человека к тому или иному психическому уровню еще не определяет собой его типа (деление по психическому содержанию—см. выше): такие основные типы, как аффективно-деятельные, энергичные, рассудочные, мечтатели и т. п., встречаются одинаково на всех уровнях, хотя, конечно, проявления их существенно меняются в зависимости от степени одаренности человека и от большего или меньшего богатства и интенсивности его душевной жизни. Впрочем, относительно некоторых типов можно все-таки сказать, что они по преимуществу встречаются на высшем или, наоборот, на низшем уровнях. Так, например, длительное влияние неблагоприятных или несоответствующих эндо-психике человека внешних условий не только превращает постепенно чистый тип в извращенный, но обычно также и понижает общий его психический уровень; значительное развитие у человека идейных чувствований, с одной стороны, повышающим образом влияет на его общий психический уровень, а с другой — дает возможность причислить его к совершенно определенному типу, существенно отличающемуся по своему психическому содержанию от других типов того же уровня, и т. д.

После всего того, что было сказано нами относительно степеней душевного развития и признаков повышения психического уровня, невольно напрашивается вопрос: нельзя ли воспользоваться принадлежностью индивидуума к тому или иному психическому уровню в качестве мерила для его этико-социальной оценки? Другими словами, если принадлежность к высшим уровням (resp. психическая одаренность, умственная, эмоциональная или волевая) характеризуется большим богатством душевной жизни, большей идейностью, работоспособностью, наличностью сознательного миросозерцания и т. п., то не следует ли принять, что люди более одаренные являются, уже по этому самому, и в социальном отношении более полезными, и в этическом смысле лучшими? — Несмотря на всю соблазнительность подобной точки зрения, нам она представляется, однако, совершенно неприемлемой. Впоследствии, при рассмотрении различных типов среднего и высшего уровня, мы увидим, что даже на самых высших ступенях душевного развития имеются свои извращенные типы, и психическое падение их зачастую

оказывается и в социальном отношении более вредным, и с моральной стороны более отталкивающим, чем у людей, обладающих более примитивной психикой. Кому много дано, с того много и спросится. Мне кажется поэтому, что в качестве критерия моральной оценки необходимо выставить совсем иной признак, а именно — большую или меньшую тенденцию к повышению психического уровня, большее или меньшее стремление к совершенствованию. Если ни один человек не может дать в своих психических проявлениях больше того, что в него вложено от природы (прирожденные особенности нервно-психической организации), то зато имеющиеся от природы духовные силы могут или остаться неразвитыми, в зачаточном состоянии, или, наоборот, развернуться ad maximum как в количественном, так и в качественном отношении. И этот именно «священный огонь», это стремление к возможно более полному и всестороннему развитию и проявлению своих духовных сил мы считаем одинаково ценным, будет ли оно проявляться в яркой и разнообразной психике богато одаренного человека, или же в бедной, примитивной душе индивидуума, принадлежащего к низшему психическому уровню. К сожалению, более подробное рассмотрение данного (хотя и чрезвычайно важного) вопроса не может входить здесь в наши задачи.

5. Деление на группы и типы.

Вторым не менее существенным принципом нашей классификации является, как уже сказано было вначале, деление личностей по их психическому содержанию—на группы и типы. Основу этого деления составляет, прежде всего, преобладание в каждом отдельном случае какой-либо одной группы тесно между собой связанных основных психических функций, накладывающих на весь характер данного индивидуума своеобразный отпечаток. Классификаторы характеров обычно выдвигают в этих случаях прежде всего преобладание ума, чувства или воли, разделяя, таким образом, характеры на интеллектуальные, эмоциональные и волевые. Соглашаясь в основе с таким делением, мы, однако, считаем его слишком упрощенным, схематичным, и вот на каком основании.

Всякий душевный процесс, интеллектуальный, эмоциональный или волевой, всегда представляет собой сложное целое, в составе которого могут преобладать те или иные отдельные стороны или элементы. Так, например, в процессе восприятия, кроме ощущений и их комбинаций, не менее важную роль играют также воспроизведенные образы, сопутствующие ассоциации, сосредоточенность и устойчивость внимания, направле-

ние интересов, синтезирующая деятельность сознания; в сложном волевом акте, на ряду с сознательным волевым усилием, существенными элементами являются взаимодействие и борьба мотивов (сводящаяся, в конце концов, к взаимодействию чувствований, связанных с теми или иными конечными целями), а также мыслительный процесс—обдумывание способов и конечных результатов совершаемого поступка. Преобладающее развитие у индивидуума тех или иных сторон различных сложных процессов имеет чрезвычайно важное значение для образования типов и их разновидностей. Так, значительное развитие мышления индуктивного или дедуктивного способствует занятию науками, естественными или гуманитарными, сильно развитое воображение ведет обычно к возникновению художественного типа, преобладание в волевых актах эмоциональных или, наоборот, рассудочных элементов лежит в основе подразделения всякого рода практических деятелей на два совершенно различных типа и т. д.

И вот оказывается, что у некоторых типов (особенно принадлежащих к высшим психическим уровням) интеллектуальные и эмоциональные (resp. эмоциональные и волевые) элементы так тесно и неразрывно между собой связаны, что было бы большой натяжкой и односторонностью зачислить эти типы в группу интеллектуальных, или эмоциональных, или волевых. Так, например, тип мечтателей (художников, религиозных созерцателей), чрезвычайно яркий и определенный, характеризуется преобладанием у них воображения, т.-е. процесса столь же интеллектуального, как и аффективного; тип аффективно-деятельных, не менее важный, цельный и часто встречающийся, не может быть зачислен ни в группу эмоциональных, ни в группу волевых, а должен быть выделен в качестве особой разновидности и т. д. Поэтому, если на низшем уровне еще возможно принять (и то с некоторой модификацией—см. ниже) упомянутое схематическое деление на три главных группы, с подразделением каждой отдельной группы в зависимости от преобладания в ней тех или иных элементов, — то на более высоких уровнях, с их сложной психикой, такой схематизм представляется уже совершенно невозможным.

Как уже сказано было вначале, классификация личностей должна быть не психологической только, но психо-социальной. Другими словами, подразделение индивидуумов должно производиться не только на основании преобладания у них той или иной группы взаимно-связанных основных психических функций (эндо-психика), но и на основании социального положения людей, их профессии, направления интересов и т. п. (экзо-психика). При этом в правильно построенной классификации эндо-и экзо-психические проявления отдельных типов должны или

находиться между собой в известном соответствии, или же там, где такого соответствия не существует, происходящие между ними борьба и взаимодействие должны быть заранее учтены классификатором, способствуя выделению таких типов в особые, вполне определенные, группы (сюда принадлежат, например, различные разновидности извращенных типов). Так как ядро личности составляет эндо-психика, то и при группировке типов более существенную роль играет все-таки преобладание у человека тех или иных основных психических функций (каких именно— об этом будет сказано ниже); тем не менее, и экзо-психическая сторона личности представляется чрезвычайно важной для классификации, так как именно она доставляет нам внешнее, более или менее сформированное проявление того или иного типа, придавая самому типу известную рельефность, определенность и законченность.

Отношение человека к различным категориям окружающей действительности (т.-е. то, что мы называем экзо-психическими проявлениями личности) может быть чрезвычайно разнообразным, при чем разновидности этих отношений обычно представляются очень характерными для общего душевного склада каждого отдельного индивидуума. Прежде всего мы можем отметить наличность положительного отношения к той или иной категории (интерес, склонность к чему-либо), или же отрицательного (отвращение, ненависть, отталкивание). Человек может любить природу, людей, труд, справедливость, или же быть к ним равнодушным, безучастным, или, наконец, питать к ним антипатию, отвращение. Будучи обычно тесно связано с характерными эндо-чертами каждого данного типа (т.-е. преобладающими у него основными психическими функциями), подобное положительное или отрицательное отношение к различным жизненным благам представляется крайне важным для классификации личностей. Необходимо только оговориться, что, на ряду с прямым, непосредственным интересом к известным явлениям, приходится нередко отмечать также и возможность утилитарного отношения к ним; «утилитарное отношение, оценка какой-либо области только с точки зрения ее полезности для чего-либо иного есть, собственно, отсутствие соответствующего специфического интереса к ней; однако, характерологически, благодаря процессу постепенного перехода «средств» в «цели», здесь могут быть различные оттенки, в силу которых утилитарное отношение может как бы занимать среднее место между наличностью специфического интереса и полным его отсутствием» [1]).

[1]) «Программа исследования личности в ее отношениях к среде», стр. 4.

Кроме положительного или отрицательного отношения к различным жизненным категориям, в экзо-психике разных типов можно отметить также и другие не менее характерные особенности, зависящие, с одной стороны, от разнообразия окружающих внешних условий, а с другой—от различного взаимоотношения между этими внешними условиями и эндо-психикой человека. Сюда относятся, прежде всего, ф о р м ы каждого данного отношения или интереса. «Формы эти могут обусловливаться, во-первых, многообразием самих объектов, принадлежащих к данной категории (например, человек, чувствующий потребность в общении с природой, может любить преимущественно степь, или море, или леса и горы, или уютные уголки в саду и огороде и т. д.)», а во-вторых—«многообразием отношений к объектам: например, интерес к природе может проявляться или только в пассивном наслаждении ею, или же в стремлении активно вмешиваться в ее жизнь, улучшать и обрабатывать ее. На ряду с формами самого отношения приходится нередко указывать также и на разнообразные, характерологически существенные с п о с о б ы д о с т и ж е н и я этого отношения, а также на различные ф о р м ы у д о в л е т в о р е н и я или осуществления данного интереса. Так, например, человек, стремящийся властвовать над другими, может достигать этого или при помощи угрозы и устрашения, или путем морального авторитета, или прибегая к хитростям, уловкам и т. п.; самое властвование может выражаться или в деспотизме, принижении личности подчиненных, или, наоборот, в требовательности, соединенной с уважением, в стремлении считаться с достоинством подчиненных» [1]).

6. Чистые типы различных уровней.

Наиболее яркие «чистые» типы получаются в тех случаях, когда экзо- и эндо-психика взаимно соответствуют друг другу, т.-е. когда интересы и профессиональная деятельность человека, развитие его знаний и навыков, его взглядов и миросозерцания происходят именно в том направлении, какое диктуется прирожденными особенностями его нервно-психической организации. В этих случаях наиболее характерные субъективные и объективные черты данной личности сливаются в один цельный, отчетливо выраженный «п с и х о-с о ц и а л ь н ы й к о м п л е к с», достаточно устойчивый и обыкновенно очень типичный. Поэтому и классификатор должен руководиться здесь не одними только особенностями эндо-психики или экзо-психики, а теми и дру-

[1]) «Программа исследования личности в ее отношениях к среде», стр. 5.

гими, вместе взятыми. Особенно приходится сказать это относительно чистых типов среднего психического уровня, где индивидуум обычно бывает в состоянии подыскать или создать себе подходящие жизненные условия и соответствующий своим способностям род занятий. Менее полное слияние между эндо- и экзопсихикой наблюдается у чистых типов низшего психического уровня, где поэтому и деление должно происходить преимущественно на основании эндо-психических особенностей, т.-е. преобладания тех или иных основных психических функций. Что же касается типов высшего уровня, то здесь, как мы увидим дальше, на первый план выступает уже идейная сторона психо-социальных комплексов, их общий смысл и значение как для человека, так и для всей вообще окружающей жизни; поэтому классификация личностей превращается на этом уровне в классификацию человеческих идеалов и их психологических (resp. характерологических) разновидностей.

В результате получается следующее подразделение чистых типов, которое мы здесь только наметим, так как подробное описание различных типов и их разновидностей будет дано в соответствующих главах.

I. Низший уровень.

Деление по преобладанию тех или иных основных психофизиологических функций.

1. Рассудочные. Несмотря на слабую общую одаренность, значительно развита рассудочность поступков, склонность обсуждать (хотя бы и несовершенно) их мотивы и последствия.

2. Аффективные. Смотря по преобладанию тех или иных сторон аффективного процесса, можно различать следующие разновидности:

а) подвижные или живые, близко напоминающие по своему общему складу так называемый сангвинический темперамент;

b) чувственные, с значительным развитием чувственных, органических влечений и потребностей;

c) мечтатели, у которых, благодаря преобладанию репродуктивного воображения (к творческому они неспособны), интересы сосредоточены преимущественно на внутреннем мире.

3. Активные, которые, в зависимости от большего или меньшего развития отдельных сторон волевого процесса, также делятся на несколько разновидностей:

а) энергичные низшего порядка, характеризующиеся импульсивностью и беспорядочностью своих дей-

ствий, а также преобладанием внешних волевых актов над внутренними;

b) покорно-деятельные, у которых мотивами действия являются не столько собственные желания и влечения, сколько внушения и директивы, получаемые ими извне;

c) упрямые, отличающиеся значительной устойчивостью раз принятых решений.

II. Средний уровень.

Деление по психо-социальным комплексам, объединяющим в себе взаимно-соответствующие эндо- и экзо-особенности. Кроме того, все чистые типы среднего уровня можно разбить на две большие группы, смотря по преобладанию в них отвлеченно-идеалистических или практико-реалистических тенденций.

Непрактичные, теоретики-идеалисты.

1. Ученые: значительное развитие спокойного, ясного, последовательного мышления, способствующего научным занятиям и научным интересам.

2. Художники, т.-е. люди, посвятившие себя занятию каким бы то ни было искусством; наиболее характерная эндо-черта—значительно развитое воображение, воспроизводящее и отчасти творческое.

Практики-реалисты.

3. Общественники: а). Внутренне-аффективные: значительно развитое чувство симпатии (способность сочувствия), обусловленное повышенной аффективной возбудимостью, а также силой, глубиной и устойчивостью отдельных чувствований, мало, однако, проявляющихся вовне.

в. Внешне-деятельные: со стороны эндо-психики могут быть охарактеризованы как аффективно-деятельные, что способствует их общительности и предприимчивости в общественных делах и начинаниях.

4. Властные: характерная эндо-черта—твердая воля, руководимая определенными целями и дающая этим людям возможность влиять на окружающих.

Разновидность этого типа составляют люди, у которых значительно развитая волевая энергия направлена на борьбу с внешней природой.

5. Хозяйственные: свойственные этому типу расчетливость, склонность к многократному обсуждению своих действий, направленных преимущественно на практические цели, делает этих людей способными к ведению более или менее сложных дел и предприятий материального характера.

В дальнейшем, более подробном изложении ясно будет видно, что большинство типов среднего уровня представляют собой лишь последовательное развитие соответствующих им по своей эндо-психике типов низшего уровня, с той только разницей, что здесь, благодаря ясно выраженным психо-социальным комплексам, типы эти являются более отчетливыми, так сказать, яснее формулированными.

Вместе с тем, вследствие присущего среднему уровню большого богатства психики, мы всегда встречаем здесь, на ряду с главными преобладающими эндо-чертами данной личности, также и некоторые дополнительные особенности, соответствующие второстепенным, т.-е. менее развитым у данного типа основным психическим функциям. Индивидуальная психология еще не достигла возможности измерять сколько-нибудь точно сравнительную степень отдельных основных способностей, входящих в состав каждой данной человеческой индивидуальности, — хотя некоторые попытки в этом направлении уже делаются [1]). Однако, приблизительная оценка, которую мы уже и теперь можем делать на основании наблюдения и опыта, свидетельствует о том, насколько разнообразны количественные отношения психических элементов у разных типов. При этом подробное изучение важнейших типов среднего уровня (см. ниже) позволяет установить некоторую закономерность в распределении у них основных психических функций—интеллектуальных, эмоциональных и волевых.

III. Высший уровень.

Благодаря значительному богатству, сознательности и координированности душевных переживаний, экзо-психическая сторона личности, в ее высших идеальных проявлениях, достигает здесь необычайного развития; эндо-психика, находящаяся с ней в полном согласии, составляет лишь естественную ее подоснову. Таким образом, деление производится здесь по экзо-психическим категориям, именно—по важнейшим обще-человеческим идеалам и их характерологическим разновидностям. При этом во

---

[1]) Особенно следует отметить здесь «Психологические профили» проф. Г. И. Россолимо, где личность расчленяется на несколько элементов и измеряется отдельно степень развития каждого из них.

всяком отдельном типе выдвигаются на первый план уже не конкретные, более или менее случайные экзо-проявления, зависящие от эпохи, местных условий и т. п. (как это бывает обычно на среднем уровне), а более глубокие основные черты, логически между собой связанные и сохраняющие свое значение для всех времен и народов.

Так как герои и идеалы вырастают на почве обычных, естественных человеческих отношений, составляя лишь результат дальнейшего, более высокого их развития, то и типы-идеалы высшего уровня по своему содержанию соответствуют в значительной степени психо-социальным комплексам среднего уровня. В частности, важнейшими из них являются следующие:

1) Общественность.

2) Знание: а) индуктивное, б) дедуктивное.

3) Красота.

4) Внешняя деятельность, инициатива.

5) Система, организация.

6) Власть.

Подробное рассмотрение и обоснование этих типов будет сделано нами в соответствующей части книги.

7. Комбинированные, извращенные и переходные типы различных уровней.

Подобно многим другим областям естествознания, и в характерологии, на ряду с чистыми типами, то и дело приходится встречать индивидуумов, представляющих собой смешанные картины, т.-е. совмещающих в себе черты двух или даже более различных типов. Не имея ни возможности, ни необходимости разбираться в бесконечном разнообразии имеющихся здесь комбинаций, мы упомянем только об одной своеобразной разновидности смешанных типов среднего уровня, которую, в отличие от остальных, можно назвать комбинированными.

Комбинированные типы.

Особенность комбинированных типов заключается в том, что, совмещая в себе две различные по существу группы основных психических функций, они, именно благодаря этому совмещению, находят себе в жизни такое применение, которое придает экзо-психике известную цельность и типичность. Так, например, для занятия техникой требуется не только наличность развитого мышления (преимущественно индуктивного), то также и значительное развитие двигательно-волевой энергии. Из значитель-

ного числа возможных здесь типов мы наметили несколько более характерных:

Научно-практические: значительное развитие умственных способностей и умственных интересов, соединенное с ясно выраженными практическими тенденциями (двигательно-волевые процессы); в результате—склонность к занятию техникой, врачебным делом и проч.

Научно-общественные: интерес к знанию (мыслительная деятельность) комбинируется с сочувствием к людям (аффективность, общительность); возникает желание поделиться своими знаниями—склонность к научной популяризации, преподавательскому делу.

Художественно-практические: значительно развитое воображение, связанное с эстетическим вкусом и склонностью к практической деятельности, способствует занятию различного рода художественными ремеслами.

Что касается высшего психического уровня, то и в нем, как мы увидим дальше, приходится различать, с одной стороны, узкие, концентрированные типы, а с другой—более широкие, сфера деятельности и интересов которых охватывает одновременно две какие-либо одинаково крупные области экзо-проявлений. Так как большему разнообразию и широте экзо-психических проявлений должна соответствовать также и большая сложность в составе эндо-психических элементов личности, то очевидно, что широкие высшего психического уровня представляют собой лишь дальнейшее развитие и усложнение комбинированных среднего уровня.

Извращенные типы.

Особую, крайне важную группу составляют извращенные типы, встречающиеся, к сожалению, не только на низшем и среднем, но также и на высшем психическом уровне. Основная, характерная особенность их состоит в том, что значительная часть их действий и поступков (и притом иногда наиболее важных и существенных) представляется биологически нецелесообразными и даже вредными или для них самих, или для окружающих, а иной раз и то и другое вместе [1]).

Причины возникновения извращенных типов могут быть различны. Известное—хотя далеко не первостепенное—значение имеет здесь отсутствие культуры, образования, понижаю-

[1]) «Биологический», как видно из следующих строк, здесь понимается в широком смысле слова, включая и социальные отношения. Ред.

щее общий психический уровень человека и вместе с тем мешающее многим его природным задаткам получить свое естественное развитие. Правда, понижение типа еще не тождественно с его извращением: многие малоодаренные или малообразованные люди, с узким кругом деятельности и интересов, умеют, тем не менее, построить свою жизнь гораздо более целесообразно в биологическом отношении, нежели извращенные, принадлежащие к высшим уровням; в результате получается то, что окружающие, иной раз значительно более одаренные, завидуют внутреннему покою и довольству этих людей и с уважением относятся к их социальной деятельности. Однако, в большинстве случаев бывает так, что прирожденные задатки и склонности человека, не встречая благоприятных условий для своего естественного развития и удовлетворения, заставляют своего обладателя искать искусственных путей к достижению той же цели, и, таким образом, получается то или иное извращение чистого типа.

Гораздо большую роль в происхождении извращенных типов играет несоответствие внешних условий [1]), а также образующихся под их воздействием экзо-психических проявлений человека с внутренним складом его личности (эндо-психикой). Обычная схема процесса извращения в этих случаях такова. Взрослый человек или хотя бы даже подросток, но уже с более или менее сформировавшейся эндо-психикой, попадает в условия, совершенно не соответствующие общему его душевному складу. Так, например, мыслитель-теоретик или даровитый художник вынуждены для поддержания своего существования, а чаще еще ради семьи, бегать с утра до вечера по урокам, выполнять наспех, чисто ремесленным образом, заказы, нисколько их не интересующие, пускаться в разные практические предприятия и т. д.; или человек созерцательного типа волею судеб делается администратором или становится во главе крупного промышленного предприятия или, наконец, человек практического склада, в силу традиции или по желанию старших членов семьи, поступает в духовное звание или посвящает себя художественной карьере. Во всех этих случаях личность, под влиянием обстоятельств, не соответствующих общему ее складу, раздваивается, как бы расщепляется. В ней образуются два центра, психологически имеющие между собой очень мало общего и не только взаимно не связанные, но часто даже враждебные друг другу. Вместе с тем развитие обоих этих центров задерживается: естественное ядро личности не может развиваться в силу неблагоприятных обстоятельств; второе же ядро, образовавшееся благо-

[1]) Внешние условия в данном случае сводятся к условиям социальной среды. Ред.

даря искусственному усилению какой-нибудь второстепенной (для данного человека) группы наклонностей, также не может, в силу своей искусственности, достигнуть сколько-нибудь значительной степени развития. О гармоническом объединении личности также, конечно, говорить не приходится. В результате всего этого общая ценность личности, как биологическая, так и социальная, неизбежно должна значительно понизиться.

Очень часто в этих случаях основные потребности и задатки человека, заглушенные и подавленные неблагоприятными обстоятельствами, продолжают, тем не менее, развиваться, принимая, однако, в своем развитии самые уродливые и противоестественные формы. Нередко дело оканчивается более или менее крупными преступлениями или же различного рода неврозами и психическими расстройствами [1]). Важными вспомогательными факторами служат здесь алкоголизм и вообще употребление всякого рода возбуждающих и наркотических веществ, а также азартные игры, кутежи и т. п. Заставляя человека забыть, хотя бы на время, о постигших его неудачах, они доставляют ему временное острое возбуждение и удовлетворение (хотя бы и фиктивное), а последующая реакция, сопровождающаяся все прогрессирующим нарушением психической координации, способствует, в свою очередь, быстрому извращению и разложению личности.

Наконец, во многих случаях противоестественные, извращенные экзо-проявления личности прямо и непосредственно прививаются ей, уже в готовом виде, путем воспитания, дурных примеров и т. п. Улицы больших городов, а также многие невропатические или ведущие разгульную жизнь семьи служат в этом отношении могучим фактором, порождающим целые поколения алкоголиков, преступников, хулиганов, вообще всего того несчастного, выбитого из колеи люда, которым так богата наша современная культура.

Итак, неблагоприятная среда извращает, уродует личность, всячески нарушая естественный ход и развитие ее душевной жизни. Это обстоятельство не может не отразиться, в свою очередь, и на отношении самой личности к окружающей ее среде, в частности же—к другим людям. Если не считать отдельных исключений, то в общем извращенные типы, по сравнению с чистыми, гораздо более эгоистичны, равнодушны к другим людям и общественным интере-

[1]) Приковывающее за последнее время всеобщее внимание учение Freud'овской школы, в особенности же позднейшие взгляды Adler'a и его последователей, как известно, прямо указывают на извращенное проявление естественных потребностей и стремлений человека, как на причину целого ряда различных неврозов.

сам и даже враждебным им. Как бы ни извратилась природа человека, какие бы искусственные радости и цели жизни, нормы и правила поведения ни создал он себе (вспомним хотя бы своеобразные понятия о чести и достоинстве у воров, проституток и т. п.), все же где-то там, в глубине души, живет сознание того, что жизнь испорчена, и что виновен в этом не только сам человек, но и, главным образом, окружающая его среда, люди, общество. И естественное сочувствие к людям постепенно угасает в человеке, сменяясь или раздражительной озлобленностью, или же тупой апатией или, наконец, циничным равнодушием ко всему на свете, кроме своих собственных, большею частью грубо-чувственных интересов. Более подробно об этом будет сказано ниже, при рассмотрении отдельных извращенных типов и их разновидностей.

Происходя в большинстве случаев из чистых или смешанных типов путем их постепенного видоизменения, извращенные обычно сохраняют в себе много черт, напоминающих их первоначальную, «чистую» структуру. Значительное большинство извращенных типов можно бывает сопоставить с соответствующими им чистыми (или смешанными), указавши также и тот путь, по которому в данном случае пошло извращение. С другой стороны каждый почти чистый тип содержит в себе какую-нибудь «опасную», слабую в биологическом и моральном отношении сторону, которая и может послужить путем для его извращения. Так например, если говорить об эгоистических тенденциях, то они встречаются, в более или менее зачаточном виде, и у различных чистых типов, принимая ту или иную форму в зависимости от общего душевного склада каждого из них: у рассудочных, расчетливых это будет забота о своей выгоде, у аффективных—тщеславие, у энергичных—властолюбие, честолюбие и т. д. Естественно, что в процессе извращения именно эти черты и выдвигаются на первый план, придавая характерную окраску всему вообще душевному складу личности.

Приведем теперь перечень важнейших, более часто встречающихся, извращенных типов различных уровней.

I. Низший уровень.

Плохо приспособлены к жизни, в социальном отношении бесполезны, часто вредны.

1. Пассивные. Смотря по тому, что более ослаблено—чувствования или волевые акты, делятся на две разновидности:

а) апатичные, характеризующиеся равнодушно вялым отношением ко всему окружающему, отсутствием сколько-нибудь ярко выраженных интересов и влечений;

b) безвольные, неспособные к деятельности, борьбе и сопротивлению; поэтому робкие, легко внушаемые, с преобладанием подавленного настроения.

2. Расчетливые эгоисты (соответствуют чистым рассудочным): расчетливы и хитры, черствы и злопамятны; на первом плане забота о своих выгодах и интересах, преимущественно материальных.

3. Аффективные извращенные: веселые, подвижные, беспорядочно-легкомысленные; по своим социальным проявлениям—босяки-пропойцы, драчуны, скандалисты, добровольные шуты, мелкие воришки и т. п.

4. Активные извращенные (насильники). В соответствии с аналогичными чистыми типами делятся на две разновидности:

a) беспорядочные насильники (соответствуют энергичным низшего уровня): решительны и энергичны, особенно в пьяном виде; работать не любят, всегда склонны к борьбе, принимающей обычно характер драки.

b) сосредоточенно-жестокие (соответствуют упрямым низшего уровня): при узком, ограниченном умственном кругозоре спокойно-сосредоточенная, настойчивая энергия, соединенная с жестокостью; в случае надобности не останавливаются перед убийством, истязанием и т. п.

II. Средний уровень.

При большей, по сравнению с низшим уровнем, сложности и сознательности душевной жизни, приспособление к среде все-таки или вовсе не достигается (группа «неудачников»), или же достигается извращенным способом, с вредом для окружающих (группа «успевающих»). Благодаря несоответствию между эндо- и экзо-психикой, образование прочных, определенных психосоциальных комплексов значительно затруднено, и на первый план выступает поэтому опять деление по эндо-психическим особенностям.

Неудачники.

1. Неприспособленные мечтатели. Обладая наблюдательностью, развитым воображением и художественными склонностями, в то же время слишком мягки и безвольны, неспособны к труду и жизненной борьбе; часто спиваются.

2. Аффективные неудачники. Благодаря чрезмерно повышенной аффективной возбудимости, отличаются в своих поступках значительной импульсивностью, порыви-

стостью и несдержанностью; отсюда крайняя неровность их поведения, неспособность к труду, склонность к кутежам и т. д.

3. Энергичные озлобленные. Имеющиеся от природы воля, самостоятельность и способность к инициативе парализованы неблагопрятными обстоятельствами; отсюда недовольство, склонность к протестам, различного рода эксцессы.

Успевающие.

4. Лицемерные. Умны, расчетливы и достаточно энергичны; но весь их ум и энергия направлены на эксплоатацию окружающих с целью сделать себе карьеру, нажить состояние и т. д.; при этом средствами не стесняются.

5. Властные извращенные. Власть из средства становится целью и, благодаря этому, развращающим образом действует как на подчиненных, так и на повелителей; последние превращаются в самодуров, бесцельно-жестоких и давящих все окружающее.

III. Высший уровень.

Когда психическому извращению подвергается личность богато одаренная, то это может повлечь за собой двоякого рода последствия: или духовная мощь ее постепенно убывает, способность к творчеству и психической продукции слабеет, проявления становятся менее сознательными и координированными, одним словом—наступает постепенно понижение психического уровня, существенный ущерб для самой личности; или же, при сохранении духовной мощи человека, извращаются цели и направление его деятельности, при чем на первый план выдвигаются узкоэгоистические интересы, чувственные влечения или же непомерное властолюбие и честолюбие, в жертву которым приносятся счастье и жизнь не только отдельных людей, но часто и целых поколений. В этих последних случаях сохранившиеся отчасти идеальные цели тесно переплетаются с новыми, извращенными,—и тем гибельнее иной раз бывает такое смешение для окружающих, для человечества. В общем эти две группы вполне соответствуют делению извращенных среднего психического уровня на «неудачников» и «успевающих», с той только разницей, что здесь, благодаря большему богатству личности, и самые картины извращения выступают гораздо ярче и разнообразнее. Что касается отдельных типов и разновидностей, то они будут подробно рассмотрены в соответствующей главе—о высшем психическом уровне.

Внимательное, подробное изучение психологии отдельных человеческих личностей убеждает нас в том, что на ряду с суще-

ствованием целого ряда определенных, ярко выраженных типов и их разновидностей, приходится отметить также не меньшее (а пожалуй даже и большее) количество переходных, не ярко выраженных индивидуальностей. Совмещая в себе, в недифференцированном виде, характерные черты двух соседних типов, люди эти по своей психологической конструкции близко примыкают к упомянутым уже выше смешанным и комбинированным типам, хотя и не вполне совпадают с ними. Особенно часто подобные переходные формы встречаются среди извращенных, которые уже по самой сущности своей не могут отлиться в такие яркие, законченные образы, как чистые типы.

Кроме существования очень значительного количества переходных форм, необходимо указать еще и на то, что каждая отдельная человеческая индивидуальность, как бы типична и ярка она ни была, вовсе не представляет собой чего-то застывшего, раз навсегда определившегося, а напротив, может претерпевать изменения, и иногда довольно существенные. С одной стороны, всякий человек, начиная с детства и кончая зрелым возрастом, постепенно повышается в своем психическом уровне, пока, наконец, не остановится на такой ступени, которая оказывается для него предельной, наиболее высокой. С другой, — всякое сколько-нибудь существенное изменение окружающих условий и влияний неизбежно отражается на общем складе личности особенно в молодом возрасте, когда экзо-, а отчасти и эндо-психика еще не вполне сложились; благодаря такому изменению условий, чистый тип может превратиться в смешанный или извращенный, уровень его может понизиться или, наоборот, повыситься и т. д.

Такая текучесть и изменчивость типов представляются вполне естественными: если даже в органической природе, среди животных и растений мы имеем целый ряд переходных и смешанных форм, а также возможность превращения одной формы в другие, то тем более должно это быть в душевном мире, где все явления представляются по своему содержанию гораздо более сложными и разнообразными. Поэтому психолог, изучающий и классифицирующий человеческие характеры, отнюдь не должен стремиться к тому, чтобы резко обособить друг от друга отдельные типы, исключивши всякую возможность изменений и постепенных переходов; такая попытка была бы заранее обречена на неудачу, так как она в корне противоречила бы действительному положению вещей.

Считаясь с этим обстоятельством, мы видели свою задачу не только в том, чтобы наметить и описать важнейшие, чаще встречающиеся типы и их разновидности, но еще и в том, чтобы установить точки соприкосновения и взаим-

ные отношения между этими типами, а также те направления, в которых может изменяться каждый отдельный тип, переходя в другие, так или иначе ему близкие. В этом отношении основные принципы нашей классификации (постепенное повышение психического уровня, преобладание тех или иных основных психических функций, взаимодействие между эндо- и экзо-психикой) предоставляют широкий простор для того, чтобы проследить постепенное развитие, превращение или извращение каждого отдельного типа.

Такое установление закономерных отношений между важнейшими типами может иметь также и существенное практическое значение. Так, например, для педагога представляет большую важность то обстоятельство, что некоторые типы, в силу особенностей своего содержания (наличность качеств, понижающих психический уровень), не могут достигнуть высшего уровня. Отсюда прямой вывод: если ребенок принадлежит к одному из таких типов, то нужно постараться, пока не поздно, перевести его в какую-нибудь другую группу, развивши и усиливши в нем некоторые добавочные черты характера, играющие в данный момент лишь второстепенную роль. При этом надо помнить, что коренную полную перемену личности произвести трудно, почти невозможно. В большинстве же случаев мы можем рассчитывать лишь на то, чтобы перевести путем воспитания данную личность в какой-нибудь из соседних типов. Так, например, мальчика аффективного типа мы можем надеяться превратить в аффективно-деятельного, созерцательного (художники, религиозные созерцатели) или альтруиста, далее—в какую-нибудь из комбинированных разновидностей; но почти невозможно сделать из него типичного мыслителя или рассудочного.

8. Связь нашей классификации с предшествовавшими.

Если сравнить внимательно нашу классификацию с предшествовавшими ей подразделениями других характерологов [1]), то нетрудно убедиться в том, что почти все ее основные принципы и даже многие детали содержатся уже, в виде более или менее ясных намеков (а иногда даже и вполне отчетливо высказанные), в работах прежних авторов. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

---

[1]) Обзор прежних классификаций см. в моей книге «Очерк науки о характерах», 3-е изд. 1916 г.

Деление на эндо- и экзо-психику, по крайней мере, в той отчетливой форме, как оно имеется у нас, со всеми его последствиями и выводами для классификации личностей, не было, насколько нам известно, проведено последовательно ни одним из характерологов. Тем не менее, у Лесгафта и Paulhan'a мы находим нечто весьма близко его напоминающее. Лесгафт, на ряду с темпераментом и характером (который он определяет, вместе с Кантом, как волю, руководимую разумными принципами), различает также тип, складывающийся всецело под влиянием воспитания и семейных условий и определяющийся «степенью сознательного отношения ребенка к окружающей среде и нравственным его развитием». Если темперамент и отчасти характер у Лесгафта соответствуют тому, что мы называем эндо-психикой, то тип, как показывают содержащиеся в книге Лесгафта подробные описания, очень близко напоминает нашу экзо-психику. Полан различает в характере две стороны: во-первых, формальную, определяющуюся взаимоотношением отдельных стремлений, входящих в состав характера, их согласованностью или противоречивостью, их сравнительной широтой, гибкостью, устойчивостью и т. д.; во-вторых, содержание стремлений, т.-е. отношение человека к различного рода собственным переживаниям, а также к отдельным людям, общественным группам, к философским, религиозным и эстетическим ценностям и т. д. Эта последняя сторона, очевидно, очень близко подходит к нашей экзо-психике. К сожалению, у Полана мы не встречаем даже попытки установить так или иначе связь между содержанием стремлений и формальной стороной личности, благодаря чему некоторые его критики (например, Ribot) доходят до того, что совершенно отрицают возможность делить характеры по их содержанию.

Деление на психические уровни (хотя и без упоминания этого термина) мы находим у Лесгафта, Лосского и отчасти Ribot. Различая свои типы в зависимости от преобладания у них деятельно-повышенных или, наоборот, инертно-угнетенных проявлений, Лесгафт делит каждую из этих двух групп на 3 постепенно повышающиеся ступени: 1) рефлекторно-опытную, без нравственных оснований, 2) подражательно-рассудочную, с внешне-усвоенными нравственными основаниями, и 3) разумно-самостоятельную, с твердо выработанными нравственными основаниями. Здесь, следовательно, помимо деления на три повышающихся уровня, мы находим и критерии этого деления: постепенное усиление сознательности и разумной самостоятельности. Лосский делит всех людей на три типа: чувственный, эгоцентрический и сверхличный. Критерием деления служит более или менее активное отношение сложившегося

человеческого «я» к различным собственным чувствам, влечениям и поступкам: в то время как у чувственного (низшего) типа личность человека, его «я» всецело порабощено органическими влечениями и потребностями, у эгоцентрического оно, наоборот, является центром всей его душевной жизни; что касается третьего, высшего типа, то здесь (как это имеется и в нашей классификации) высоко развитая личность сознательно и произвольно отдает себя на служение каким-либо идейным, сверхличным интересам. В менее отчетливо выраженной форме находим мы деление на уровни в классификации Ribot. Здесь оно всецело сводится к большему или меньшему развитию умственных способностей, благодаря которому каждая из его основных групп (см. ниже) делится на две подгруппы — низшую и высшую.

Одним из наиболее излюбленных приемов классификации является деление характеров по преобладанию в них интеллектуальных, эмоциональных или волевых процессов, с дальнейшими подразделениями в зависимости от того, какие стороны этих процессов особенно сильно развиты (Fouillé, Malapert, Ribery, отчасти Ribot и мн. др.). Принцип этот, несомненно имеющий в данном вопросе весьма важное значение, широко использован также и в нашей классификации, с той только разницей, что вместо голого схематизма прежних авторов (ум, чувство, воля) мы берем гораздо более приближающиеся к действительной жизни психо-социальные комплексы, объединяющие в себе как эндо-, так и экзо-психические элементы личности.

Наконец, выделение извращенных типов каждого уровня в особенную большую группу, с дальнейшим их подразделением, также находит себе в прошлом некоторые прецеденты, хотя и гораздо менее отчетливые. Так, еще д-р Azam в 70-х годах прошлого столетия делил все характеры на хорошие, дурные и такие, которые могут быть хорошими или дурными, смотря по обстоятельствам; дурные характеры он подразделял, в свою очередь, на ревнивые, завистливые, злые, лицемерные, эгоистичные и т. д. Все шесть типов Лесгафта представляют собой, в сущности, лишь описание того, каким образом извращается личность ребенка под влиянием разного рода неблагоприятных семейных условий и плохого воспитания. Недаром всем им Лесгафт противопоставляет затем нормальный тип, к слову сказать, далеко уже не столь жизненный и, по словам самого Лесгафта, представляющий собою скорее идеальную схему, чем описание живой действительности. Некоторые намеки на существование извращенных типов можно найти, пожалуй, также и у Paulhan'a в его противоречивых, дисгармонических характерах, у которых стремления ассоциируются не столько по

сходству, сколько по контрасту, и душевная жизнь которых представляет собой поэтому, подобно многим из наших извращенных, постоянную борьбу взаимно-противоположных стремлений и наклонностей.

Такое соответствие основных принципов нашей классификации многим идеям и предположениям, высказывавшимся уже и ранее целым рядом психологов и характерологов, служит, как нам кажется, лишним подтверждением того, что принципы эти не придуманы нами искусственно, а наоборот, выражают собою, в большей или меньшей степени, действительное положение вещей. В то же время более ясная формулировка и последовательное проведение их, а также стремление связать все отдельные, обособленные принципы в одно стройное, органически связанное целое дали нам возможность получить еще и нечто новое, почти совершенно отсутствующее в прежних классификациях: мы имеем в виду значительно большее приближение к жизни, большую полноту характеристик (связанную, однако, с вполне закономерным конструированием каждого отдельного типа); наконец, превращение сравнительно узкой, односторонней *классификации характеров* в гораздо более широкую по своим задачам *классификацию личностей*. В этом отношении особенно важную роль сыграло, на ряду с различением постепенно повышающихся психических уровней, также ясное и отчетливое противопоставление друг другу эндо- и экзо-психики, благодаря чему явилась возможность включить в описание отдельных типов не только эндо-, но и экзо-проявления личности, произвести их подразделение на основании не одних только психо-физиологических особенностей, но и психо-социальных комплексов, выделить в особую группу извращенные типы и т. д. В результате наша классификация, совмещающая в себе данные, полученные как дедуктивным, так и индуктивным путем, окажется, быть может, пригодной не только для того, чтобы дать более удобное обозрение важнейших типов и их разновидностей (главная, почти единственная цель большинства дедуктивных классификаций), но также и для того, чтобы облегчить наблюдение живых, конкретных человеческих индивидуумов, доставив возможность детально разбираться в психологической конструкции каждого из них.

В заключение должен отметить еще одну деталь, причина которой для меня самого представляется еще не вполне ясной: как при описании отдельных типов, так и среди примеров, приводимых для их иллюстрации, значительно преобладают мужские характеристики, женщины же, если и попадаются, то лишь гораздо реже. Это вышло как-то само собой, без всякого пред-

варительного намерения. Зависит ли такая односторонность от того, что сам автор мужчина, или от того, что женщина в настоящее время в социальной жизни и распределении профессий играет еще сравнительно второстепенную роль и поэтому для нашей психо-социальной классификации не может дать такого количества ярких, законченных типов, как мужчина, — на этот вопрос, повторяю, мы сейчас еще не можем ответить.

ЧАСТЬ II.

Низший уровень.

ГЛАВА I.

Общая характеристика.

1. Основные факторы низшего уровня.

Существенными особенностями представителей низшего психического уровня являются, как уже сказано было выше, общая бедность и примитивность их психики. Эта примитивность сказывается, с одной стороны, в однообразии и скудости их проявлений (как внешних, так и внутренних), а с другой — в преобладании низших, более элементарных психических процессов над высшими, более сложными. Как мышление, так и творческое воображение развиты у них сравнительно слабо, в то время как низшие интеллектуальные функции — память и восприятие — отличаются нередко значительной остротой. В области эмоциональной и волевой это ведет к преобладанию смутных, плохо осознанных влечений над ясными отчетливо формулированными целями. Нередко приходится также наблюдать преобладание чувственных, органических потребностей над высшими, идейными интересами. Надо, однако, оговориться, что этот последний признак далеко не имеет такого существенного значения, как предыдущие: стремление к добру и справедливости, чувство долга или сострадания бывают свойственны — и иногда в значительной степени — также и примитивной психике малоодаренного человека. Тем не менее, проявления их у представителей низшего уровня будут, сообразно общему психическому складу этих людей, более просты и однообразны, менее сознательны и координированы, чем у людей среднего и высшего уровней.

Благодаря сравнительной бедности и примитивности психики у представителей низшего уровня, физическая деятельность

и физические потребности занимают в их жизни, если не первенствующее, то, во всяком случае, очень видное место. Это отражается, как мы сейчас увидим, и на их профессии, на их интересах, времяпрепровождении и т. д. Конечно, и у представителей более высоких уровней различные чувственные влечения, а также склонность к физическому, мышечному труду и физическим упражнениям могут быть развиты в неменьшей, может быть, даже в еще большей степени; но зато и психическая жизнь у них несоизмеримо богаче, так что центр тяжести личности обычно перемещается все же в сторону психических (т.-е. более идейных) проявлений и интересов. Между тем, в низшем уровне мы имеем, в большинстве случаев, обратное отношение.

Если таковы основные черты представителей низшего уровня, то очевидно, что принадлежность к нему может обусловливаться, помимо прирожденных психо-физиологических особенностей человека, также и известными внешними обстоятельствами, способствующими развитию этих особенностей. На первом плане здесь следует поставить недостаток образования и умственного развития, а также отсутствие правильного, идейного воспитания. Правда, человек с дарованиями может пробиться даже сквозь толщу невежества и затем путем опыта и самообразования пополнить свои познания и развить свои умственные и нравственные способности; верно также и то, что никакое воспитание и образование не может превратить посредственность в талантливого, выдающегося человека. При всем том, однако, никто, разумеется, не станет отрицать огромной важности упомянутых факторов в деле повышения или понижения общего психического уровня.

Не менее важное значение имеет также большая или меньшая материальная обеспеченность, при чем, однако, влияние ее сказывается далеко не всегда одинаково. Насколько иногда скудость средств, при прочих благоприятных условиях, способствует выработке сильных, энергичных характеров, настолько же крайняя бедность, постоянная необходимость заботиться о куске хлеба влияет на человека принижающим, обезличивающим образом. При этом существенное значение имеет не самый труд и не необходимость ограничивать свои потребности: эти два фактора могут, как уже сказано, даже способствовать повышению психического уровня. Принижающим же образом действует насильственность, навязанность труда, его примитивность и однообразие, его несоответствие запросам и потребностям человека, — а также полное отсутствие досуга, необходимого для того, чтобы выяснить самому себе эти потребности и запросы. И если эти условия не встречают достаточного противовеса со стороны прирожденной психической организации человека, если его эндо-психика бедна и преобладающие психические

функции недостаточно резко выражены, то в результате окружающая среда затушевывает индивидуальность человека и, накладывая на него свой отпечаток, превращает его в своего рода машину, в безличную частицу общего социального механизма.

К такому же точно результату могут, однако, привести и условия, казалось бы, прямо противоположные, именно — полная обеспеченность, чрезмерные заботы со стороны окружающих, отсутствие необходимости напрягать свои силы и способности в борьбе за существование. Психические функции, так же как и физиологические, для своего развития требуют постоянного упражнения, и отсутствие его — все равно, зависит ли оно от искусственного подавления функций или от недостатка соответствующих возбудителей — одинаково понижает общий психический уровень человека. Постоянное предупреждение всех желаний и потребностей, чрезмерная роскошь и пресыщенность зачастую не меньше обезличивают и расслабляют человека, чем самая тяжелая, беспросветная нужда. Поэтому при описании отдельных типов низшего уровня нам придется, между прочим, обращать внимание также и на то, как проявляется данный тип, с одной стороны, в бедной и подчиненной среде, а с другой — в богатой и обеспеченной.

2. Отношение к профессии.

Итак, представители низшего уровня, к какой бы группе они ни принадлежали, характеризуются, с одной стороны, бедностью душевной жизни и преобладанием низших, более элементарных психических функций над высшими, а с другой — своею подчиненностью окружающей среде, которая приспособляет их к себе и накладывает на них свой отпечаток, в большинстве случаев очень мало считаясь с особенностями их индивидуальности.

Эта примитивность психики и подчиненность среде определяет собою в значительной степени их род занятий, социальное положение, отношение к людям и т. д. Будут ли они жить в богатстве или в бедности, будут ли они занимать низкое положение на ступенях общественной лестницы, или силою случая и протекции попадут на высокий пост, — все равно, другие будут командовать ими и направлять их желания и деятельность сообразно своим собственным целям. Можно сказать даже, что это подчиненное положение является для них более характерным, чем выбор той или иной профессии: последняя, как уже было сказано, определяется зачастую чисто внешними условиями и воздействиями, что, при слабо выраженной индивидуальности, не встречает здесь особенного сопротивления со стороны самого человека;

между тем неизбежность социального подчинения прямо вытекает из основных особенностей низшего уровня.

Тем не менее, принадлежность к низшему уровню накладывает, в большинстве случаев, свой отпечаток и на профессиональные способности данного человека. Сравнительная бедность психической жизни благоприятствует сосредоточению упражнения и интересов на мускульной деятельности, выдвигая в первую очередь занятия и профессии, требующие значительной мышечной силы и ловкости, а также физической выносливости. Что же касается слабосильных, менее выносливых представителей низшего уровня, а также таких, которые выросли в условиях городской жизни и не привыкли к тяжелому физическому труду, то они также находят себе применение в других профессиях, требующих умственного труда столько же, сколько и физического. Но и здесь недостаточное развитие высших умственных способностей накладывает на их профессиональную деятельность свой отпечаток: они являются не более, как простыми, механическими исполнителями, знающими и выполняющими только ту простую и однообразную работу (счет, переписка, выполнение простых поручений), которая была им указана; когда же случай выдвигает их на более самостоятельный пост, или же, желая испробовать их, поручают им более сложное дело, требующее соображения и инициативы, то они оказываются совершенно беспомощными: теряются, путаются, никак не могут приспособиться и, в конце концов, часто сами просят оставить их при том скромном занятии, которое соответствовало их способностям.

Из того обстоятельства, что принадлежность человека к низшему уровню предрасполагает его к упомянутым, сравнительно элементарным формам деятельности, нельзя, однако, делать обратного вывода: не следует думать, что если человек всю свою жизнь занимался одной какой-нибудь элементарной работой, то уже в силу одного этого его следует причислить к низшему уровню; другими словами, нельзя думать, будто занятие той или иной профессией само по себе уже является критерием принадлежности к тому или иному психическому уровню. Такой вывод, разумеется, совершенно не соответствовал бы действительному положению вещей. Не говоря уже о том, что самая примитивная, черная работа не может помешать человеку совершенствовать свои нравственные качества (вспомним толстовского Акима из «Власти тьмы» или нравственный героизм первых христиан-рабов), но и широкая общественная, научная и т. п. деятельность может быть в иных случаях совмещена с очень примитивной профессией: апостол Павел добывал себе хлеб деланием палаток, Коперник до конца жизни был клириком, знаменитый немецкий

слагатель песен Ганс Сакс был сапожником. В будущем, более справедливом и целесообразном общественном строе, быть может, все люди должны будут часть своего времени уделять ручному, физическому труду. И в настоящее время среди людей, занимающихся этим видом труда, имеется, несомненно, множество таких, которые по своим дарованиям должны быть причислены к среднему или даже высшему уровню.

До сих пор речь шла о таких профессиях, которыми вынуждены бывают заниматься люди, живущие в нужде или, по крайней мере, в условиях недостаточной материальной обеспеченности. Однако, и в богатой, обеспеченной среде имеется также вполне достаточно, если не профессий, то своего рода «родов занятий», выработанных современным общественным строем и как бы специально приспособленных для представителей низшего психического уровня. Все эти пустые светские фаты и ловеласы, с утра до вечера гранящие панели больших городов, или дамы «просто приятные» и «приятные во всех отношениях», весь свой день наполняющие визитами и нескончаемой болтовней, должны быть, очевидно, отнесены к низшему психическому уровню. Сюда же могут быть причислены и те добрые, но слабые и недалекие люди, которые до того бывают скованы и подавлены традициями и условностями окружающей их среды, что, несмотря на материальную обеспеченность, всю свою жизнь чисто механически тянут лямку навязанных и ненравящихся им занятий (приемы, выезды, официальная благотворительность), не будучи в состоянии устроить, как следует, свою собственную, личную жизнь и свое собственное счастье, или ленивые и благодушные обжоры, предпочитающие хорошее блюдо самой блестящей общественной карьере и самым утонченным эстетическим наслаждениям и исподволь проедающие унаследованное ими состояние. Все эти и им подобные типы обладают основными особенностями низшего психического уровня: бедность и примитивность психики, преобладание низших, более элементарных психических функций над высшими, полная подчиненность окружающей среде.

3. Отношение к людям и обществу.

Особенности психического уровня отражаются в значительной степени также и на отношении человека к людям и обществу. Как уже сказано было выше, принадлежность к низшему уровню еще не исключает возможности социальных чувствований; но она накладывает на них особый, своеобразный отпечаток, придавая им столь характерную для низшего уровня примитивность и недостаточную сознательность. Эти люди

могут быть добры и привязчивы, могут добросовестно стремиться к выполнению своего долга, даже если это противоречит их интересам, — и, тем не менее, всегда есть налицо что-то такое, что мешает их доброте и нравственным стремлениям проявиться с достаточной яркостью и определенностью и принести желаемые результаты. Или это неустойчивость, непродолжительность благих порывов, мешающая им перейти в дело; или малая сознательность, недостаточная ориентированность в окружающей среде, неуменье разбираться в целях и средствах, ведущих к их достижению: мать, которая своим баловством только портит горячо любимого сына; или, наконец, недостаточная координированность, объединенность чувствований и стремлений, ведущая к тому, что у одного и того же человека, на ряду с проблесками добрых чувств, приходится констатировать иногда удивительную черствость и даже жестокость: явление, встречающееся не только в грубых, невежественных слоях общества, но, пожалуй, не менее часто также и у светских, вылощенных представителей низшего психического уровня [1]). Все это ведет к тому, что симпатические побуждения даже у людей нравственных и не злых по своей природе не могут достигнуть здесь той чуткости и отзывчивости, той удивительной способности живо проникнуться чужим горем и чужою радостью, которые столь характерны для соответствующих представителей высшего уровня.

Не менее существенно также влияние, которое принадлежность к низшему уровню оказывает на отношение человека к обществу и общественным делам, на его миросозерцание, интересы и т. д. Благодаря слабой идейности и недостаточной сознательности интересы этих людей обычно бывают узки и ограничены; у мелкого чиновника — это интересы его канцелярии и то, что с ними непосредственно связано, у дамы из общества — интересы определенного, сравнительно небольшого круга ее знакомых и т. д. В этом отношении все они напоминают старосветских помещиков Гоголя (Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна), у которых редкое желание переходило за пределы частокола, окружавшего их усадьбу, или за избы их деревни. Правда, они читают газеты и иногда книги, встречаются с людьми на улице и в публичных местах, — но все это скользит обыкновенно мимо, не затрагивая их сколько-нибудь глубоко и, во всяком случае, не определяя собой линии их дальнейшего

[1]) В деле об убийстве Марианны Тиме, поражавшем своею бессмысленною и притом обдуманной жестокостью, все свидетели, знавшие Далматова раньше, в один голос говорили о том, какой он был милый, воспитанный и мягкий молодой человек.

поведения. О каком-либо стройном, определенном миросозерцании, охватывающем их жизнь и направляющем их деятельность, здесь не может быть и речи. Их знания об окружающем мире отрывочны и несогласованы, их идеалы смутны и неясны, правила их поведения случайны и противоречивы. Если даже благоприятные условия дали им возможность получить образование (хотя бы и высшее), то оно остается обычно мертвым балластом, очень мало влияющим на их жизнь и деятельность. Именно для людей низшего психического уровня главное значение образования заключается не в знаниях, которые они получают, а в дипломе, дающем им возможность более удобно пристроиться.

Участие в каких бы то ни было общественных делах обычно мало их привлекает. Это происходит, конечно, не потому, чтобы они были убежденными, сознательными индивидуалистами (к этому они также неспособны), а просто потому, что всякое общественное дело требует, во-первых, уменья в нем ориентироваться, а во-вторых, известного запаса и напряжения душевных сил, и иногда довольно значительного. Если же необходимость все-таки заставляет их принять участие в каком-либо коллективном, общественном предприятии, то участие это чаще всего бывает чисто пассивным: не будучи в состоянии проявить инициативу, наложить на ход дела свой индивидуальный отпечаток, они ограничиваются обыкновенно лишь тем, что выполняют, насколько могут, предъявляемые к ним требования, возлагая в остальном свои надежды на других, более сильных и одаренных.

Охарактеризовавши, таким образом, в общих чертах важнейшие особенности низшего психического уровня, перейдем теперь к описанию главнейших его групп и разновидностей.

ГЛАВА II.

Чистые.

Чистыми типами, как уже сказано, мы называем такие, у которых одна какая-нибудь группа основных психических функций развита и проявляется больше других, придавая всей личности человека особый, своеобразный отпечаток. Для получения чистого типа необходимо, чтобы внешние обстоятельства хотя бы до некоторой степени содействовали развитию и укреплению основных психических черт данного человека, так как только при этих условиях прирожденный склад характера может обнаружиться достаточно ярко и отчетливо; в противном же случае, экзо-психика не будет соответствовать эндо-психике,

общая конструкция личности нарушается, развитие ее задерживается, и мы получим ту или иную разновидность извращенного типа.

Условие это представляется особенно важным для индивидуумов низшего психического уровня. Чем богаче и выше общий душевный склад личности, тем более стойки ее индивидуальные особенности, тем упорнее стремятся они проявиться даже при сравнительно неблагоприятных условиях. Если люди среднего психического уровня сами стараются выбрать себе ту профессию и тот образ жизни, которые соответствуют их эндо-психике, если представители высшего уровня могут даже влиять на жизнь, искусство, науку и т. д. в соответствии с особенностями своей индивидуальности [1]), то для низшего уровня все это недоступно: люди эти становятся, по своему психическому складу, чистыми или извращенными исключительно в зависимости от того, какими сделала их жизнь и окружающая обстановка. А так как условия жизни часто меняются, то и типы низшего уровня не могут отличаться такой чистотой и постоянством, как это бывает у людей более одаренных.

Что касается подразделения чистых типов низшего уровня, то здесь, как уже сказано выше было, основным принципом деления является преобладание интеллекта, чувства или действия; дальнейшие же разновидности возникают благодаря тому, что каждая из трех названных областей душевной жизни представляет собою сложный комплекс явлений, которые опять-таки далеко не всегда бывают одинаково сильно развиты. Следует еще добавить, что интеллектуальные типы, благодаря общим особенностям низшего психического уровня, почти не встречаются здесь в сколько-нибудь чистом виде; гораздо чаще можно встретить другой тип (свойственный также и более высоким уровням), который мы предлагаем назвать «рассудочным».

1. Рассудочные.

Характерная особенность рассудочного типа состоит в том, что всякое действие или поступок сопровождается предварительным и иногда весьма обстоятельным обсуждением мотивов. Интеллектуальная деятельность направлена здесь, следовательно, не столько на расширение умственного кругозора или на выяснение тех или иных теоретических проблем, сколько на решение разных практических, прикладных вопросов, имеющих непосредственное отношение к повседневной, обыденной жизни («интеллект практического склада» или благоразумие по Бэну).

[1]) См. примечание к стр. 47. Ред.

Это обстоятельство делает представителей данного типа расчетливыми, систематическими с своих действиях и спокойно-рассудительными в речах и во всем их поведении. Бережливые, аккуратные, склонные к порядку, они обычно отличаются значительной предусмотрительностью, стараясь заранее высчитать выгоды и невыгоды всякого предстоящего им поступка. Всегда склонные к рассуждениям, они пространно и подолгу обсуждают в разговорах с окружающими как свои, так и чужие дела и поступки; в тех же случаях, когда возраст или положение дают к этому повод, охотно и с важностью берут на себя роль ментора, поучая окружающих и высказывая целый ряд более или менее глубокомысленных сентенций.

Однако, принадлежность к низшему психическому уровню накладывает резкий, характерный отпечаток как на их рассуждения, так и на все вообще их действия. Не обладая наблюдательностью или сколько-нибудь развитым мышлением, люди эти медленно и туго воспринимают, плохо соображают и недостаточно осмысливают; благодаря этому они лишены возможности самостоятельно относиться к явлениям окружающей жизни, по своему их передумывать и истолковывать. Рассуждения их обыкновенно бесплодны, мысли их неоригинальны; подобно одному из чеховских героев, они всегда говорят лишь то, что уже всем известно. Иногда, впрочем, и они пытаются высказать какую-нибудь собственную мысль или пуститься в сложное рассуждение, но из этого обыкновенно ничего не выходит, кроме скучного, бесплодного резонерства. В интеллигентном обществе такие неумные резонеры бывают обыкновенно оценены по достоинству, в среде же невежественной, малокультурной они нередко производят впечатление и слывут за умных людей, в особенности если их имущественное и общественное положение возвышает их над другими.

То же самое следует сказать и относительно их действий, всегда отличающихся подражательностью, отсутствием какой бы то ни было инициативы. Удачное копирование чужого («все как у людей») они считают высшим, к чему только можно и должно стремиться, всякое же новое, смелое начинание пугает их и представляется им совершенно неприемлемым. В то же время деятельность их, несмотря на постоянные расчеты и рассуждения, далеко не всегда носит целесообразный характер. Недалекие в умственном отношении, лишенные изобретательности и остроумия, они очень часто ошибаются в своих — казалось бы весьма обстоятельных — расчетах и сплошь и рядом упускают из виду, если не самое главное, то, по крайней мере, очень существенные детали. Благодаря этому их успехи в деятельности и жизни даже в случае удачи бывают лишь посредственны и никогда не

могут достигнуть той степени, как у более одаренных представителей рассудочного типа.

Благодаря узости умственного кругозора и полному почти отсутствию высших идейных интересов все расчеты этих людей бывают обыкновенно направлены на удовлетворение и обеспечение ближайших, непосредственных — чаще всего материальных — запросов и потребностей. Отсюда их эгоизм, постоянная забота о себе, тем более бросающиеся в глаза, что сами они, повидимому, далеко не всегда отдают в них отчет; так, постоянно думая и заботясь лишь об удовлетворении своих собственных интересов, они в то же время могут с пафосом повторять избитые фразы о долге и самоотвержении, совершенно искренно считая себя людьми благородными и весьма добродетельными. Иногда, правда, заботы их распространяются также и на других людей, почему-нибудь им близких (семья, родственники); но это бывает лишь в тех случаях, когда люди эти нужны для них самих, представляясь чем-то в роде жизненной обстановки, необходимой для спокойного и довольного их существования.

Благодаря своей расчетливости и благоразумию рассудочные низшего уровня, несмотря на свою умственную недалекость, могут все же, при благоприятных обстоятельствах, достигнуть некоторого успеха в жизни. В таких случаях они делаются обычно крайне самодовольными и самоуверенными, чему в значительной степени способствует их глупость, мешающая видеть свои промахи и критически относиться к своим недостаткам. Наоборот, в тех случаях, когда жизнь их не особенно балует, на первый план выступают другие, противоположные черты, тесно связанные со всей их эндо-психикой: робость и неуверенность в себе, склонность к постоянным колебаниям, преувеличенная осторожность и неспособность решиться на что-либо определенное. Отсюда их консерватизм, принимающий, вследствие их недомыслия, крайне узкие и часто совершенно бессмысленные формы. Хорошим образчиком такого консерватизма может служить чеховский «человек в футляре» — учитель греческого языка Беликов, который боялся буквально всего и своей мнительностью давил не только себя, но и всех окружающих. Его лейтмотивом было: «ах, как бы чего не вышло?» — «Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь... В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное». Он инстинктивно боялся всего живого, действующего и развивающегося, «и древние языки, которые он преподавал, были для него в сущности те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни».

Развитию и сформированию подобных типов способствует, прежде всего, такая обстановка, где все сосредоточено на удовлетворении элементарных, чисто материальных потребностей, при чем руководящими правилами жизни и поведения служат застывшие, раз навсегда установленные шаблоны, мешающие всякому сколько-нибудь живому проявлению личности. Точно также и в общественной жизни рутина и преобладание формы над содержанием, а также отсутствие живых и энергичных людей, могущих стать руководителями общественного мнения, благоприятствуют усилению и процветанию рассудочных типов низшего психического уровня.

В качестве образца приведем одно из действующих лиц «Войны и мира» Толстого, именно — жениха, а затем мужа Веры Ростовой — Берга.

Вначале гвардейский поручик, а впоследствии полковник, занимающий «покойное и приятное место помощника первого отделения начальника штаба второго корпуса», Адольф Берг отличался хорошим здоровьем и спокойным, ровным характером. Всегда безупречно вымытый, застегнутый и причесанный, в чистеньком с иголочки мундире, с припомаженными наперед височками, Берг вообще тщательно следил за внешностью, наблюдая во всем аккуратность и порядок. Та же печать спокойной рассудительности лежит и на всех остальных его действиях. Говорил он «всегда очень точно, спокойно и учтиво». Отличался большой пунктуальностью: приглашая Пьера Безухова к себе на вечер, просит приехать «так, без 10-ти минут в восемь». Еще будучи молодым человеком, очень подробно, по пунктам рассчитывает, почему ему выгоднее служить в гвардии, а не в кавалерии. Особенно ярко проявляется его рассудительность в отношении к браку и семейной жизни: 4 года тому назад он решил жениться на Вере Ростовой; «теперь, сообразив их и свое положение, решил, что пришло время, и сделал предложение»; любит Веру за то, что «у нее характер рассудительный», — не то, что у живой, талантливой сестры ее Наташи; спокойно и с почтительной улыбкой торгуется о приданом с смутившимся и растерявшимся графом, своим будущим тестем; не хочет скоро иметь детей. В то же время, несмотря на всю свою рассудительность, Берг, однако, положительно глуп и совершенно неспособен к какому бы то ни было оригинальному, самостоятельному поступку. Рассказывая с увлечением на вечере у Ростовых о тех выгодах, какие ему сулит переход в гвардию, он не замечает ни колких насмешек своего собеседника, ни насмешливого равнодушия окружающих. Уже достигши зрелого возраста и чинов, он все-таки продолжает решительно во всем, до последних мелочей подражать тем, кто стоит выше его по своему общественному положению: волоса он зачесывает височками вперед, как государь Александр Павлович, дрожки у него такие же, какие были у одного князя, устраивая у себя вечер, изо всех сил старается, чтобы вечер как две капли воды походил на другие вечера, которые ему приходилось видеть, и крайне радуется, что удалось этого достигнуть; после Бородинского сражения отпросился из армии в Москву, хотя ему и нечего было там делать, только потому, что все другие просились, рассказывая о битве, повторяет лишь чужие слова, к тому же перевирая их, и т. д. Одну из наиболее характерных черт Берга составляет эгоизм, наивный и безграничный, доходящий до настоящей самовлюбленности. В обществе он без конца мог говорить о своих выгодах и расчетах, как бы не подозревая того, что у других людей также могут быть свои интересы; даже в траги-

ческую минуту очищения Москвы перед наступающим неприятелем, заставши у Ростовых полный разгром, осложнившийся еще семейным конфликтом, он не может удержаться, чтобы не попросить у них для себя понравившуюся ему шифоньерочку с туалетом. Его скупость характерно подчеркивается в разговоре с приятелем о предстоящей женитьбе: «вот будете приходить к нам... он хотел сказать обедать, но раздумал и сказал: чай пить». Все это, однако, не мешает ему считать себя весьма добродетельным и почтенным человеком и снисходительно относиться к своей жене, которую он искренно (и совершенно несправедливо) считает ниже себя. Есть у него также и свои понятия о долге и счастье, конечно, целиком заимствованные извне и сводящиеся к чинопочитанию, выполнению традиционных семейных обязательств и внешнему, материальному благоустройству.

2. Аффективные.

Как показывает уже самое название, характерную особенность этого типа составляет преобладание чувствований, при чем на первый план выступают аффекты, т.-е. тот род чувствований, который отличается обилием внешних, физиологических проявлений. Вообще низшие более элементарные чувства (например, органические или чувства, связанные с внешними впечатлениями) преобладают здесь над высшими, идейными эмоциями, — что вполне согласуется с принадлежностью этих типов к низшему психическому уровню. Но и аффекты по своему содержанию или по тем объектам, которые их возбуждают, могут иметь различное направление; кроме того, в них может преобладать или объективная сторона (внешние проявления), или же субъективная, т.-е. самое чувство, переживаемое человеком. Этим обусловливаются разновидности данного типа, иногда довольно существенно отличающиеся друг от друга. Из них наиболее ярко выраженную группу составляют:

а) Подвижные (живые).

Подвижные или живые, близко напоминающие по своему общему складу так называемый сангвинический темперамент. Различного рода аффекты (радость, гнев, страх, надежда, удивление и т. д.) возникают у них очень легко, но в то же время отличаются крайней неустойчивостью; несмотря на обилие внешних проявлений (возгласы, слезы, разного рода мимические и пантомимические движения), чувства их никогда не достигают такой глубины и силы, чтобы в течение сколько-нибудь значительного времени давать однообразное направление их поведению и деятельности. Этим обусловливается целый ряд очень характерных для них экзо-проявлений. По отношению к людям они добродушны и незлопамятны, несмотря на довольно часто бывающие вспышки гнева; однако, к сколько-нибудь прочным

глубоким привязанностям почти неспособны. В любви их привлекает легкий флирт, кокетство; они непостоянны и склонны к изменам, не столько ради удовлетворения чувственного влечения, сколько из любопытства. Любят обилие впечатлений, городскую жизнь, шумное светское общество, внешний блеск, роскошь. Склонны к веселью и развлечениям. Увлекаются болтовней и всякого рода сплетнями. К обязанностям своим (например, служебным) относятся небрежно, к систематическому труду совершенно неспособны. Если и возникает у них иной раз, благодаря чужому влиянию или какому-нибудь необычайному происшествию, благой порыв, хорошее, идеалистическое стремление, то ненадолго: они проходят так же быстро, как и бесследно. В лучшем случае они продолжаются до первого, хотя бы ничтожного препятствия. Так, «маловерная дама» Хохлакова из «Братьев Карамазовых» искренно мечтает иногда пойти в сестры милосердия и обмывать гнойные язвы, но «малейшая неблагодарность» ее тотчас же расхолаживает.

В тесной связи с повышенной аффективной возбудимостью и обилием внешних проявлений чувства находится значительная подвижность, проявляющаяся у представителей этого типа крайней непоседливостью, склонностью к жестикуляции, развитой мимикой и т. п. В «Войне и мире» есть характерная сценка о том, как адъютант Жерков, веселый, легкомысленный и подвижной субъект, игравший в штабной компании роль шута, забавлял своих товарищей тем, что очень похоже и смешно передразнивал высшее начальство тут же, в его присутствии; когда же начальство, услышавши смех окружающих, оборачивалось, Жерков успевал в один момент снова принять почтительную, официально-напряженную позу [1]). Для характеристики его можно добавить, что субъект этот продолжал свои шутовские выходки и после того, как было получено трагическое известие о полном поражении союзной армии,—за что и получил резкий нагоняй от мрачно-сосредоточенного, серьезно настроенного Болконского. Болтливость лиц этого типа есть, в сущности, также не что иное, как результат, с одной стороны, их повышенной двигательной возбудимости (возбуждение двигательно-речевого аппарата), а с другой — их постоянного стремления излить наружу свои чувства, поделиться своими впечатлениями в любую минуту и с первым попавшимся встречным [2]).

---

[1]) Совершенно аналогичное поведение 12-летнего шалуна-мальчика, принадлежащего к тому же типу, описано Румянцевым в статье: «Материалы для характеристики», «Вестн. психол.», год II, вып. 7.

[2]) См. по этому поводу характерологический анализ болтливости в моих «Школьных характеристиках», 2-е изд. 1913 г., стр. 160 и след.

Что касается умственной сферы, то повышенная аффективная возбудимость вызывает интерес к внешним впечатлениям и, в связи с этим, некоторую наблюдательность. Однако, интерес этот поверхностен, а наблюдательность не отличается полнотой и систематичностью. Крайняя неустойчивость чувствований не позволяет сосредоточить внимание в течение сколько-нибудь продолжительного времени на одном и том же объекте, а принадлежность к низшему психическому уровню подразумевает надостаточное развитие мыслительных процессов. Поэтому здесь приходится говорить не столько о любознательности, сколько о поверхностном любопытстве; этим же обусловливается слабое умственное развитие и недостаточная начитанность лиц этого типа, даже в тех случаях, когда, волею судеб или вследствие побуждений извне, им удалось получить диплом средней или высшей школы.

Недостаточность умственной деятельности, в связи с описанными выше особенностями аффективной жизни, отражается также и на волевой сфере этих субъектов, обусловливая собой недостаточную обдуманность мотивов, отсутствие предусмотрительности, чрезмерную поспешность и легкомыслие их поступков. Отсюда их мотовство, расточительность и вообще полное неуменье устроить свои имущественные и денежные дела; отсюда же легкомысленное отношение к выполнению взятых на себя обязательств, — будет ли это касаться их частных отношений, или же общественных, служебных и других дел.

Из всего сказанного уже заранее ясно, какие условия являются наиболее подходящими для образования и яркого проявления этого типа. Легкая, праздная жизнь, преимущественно на чужой счет, без необходимости заботиться не только о куске хлеба, но и вообще о своем будущем. У женщин — это жизнь на счет мужа или содержателя, при чем пустая легкомысленная болтовня такой женщины, ее капризная изменчивость и кокетство, в особенности при красивой наружности, являются даже своего рода достоинствами, привлекающими к ней обожателей. У мужчин — это принадлежность к богатой семье, родственные связи, позволяющие человеку, благодаря протекции, без всякого труда с его стороны, весело и беззаботно проходить заранее предназначенную ему карьеру. При этом получение содержания извне даже предпочтительнее, чем обладание большим имуществом, так как для распоряжения последним требуется все же хотя бы небольшое уменье и энергия.

В случае отсутствия этих условий чистота типа нарушается: веселое настроение сменяется ворчливым и недовольным, появляются капризы, жалобы на все окружающее, выступает мало заметный дотоле эгоизм мелкой натуры, одним словом,

намечается переход к одному из извращенных типов, о которых будет сказано ниже. Хорошенькая, легкомысленно-веселая «маленькая княгиня» Болконская, очень близко подходящая к описанному типу, до своего замужества слыла «самой обворожительной женщиной в Петербурге»; выйдя же замуж за серьезного, идеально-настроенного Андрея Болконского и живя в деревне с его отцом, умным, но тяжелым по своему характеру стариком, и с его сестрой, всегда замкнутой и углубленной в себя, княгиня чувствовала себя глубоко несчастной и отводила душу только сплетнями с француженкой-компаньонкой и случайными приездами гостей из Петербурга.

У представителей только что описанной разновидности аффективного типа интересы направлены преимущественно на общение с окружающими людьми, при чем главными движущими пружинами являются любопытство и отчасти тщеславие. Но, как уже сказано было выше, объекты, возбуждающие чувство, могут принадлежать также и к другим областям окружающей жизни; благодаря этому намечаются еще две разновидности аффективного типа, именно — люди, живущие чувственными наслаждениями, и люди, склонные к мечтательности.

b) Чувственные.

Чувственные, принадлежащие к низшему психическому уровню, характеризуются тем, что главный интерес их жизни сосредоточивается на удовлетворении некоторых чисто органических влечений и потребностей, главным образом желудочных и половых. При этом эстетическая сторона дела, участие высших органов чувств (зрения, слуха), вообще все, что возвышает и облагораживает удовлетворение органических потребностей, отступает обычно на второй план, и инстинкт проявляется во всей своей первобытной наготе, в виде обжорства, грубого разврата и т. д. В остальных своих чертах люди эти обнаруживают только что описанные проявления аффективного типа. Примером такой разновидности может служить хотя бы бессмертный гоголевский Петр Петрович Петух. Правда, некоторые его свойства, именно остроумие, расторопность, гостеприимство указывают на то, что у него были, вероятно, задатки более высокого психического уровня; но в силу ли условий воспитания и среды, или благодаря сосредоточению интереса на чувственных потребностях и влечениях, способности его заглохли, и он стал тем, чем мы его знаем, — обжорой и хлебосолом, весело и беспечно проедающим унаследованное состояние. Приведем краткую его характеристику.

Непомерно толстый, благодаря своему обжорству («точный арбуз или боченок»), Петух был, тем не менее, крайне подвижен, весел, общителен

и разговорчив. Захваченный гостем на рыбной ловле голым, он, однако, успел опередить его и уже одетым встретить на крыльце своего дома: «как он успел так слетать — было непостижимо». Всегда торопит слуг и сам торопится. Встречая гостя, заключает его в свои объятия. За обедом говорит не умолкая, пересыпает разговор всякими присказками и прибаутками. Всегда весел, так что даже вызывает зависть скучающего гостя Платонова. С азартом ловит рыбу, сам полез в воду, чтобы не упустить крупного осетра, и, поймав его, с торжеством показывает Чичикову. Но главная его страсть — это еда. Достаточно вспомнить, с каким страстным увлечением заказывает он на завтра обед повару, «подсмакивая и подшлепывая губами», в какие подробности входит при этом и как много употребляет на это времени. По его словам, ему некогда скучать, так как то и дело приходится или есть, или заказывать еду, или отдыхать после еды. На прогулке, вместо того, чтобы любоваться чудным вечером, он «думал о том, как бы окормить своих гостей». Зато все остальные дела идут у него вкривь и вкось. Имение заложено, потому что «все закладывают: как же отставать от других?», кроме того, «сыновья уговаривают, хотят просвещения столичного»; сыновья же его — пустые фаты, только и мечтающие о столичных удовольствиях в виде кондитерских, вышивки и шатанья по бульварам. Правда, в отношениях к людям он добр, что выражается особенно в его радушном гостеприимстве; но и самое это гостеприимство, в которое он всаживает все свое состояние, по существу нелепо: все старания его направлены на то, чтобы напихать гостей сверх меры и желания, лишить их, по крайней мере, на полдня возможности двигаться и, в конце концов, непомерной едой расстроить им пищеварение.

с) Мечтатели.

Если у чувственных интерес сосредоточен на наслаждениях чисто органического характера, то у мечтателей, благодаря большему развитию воображения (главным образом воспроизводящего, так как к творчеству они неспособны), мы встречаемся уже с более идеальными стремлениями: им не чужда эстетика и своего рода благородство в обращении и поступках. Так, Манилов («Мертвые души» Гоголя), принадлежащий к этому типу, любил, сидя в своем кресле и покуривая трубку, помечтать и побеседовать о разного рода высоких материях: о дружбе, философии, о всяких грандиозных проектах и предприятиях; в саду у него разбиты клумбы, подстрижены деревья, и стоит беседка с надписью: «храм уединенного размышления»; с женой он очень дружен, к гостям относится радушно, а к друзьям даже восторженно, всегда готов искренно услужить им (например, отказался взять с Чичикова деньги за проданные ему мертвые души); даже преисполнен уважения к закону; придавши своему лицу чрезвычайно глубокое выражение, спрашивает Чичикова, не будет ли предложенное им предприятие «или, чтоб еще более так сказать, выразиться, негоция... несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?»

Однако, принадлежность к низшему психическому уровню (т.-е., главным образом: общая бедность душевной жизни, слабое

развитие мышления и комбинирующего воображения, полная неспособность, во имя требований своей индивидуальности, бороться с окружающей средой) накладывает на них свой роковой отпечаток. Благодаря ей, самые искренние их намерения, самые восторженные их настроения (а к восторгу они, по своей аффективности, вообще склонны) оканчиваются, в большинстве случаев, или нелепыми, несуразными мечтаниями, или же не менее несуразными, смешными действиями и поступками. Так, Манилов на первый взгляд производил впечатление «приятного и доброго человека», но при ближайшем знакомстве с ним всякий чувствовал «скуку смертельную»: ничего у него не было своего, оригинального, никакого живого слова от него нельзя было услышать. Мечты его нелепы: провести подземный ход к дому, выстроить через пруд каменный мост с лавками по обеим сторонам и т. д.; детям своим он зачем-то дал древне-греческие имена: Алкид и Фемистоклюс; речь его, пересыпаемая высокопарными оборотами и мудреными выражениями, смешна и бессодержательна. То же и в отношениях к людям: его вежливость и приятность в обращении карикатурно-слащавы, его комплименты явно преувеличены, его нежность по отношению к жене превращается в приторную сантиментальность («разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек»); во всем сквозит отсутствие такта и чувства меры, являющееся результатом умственной недалекости.

Наконец, по отношению к окружающей жизни, мы встречаем здесь обыкновенно, полную непрактичность и неуменье приспособиться. Манилов ничего не понимал в делах и во всем доверял своему приказчику; хозяйство у него шло из рук вон плохо: мебель в комнатах была частью роскошная (эстетические потребности), частью же никуда негодная: какой-нибудь медный инвалид-подсвечник, свернувшийся на сторону и весь в сале; дом его «стоял одиночкой на юру, т.-е. на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть» и т. д. Эта непрактичность, неприспособленность к жизни является, с одной стороны, результатом принадлежности к низшему психическому уровню, а с другой — составляет специфическую особенность данного типа, свойственную, как известно, также и мечтателям более высоких уровней и происходящую оттого, что они слишком замыкаются в себя и, увлекаясь образами своей фантазии, перестают интересоваться реальным миром.

Итак, мы видим, что данная разновидность многими своими чертами примыкает к другим разновидностям аффективного типа того же уровня, отличаясь от них, в то же время, большим развитием воображения и всеми последствиями, отсюда вытекающими.

3. Активные.

Основную, наиболее характерную черту этой группы составляет склонность к деятельности, преобладание волевых процессов над всеми остальными. В то же время, однако, принадлежность к низшему психическому уровню придает их деятельности своеобразный, также очень характерный для них отпечаток. С одной стороны, внешние волевые акты, выражающиеся в различного рода движениях, простых и сложных, преобладают над внутренними; такие качества, как склонность к душевной борьбе и способность к самообладанию, почти не встречаются у представителей этой группы: слишком бедна, поверхностна и примитивна их психика для того, чтобы сложные функции высшего порядка могли в ней развиться. С другой стороны, благодаря недостаточной сознательности (слабое развитие мышления, бедность запаса представлений, поверхностность и узость чувствований), деятельность их лишена той планомерной, целесообразной последовательности, какой отличаются активные типы более высоких уровней; поступки их импульсивны, недостаточно обдуманы и плохо приспособлены к требованиям окружающей среды, — вследствие чего затраченные усилия (иногда довольно значительные) далеко не приносят тех результатов, которые они могли бы дать при более умелом их пользовании. Более подробно будет сказано обо всем этом при характеристике отдельных разновидностей.

Как известно, всякий сознательный волевой акт, сколько-нибудь глубоко затрагивающий интересы данного человека, представляет собою сложный процесс, в состав которого входят различные желания и стремления, борьба мотивов и процесс выбора, принятие решения, представления о цели и средствах к ее достижению, наконец, сознательное волевое усилие, направленное на выполнение тех или иных движений, на задержку движений или на какие-либо внутренние переживания. Процесс этот далеко не у всех деятельных людей, даже одного и того же психического уровня, бывает тождествен во всех своих частях; и вот, в зависимости от преобладания тех или иных сторон его, а также от способа возникновения этих сторон можно различать среди активных низшего психического уровня три разновидности: энергичных низшего порядка, покорно-деятельных и упрямых.

а) Энергичные низшего порядка.

(«Низшие активные» Рибо).

У этих людей всякого рода чувства и желания отличаются значительной импульсивностью, заставляющею стремиться, и при-

том очень энергично, к немедленному их осуществлению; какие бы то ни было сомнения и колебания, борьба мотивов и предварительное обдумывание им почти совершенно несвойственны. Этим основным качеством в значительной степени определяются экзо-проявления данного типа, его социальное значение, его важнейшие достоинства и недостатки. Вместе с тем, благодаря упомянутой характерной особенности, энергичные низшего порядка близко соприкасаются с той разновидностью аффективного типа, которую мы назвали подвижными или живыми. Как у тех, так и у других значительно развиты эмоциональные и двигательно-волевые процессы; разница между ними состоит в том, что у аффективных движения и поступки являются преимущественно лишь внешним выражением тех чувствований, которые они в данный момент испытывают, между тем как для активных чувство служит только начальным, исходным пунктом, главный же центр тяжести перемещается в сторону деятельности, вызванной этим чувством. Благодаря близости этих двух типов, существуют между ними также переходные формы, совмещающие в себе в различных комбинациях характерные черты обоих типов; примером такого рода переходных форм могут служить гоголевские Хлестаков и Ноздрев, о которых нам еще придется упоминать в дальнейшем изложении.

Склонность к активному вмешательству в окружающую жизнь, к немедленному и притом энергичному осуществлению своих желаний сказывается у представителей данного типа буквально во всем, за что они возьмутся: во всякого рода имущественных делах и предприятиях, в любовных похождениях, в отношении к отдельным людям и общественным делам, наконец, даже в тех областях, где они обычно очень мало смыслят, например, в науке и искусстве. При этом они отличаются обычно значительной самоуверенностью и, зачастую, смелостью («море по колено!»), вытекающей из недостаточного взвешивания последствий своего поступка. Так поручик Пирогов («Невский проспект» Гоголя),—характер которого очерчен, правда, довольно бегло и односторонне, но все же настолько полно, что дает возможность причислить его к описываемому типу, — обнаруживает чрезвычайную решительность и предприимчивость в своих любовных похождениях, будучи заранее уверен, что «нет красоты, могшей бы ему противиться», и представляя в этом отношении полную противоположность своему товарищу, робко-мечтательному (хотя и гораздо более одаренному) художнику Пискареву. Несмотря на сопротивление приглянувшейся ему наивной немочки, он затеял с ней интрижку на глазах ее мужа, при чем выказал значительную настойчивость и своего рода бесстрашие: однажды, прощаясь с ней в присутствии ее супруга, он «влепил

нахально поцелуй в самые ее губки», чем поверг честного немца «в совершенное недоумение». Впоследствии он, как известно, больно поплатился за свою предприимчивость. Хлестаков, совершенно неожиданно для него принятый чиновниками за ревизора, быстро освоился с своей новой ролью и немедленно же начал пользоваться ее преимуществами, т.-е. обирать деньги у чиновников и ухаживать одновременно за женой и дочерью городничего; когда Осип, хорошо понимавший всю шаткость и опасность их положения, доказывает ему, что уже пора ехать, он сначала не соглашается и лишь потом сдается на его уговоры.

Несмотря, однако, на всю свою энергию, представители данного типа совершенно неспособны к сколько-нибудь серьезному, систематическому труду. Причины ясны: с одной стороны, принадлежность к низшему психическому уровню и вытекающие отсюда слабая идейность, неспособность понимать серьезные запросы жизни, неустойчивость и поверхностность чувствований и интересов, с другой — свойственная этому типу импульсивность, заставляющая их стремиться к немедленному выполнению всякого пришедшего им в голову желания. Поэтому деятельность их—хозяйственная, административная, научная,—бывает обычно беспорядочна и бестолкова. Зато все, что связано с возбуждением и азартом, влечет их к себе неудержимо. На первом плане здесь следует поставить охоту. У Ноздрева все хозяйство находилось в полнейшем запущении, зато собак, всякого рода мастей и пород, было бесчисленное множество, и «Ноздрев был среди них совершенно, как отец среди семейства». Конечно, далеко не всякий охотник принадлежит к описываемому сейчас типу (достаточно вспомнить «Записки охотника» Тургенева), но едва ли можно отрицать, что охота, с ее цыгански-беспорядочным образом жизни, с изменчивостью и разнообразием впечатлений, с азартом и всевозможными приключениями, наконец, с последующими хвастливо-завирательными рассказами, представляет много привлекательного для энергичных низшего уровня. То же следует сказать о всякого рода физическом спорте. Среди лиц данного типа можно бывает зачастую найти недурных любителей-спортсменов (например, «лихие» наездники, футболисты и т. д.),— хотя отсутствие настойчивости и серьезного отношения к делу часто мешает им достигнуть совершенства, бедность же их умственной жизни в данном случае может быть даже полезной, благоприятствуя сосредоточению интереса на чисто физических упражнениях.

Склонность к возбуждению и азарту сказывается также на их развлечениях и вообще на всем их времяпрепровождении. В своих «Школьных характеристиках» мне уже приходилось отмечать, что мальчики энергичного типа больше бывают склонны

к азартным играм, чем другие. Хлестаков пользуется всяким удобным случаем, чтобы «сразиться в картишки»; из-за своей страсти к картам он засел без копейки денег в гостинице незнакомого городка; и когда, благодаря услужливой готовности чиновников, у него сразу очутилось больше тысячи рублей денег, первая мысль его была о пехотном капитане, который перед тем обыграл его («штосы удивительно, бестия, срезывает»): «попадись-ка ты мне теперь! посмотрим, кто кого!» Ноздрев также каждую минуту готов был засесть за карты и, несмотря на свое шулерство, то и дело спускал в игре все, что с ним и на нем было; или же он бился об заклад, или предлагал какую-нибудь мену. «Ружье, собака, лошадь — все было предметом мены, — но вовсе не с тем, чтобы выиграть: это происходило просто от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера». Вообще, главное его времяпрепровождение составляло шатанье по ярмаркам, кутежи и попойки, заканчивавшиеся неизбежными драками и скандалами.

Эта последняя черта, т.-е. склонность если не к дракам, то к столкновениям в той или иной форме, также характерна для энергичных, и притом не только низшего, но и более высоких уровней. Энергия вообще порождает склонность к борьбе, которая у лиц более высокого душевного склада направляется на достижение определенных, более или менее устойчивых целей. У представителей же низшего уровня, благодаря общей беспорядочности и импульсивности их проявлений, данное качество выражается в наиболее примитивных, грубо-нелепых формах. Ноздрев «был в некотором роде исторический человек», так как «ни в одном собрании, где он был, не обходилось без истории», в результате которой или он бил, или его били, а чаще всего и то, и другое вместе. У лиц, менее распустившихся, склонность к борьбе проявляется в своего рода бретерстве, в стремлении задирать других без всякого повода и т. п.

Как уже сказано было выше, энергичные низшего порядка отличаются обычно крайней самоуверенностью, доходящей нередко до смешного. Поручик Пирогов, пойманный в самом разгаре своего романа и позорно высеченный пьяными немцами, вначале пришел в бешенство и полетел жаловаться, считая Сибирь и плети самым малым наказанием для обидчиков. «Но все это как-то странно кончилось»: по дороге он съел в кондитерской два слоеных пирожка, прошелся по Невскому и к вечеру уже был у знакомых, где «так отличился в мазурке, что привел в восторг не только дам, но и кавалеров». Такая ничем ненарушимая уверенность в своих достоинствах является следствием, с одной стороны, их глупости, а с другой — их энергии, которая вообще придает людям известную уверенность в себе. В тесной связи

с этим стоит и их тщеславие, склонность к хвастовству, которые у лиц этого типа бывают обычно выражены очень резко. Всем известно, до чего заврался Хлестаков среди благоговейно слушавших его чиновников («тридцать пять тысяч одних курьеров!... Меня сам государственный совет боится.... Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш...»). Ноздрев, показывая Чичикову границу своего имения, говорит, что не только все, находящееся по сю сторону границы, принадлежит ему, но что и дальше, за границей, тоже все его. И если даже считать это карикатурой, преувеличением, то несомненно, что нечто подобное в жизни у таких людей встречается сплошь и рядом.

Такая самоуверенность и хвастовство могут иногда импонировать окружающим, производить на них впечатление. Но для этого нужны или исключительно-благоприятные условия, как у Хлестакова, или зеленая, неопытная молодежь, вроде художника Пискарева, которому поручик Пирогов оказывал своего рода покровительство. Мало-мальски опытный человек тотчас их раскусит. То же следует сказать и относительно их частых успехов в любви или, вернее, в легких любовных интрижках, так как к сколько-нибудь глубокой, серьезной страсти они совершенно неспособны. На женщину они смотрят, в большинстве случаев, очень цинично, как на самку, созданную исключительно для их удовольствия; такого сорта женщин они ищут, и среди такого сорта женщин они и пожинают свои легкие лавры. Если же им случайно удастся (подобно Анатолию Курагину — см. ниже) увлечь девушку или женщину более серьезного душевного склада, то в результате получается одна из тех трагедий, которыми так изобилует история любви.

В остальном энергичные низшего уровня очень близко напоминают родственный им тип аффективно-подвижных (см. выше). То же хорошее здоровье и прекрасное, всегда повышенное самочувствие, та же общительность и добродушие, соединенные, однако, с полной неспособностью к сколько-нибудь глубоким дружеским отношениям, та же беспечность и поверхностность, несерьезное, легкомысленное отношение к жизни вообще, и в частности—к своим собственным речам и поступкам. Ноздрев, например, врал постоянно, и притом часто «совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху». Он же всегда не прочь был распустить про своих друзей, и притом наиболее близких, какую-нибудь самую пакостную сплетню (что он сделал и по отношению к Чичикову), после чего, однако, «вовсе не почитал себя вашим неприятелем»; напротив, при встрече «он обходился вновь по-дружески и даже говорил: ведь ты такой подлец, — никогда ко мне не заедешь».

Что касается условий, способствующих развитию и проявлению данной разновидности, то они также очень близки к условиям, благоприятствующим развитию аффективно-подвижных; поэтому мы не будем здесь говорить о них, отсылая читателя к тому, что уже было сказано выше.

В качестве образца разбираемого типа приведем краткую характеристику Анатолия Курагина (из «Войны и Мира»), совмещающего в себе большинство перечисленных нами выше характерных особенностей.

Сын знатного придворного интригана, умного и энергичного, но хитрого, эгоистичного и бессердечного. Отец его тратит на Анатолия до 40.000 в год, воспитывает его заграницей, старается устроить ему карьеру, — но все это делает лишь потому, что положение его к этому обязывает, настоящей же привязанности к сыну не чувствует. Сам Анатоль — высокий, стройный красавец, молодой и здоровый. Он всегда весел и спокойно-самоуверен, всегда доволен собой и своими поступками: весело улыбаясь, разговаривает со стариком Болконским, решения которого с таким трепетом ждет его отец; единственный из всех спал спокойно в ночь перед сватовством; застигнутый княжной Болконской (которой он сделал предложение) в тот момент, когда он обнимал француженку, нисколько не смутился. Только перед похищением Наташи он чувствовал, что сердце его бьется несколько сильнее обыкновенного. К аффектам он вообще мало склонен, хотя однажды вдруг вспылил на ямщика: «ну, я тебе морду разобью, ты не шути!» Всякое свое желание он привык удовлетворять немедленно, не считаясь с препятствиями. Решив овладеть Наташей, он сразу же приступает к делу: при втором свидании уже объясняется в любви, затем подготовляет похищение и настойчиво старается осуществить его, несмотря на отговоры Долохова; после неудачи он все-таки продолжает совещаться с Долоховым и сестрой о том, как поправить дело и довести его до конца. Ту же быстроту и натиск он проявляет и в ухаживании за француженкой Бурьен, сразу пробудившей в нем «то странное, зверское чувство, которое на него находило с чрезвычайной быстротой и побуждало его к самым грубым и смелым поступкам». Конечно, эту смелость не следует смешивать с сознательной, идейной стойкостью: этой последней мы напрасно стали бы искать у Анатоля. Когда Пьер в бешенстве пригрозил ему тяжелым преспапье, если он не вернет писем Наташи и не обещает завтра же уехать из Москвы, Анатоль струсил и сразу на все согласился. Его смелость есть лишь результат полной неспособности и нежелания сколько-нибудь подумать о последствиях своих поступков. Похищая Наташу, собираясь жениться на ней вторым, незаконным (так как первая его жена была жива) браком, ломая таким образом всю судьбу, как свою, так и молодой, неопытной девушки, он ни разу не задумался над тем, что из всего этого выйдет. Так же беспечно относится он и к своей службе. На вопрос старика Болконского, где он служит, Анатоль отвечает: «я числюсь... При чем я числюсь, папа?» Он очень глуп, — что неоднократно подчеркивает автор: отец, говоря о нем, называет его дураком; ухаживая за Наташей, он совершенно не находит, о чем говорить с ней, и только его красота и спокойная самоуверенность мешают ему стать смешным; любовное письмо сочинил ему Долохов; он же организует для Анатоля план похищения и ведет его денежные счеты. Этой полной неспособностью рассуждать и объясняется то обстоятельство, что Анатоль, в нравственном отношении павший очень низко (живет паразитом, на чужой счет; ради своей прихоти готов, не задумываясь, сделать несчастным другого человека; не останавливается перед преступлением — двоеженством), тем не менее, был убежден, что живет хорошо, считал себя

безукоризненным человеком и искренно презирал подлецов и дурных людей. У него даже есть свой кодекс чести, заставляющий его требовать у Пьера взять свои слова («подло и т. п.») обратно и позволяющий ему, однако, вслед за этим, у того же Пьера брать деньги на дорогу. Анатоль не был честолюбив, не заботился о своей карьере и своих выгодах. Он любил на свете только одно: веселье и женщин. Веселье выражалось в кутежах, которыми он, вместе с Долоховым, прославился на обе столицы; он мог пить напролет ночи, перепивая всех, с наслаждением вспоминает, как они однажды мчались из Твери на тройках, так что дух захватывало, наехали на обоз, перескочили через два воза и т. д. На женщин он смотрел только как на средство наслаждения; в обращении с ними он усвоил себе «манеру, которая более всего внушает в женщинах любопытство, страх и даже любовь, — манеру презрительного сознания своего превосходства» («А уж вы бы рады!»); всем московским барыням он явно предпочитал цыганок и француженок. Такое отношение, соединенное с его выдающейся физической красотою, создало Анатолю заслуженную репутацию ловеласа и сердцееда, от которого всякая серьезная, уважающая себя женщина должна держаться подальше.

b) Покорно-деятельные.

Подобно всем вообще активным, тип этот характеризуется своею склонностью к деятельности; в отличие же от остальных разновидностей активной группы, мотивами, определяющими и направляющими деятельность, являются здесь не собственные желания и влечения человека, а внушения, получаемые им извне, от других людей. Эта основная черта, в соединении с известными уже нам характерными особенностями принадлежности к низшему психическому уровню, придает всей их душевной жизни особый, очень своеобразный отпечаток. Прежде всего они отличаются обычно значительным трудолюбием и порядочной работоспособностью. Так, Акакий Акакиевич («Шинель» Гоголя), представляющий собою яркий образчик данной разновидности, «служил ревностно,... служил с любовью... Если бы, соразмерно его рвению, давали ему награды, он к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники». Характерологическая основа такого трудолюбия заключается, с одной стороны, в том, что деятельность их (к которой они, подобно всем активным, вообще склонны) не отличается той импульсивностью и порывистостью, как у энергичных низшего порядка, и потому может быть более последовательной и систематической; с другой стороны, благодаря отсутствию сколько-нибудь значительных аффектов, они обладают обычно ровным, спокойным настроением, которое, в связи с повышенной внушаемостью (см. выше), дает им возможность покорно и без протестов нести возложенное на них окружающей средой бремя; а бремя это состоит обыкновенно в труде, однообразном и несложном, но вместе с тем постоянном и неуклонном.

В работе, какова бы она ни была—физическая или умственная,—они всегда лишь исполнители. Когда Акакию Акакиевичу, в награду за долголетнюю службу, поручили выполнить работу несколько более сложную, чем простое переписывание (хотя усложнение было ничтожное), то «это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и, наконец, сказал: нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь. С тех пор оставили его навсегда переписывать». Гончаровский слуга Антон, также принадлежащий сюда, «как по машине», исправлял свою «немудреную службу». Интересно, что в тех редких случаях, когда у таких людей является какое-нибудь свое, самостоятельное желание, которое они пытаются осуществить, самый их характер на время как бы несколько меняется. Когда Акакий Акакиевич, после долгих колебаний, решил, наконец, сшить себе новую шинель, «он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность, словом—все колеблющиеся и неопределенные черты». Конечно, такая перемена бывает обычно неглубока и непродолжительна, и скоро они опять возвращаются к привычному своему делу, именно—к слепому, машинообразному исполнению чужих предначертаний. В этом привычном деле, благодаря долгому упражнению, они достигают нередко довольно значительного навыка и уменья; зато в остальном своем поведении субъекты эти отличаются обычно робостью, неловкостью и неуклюжестью, вызывающей насмешки со стороны других, более самостоятельных и уверенных в себе людей.

Слабое развитие собственных желаний, в связи с повышенной внушаемостью, привычкой подчиняться во всех своих поступках директивам, исходящим извне, влекут за собой у представителей данного типа целый ряд других проявлений, как эндотак и экзо-психических. Так, они отличаются обычно значительной застенчивостью, легко смущаются и конфузятся, особенно в многолюдном обществе или в присутствии важных начальствующих лиц. Акакий Акакиевич избегал общества, предпочитая отдыхать от службы в своей одинокой комнатке: когда товарищи, обступивши его, стали поздравлять с новой шинелью, он «совершенно потерялся»; он боялся портного Петровича с его манерой запускать пыль в глаза, запрашивая несуразно дорогие цены; но особенно боялся он начальства: когда похищение шубы заставило его обратиться с ходатайством к «значительному лицу», то при первом же окрике этого «лица» он «так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и... если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол». В тех случаях, когда представители разбираемого типа обладают крупной

фигурой и хорошо развитыми мускулами (как, например, слуга Антон—см. ниже), такая робость и застенчивость представляют зачастую странный контраст с их богатырской внешностью.

Благодаря своей робости и привычке подчиняться, покорно-деятельные никогда не играют сколько-нибудь заметной роли в обществе. Акакию Акакиевичу «в департаменте не оказывалось никакого уважения... Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически... Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия». И он покорно сносил все это, даже не представляя себе, чтобы дело могло обстоять как-нибудь иначе.

Такая привычка смотреть на всех окружающих снизу вверх делает представителей этого типа склонными к слепому почитанию и благоговению. Они совершенно искренно готовы преклониться перед всяким, занимающим высокое положение в какой бы то ни было отрасли жизни, совершенно не разбираясь в том, приобрел ли он это положение в силу своих моральных достоинств, или же благодаря случаю, обману, насилию и т. д. Таким же точно образом относятся они и к возложенным на них обязанностям. Чувство долга обычно бывает здесь значительно развито, составляя один из преобладающих мотивов поведения. Свои обязанности они знают всегда очень хорошо, между тем как сознание своих прав представляется им довольно смутным и неясным: там, где другие требуют, они просят; где другие негодуют, протестуют и борются, они покорно и молча подчиняются. Этому способствует, конечно, также и принадлежность к низшему психическому уровню (resp. слабая сознательность), не дающая им возможности разобраться как следует в сложных социальных отношениях.

В связи со слабым развитием собственных желаний и влечений находится также ограниченность потребностей, которая у представителей этого типа составляет один из обычных и притом очень характерных признаков. Акакий Акакиевич вполне довольствовался своей скромной участью и не желал ничего большего; он совершенно не интересовался развлечениями, свойственными мелким чиновникам его круга (театр, карты, пирушки, ухаживание за женщинами), и не искал их; в костюме он был крайне непритязателен; наконец, когда обстоятельства вынудили его решиться на такой крупный расход, как шитье новой шинели, он начал отказывать себе буквально в самом необходимом: не пил чаю по вечерам, не зажигал по вечерам свечи, ступал по камням и плитам осторожно, почти на цыпочках, чтобы не стереть слишком скоро подметок, и т. д. Такая непритязательность и уменье довольствоваться немногим, в связи с отсутствием эгоизма и нетребовательностью по отношению

к другим, делают этих людей часто довольно симпатичными, хотя вместе с тем и жалкими. Когда Акакий Акакиевич, выведенный из терпенья приставаньем молодых товарищей, произнес: «Оставьте меня! Зачем вы меня обижаете?», то в голосе его и словах «слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость», что один из присутствующих здесь молодых людей долго не мог забыть потом этих слов, впервые почувствовавши, как много жестокости и бесчеловечья заключается часто в самых, казалось бы, обыкновенных человеческих отношениях.

Надо сказать, впрочем, что, несмотря на столь развитую способность к самоограничению, бывают и у этих людей свои небольшие страстишки, скрашивающие их неприглядную, однообразную жизнь. Чаще всего здесь приходится встречаться со склонностью к выпивке. В большинстве случаев склонность эта бывает не настолько сильно развита, чтобы нарушать их скромно-трудовой образ жизни; но иногда, благодаря свойственному им слабоволию, они постепенно втягиваются, делаются привычными пьяницами и, в конце концов, могут превратиться в соответствующую разновидность извращенного типа.

Что касается условий, способствующих сформированию и яркому проявлению данной разновидности, то они ясны сами собой. Прежде всего—недостаточность материальных средств, бедность, мешающая детям получить образование и выйти в люди, заставляющая взрослых браться за самую неприятную, однообразную работу и трудиться с утра до вечера из-за куска хлеба. Затем — подчиненное положение, будет ли это профессия мелкого чиновника, слуги, приказчика, мелкого ремесленника, или же подчинение главе семьи (например, положение жены, взрослых детей при деспотическом, холодно-требовательном муже) и т. д. Могут быть и некоторые другие причины, но они обычно имеют уже менее существенное значение.

с) Упрямые.

У лиц данного типа волевые процессы также преобладают над всеми остальными; отличие же их от других разновидностей активной группы состоит в том, что раз принятые решения обладают здесь значительной устойчивостью и энергично проводятся в жизнь, несмотря на могущие встретиться препятствия. Казалось бы, что тут мы можем впервые встретиться с тем, что называют силой воли или сознательной твердостью характера; однако, это далеко не так: принадлежность к низшему психическому уровню сказывается, в данном случае, накладывая на всю их деятельность отпечаток рутинности, недостаточной сознательности и тупого, иногда бессмысленного упрямства. Благо-

даря узости кругозора и неспособности рассуждать люди эти не могут в каждый данный момент достаточно ориентироваться в сложных, постоянно меняющихся, условиях окружающей действительности и, сохраняя свою основную линию поведения, видоизменять детали применительно к требованиям жизни. Они, наоборот, с трудом доходят до какого-нибудь определенного решения, нелегко усваивают тот или иной образ действий, но зато, раз усвоивши его, считают необходимым однообразно и неуклонно выполнять раз принятое решение, не отступая от него ни на шаг и педантически придерживаясь самых мельчайших подробностей. Обладая слабо развитым мышлением, они неспособны бывают отличить основную идею дела от побочных, второстепенных деталей; напротив, именно в этих деталях, ярких, бросающихся в глаза, для них и заключается обыкновенно самое главное, за них-то именно они и цепляются с настойчивостью, достойной лучшей участи. Отсюда их мелочность и педантизм, склонность обращать внимание на формальную сторону дела в ущерб его содержанию, отсюда же их бессмысленное упорство, отличающееся от разумной самостоятельности именно тем, что человек настойчиво продолжает следовать раз принятому образу действий, несмотря на то, что действия эти уже явно начинают противоречить его собственным целям и интересам.

Особенно ярко сказываются все эти особенности в выполнении упрямыми своих обязанностей, того, что они считают своим долгом. Надо сказать, что чувство долга у представителей данной разновидности бывает обыкновенно значительно развито,— что прямо вытекает из их потребности в настойчивом и неуклонном выполнении раз принятых решений: к обязанностям своим они относятся обыкновенно аккуратно и добросовестно, исполняя их не за страх, а за совесть, иногда даже в ущерб своим собственным интересам. Таков, например, Григорий, слуга Федора Павловича Карамазова («Братья Карамазовы» Достоевского), искренно преданный своему барину и готовый всячески защищать его, несмотря на то, что барин этот представляет собой отвратительного эгоиста, жестокого и развратного, от которого ни сам Григорий, ни все окружающие не могут ожидать ничего хорошего; таковы старые, заскорузлые служаки, отставные фельдфебели, городовые и т. п., которые и в свою частную жизнь переносят фронтовые привычки, усвоенные ими на службе и соответствующие общему складу их характера. Их добросовестное отношение к своим обязанностям невольно возбуждает в нас симпатию, своего рода уважение. Беда только в том, что их представление о долге отличается обычно крайней узостью и примитивностью, сводясь к педантическому, рутинно-однообразному выполнению нескольких, раз навсегда затверженных правил

и предписаний, к тому же еще недостаточно осмысленных и зачастую совершенно неверно понимаемых. Благодаря этому, все их добросовестные старания и усилия нередко не только не приносят никакой пользы общему делу, но даже мешают ему. Так, отставной унтер-офицер Пришибеев (в рассказе Чехова—«Унтер Пришибеев»), представляющий собою, правда, несколько шаржированный и бегло очерченный, но все же очень типичный экземпляр данной разновидности, крайне усердно и совершенно бескорыстно старается «наводить порядки в своем родном селе». Он совершенно искренно убежден в том, что на селе «никто порядков настоящих не знает», кроме него, отставного унтер-офицера, служившего также в пожарной команде и бывшего даже два года швейцаром в гимназии. На этом основании Пришибеев считает себя обязанным наблюдать за всей жизнью односельчан, читать нравоучения бабам, разгонять собрания на улице, вмешиваться в распоряжения администрации и т. д. Между тем представления его о законах, о распределении прав и обязанностей до того наивны и спутаны, что рассуждения на эту тему невольно вызывают улыбку; он не замечает, что вмешательство его не только не водворяет порядка, но, наоборот, нарушает его, вызывая ссоры и драки; и приговор мирового судьи (на месяц под арест за оскорбление действием старшины и урядника при исполнении ими своих обязанностей) кажется ему непонятным и несправедливым.

Надо вообще сказать, что представители данного типа в особенности, когда они достигли уже известного зрелого возраста, отличаются склонностью командовать, распоряжаться и делать наставления. По своей наклонности к нравоучениям и резонерству они напоминают рассудочных, с той только разницей, что там рассуждения остаются более или менее теоретическими, тогда как здесь они немедленно же переходят в соответствующие действия. Такое непрошенное вмешательство в чужие дела сплошь и рядом вызывает недовольство и протесты со стороны окружающих (как это было и с Пришибеевым), в результате чего возникают постоянные ссоры и столкновения; и действительно, люди эти бывают иногда прямо несносны по своей постоянной ворчливости и придирчивости, часто совершенно нелепой и ни на чем не основанной. В то же время, однако, по существу они очень часто бывают не только не злы, но, наоборот, очень добродушны и мягкосердечны: так, суровый, раздражительный Григорий, не переносивший возражений со стороны Смердякова и в детстве очень часто награждавший его колотушками за малейшее неповиновение или насмешку, в то же время не только вырастил Смердякова, но и выняньчил в своей избе детей Федора Павловича, брошенных отцом совершенно на произвол

судьбы; когда же приехавшая благодетельница-генеральша, забирая детей к себе, дала Григорию пощечину, он не только не обиделся, но еще поклонился ей в пояс за то, что приютила сирот. За грубой суровой маской здесь часто скрывается доброе сердце.

Будучи склонны точно и беспрекословно исполнять то, что они считают своею обязанностью, представители этого типа требуют обыкновенно того же и от других, в частности—от своих подчиненных или тех, кого они считают подчиненными. Этим, быть может, обусловливается столь характерная для них приверженность к дисциплине и ко всякого рода иерархии. «Где в законе написано, чтобы народу волю давать? я не могу дозволять-с!» говорит Пришибеев; даже выйдя из суда, где его приговорили к аресту, он «по привычке», с которой уже совладать не может, вытягивает руки по швам и кричит сиплым, сердитым голосом: «народ, расходись, не толпись! по домам!». В то же время Пришибеев настолько заботился об авторитете мирового судьи, что простую фразу о неподсудности судье некоторых дел считает уже оскорблением власти. Слуга Григорий требовал от мальчика Смердякова беспрекословного повиновения; он же впоследствии на суде, когда защитник начал издеваться над ним, заявляет: «я человек подневольный... коли начальству угодно надо мною насмехаться, так я снести должен».

Остальные эндо- и экзо-черты данного типа находятся в более или менее близком соответствии с только что описанными. Сравнительно умеренное развитие аффективной жизни и преобладание волевой действительности накладывают на все их поведение своеобразный отпечаток спокойной самоуверенности, соединенной с готовностью во всякую минуту отстаивать себя и свои мнения. Не будучи особенно подвижными и разговорчивыми, они в обществе держатся спокойно и с достоинством, не смущаясь ни при каких обстоятельствах: таково было, например, поведение Григория на суде, где его, как важного свидетеля, подвергли продолжительному перекрестному допросу: «Григорий Васильевич предстал в залу, не смутившись нимало ни величием суда, ни присутствием огромной слушающей его публики, с видом спокойным и чуть не величавым. Он давал свои показания с такой уверенностью, как если бы беседовал наедине со своею Марфой Игнатьевной, только разве почтительнее. Сбить его было невозможно». Вместе с тем они не трусы и, в случае надобности, могут обнаружить значительную смелость: тот же Григорий, увидев в темноте сада необычайно-открытое окно и бегущего от дома человека, забыл свою хромоту и боль в пояснице и бросился преследовать «изверга-отцеубивцу», за что и поплатился тяжелой раной в голову.

В своем образе жизни они отличаются обыкновенно трудолюбием и невзыскательностью, довольствуясь немногим и не гонясь за роскошью; это происходит отчасти благодаря узости и ограниченности их чувствований и желаний (так, например, эстетические интересы здесь обычно совершенно отсутствуют), отчасти же вследствие свойственной им расчетливости, которая в пожилом возрасте зачастую переходит в скупость.

В качестве условий, способствующих развитию и проявлению данной разновидности, следует назвать прежде всего суровую обстановку, соединенную с лишениями и опасностями,—будет ли она создана самой природой (например, жизнь на море, профессия рыбака, матроса), или же требованиями социальной жизни (например, военная или полицейская служба): настойчивость и упорство могут быть выработаны только путем борьбы, требующей постоянного напряжения волевого усилия. С другой стороны, не менее важную роль в данном случае играет подчиненное положение человека, требования дисциплины, заставляющей его без рассуждений выполнять отдаваемые ему приказания. Самое дело, будучи трудным и требуя значительного напряжения сил, в то же время не должно отличаться особенной сложностью и разнообразием, так как, в противном случае, оно потребует уже сообразительности, к которой представители данного типа неспособны.

ГЛАВА III.

Извращенные.

Из той общей характеристики извращенного типа, которая дана была нами в первой главе, видно, что отличительной особенностью этого типа является более или менее значительное несоответствие его представителей с основными биологическими и социальными задачами и требованиями человеческого существования. Этому соответствует, между прочим, и то обстоятельство, что различного рода антисоциальные проявления (например, преступность, бродяжничество, отвращение к труду, эгоизм, и жестокость и др.) встречаются у представителей данной группы гораздо чаще, чем у чистых типов какого бы то ни было уровня. Отличие же от патологических или болезненно-ненормальных состоит в том, что извращенность является здесь следствием не каких-либо органических изменений в центральной нервной системе, а чисто внешних, социальных воздействий и привычек; привычки эти могут или образоваться в течение жизни (воспитание, влияние среды) или—что, повидимому, бывает значительно реже—являются прирожденными, унаследованными.

В тесной связи с этой отличительной особенностью данной группы стоит другое обстоятельство, также очень характерное для извращенных всех уровней, именно, более или менее значительное несоответствие между их эндо- и экзо-психикой или, другими словами, между их нервно-психической организацией и тем внешним отпечатком, который получает их жизнь и деятельность под влиянием действующих извне обстоятельств. Такое несоответствие, как мы увидим ниже, является одной из наиболее частых причин возникновения извращенного типа. С другой стороны, раз возникшая социальная извращенность, со всеми ее характерными особенностями, в свою очередь мешает правильному, естественному (resp. адэкватному) удовлетворению как общечеловеческих, так и личных стремлений и потребностей данного индивидуума; невозможность прямым, естественным путем осуществлять свои основные наклонности побуждает зачастую человека к странным, совершенно ему, казалось бы, несвойственным выходкам и поступкам, вырывая, таким образом, еще большую пропасть между его эндо- и экзо-психикой.

К этим общим особенностям извращенного типа присоединяются на низшем уровне свои собственные отличительные черты, придающие извращенным этого уровня своеобразный отпечаток. Сюда относятся, прежде всего, столь характерные для низшего уровня умственная ограниченность и недостаточная способность ориентироваться в окружающей среде, а также слабая идейность, преобладание низших, более элементарных психических процессов над высшими, более сложными. Такие черты, как легкомыслие и непредусмотрительность, леность, неспособность владеть собой, отсутствие сознательной настойчивости в действиях, грубость инстинктов и т. д., у извращенных представляются еще более резко выраженными, чем у чистых того же уровня: там, благодаря наличности благоприятных условий, сама внешняя среда как бы поддерживает человека, сохраняя цельность его духовного облика и позволяя его скудному психическому багажу проявиться с возможно большей полнотою; здесь, наоборот, враждебная среда заглушает личность, ломая и коверкая и те способности, которые в ней были. Ферри [1]) указывает на две основные психологические формы аномалий у преступников: нравственную нечувствительность и непредусмотрительность; к ним часто присоединяется также и столь характерная для детей и дикарей чрезмерная возбудимость (стр. 49—50), заставляющая некоторых исследователей (Bonghi) видеть в преступности не что иное как результат недостаточного развития задерживающих центров (107). С этим согласуются

[1]) Энрико Ферри. «Уголовная социология». Русск. перев. Москва, 1908 г.

и другие наблюдения, свидетельствующие о том, что преступники часто являются настоящими «большими детьми», проявляя иногда случаи «настоящего ребячества» (44) [1]).

Тот же Ферри указывает (стр. 68) на то, что антропобиологические аномалии, характеризующие собой так называемый «преступный тип», могут быть свойственны не только людям, фактически совершившим какое-нибудь преступление: вызываемые ими ненормальности поведения могут выразиться также и в других формах, не квалифицируемых законом как преступление, но отличающихся той же основной чертой, именно—своим несоответствием основным биологическим и социальным задачам человеческого существования. И действительно, при обозрении различных извращенных типов низшего уровня мы увидим, что в число их входят не только преступники, т.-е. воры, убийцы, мошенники и т. п., но также нищие, бродяги, проститутки, привычные пьяницы, одним словом—весь этот несчастный люд, выбившийся раз навсегда из социальной колеи и уже почти неспособный больше вернуться к сколько-нибудь нормальному человеческому существованию.

Не менее резко выражена здесь также и другая характерная особенность низшего психического уровня, именно—подчиненность внешней среде, слабое развитие собственного «я», собственной инициативы. В то время, как более одаренные представители среднего уровня, принадлежащие к извращенному типу, борются за сохранение своей индивидуальности, ищут для себя подходящих условий, стараются осуществить свои основные стремления хотя бы и при помощи различных антисоциальных средств и приемов (обманы, эксплоатация и т. п.),—здесь мы встречаем совсем иное: человек покорно подчиняется тем неблагоприятным условиям, в которые поставила его судьба, и либо совершенно не пытается противиться им, либо после ряда неудачных попыток совершенно теряет способность к сопротивлению. В результате представители этой группы, даже если они принадлежат к типу раздраженных, озлобленных и протестующих, все-таки отражают в своих поступках и действиях не столько свои собственные, индивидуальные черты, сколько тот чисто внешний отпечаток, который налагается на них средой и условиями жизни.

Это последнее обстоятельство, именно—преобладание в данном случае извращенных экзо-психических проявлений над особенностями эндо-психики, кажется нам заслуживающим значительного внимания и изучения. В бродяге, нищем, пропойце,

[1]) Аналогичные указания можно найти и у Достоевского, в «Записках из Мертвого дома».

проституткe нам прежде всего бросается в глаза не их личный характер, а их, если можно так выразиться, профессиональные особенности, и нужно бывает зачастую много внимания, интереса и любви к человечеству, чтобы за этой толстой, нивелирующей корой распознать и выделить в каждом отдельном случае свои индивидуальные задатки, живую человеческую личность.

Здесь нужно, однако, сделать одну существенную оговорку. Среди извращенных низшего уровня мы встречаем немало и таких людей, которые по своим прирожденным задаткам являются сравнительно более одаренными и могли бы принадлежать к среднему психическому уровню, если бы, в силу тех или иных условий (см. ниже), они не выбились из соответствующей их характеру социальной колеи и не попали «на дно» общественной жизни. Такие типы (правда, зачастую сильно прикрашенные и идеализированные) встречаются в большом числе у Горького, нередко также у Достоевского и других авторов. В них всегда есть нечто, выделяющее их из ряда остальных товарищей по участи и заставляющее обратить на них внимание,—хотя и не могущее дать им возможности встать на собственные ноги и из «бывших людей» сделаться людьми настоящими. Таким «нечто» в одних случаях является известная энергия и предприимчивость, в других—остатки ума, образования или таланта, мягкость и сострадание к людям и т. д. Иногда эти качества доставляют их обладателям некоторое преобладание, делают их вожаками среди товарищей по положению, в других случаях, наоборот, становятся источником лишних мучений, заставляя горько сожалеть об утраченных жизненных возможностях; наконец, бывают и такие случаи, когда эта «искра божия» (в виде религиозного или каких-либо других идейных чувств), глубоко затаенная в душе порабощенного судьбой и опустившегося человека, является, в сущности, единственным утешением и поддержкой в его тяжелой жизни.

Что касается, наконец, условий, способствующих развитию и проявлению извращенных типов низшего уровня, то они, в общем, отличаются довольно значительным разнообразием. На первом плане, как уже можно судить из всего сказанного, следует поставить здесь все то, что так или иначе угнетает и порабощает личность и, задерживая нормальное развитие человека, подавляя его естественные склонности, заставляет его психическую энергию искать других выходов, в большинстве случаев уже более или менее искусственных и антисоциальных. Сюда относится, например, столь часто и охотно описываемый в литературе тип опустившихся людей—пьяниц, бродяг т. д.,—одаренных от природы, но которым отсутствие правильного воспитания и образования, бедность или какие-либо другие условия помешали развить и проявить свои естественные задатки в более

или менее полном виде. Такой человек инстинктивно чувствует заложенные в нем силы, физические или духовные,—и в то же время неоднократно убеждается в том, что всякая попытка проявить эти силы оканчивается неудачей. Его ограниченный, неразвитый ум отказывается объяснить это противоречие,—и в результате являются пьянство, разгул, ссоры, бродяжничество и т. п. Если мы имеем дело с человеком от природы угрюмым и подозрительным или если внешние стеснения, исходящие от других людей, носят слишком уж бессердечный и несправедливый характер, то очень легко возникают раздражение и злоба, могущие повести к преступлениям и другим действиям антисоциального характера.

С другой стороны, многие антиморальные и антисоциальные проявления (например, жестокость, лживость, склонность к воровству и т. п.) могут быть прямо в готовом виде привиты человеку путем подражания и выучки. Особенно часто бывает это, разумеется, в детские годы: известно, например, что дети больших городов, брошенные без призора и большую часть своего времени проводящие на улицах, быстро приучаются к воровству, нищенству и хулиганству. У взрослых важную роль в данном случае играют слабость воли и податливость внушению, делающие их неспособными сопротивляться дурным влияниям со стороны окружающих. Между тем всякое повторное совершение известного действия или поступка способствует, как известно, образованию своего рода привычки, создавая постепенно уже самостоятельное, внутреннее предрасположение к дальнейшему повторению аналогичных действий. Благодаря этому, у значительного большинства извращенных типов бывает обыкновенно очень трудно провести сколько-нибудь определенную границу между теми проявлениями, которые возникли самостоятельно, под влиянием несоответствующих данному характеру условий, и другими, возникшими путем подражания.

Надо сказать, что то несоответствие между эндо- и экзопсихикой, то тормозящее и извращающее влияние внешних условий, о котором неоднократно говорилось выше, сказывается особенно резко в процессе образования и сформирования извращенного типа. Там же, где процесс этот уже закончился, где благодаря накоплению целого ряда разнообразных привычек успело образоваться стойкое, более или менее прочное приспособление человека к окружающим его ненормальным условиям, упомянутое несоответствие делается уже менее заметным. В особенности следует сказать это об извращенных низшего уровня, характер которых отличается сравнительно слабой сопротивляемостью по отношению к внешним воздействиям. Настоящие прирожден-

ные преступники, говорит Ферри [1]), «бывают преступниками, как другие бывают хорошими рабочими»; преступление для них такое же ремесло, как и всякое другое, на тюрьму они смотрят как на убежище и чувствуют себя в ней как дома. С точки зрения Ферри это обстоятельство является лишним подтверждением того, что на ряду с привычкой существует также и прирожденная преступность. Не вдаваясь в обсуждение этого спорного вопроса (как не имеющего для нас в данном случае существенного значения), мы ограничимся лишь констатированием самого факта, встречающегося, действительно, довольно часто.

Есть еще один фактор, который невозможно обойти молчанием, когда речь идет об извращенных низшего психического уровня. Этот фактор—пьянство. По словам Сикорского [2]), много занимавшегося изучением алкоголиков, постепенные изменения характера, наступающие под влиянием хронического алкоголизма, можно разделить на три периода. Первый период характеризуется ослаблением мышления «преобладание внешних ассоциаций над внутренними) [3]) и произвольного внимания, а также дряблостью воли, неохотой к труду и преобладанием интереса к легким, пустым удовольствиям и развлечениям. «Второй период, который, по справедливости, можно назвать периодом нравственной огрубелости и фанатизма, характеризуется, независимо от ослабления воли, утратой или понижением высших чувств, носящих в своей сложности название стыда или стыда и совести. Ослабление высших чувств, в соединении с ослаблением воли, вызывает глубокое нарушение нравственного равновесия, давая свободу низшим чувствам и страстям. Эти последние, заняв господствующее положение в душе, низводят человека с человеческой высоты до низшего психического уровня—животного и, вместе с тем, предрасполагают к грубой, резкой, несдержанной деятельности» (стр. 745). Отсюда вытекают свойственные хроническим алкоголикам нравственная тупость, раздражительность и жестокость, бесстыдство и цинизм, соединенные в то же время с повышенным мнением о себе и своего рода горделивым кокетством и т. д. Наконец, третий период, по словам Сикорского, относится уже к душевным болезням и поэтому не может нас здесь интересовать.

Таким образом, хронический алкоголизм действует на человеческую личность как принижающим, так и извращающим образом. С одной стороны, ослабление высших психических функций—мысли, воли и идейных чувствований, с другой—воз-

[1]) «Уголовная социология», стр. 141.
[2]) «Всеобщая психология», стр. 742 и след.
[3]) См. по тому же вопросу работы Крепелина и его учеников в «Psychologische Arbeiten».

никновение у человека целого ряда извращенных, антиморальных и антисоциальных склонностей, вначале у него, быть может, отсутствовавших и развившихся лишь благодаря хроническому злоупотреблению алкоголем. Можно сказать, что психическая извращенность и пьянство взаимно содействуют друг другу: человек, личность которого изломана и исковеркана неблагоприятными условиями, ищет утешения и забвения в вине; когда же он пристрастился к вину, то уже самая обстановка хронического алкоголизма с его шумными оргиями и праздной жизнью, с его постоянными безрассудными тратами («все тащит в кабак») и невозможностью предвидеть и регулировать свое дальнейшее поведение,—еще более усиливает извращение и распад личности.

Что касается деления извращенных низшего уровня на отдельные типы и разновидности, то оно отчасти напоминает собою предшествующую группу («чистых»), так как преобладание в одних случаях аффективных, а в других—волевых процессов и здесь может выступать довольно отчетливо. Однако, на ряду с этим есть и различия, и притом весьма существенные. Эти различия обязаны своим происхождением тому обстоятельству, что у представителей разбираемой сейчас группы—как об этом уже было сказано выше—экзо-психика в большинстве случаев решительно выступает на первый план, накладывая свой характерный, хотя и чисто внешний отпечаток на всю личность данного человека. В общем можно сказать, пожалуй, что основное деление, установление главных типов совершается здесь преимущественно на основании особенностей эндо-психики (слабое или более сильное развитие аффективных и волевых процессов), между тем как дальнейшие, более детальные разновидности и подразделения отражают в себе уже, главным образом, экзопсихические или психо-социальные стороны данных индивидуумов.

Кроме того, при описании отдельных разновидностей придется считаться еще и с тем обстоятельством, что среди извращенных низшего уровня можно различать (см. выше) двоякого рода субъектов: во-первых, таких, которые уже в силу прирожденных особенностей или, по крайней мере, с самого своего детства ясно обнаруживали признаки низшего психического уровня, и на которых, следовательно, внешняя среда действовала не столько принижающим, сколько извращающим образом; во-вторых, таких, которые по своим прирожденным задаткам принадлежали к среднему психическому уровню и лишь в силу каких-либо резко неблагоприятных условий, алкоголизма и т. п., опустились «на дно» человеческого общества. Конечно, далеко не во всех случаях можно провести одинаково отчет-

ливо разграничение между этими двумя разновидностями, но в некоторых случаях разница между ними выступает очень резко.

1. Пассивные.

Среди «чистых» низшего уровня аналогичной группы не было вовсе. Полная пассивность вообще несвойственна живому существу, находящемуся в сколько-нибудь нормальных условиях своего существования; и только благодаря длительному извращающему влиянию внешних обстоятельств или других каких-либо факторов могут возникнуть то апатичное отношение ко всему окружающему, та полная невозможность оказывать какое бы то ни было сопротивление внешним воздействиям, которые характеризуют данную группу. При этом характеристика типа несколько изменяется в зависимости от того, будут ли выступать на первый план апатия, вялость чувствований и желаний, безразличное отношение к окружающему, или же безмолвие, пассивная покорность, неспособность к сопротивлению. Получаются, таким образом, две разновидности пассивного типа: апатичные и безвольные; каждую из этих разновидностей мы разберем отдельно.

а) Апатичные.

Как показывает уже самое название этой разновидности, одну из наиболее характерных ее черт составляет слабое развитие чувствований и желаний: не только аффекты, но и всякие другие чувства и интересы у них трудно возбудимы, будучи же возбуждены, остывают очень скоро, не достигши сколько-нибудь значительной интенсивности. Так, например, Обломов (который, в общем, по своей умственной одаренности и по содержанию интересов должен быть причислен скорее к извращенным среднего уровня, но в худшие, наиболее пассивные периоды своей жизни опускается до того, что начинает близко напоминать разбираемую сейчас группу) заинтересуется, бывало, какой-нибудь новой книгой, замечательным произведением, захочет познакомиться с данным вопросом, «еще шаг—и он овладел бы им, а посмотришь, он уже лежит, глядя апатически в потолок, и книга лежит подле него не дочитанная, непонятая». Вместе с тем принадлежность к низшему психическому уровню сказывается здесь узостью и ограниченностью интересов, отсутствием сколько нибудь ясно выраженных идейных потребностей и стремлений. Только низшие, чисто органические влечения (например, потребность в еде и т. п.) вносят некоторое оживление и перемену

в их вялую однообразную жизнь. Обыкновенно они очень много спят, много едят, при чем в выборе кушаний не отличаются особой разборчивостью и прихотливостью,—ко всему же остальному относятся в высокой степени равнодушно. Любовь с ее радостями и тревогами, с восторгами удовлетворенной страсти и муками ревности проходит обычно мимо них. Они не злы, не эгоистичны, но нельзя их назвать и добрыми: их равнодушная снисходительность к окружающим проистекает не из доброты, а скорее из лености, нежелания вмешиваться во всякого рода житейские передряги. Их трудно бывает рассердить, вывести из себя, но так же трудно бывает и вызывать у них интерес или сочувствие к чему бы то ни было. Настроение у них обычно ровное, спокойное; особенной разговорчивостью или общительностью не отличаются,—не потому, чтобы они избегали общества, а просто потому, что молчать покойнее, да и говорить им почти не о чем.

Вследствие отсутствия сколько-нибудь интенсивных желаний и стремлений субъекты эти отличаются обыкновенно крайней леностью и малоподвижностью: всякого усилия или напряжения они прямо боятся, к систематическому же труду совершенно неспособны. Больше всего на свете они любят покой. И если их не беспокоят ни болезнь, ни окружающие люди, если потребности их удовлетворяются настолько, что можно, ничего не делая, не думать о завтрашнем дне, то этого им вполне достаточно для того, чтобы быть довольными собой и окружающими. Там же, где требуется действовать во что бы то ни стало, они отличаются обыкновенно крайней нерешительностью и неуверенностью в себе, а также полной неумелостью: благодаря слабости умственных способностей и умственной лености они ничего не знают, ни в чем не могут ориентироваться; будучи предоставлены самим себе, они при малейшем затруднении оказываются совершенно беспомощными. К какой бы то ни было борьбе или сопротивлению люди эти совершенно неспособны: всякая борьба требует напряжения и беспокойства, а это совершенно противоречит общему складу их личности. В силу этого их частенько эксплоатируют окружающие, чему они обыкновенно подчиняются беспрекословно и совершенно равнодушно, заботясь лишь о том, чтобы от них не требовали слишком многого.

Условия, способствующие возникновению данного типа, могут быть двоякого рода. С одной стороны, в богатой и обеспеченной среде, это—баловство, чрезмерная забота о ребенке, стремление удовлетворять заранее все его потребности, действительные и воображаемые, не давши ему даже пошевельнуть пальцем; так был воспитан Обломов, таково же происхождение «мягкозабитого» или «заласканного» типа Лесгафта, близко напо-

минающего собой наших апатичных. С другой стороны, в среде бедной, мало обеспеченной, такими условиями являются чрезмерная подавленность и забитость, доводящие человека до полной почти атрофии его личных желаний и стремлений и превращающие его постепенно в тупое и безразличное существо, покорно подчиняющееся всему, что бы с ним ни случилось. В обоих случаях существенное значение имеет также пример окружающих, отсутствие трудовой обстановки, вялость и безжизненность окружающей среды, лишенной живого, творческого духа и сознательных, идейных стремлений.

В качестве иллюстрации мы приведем здесь характеристику одного из действующих лиц «Растеряевой улицы» Гл. Успенского, именно—мещанина Лубкова.

Тучный, ленивый, малоподвижный Лубков способен был целыми днями просиживать на крылечке своего полуразвалившегося дома, ничего не делая, и вялым, добродушно-спокойным взором глядя на окружающее. Его почти невозможно было чем бы то ни было взволновать, рассердить или обеспокоить. Когда его молодая, бойкая жена набрасывалась на него с целым потоком ругательств, Лубков, не меняя своей неподвижной позы, только встряхивал головой и почесывал за ухом, — чем еще более раздражал разгневанную супругу. Совершенно спокойно относится он к своим финансовым неудачам, приведшим их, в конце концов, к полному разорению. Так же равнодушно смотрит и на то, как жена тут же на глазах у него любезничает с Прохором Порфирычем, которому она только что назначила свидание, как она беспрерывно меняет одного за другим любовников и ухаживателей, навлекая на него общие насмешки. Сначала Лубков пробовал было протестовать, но, получивши от жены резкий отпор, быстро успокоился и, раздумывая над случившимся, только «улыбался и бормотал: к-комиссия!», на шутки же соседей отвечал: «А ты бы, умный человек, помалчивал бы, ей-богу! Во сто тысяч раз было бы превосходнее, ежели бы ты молчком норовил... так-то!» Такое безразлично вялое отношение ко всему на свете не может не отразиться и на его двигательно-волевой сфере. Кряхтя, он медленно подымается с своего места; придя в соседнюю лавочку, чтобы купить три фунта хлеба, долго почесывается и глядит кругом, прежде чем сообщить о своем желании; в течение 10 лет собирается снять висевший с потолка обрывок веревки. В хозяйстве у него все пришло в полный упадок: дом разваливается, лавочка пустует, затянутая по углам паутиной, одежда вся истрепалась и износилась. Причина заключается отчасти в его лености и беспечности, отчасти же в крайней нерасчетливости и непредусмотрительности: несколько раз переходил он от одного предприятия к другому и всякий раз неизбежно прогорал, благодаря полному неуменью «расчесть», т.-е. сообразоваться с состоянием рынка и потребностями момента. В довершение всего пятидесяти лет от роду женился на молоденькой, бойкой девушке, которая не замедлила наставить ему рога. У жены Лубков находился в полном подчинении и, относясь равнодушно к ее связям, сохраняет дружеские отношения с ее любовниками. Надо добавить, что такое равнодушное отношение ко всему окружающему отнюдь не является следствием каких-либо идейных мотивов высшего порядка, какой-либо, хотя бы и доморощенной, «философии»: напротив, всякие идейные интересы у него совершенно отсутствуют, разговоры его также вялы, пусты и бессодержательны, как и его действия, и столь характерное для него спокойствие вытекает не из самообладания и сознательных размышлений, а исключительно из общей вялости и бедности его душевной жизни.

b) Безвольные.

Как уже сказано было выше, безвольные многими своими чертами напоминают апатичных, составляя вместе с ними лишь две разновидности одного и того же типа. Отличительной чертой является здесь более значительное развитие аффективной сферы, соединенное, однако, с полной неспособностью к сколько-нибудь интенсивному и длительному волевому усилию. Вследствие этого безвольные далеко не отличаются тем апатичным спокойствием, тем полным равнодушием ко всему окружающему, которое характеризует собой лиц предыдущего типа. Среди разнообразных аффектов, наблюдающихся у них, преобладают обычно аффекты астенические: робость, неуверенность в себе, подавленность, чувство сомнения и нерешительности, — что обусловливается, очевидно, их неспособностью к энергичному осуществлению своих желаний и их постоянной подчиненностью другим людям. Представители этого типа одинаково неспособны оказать какое бы то ни было сопротивление как посторонним влияниям, так и своим собственным пагубным привычкам (например, склонность к выпивке), хотя бы и сознавали всю необходимость сделать это. Покорно и уныло бредут они тем путем, который определила им судьба, не делая ни малейшей попытки хоть сколько-нибудь изменить свое печальное положение.

Сюда следует причислить такие типы, как, например, Мармеладова из «Преступления и Наказания».

2. Расчетливые эгоисты.

Тип этот представляет собой извращенную разновидность той группы, которую мы выше назвали «рассудочными». Основная особенность эндо-психики и здесь заключается в том, что всякое действие или поступок сопровождается предварительным и иногда весьма продолжительным обсуждением мотивов; отсюда их осторожность, трусливая нерешительность и склонность к колебаниям, отсюда же их консерватизм, боязнь перед всякими новшествами, доходящая иногда до крайнего рутинерства. Этому способствует еще и то обстоятельство, что, благодаря принадлежности к низшему психическому уровню (слабость мышления, узость и ограниченность умственного кругозора), обсуждение поступков носит у них крайне несовершенный характер, ограничиваясь однообразным пережевыванием нескольких, ранее усвоенных, доводов и соображений или же простым колебанием между двумя-тремя сравнительно элементарными мыслями. Поэтому, несмотря на значительную склонность к рассуждениям, действия их отнюдь не отличаются дальновидностью и продуманной целесообразностью. Их консерватизм обычно вырождается в бес-

смысленное рутинерство, хозяйственная расчетливость превращается в безрассудную, для них же самих пагубную скупость, свойственная консервативным натурам религиозность всецело сосредоточивается на обрядовой стороне религии, делая их лицемерными ханжами, и т. д.

Однако, на ряду со всеми этими особенностями, сближающими данный тип с типом «рассудочных», мы находим у расчетливых эгоистов также и другие, не менее характерные черты, вытекающие уже из психической извращенности. Обычными у с л о в и я м и, способствующими возникновению данной разновидности, являются бедность и забитость как окружающей среды, так и самого индивидуума постоянные гонения со стороны других людей, выражающиеся или в нарушении его материальных интересов или же во всякого рода насмешках и издевательствах и заставляющие человека постоянно заботиться об ограждении себя и своих интересов. Отсюда их эгоизм, доходящий зачастую до крайних размеров и делающий их не только антипатичными, но часто и вредными в социальном отношении. Постоянная необходимость быть настороже порождает в них недоверчивость, делает их замкнутыми, угрюмыми и нелюдимыми. Насмешки и оскорбления со стороны окружающих усиливают до болезненности их самолюбие, вызывая в них самих желание язвить, издеваться и мучительствовать, — что они впоследствии и выполняют с успехом, если только им самим удается достигнуть известного положения и власти над другими. Вообще, мстительность и жестокость составляют обычно одну из отличительным черт их характера. При этом, в отличие от «энергичных насильников» (см. ниже), грубо-откровенных в своей борьбе против окружающего, трусливо-расчетливые представители разбираемого сейчас типа предпочитают прибегать к хитрости, обману и тому подобным средствам. Что касается чувственных потребностей и влечений, то, при ограниченности их умственных, эстетических и вообще идейных интересов, они бывают нередко очень чувственны; однако, присущая им осторожность и расчетливость заставляет их сдерживать свои чувственные влечения, не давая им полного простора. Отсюда их трусливо-осторожный разврат, пьянство втихомолку, иногда довольно значительное, но никогда не доводящее их до расстройства дел и разорений, и т. д.

Образцом разбираемого типа может служить довольно подробно очерченный чиновник Толоконников (он же Богоборцев) из «Нравов Растеряевой улицы» Гл. Успенского.

Семен Иванович Толоконников, 36 лет от роду, холост (впоследствии он женился — см. ниже), служит мелким чиновником в «одной из палат». Сын дьячка, он был в детстве «много бит, единственно ради непроходимого

сна и обжорства... в училище он был предметом общего поношения, ради неспособности к наукам». Когда, исключенный из последнего класса духовного училища, он поступил на службу, то сразу же стал «какою-то притчею в языцех чиновников и на долгое время доставил им материал для развлечения»; «общее полупрезрение», которым он был окружен, сделало его нелюдимым, пробудило в нем сожаление к самому себе и потребность мести кому-то... Так складывался его характер. В настоящее время Толоконников неповоротлив и угрюм, замкнут и необщителен. Он привык к одиночеству, смущается в незнакомом обществе и доволен, когда на службе его поместили, наконец, в отдельной комнате, вдали от опротивевших ему чиновников. Выйдя на прогулку с девицами, он отказался итти в городской сад, а повел их на кладбище. Никак не может наладить разговора с пришедшим в гости приятелем, хотя и рад его приходу. В умственном отношении он недалек, в своих поступках плохо разбирается. Нерешителен и осторожен до трусости: обладая целыми ворохами совершенно нового платья (см. ниже), Сем. Ив. никогда не решался надеть и носить его, — все почему-то боялся, что люди его осудят, — и ходил поэтому в поношенном; «при всей привязанности к женскому полу» никак не решался осуществить своей мечты, нанять в кухарки молодую бабу, — и держал всегда старуху. От пьянства Толоконников как-то удержался: спасла его, по словам автора, любовь к породистым курам (у него имеется целый курятник), к бойцовым петухам, кулачным боям и т. д. Сем. Ив. большой скопидом; чего-чего только нет в его шкапах и комодах: тут и посуда всякого рода, и белье, и платье, и вина, и папиросы, и даже принадлежности дамского туалета. Все это новенькое, нетронутое, покупается дюжинами, аккуратно складывается и — лежит без всякого употребления, поедаемое молью и теряющее постоянно цену; хозяину просто нравится от времени до времени прикупать то новый подсвечник, то новую шинель на вате и тотчас же навеки похоронить их в своих сундуках. Но наибольшее удовольствие все-таки ему доставляют те случаи, когда он имел возможность потешить так или иначе свое уязвленное и до болезненности раздраженное самолюбие: показывая приятелю своих кур, крайне обижается, когда тот сказал, как и у другого чиновника тоже есть породистые куры; завидует строгости других господ, перед которыми трепещет их прислуга; очень утешен случайным замечанием кухарки, что у него всякого добра напихано так много, что у любого помещика; с наслаждением слушает грубую лесть пьяницы Хрипушина и т. д. Эта постоянная потребность тешить свое самолюбие привела к тому, что из Толоконникова постепенно выработался типичный самодур, мелкий и придирчивый, злой и раздражительный. Перед «благодетельствованными» им Претерпеевыми он ежедневно разыгрывает в этом роде целые сцены, пока, наконец, те, несмотря на свою нищету, не вышли из себя и не прогнали его; когда он впоследствии женился, то нарочно выбрал жену совершенно забитую и безответную, чтобы иметь возможность издеваться над ней и мучить ее сколько угодно. Вообще он жесток: «любимым зрелищем его была драка, которую он всемерно старался «подгваживать», т.-е. раззадоривать, «с глубоким вниманием смотрел, как гоняют сквозь строй». «Книг он не читал ни одной», даже духовных, хотя и уважал последние. Любил духовные концерты и постоянно напевал что-нибудь церковное. Относительно политики полагал, что «все наши», на поляков сердился и советовал их уничтожить, и т. д.

3. Аффективные-извращенные.

Группа эта многими своими чертами напоминает описанную выше и родственную ей группу аффективных-чистых. Та же

повышенная аффективная возбудимость и неустойчивость чувствований, обилие их внешних, физиологических проявлений, подвижность, разговорчивость и общительность; то же любопытство и некоторая наблюдательность, соединенные, однако, с полной неспособностью к сколько-нибудь серьезному и сосредоточенному мышлению; наконец, та же импульсивность и недостаточная обдуманность поступков, легкомыслие, отсутствие предусмотрительности и т. д. Вместе с тем, однако, психологическая извращенность данного типа приводит к возникновению целого ряда других проявлений, нередко весьма характерных. Под влиянием тех или иных неблагоприятных факторов — нищеты, плохого воспитания, дурных примеров, злоупотребления спиртными напитками и т. п. — у человека мало-по-малу развиваются такие экзо-проявления, которые, с одной стороны, выбивают его более или менее из социальной колеи, а с другой — принижают и уродуют его и без того небогатую психику, мешая свободному развитию естественных его способностей и задатков. Уже и у чистых аффективных низшего уровня мы отмечали некоторые черты, не особенно благоприятные как с социальной, так и с общебиологической точек зрения: преобладание чувственных влечений над идейными интересами, склонность к пустому, необоснованному хвастовству, к шутовству и разного рода глупым, легкомысленным выходкам, наконец, отсутствие постоянных, определенных нравственных принципов. Под влиянием упомянутых выше неблагоприятных факторов эти отрицательные черты делаются преобладающими в характере данного человека, накладывая отпечаток на всю его психическую личность и оттесняя на задний план другие более положительные его особенности. Получается, например, столь распространенный тип беспорядочного пьяницы, драчуна и скандалиста, который в свои светлые промежутки может быть недурным мастеровым, порядочным чиновником и т. д., но затем, спиваясь все больше и больше, постепенно теряет службу, делается неспособным к работе и мало-по-малу превращается в типичного босяка-пропойцу. Или же человек выполняет среди своих товарищей роль добровольного шута, над которым все потешаются, к которому все относятся с нескрываемым презрением, и который однако, — странное дело! — не только не тяготится, но даже дорожит своей ролью, так как она является для него все-таки суррогатом известной репутации, известного социального положения. Одного из таких добровольных шутов, каторжанина Скуратова, описывает, между прочим, Достоевский в своих «Записках из Мертвого дома».

Недостаточное развитие нравственных принципов, в связи с разного рода извращающими факторами, ведет к тому что обман,

плутовство, кражи — вообще всякого рода надувательство делаются у представителей этого типа одним из обычных приемов в их борьбе за существование. К насилию и жестокости они бывают обыкновенно мало способны, между тем, как плутоватость всегда до известной степени присуща их подвижному, живому характеру. При этом, в зависимости от окружающих условий, плутовство может принимать самые разнообразные, иногда совершенно неожиданные виды и формы.

Не вдаваясь в подробное описание и перечисление различных возникающих на этой почве типов и разновидностей, мы приведем лишь, в качестве примера, характеристику плутоватого, недалекого в умственном отношении ювелира и процентщика, Исая Фомича Бумштейн, сосланного на каторгу и описанного Достоевским в «Записках из мертвого дома».

Исай Фомич Бумштейн, лет около 50 от роду, ювелир по профессии, занимается также и ростовщичеством. Попал на каторгу по обвинению в убийстве (к сожалению, Достоевский не указывает, насколько обвинение было обосновано, каковы были мотивы убийства и каким образом оно было совершено). Маленький ростом, худощавый и слабосильный, весь в каких-то морщинках, Исай Фомич «был как две капли воды похож на общипанного цыпленка»; «я никак не мог понять, как он мог выдержать шестьдесят плетей». Однако, несмотря на свое тщедушное сложение, И. Ф. «всегда был в превосходнейшем расположении духа»; «в выражении лица его виднелось беспрерывное, ничем непоколебимое самодовольство и даже блаженство». Этому способствовало, правда, до известной степени то обстоятельство, что в каторге жить ему было сравнительно легко: городские евреи ему покровительствовали; кроме того, будучи ювелиром по профессии, он был завален работой из города и всегда имел деньги, которые давал под заклад на проценты всей каторге. Благодаря этому, И. Ф. жил «богато», имел свой самовар, хороший тюфяк, чашки, весь обеденный прибор. Со стороны умственных способностей Достоевский определяет его как «хитренького и в то же время решительно глупого». «В нем была самая комическая смесь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушия, робости, хвастливости и нахальства»; он был дерзок и заносчив и в то же время ужасно труслив». Трусость, однако, не мешает ему очень выгодно обделывать свои денежные делишки и брать за одолженные под заклад деньги чуть не 50% в месяц. Очень характерна в этом отношении сценка, происшедшая тотчас же по прибытии его в острог: перепуганный до-нельзя ужасной обстановкой, в которую он попал, И. Ф., однако, сразу оживился, когда один арестант предложил ему в заклад свои старые летние шаровары, и, хотя и дрожащим голосом, но довел торг до конца. На каторге над ним постоянно смеялись и в то же время все без исключения его любили, так как он забавлял арестантов своей комической наружностью («я даже теперь не могу вспомнить о нем без смеху») и своим невинным хвастовством и тщеславием. Исай Фомич хотя и понимал, в чем дело, но, видимо, гордился своим значением, что очень тешило арестантов. При перебранке с другими он молодцевато отречает, веселое одобрение окружающих ему нравится, и он начинает на всю казарму тоненьким дискантом петь свой победный гимн — смешной мотив без слов (единственный, который он знал): ля-ля-ля-ля-ля...Вообще он за собой ухаживал и о своей наружности был вовсе не плохого мнения: любил мыться в бане, при чем парился «до отупения, до бесчувственности»; по отбытии своего 12-летнего срока на каторге

собирался непременно «зениться», и с этой целью берег у себя мазь для сведения клейм со лба и щек. И. Ф. религиозен, но религиозность его всецело сводится к строгому выполнению обрядов: в субботу он «слоняется, бывало, без дела, по своему острогу, всеми силами стараясь ничего не делать, как это предписано в субботу по закону». Накануне субботы очень любит справлять шабаш, устраивая из своей молитвы целое театральное представление; особенно нравился ему внезапный переход от печальных молитв и рыданий к торжествующим, победным мотивам (пророчество о возвращении евреев в Иерусалим). Любопытство окружающих доставляло ему при этом тоже большое удовольствие, делая его в эти моменты центром общего внимания и льстя таким образом его тщеславию.

4. Активные-извращенные (насильники).

Подобно всем вообще извращенным низшего уровня, представители данной группы также обладают целым рядом особенностей, принижающих их психику и делающих их, в социальном отношении, не только бесполезными, но нередко и вредными членами общества. Сюда следует отнести такие качества, как слабость мышления, узость умственного кругозора, неспособность к труду, эгоизм, отсутствие нравственных принципов и склонность к обману, преобладание чувственных влечений над идейными и т. п. С другой стороны, и самая активность (resp. преобладание волевых процессов над всеми остальными), составляющая отличительную черту данной группы, принимает у извращенных также своеобразный, очень характерный оттенок. Выше нам уже приходилось упоминать о том, что значительное развитие волевых процессов порождает обычно в человеке не только усиленную деятельность, но также и повышенную склонность к борьбе и сопротивлению. В нормальных условиях жизни, у «чистых», естественно развивающихся типов волевая деятельность бывает направлена на борьбу с теми препятствиями, которые ставит им жизнь, профессиональная деятельность, неблагоприятно складывающиеся обстоятельства и т. д.; другими словами, энергия борьбы расходуется здесь с пользой как для них самих, так зачастую и для общества. В противоположность этому извращенные, выросшие в тяжелой, уродующей и гнетущей обстановке, среди всякого рода обид и преследований, становятся мало-по-малу озлобленными и жестокими, начиная находить удовольствие не только в целесообразной, жизненно-необходимой борьбе, но и вообще в насилии над другими людьми, в причинении другим тех самых страданий, которые им самим столько раз приходилось испытывать.

По словам Ферри, Du Camp различает две категории преступников: la basse pégre, т.-е. воров, не проливающих крови и не совершающих насилий, и la haute pégre, представители которой— убийцы по расчету, которые сначала убивают, а потом грабят.

Сам Ферри также считает возможным различить антропологический тип убийцы от типа вора. При этом он считает, что в убийстве и вообще в преступлениях против личности биологические (resp. психо-физиологические) факторы преобладают над социальными, между тем как в воровстве и других преступлениях против собственности наблюдается как раз обратное. Преступлениями, в которых преобладают прирожденные наклонности, он считает убийство, изнасилование, поджог, вооруженную кражу, квалифицированное воровство; напротив, такие преступления, как простое воровство, нищенство и бродяжничество, являются, по его мнению, результатом приобретенной привычки. Оба приведенные мнения, на наш взгляд, вполне согласуются с тем отмечаемым нами обстоятельством, что активные-извращенные уже по самой природе своей являются склонными к насилию и жестокости, между тем как аффективные и иные типы обнаруживают свою социально-психическую извращенность различными другими проявлениями.

Что касается подразделения данной группы, то, подобно чистым активным, и здесь также намечается несколько разновидностей, в зависимости от преобладающего развития той или иной стороны волевого процесса. Мы упоминаем здесь только о двух, особенно ярких и часто встречающихся в жизни типах, которые можно назвать беспорядочными насильниками и сосредоточенно-жестокими.

а) Беспорядочные насильники.

Тип этот соответствует той разновидности чисто-активных низшего уровня, которую мы выше назвали «энергичными». Характерной чертой здесь, как и там, является то обстоятельство, что всякое вновь возникшее желание немедленно переходит в соответствующее действие, не будучи задерживаемо ни мотивами противоположного характера, ни попытками обсудить предстоящий поступок и его последствия. Отсюда их решительность и склонность к энергичным действиям, соединенная, однако, с значительным легкомыслием, несерьезностью и беспорядочностью поступков, крайней беспечностью и полной неспособностью к труду, наконец, с хвастливой, ни на чем не основанной самоуверенностью.

Принадлежность к группе извращенных сказывается здесь в том, что импульсивная, беспорядочная деятельность представителей этого типа бывает обыкновенно направлена на борьбу с окружающими людьми, при чем борьба эта принимает нередко самые нелепые и дикие формы. «Штык-юнкер Заусайлов («В дурном обществе» В. Короленко), обладавший громадным ростом,

сизо-багровым носом и свирепо-выкаченными глазами, давно уже объявил открытую войну всему живущему, не признавая ни перемирий, ни нейтралитетов». Заступаясь за своего товарища, такого же босяка, пропойцу, как и он сам, «он носился по улицам, подобно Тамерлану, уничтожая все, попадавшееся на пути грозного шествия; таким образом, он практиковал еврейские погромы задолго до их возникновения, в широких размерах; попадавшихся ему в плен евреев он всячески истязал, а над еврейскими дамами совершал гнусности, пока, наконец, экспедиция бравого штык-юнкера не кончалась на съезжей, куда он неизменно водворялся после жестоких схваток с бунтарями. Обе стороны проявляли при этом немало геройства». Товарищ Заусайлова «генерал» Туркевич в те редкие дни, когда ему случалось быть трезвым, сначала впадал в малодушие и меланхолию, а затем вдруг загорался неистовым гневом, «ударял себя в грудь и торжественно отправлялся по улицам, оповещая громким голосом: Иду!.. Как пророк Иеремия... Иду обличать нечестивых!» Обличение это состояло в том, что пан Туркевич, окруженный толпой зевак, останавливался перед домами главных заправил города и начинал рассказывать наиболее пикантные случаи из их жизни и деятельности, пока ему не выносили соответствующую взятку или же водворяли его на съезжую.

Та же самая склонность психически извращенного человека к постоянной, хотя бы и не мотивированной борьбе с окружающей средой лежит, повидимому, в основе тех жестоких и в то же время совершенно бесцельных выходок против ни в чем неповинных людей, которые в последнее время получили название «хулиганства». Правда, во многих случаях хулиганство возникает просто как результат уличного воспитания и подражания дурным примерам; но тогда оно является чем-то наносным, не особенно стойким и мало характерным для данного индивидуума. Что же касается извращенных-активных низшего уровня, то здесь бессмысленно-озлобленные, жестокие выходки находятся, как уже сказано, в полном соответствии с потребностями их исковерканной души и могут поэтому измениться только с переменой всего душевного облика данного человека.

Добродушно-спокойная самоуверенность энергичных-чистых низшего уровня также не может сохраниться у извращенных во всей ее полноте и нетронутости. Жизнь то и дело жестоко унижает их, указывая им настоящее место и не позволяя заблуждаться насчет своего положения; поэтому минуты самодовольства и повышенной оценки своей личности очень часто сменяются у них злобно-мстительными вспышками уязвленного самолюбия. Или же они, подобно вышеупомянутому пану Туркевичу, поддерживают свою веселую самоуверенность при

помощи постоянного опьянения и насилий над окружающими. Туркевич, типичный босяк-пропойца, сам произвел себя в генералы: «если же по временам его беззаботную голову посещали на этот счет какие-либо сомнения, то, изловив на улице первого встречного обывателя, он грозно спрашивал: «Кто я по здешнему месту? а? — Генерал Туркевич,—смиренно отвечал обыватель», опасаясь потасовки; и удовлетворенный «генерал» отпускал его, величественно покручивая свои тараканьи усы.

b) Сосредоточенно-жестокие.

Примыкая близко к описанному выше (в группе чистых-активных) типу «упрямых», данная разновидность напоминает его многими своими чертами. Основной особенностью характера здесь, как и там, является значительное развитие волевой энергии спокойной и сосредоточенной, упорно стремящейся к достижению намеченной цели или к осуществлению раз принятого решения. Принадлежность к низшему психическому уровню сказывается и здесь узостью и ограниченностью умственного кругозора, примитивностью целей, которые человек себе ставит, нежеланием и неспособностью разобраться в отдаленных последствиях и конечных результатах своих поступков. Правда, среди представителей разбираемого типа встречается немало и таких, которые по своим прирожденным умственным задаткам могли бы принадлежать к среднему психическому уровню и лишь в силу неблагоприятных обстоятельств опустились «на дно» человеческого существования: у таких субъектов можно заметить нередко проблески ума, некоторую дальновидность, проявление инициативы. Однако, все это мелькает лишь по временам, отражаясь, главным образом, на частных проявлениях деятельности данного человека и не оказывая умственного влияния на общую линию его поведения. Умственная деятельность у таких людей выражается обыкновенно не столько в разумном обсуждении своих поступков, сколько в расчетливой хитрости, находящейся всецело на служении у их низменных инстинктов.

Подобно упрямым, представители разбираемого типа также обладают целым рядом черт, тесно связанных с преобладанием у них спокойно-сосредоточенного волевого усилия. Молчаливые и малообщительные, они обыкновенно не отличаются особенной подвижностью; расчетливо-осторожные в своих действиях, они, однако, не могут быть названы трусами и в некоторых случаях способны обнаружить даже значительную решимость и бесстрашие; спокойно-самоуверенные, они бывают обыкновенно грубы и требовательны в обращении с окружающими, стараясь (и не без успеха) подчинить их своему влиянию.

Различие между типами чистым и извращенным выступает здесь, главным образом, в отношении человека к другим людям и в соблюдении известных нравственных принципов. В противоположность упрямым, чувство долга у «сосредоточенно-жестоких» совершенно отсутствует: холодные, расчетливые эгоисты, они готовы в любую минуту обмануть и сделать несчастным другого человека, если только это соответствует их выгодам. Но особенно характерна для них значительная жестокость и склонность к насилиям, совершаемым притом не в порыве гневного аффекта (как у «беспорядочных насильников»), а со спокойной самоуверенностью привычного разбойника или убийцы. Этому способствует, между прочим, также и значительная физическая сила, которою обыкновенно обладают подобного рода субъекты и которая делает их иногда прямо страшными для окружающих.

Достоевский в своих «Записках из мертвого дома» рассказывает об одном каторжнике, татарине Газине, который «производил на всех страшное, мучительное впечатление. Мне всегда казалось, что ничего не могло быть свирепее, чудовищнее его». Очень сильный, сильнее всех в остроге, он был «росту выше среднего, сложения геркулесовского, с безобразной, непропорционально-огромной головой, ходил сутуловато, смотрел исподлобья». В ссылке был уже не первый раз. В остроге про него рассказывали, «что он любил прежде резать маленьких детей единственно из удовольствия... Все это, может быть, и выдумывали... но все эти выдумки как-то шли к нему, были к лицу». Будучи трезв, он обычно вел себя благоразумно; избегал ссор, говорил очень мало. «Все движения его были медленные, спокойные, самоуверенные. По глазам его было видно, что он очень не глуп и чрезвычайно хитер; но что-то высокомерно-насмешливое и жестокое было всегда в лице его и в улыбке». Иногда же он напивался, «и вот тут-то высказывалось все зверство его натуры»: сначала он задирал окружающих насмешками, самыми злыми, рассчитанными, а затем хватал нож и бросался на первого встречного. Однажды он в пьяном виде стал приставать к Достоевскому и чуть не убил его; только случай предотвратил убийство.

ЧАСТЬ III.

Средний уровень.

ГЛАВА I.

Общая характеристика.

1. Основные черты среднего уровня.

Если основными признаками низшего психического уровня являются бедность и примитивность душевной жизни человека, а также более или менее полное подчинение его условиям окружающей среды, то с повышением психического уровня должны измениться и эти характерные особенности. Душевная жизнь усложняется, ее проявления делаются богаче и разнообразнее. Вместе с тем изменяется в значительной степени и отношение человека как к социальной среде, так и ко всем вообще явлениям окружающей жизни. Остановимся несколько подробнее на этих изменениях.

Усложнение личности выражается прежде всего в том, что увеличивается общее количество основных психических функций, более или менее значительно развитых у данного индивидуума. Кроме того, усиливается и степень развития этих основных функций. Благодаря этому, если мы сравним двух индивидуумов, принадлежащих один к низшему, другой к среднему психическому уровню, то оказывается нередко, что у второго даже второстепенные, менее характерные для него, психические черты обнаруживаются более интенсивно и полно (в психологическом отношении), чем основные, существенные черты первого. А так как во всяком сколько-нибудь сложном проявлении участвует одновременно целый ряд основных психических функций, то естественно, что душевная жизнь и деятельность представителей среднего уровня отличается уже значительным богатством и разнообразием.

Другим характерным признаком является здесь более значительное развитие высших психических функций (мышления, воображения, идейных чувствований, сознательных волевых действий), по сравнению с тем, что мы имели на низшем уровне. На первом плане стоит здесь, конечно, большее развитие интеллекта, играющее, между прочим, столь важную роль и в классификации Ribot. В то время как у представителей низшего уровня мы постоянно вынуждены были считаться с узостью умственного кругозора, с неспособностью разобраться в сложных явлениях окружающей жизни, сопоставить их, осмыслить и сделать соответствующие выводы,—здесь, наоборот, комбинирующая деятельность интеллекта обнаруживается уже очень заметно. Однако, ею одной дело не ограничивается; повышение психического уровня сказывается в большей или меньшей степени во всех областях душевной жизни, отражаясь и на содержании чувствований, и на характере волевых процессов. Чувства человека приобретают большую устойчивость, широту и сознательность, при чем значительно увеличивается количество идейных чувств, т.-е. таких, которые связаны с представлениями или отвлеченными понятиями. Конечно, органические, чувственные влечения и потребности здесь также бывают развиты очень сильно, иногда даже сильнее, чем у представителей низшего уровня; однако, наряду с ними всегда имеются также и высшие, идейные интересы, при чем во многих случаях эти последние получают решительный перевес. Наконец, общее повышение психического уровня сказывается также и на волевых процессах, придавая им, с одной стороны, большую сознательность и планомерность, а с другой — делая человека более способным к самообладанию и к длительному, устойчивому напряжению волевого усилия (способность к систематическому, продуктивному труду и т. п.).

Само собою разумеется, что в формировании человека среднего уровня, кроме известного запаса прирожденных способностей, принимает участие необходимый minimum благоприятных внешних условий, без которого, как мы уже видели, даже способные люди могут огрубеть душевно и опуститься в социальном отношении. На первом плане здесь следует поставить (по крайней мере, при условиях современного социального строя) возможность получить некоторое образование и достигнуть хотя бы скромного материального обеспечения; имея это, представитель среднего уровня обыкновенно уже собственными силами, в случае надобности, сумеет достигнуть большего. Не менее, если еще не более важное значение имеет наличность известной культурной среды, которая подымающим образом влияла бы на умственный и нравственный уровень человека, будя и под-

держивая в нем как умственные интересы, так и различные другие идейные запросы и стремления.

Необходимо заметить, однако, что для представителей среднего психического уровня внешние условия и влияния окружающей среды далеко не имеют уже того решающего значения, как это было на низшем уровне. Личность человека (resp., лежащая в ее основе эндо-психика или совокупность характерных для данного человека основных психических функций) обладает здесь уже значительно большей стойкостью и сопротивляемостью и может, если не бороться с окружающей средой, то, по крайней мере, активно к ней приспособляться, выбирая себе те условия и занятия, которые наиболее соответствуют ее влечениям и потребностям. Здесь мы уже не имеем такого пассивного, беспомощного подчинения внешним условиям, какое характеризовало собою представителей низшего уровня: считаясь с окружающими условиями и приспособляясь к ним, человек, однако, направляет процесс приспособления так, чтобы он согласовался и с его собственными целями и желаниями.

2. Отношение к среде.

Все перечисленные только что особенности представителей среднего уровня существенным образом отражаются как на их миросозерцании, так и на отношении их к другим людям и обществу. Благодаря большему богатству и разнообразию душевной жизни, а также более широкому умственному кругозору, здесь уже имеется известное миросозерцание, определенные социальные воззрения, быть может, не особенно полные и разработанные, но все же достаточные для того, чтобы сознательно ориентироваться в сложных отношениях окружающей жизни. Представление о собственной личности, об обществе и их взаимных отношениях достаточно сформировалось; поэтому социальное поведение представителей среднего уровня (все равно, будет ли оно руководиться социальными или индивидуальными мотивами) является обыкновенно последовательным и сознательно-мотивированным, в противоположность инстинктивно-непосредственной, противоречивой деятельности людей, обладающих более примитивной психикой.

В то же время наличность более активного приспособления к окружающей среде, возможность и умение выбирать себе те занятия, которые более соответствуют его собственным влечениям и потребностям, ведут к тому, что взаимная связь между человеком и обществом значительно углубляется и укрепляется. Личность нуждается в организованной среде (т.-е. главным образом в обществе) для более полного и интенсивного проявления

своих способностей и задатков; в свою очередь и она, в силу своей продуктивности, приспособляемости и разнообразия проявлений гораздо больше может дать обществу, чем примитивный, мало приспособленный, представитель низшего психического уровня.

Но наряду с этими положительными чертами, отличающими средний психический уровень от низшего, имеются в нем также и другие, отрицательные особенности, проводящие, в свою очередь, пограничную линию между средним и высшим уровнями. Наиболее существенное значение имеет здесь, как уже было упомянуто в I главе, сравнительно слабая способность представителей среднего уровня к творчеству, к созданию новых ценностей, духовных и материальных. Приспособляясь к уже готовым, имеющимся условиям и формам окружающей жизни (например, продолжая начатое другими предприятие, заимствуя извне способы организации и ведения дела, усваивая себе уже выработанное и более или менее распространенное в данный момент миросозерцание), они являются, в огромном большинстве случаев, хорошими и способными подражателями, но не инициаторами. В общем здании социального строя, они представляют собой ту крайне важную сознательную среду, которая усваивает (хотя бы и с известным трудом) новые идеи и реформы, открытия и изобретения, повторяет их и подвергает дальнейшей детальной разработке [1]). Если, с одной стороны, среда эта, благодаря известной инертности и тугоподвижности, служит нередко тормозом, задерживающим слишком смелые шаги и оригинальные начинания, то, с другой—она является тем необходимым резонатором, благодаря которому гениальные комбинации представителей высшего уровня не остаются пустым звуком, а воплощаются, в конце концов, в формы реальной действительности.

Само собою разумеется, что, говрря о преобладании у представителей среднего уровня подражания над инициативой и самостоятельным творчеством, мы имели в виду общую, основную линию их поведения, а отнюдь не отдельные, частные действия и поступки. В частностях какого бы то ни было дела люди эти могут проявлять и инициативу и своего рода творчество; но как только дело доходит до общих, руководящих принципов, до конечных, отдаленных и еще не вполне выяснившихся целей, то здесь им уже не хватает той широты кругозора и той гениальной интуиции, которая характеризует собой представителей высшего уровня. Можно сказать даже, что преобладание интереса к конкретным деталям, склонность из-за деревьев не видеть

[1]) Подробно об этом см. у Тарда «Законы подражания».

леса представляет собой одну из наиболее характерных особенностей среднего уровня, резко отличающую его от людей, в психическом отношении выше стоящих.

3. Профессиональные типы.

Благодаря значительному богатству и разнообразию проявлений у представителей среднего уровня, а также благодаря их приспособленности к условиям окружающей среды и общественной жизни, существенное значение приобретает здесь еще один вопрос, которого нам приходилось касаться уже и раньше, но который только тут выступает во всей своей полноте: это именно вопрос о профессии и ее отношении ко всему психическому складу человека. Тысячелетний опыт человечества выработал известные типичные формы деятельности, которые, с одной стороны, соответствуют важнейшим категориям окружающей нас действительности (природа и ее обработка в целях удовлетворения тех или иных человеческих потребностей, люди и их взаимные отношения, различные области духовного творчества—наука, искусство, религия и т. д.), а с другой—требуют напряженного, интенсивного действия той или иной группы основных психических функций: рассудочно-волевой деятельности, спокойного логического мышления, аффективно-окрашенного творческого воображения и т. п. Огромное большинство людей, живущих сознательной жизнью, становятся рано или поздно перед необходимостью определить так или иначе свое отношение к жизни, занять в ней то или иное положение, — и решают этот вопрос, каждый по-своему, выбором той профессии или того рода занятий, который ему больше нравится или который, в силу каких-либо условий, представляется ему более доступным. При этом представители низшего душевного уровня, отчасти в силу своего чисто пассивного подчинения внешним условиям, отчасти же благодаря общей бедности и примитивности своей психики, далеко не могут дать таких полных и ярких профессиональных типов и проявлений, какие можно встретить на среднем уровне. В виду этого рассмотрим несколько подробнее, что такое профессиональные типы и как они образуются.

Профессиями принято называть известные, установившиеся роды занятий, необходимые в социальном отношении и требующие для своего выполнения, кроме природных способностей, также некоторого навыка или специальных познаний. Такие роды занятий, которые для общества совершенно ненужны и бесполезны (например, бродяжничество или времяпрепровождение светского фата и ловеласа), не могут быть названы профессиями, хотя бы в психологическом отношении они и были очень типичны,

вполне соответствуя общему психическому складу данной группы индивидуумов. Отсюда ясно, что на низшем психическом уровне мы не можем встретить таких полных и ярких профессиональных типов, как у представителей среднего уровня, более способных ко всякого рода познаниям и навыкам и вообще значительно более приспособленных к жизни и ее потребностям. Вместе с тем, как нам уже приходилось указывать выше, и самое содержание профессий у лиц среднего психического уровня значительно изменяется: преобладают профессии, связанные с интеллектуальным трудом и требующие не только более полного образования, но также и большей широты умственного кругозора, большого богатства и разнообразия душевной жизни. В тех профессиях, которые имеют в своей основе мышечный труд, физическую работу (сельское хозяйство, работа на заводах, военная служба), люди среднего психического уровня в большинстве случаев занимают (или стремятся занять) положение руководителей, позволяющее им работать больше умом, чем мышцами [1]). В связи с этим и самые категории внешних явлений, на которые распространяется данная профессия, не только значительно расширяются, но и делаются более общими и, так сказать, абстрактными. Человеку приходится работать уже не столько с определенными частными объектами (вещи, явления природы, отдельные люди и их потребности), сколько с взаимными отношениями этих объектов, при чем отношения эти могут быть иногда очень сложны и запутаны. Поэтому и профессиональная деятельность в подобных случаях является, с одной стороны, более сложной, а с другой — требует уже значительной сознательности и некоторой инициативы.

Во всяком сколько-нибудь отчетливо-выраженном профессиональном типе мы можем различить две одинаково существенные стороны: во-первых, те прирожденные или приобретенные в раннем детстве общие психические (resp. психо-физиологические) особенности, которые, будучи характерны для данного человека, в то же время делают его способным и склонным

[1]) Совершенно очевидно, что указываемый здесь выход из положения для людей среднего уровня является не единственным и даже не самым важным. Его недостаточность обнаруживается, по крайней мере, с того момента, как классовое самосознание рабочих и крестьянских масс начинает определяться. Тогда энергия лучших, наиболее одаренных, представителей этих масс направляется по руслу общественно-классовой работы. Личность находит в этих условиях благоприятную почву для своего развития, и отсутствие руководительских вакансий ни в каком случае не может послужить тогда причиной деградирования ее со среднего или высшего уровня на низший. В условиях современной действительности не только в нашей стране, но и во всем мире это положение самоочевидно.

Ред.

к занятию соответствующей профессией; во-вторых, чисто специальные навыки (интеллектуальные, эмоциональные и двигательно-волевые), которые являются уже результатом приспособления к обстановке данной профессии и которые можно рассматривать как своего рода профессиональный отпечаток, накладываемый на человека условиями его работы. Так, например, военная профессия требует, в большинстве случаев, физической выносливости, энергии, решительности и быстроты соображения; но кроме того, отставного военного, хотя бы и надевшего статский костюм, очень часто можно узнать по его выправке, уверенности в речах и движениях, по резкому, отрывистому голосу, привыкшему командовать. Еще более выступает чисто внешняя, специальная приспособленность в профессиях, требующих больше физического труда, чем умственного. Так, у профессиональных фехтовальщиков, по данным Biervliet, одна нога бывает шире другой, при чем разница может доходить до 1 см; у портных и парикмахеров больше развиты руки [1]). Профессиональные атлеты, обладая колоссально развитыми мышцами, в то же время далеко не всегда отличаются хорошим общим здоровьем; мне самому пришлось видеть одного очень известного борца Г., лечившегося в клинике нервных болезней от неврастении.

Нетрудно заметить, что упомянутое только что деление (в значительной степени соответствующее нашему подразделению на эндо- и экзо-психические проявления личности) прямо вытекает из самой сущности того, что мы называем профессией. Как совершенно справедливо указывает Крживицкий (loco cit.), в общественной жизни существуют различные вещественные, чисто объективные связи, которые держат людей как бы в тисках, насильственно приспособляя их к себе. Если мы возьмем, например, железную дорогу, то ее внешний остов составляют: рельсовый путь и необходимость его поддержания, вокзалы, складочные места, расписание поездов и т. д. В разных клетках этой внешней организации размещены служащие ей живые люди: сторожа, машинисты, начальники, кассиры и др. Постоянные занятия одним и тем же делом создают у них известные привычки, накладывают на них определенный профессиональный отпечаток. С другой стороны, однако, вся организация создана и поддерживается самими же людьми, в меру человеческих сил и способностей,—а мы знаем, что способности эти ограничены и находятся в зависимости от устройства человеческого организма и человеческой психики. Поэтому все должности, создаваемые для обслу-

[1]) См. Крживицкий. «Профессиональные типы», «Соврем. Мир», 1909 г., кн. 4, 6, 11.

живания того или иного сложного общественного предприятия, должны быть по необходимости согласованы не только с целями и задачами самого предприятия, но также и с теми психическими и психо-физиологическими процессами, которые играют особенно существенную роль при занятии данным делом. И наиболее яркие профессиональные типы получаются тогда, когда люди, занимающиеся какой-либо профессией, обладают нужными для этой профессии «специальными дарованиями», т.-е. когда у них развиты больше всего именно те стороны эндо-психики, которые в данном случае требуются.

Наблюдения показывают, что наличность подобных «специальных дарований» представляется необходимой для успешного занятия, если не всеми, то, по крайней мере, большинством распространенных профессий. Не может быть художником человек, не обладающий эстетическим вкусом и плохо различающий цвета и их оттенки; точно также нельзя быть хорошим пианистом тому, у кого, вследствие неблагоприятного устройства кистей рук, пальцы не обладают достаточной подвижностью и независимостью в своих движениях. Bainton, на основании изучения 176 автобиографий английских и американских писателей, приходит к выводу, что хороший литературный слог есть нечто безусловно врожденное: не имея способностей, нельзя ему выучиться, — хотя при наличности прирожденных задатков образование, конечно, сильно способствует их развитию и проявлению (Кржывицкий, loco cit.). Что касается возраста, в котором начинают обнаруживаться преобладающие способности и склонности человека, то он сильно колеблется в зависимости, как от общего склада данной индивидуальности, так и от влияния окружающих условий. Иногда человек очень рано находит свое настоящее призвание, тогда как в других случаях успешному выбору профессии предшествует целый ряд колебаний и неудач. Бывает нередко и так, что благодаря несоответственному воспитанию или вследствие неблагоприятно сложившихся жизненных условий человек в течение всей своей жизни не может найти настоящего своего призвания, — и тогда получаются обыкновенно неудачники и всякого рода извращенные типы. Зато когда подходящая профессия найдена, то она очень скоро придает всему облику человека значительную определенность и законченность. Благодаря многократному повторению укрепляются и, так сказать, кристаллизируются в определенных профессиональных проявлениях те черты, которые наиболее характерны для данного индивидуума и которые заставили его остановиться именно на этой профессии, в то время как все остальное отходит на задний план, становится мало заметным и иногда, в конце концов, даже совсем атрофируется. В тех

случаях, когда преобладающая группа наклонностей выражена у человека не особенно отчетливо, удачно выбранная профессия может поддержать ее, укрепить и оформить, между тем как неудачный выбор зачастую окончательно лишает таких людей всякой определенной физиономии.

4. Значение профессиональных типов для классификации личностей.

Когда случается в присутствии лиц, интересующихся психологией и характерологией, высказывать мнение, что при классификации человеческих личностей должны быть непременно приняты во внимание их профессия и вообще род занятий, то обыкновенно раздаются возражения, сводящиеся в существенных своих чертах к следующему. Профессиональные занятия человека зависят в значительной степени от его имущественного и семейного положения, от степени и характера полученного им образования, вообще от целого ряда чисто внешних факторов, совершенно не характеризующих его личности. Для характеристики человека важно не столько то, *каким делом* он занимается, сколько то, *как* он им занимается, — потому что нельзя найти даже двух человек, которые одним и тем же делом занимались бы совершенно одинаково. Именно в этом и выражаются индивидуальные особенности людей, именно на этом и должна сосредоточить свое внимание индивидуальная психология. Что же касается профессий, то одной и той же профессией могут заниматься люди совершенно различных темпераментов и характеров.

Такое возражение, кажущееся на первый взгляд вполне основательным и действительно заключающее в себе известную долю истины, тем не менее, как мне кажется, нисколько не уменьшает того значения, какое должна иметь проблема профессий для составления естественной классификации человеческих личностей. Прежде всего, не подлежит никакому сомнению, что различные профессии в различной степени затрагивают те или иные основные способности и склонности человека. Никто не станет отрицать, что профессия ученого значительно больше требует способности к систематическому, последовательному логическому мышлению, нежели профессия композитора или дирижера оркестра; точно также несомненно, что авиатор должен обладать большей смелостью, решительностью и самообладанием, чем мелкий торговец, все время проводящий за своим прилавком.

Что же касается только что приведенного возражения, то, повидимому, дело заключается в следующем. Подобно всякой вообще деятельности человека (точно так же, как и всякому

вообще психическому процессу), профессиональные занятия всегда бывают более или менее сложны, заключая в себе, наряду с отличительными, характерными сторонами данной профессии, также целый ряд других, добавочных, менее характерных и, тем не менее, необходимых. Если мы возьмем, например, профессию актера, то наиболее существенной особенностью, без которой нельзя быть сколько-нибудь хорошим актером, является способность перевоплощаться, уметь не только ясно и отчетливо понимать душевную жизнь и переживания других людей, но также и самому, хотя бы на один момент, почувствовать себя в положении того человека, изображать которого придется на сцене. Эта способность перевоплощаться представляет собою довольно сложный, но все же достаточно определенный психический (resp. психо-физиологический) комплекс, включающий в себя целый ряд взаимно-связанных основных психических функций, — относящихся, главным образом, к области воображения и эмоций. В этом именно комплексе и заключается то основное, общее всем артистам сцены, что сближает между собою их психические облики и делает их, несмотря на крупные подчас различия, в основных чертах все же похожими друг на друга. Но наряду со способностью перевоплощаться артистическая профессия требует также и целого ряда других, вспомогательных способностей; актер должен обладать хорошей памятью, так как ему необходимо легко усваивать и твердо помнить свои роли; он должен быть деятелен, так как ему приходится иногда много работать. Кроме того, он может в меньшей или большей степени владеть собой, в зависимости от чего игра его будет или непосредственна, или, наоборот, более рассчитана; наконец, он может обладать или не обладать практической расчетливостью, необходимой для того, чтобы успешно вести переговоры с антрепренерами и вообще выгодно устраивать свои материальные дела, и т. д. Все эти добавочные особенности могут так или иначе дополнять душевный облик профессионального актера, образуя те или иные разновидности данного типа, но изменить основные, наиболее характерные черты этого типа они не в состоянии. То же самое можно сказать и обо всех других профессиях.

Иногда указывают, в качестве возражения, на то, что как сами профессии, так и связанные с ними профессиональные типы не представляют собой чего-либо законченного, неизменного, а, наоборот, очень часто меняются и эволюционируют, в связи с общим развитием культуры и социального строя, с совершенствованием техники и т. д. Так, например, физическая сила, столь ценившаяся раньше у лиц военного сословия, отступает теперь постепенно на второй план, будучи оттеснена другими более современными требованиями: способностью соображения

и инициативой, уменьем успешно справляться со сложными орудиями и другими принадлежностями современного боевого вооружения и т. д. Точно также капиталисты в настоящее время должны обладать другим душевным складом, чем это было в период первоначального накопления капиталов, когда мелкие мастеровые становились нередко богатыми людьми исключительно благодаря своей бережливости. В то же время быстро совершенствующаяся техника порождает иногда совершенно новые профессии, существенными чертами отличающиеся от прежних и предъявляющие к характеру и умственной деятельности человека иные, новые требования и запросы.

Все это, конечно, так, и характеролог безусловно должен считаться с теми изменениями, которые вносит жизнь в сформировавшиеся ранее профессиональные типы. Однако, если вглядеться пристальнее, то изменения эти оказываются уже далеко не так часты и существенны, как это может показаться с первого взгляда. Такие коренные перевороты во всем характере профессиональной деятельности, как упомянутые нами выше (военные, капиталисты), совершаются веками, и научно-характерологическое исследование, как бы медленно и тугоподвижно оно ни было, всегда успеет отметить и изучить их. Значительное же большинство происходящих перемен носит чисто внешний характер, касаясь не столько основного психо-физиологического комплекса, составляющего ядро данного типа, сколько внешних его проявлений, отливающихся в те или иные формы под влиянием обстановки и условий профессиональной работы.

Кроме того, даже и в тех случаях, когда профессиональный тип изменяется в самой своей основе, мы все же имеем обыкновенно изменение не всего типа, а лишь некоторых, хотя бы и существенных, черт его. Если взять приведенные выше примеры, то для военного при постепенной замене физической силы умственной работой, все-таки остаются в прежней силе другие требования: смелость и решительность, энергия и настойчивость, без которых победа в какой бы то ни было борьбе представляется совершенно невозможной; человек, задававшийся целью нажить себе состояние, может теперь уже не прибегать к мелочному скопидомству, к копеечной бережливости доброго старого времени, но ему все же необходимо обладать той расчетливостью и осторожностью, той дальновидной предусмотрительностью и практическим пониманием жизни, без которых нельзя представить себе дельца и капиталиста. Вообще внимательное изучение важнейших профессий и их влияния на человеческую психику должно, как нам кажется, привести к выводу, что основные профессиональные типы, вырабатывающиеся исподволь, в течение веков, даже тысячелетий, представляют собой не случайные, кратко-

временные приспособления к потребностям того или иного исторического момента, а скорее *биологические типы* [1]), вытекающие из основных потребностей человеческого существования и основных же категорий внешнего мира, служащих к их удовлетворению.

Если таково значение профессий для сформирования и отчетливого обнаружения типов среднего уровня, то ясно, что и при подразделении этих типов на группы и разновидности профессиональные занятия будут также играть очень существенную роль. Основной принцип деления остается здесь тот же, что и в низшем уровне: преобладание у данного человека интеллекта, чувства или воли, а затем, для дальнейших подразделений, — степень развития отдельных сторон преобладающего процесса. Но этот основной классификационный принцип осложняется у типов среднего уровня еще одним моментом, который, однако, не только не противоречит главному принципу, но, наоборот, находится с ним в теснейшей связи: это именно преобладание в данном индивидууме склонности к тому или иному роду занятий, к той или иной профессии. Если человеку удалось устроиться в жизни таким образом, что преобладающие склонности и влечения (вытекающие из его эндо-психики) находят себе полное удовлетворение в его образе жизни и профессиональных занятиях, то получаются *чистые* типы; в противном случае, образуются типы *смешанные* или *извращенные*. Наконец, благодаря значительной сложности представителей среднего уровня, а также благодаря тому, что существуют профессии, требующие для успешного занятия ими одновременного и притом одинаково интенсивного участия двух различных сторон душевной жизни, приходится выделить здесь еще одну, дополнительную группу, именно — *комбинированных*. Эти последние занимают среднее место между чистыми и смешанными, отличаясь от первых большей сложностью и разнообразием своей психики, а от вторых — большей ее устойчивостью и определенностью.

ГЛАВА II.

Чистые.

Как уже сказано, чистые типы среднего уровня получаются в тех случаях, когда, при ясно выраженном преобладании одной какой-нибудь группы основных наклонностей, имеются также налицо, с одной стороны, общие условия, благоприятствующие

[1]) Скорее био-социальные, чем только биологические. *Ред.*

развитию личности и повышению ее психического уровня (см. выше), а с другой — более или менее близкое соответствие между эндо-психикой человека и его занятиями, профессией, семейными условиями и т. п. Такое совпадение бывает в жизни не особенно часто, и поэтому чистые типы встречаются значительно реже, нежели комбинированные и смешанные. Тем не менее, для классификации личностей они представляют большую важность, так как, благодаря сравнительной простоте, а также ясности и отчетливости своей психологической структуры, они могут служить исходным пунктом для анализа и конструирования других, более сложных и запутанных типов среднего уровня, именно — комбинированных, смешанных и извращенных.

Что касается подразделения чистых типов среднего уровня, то на первый план выступают здесь, как уже говорилось выше, основные формы и разновидности профессиональных типов, выработавшиеся веками, благодаря постепенному приспособлению различных сторон человеческой эндо-психики к важнейшим категориям окружающей среды. Профессии ученого, художника, общественного деятеля, полководца и администратора, купца и промышленника, сельского хозяина и еще некоторые другие, о которых будет упомянуто ниже, принадлежат к числу тех основных психо-социальных типов, которые не только накладывают на человека известный, вполне определенный внешний отпечаток, но также и требуют от него особых дарований, специфических для каждой отдельной профессии. Такими дарованиями являются, во-первых, преобладание у человека умственных, эмоциональных или волевых процессов, а во-вторых,— степень развития различных сторон каждого из этих процессов (например, преобладание последовательного, логического мышления у научных работников, значительно развитая деятельность воображения у художников, предусмотрительная расчетливость, т.-е. обстоятельное обсуждение мотивов и способов выполнения всякого поступка у людей хозяйственного склада и т. д.). Именно благодаря такому соответствию и получается в данном случае то совпадение эндо- и экзо-психического критериев деления, о котором упоминалось выше.

Вследствие того, что внешняя, экзо-психическая сторона личности выступает в данном случае особенно ярко, придавая всему типу характерный внешний облик, мы решили и самые названия основных типов среднего уровня заимствовать из их профессиональных занятий; так, чистые среднего уровня делятся у нас на ученых, художников, общественников, хозяйственных и т. д. Нельзя забывать, однако, что за этими профессиональными рубриками скрывается здесь все то же основное деление

на интеллектуальных, эмоциональных и волевых, с дальнейшими частичными подразделениями, которое мы уже имели на низшем уровне и которое проходит здесь всю нашу классификацию. Кроме того, выяснилась также возможность частичного объединения чистых типов среднего уровня в две небольшие подгруппы: *непрактичных (теоретики, идеалисты)*. у которых преобладает пассивно-воспринимающая, созерцательная сторона их эндо-психики, и *практиков-реалистов*, характеризующихся, наоборот, преобладанием активно-волевой стороны личности.

Непрактичные (теоретики, идеалисты).

1. Ученые.

Если мы спросим себя, какой род занятий наиболее благоприятствует развитию и проявлению в человеке способности к спокойному, ясному, последовательному мышлению, то, без сомнения, придется ответить: научные занятия. Это вытекает уже из самой сущности научного знания, заключающегося не только в изучении явлений окружающего мира, но и, главным образом, в установлении между этими явлениями закономерных связей и отношений. Беспорядочное нагромождение хотя бы и большого количества отдельных фактов еще не составляет науки. Только настойчивая методическая работа мысли, сравнивающей и обобщающей, делающей выводы и создающей теории, превращает беспорядочную груду материалов в стройное, разработанное здание науки. Конечно, научная мысль далеко не всегда работает одними и теми же способами: в зависимости от содержания каждой отдельной науки и ее методов, от степени подготовки самого работающего, наконец, от индивидуальных особенностей его умственного склада способ работы может существенно изменяться; однако, каковы бы ни были различия в методах и приемах научной работы, основой ее всегда остается логическая деятельность рассудка, без которой систематическое накопление и разработка знаний представляются совершенно немыслимыми.

Нам могут, пожалуй, возразить, что мыслительная деятельность (и притом не только конкретная, но и более абстрактная) бывает присуща и необходима не только людям науки, но также и представителям целого ряда других профессий, иногда не имеющих с наукой ничего общего. Так, политический деятель должен уметь в каждый данный момент отчетливо ориентироваться в сложном взаимодействии факторов, так или иначе влияющих на ход

общественной жизни; крупный коммерсант должен быть очень расчетливым и дальновидным, если он хочет действовать наверняка, не рискуя более или менее крупными убытками; наконец, хороший шахматист обязан своим успехом исключительно сильно развитой мыслительной деятельности, позволяющей ему рассчитывать на много ходов вперед все возможные комбинации и делать соответствующие выводы из каждого хода противника.

Не отрицая всех этих фактов, мы все-таки считаем необходимым указать на то, что во всех перечисленных профессиях (за исключением, пожалуй, игры в шахматы) мыслительная деятельность играет побочную, дополнительную роль, являясь лишь одним из средств, очень полезным, но безусловно не необходимым. Энергичный общественный деятель, благодаря своему эмоциональному подъему или напряжению воли, может достигнуть нередко гораздо больших результатов, чем самые расчетливые и дальновидные люди; подробнее об этом сказано будет дальше, при рассмотрении соответствующих типов. Между тем научного работника совершенно невозможно представить себе без постоянной, вдумчивой и напряженной работы мысли, составляющей здесь основу всего дела и залог всякого успеха. В этом отношении шахматная игра, действительно, настолько близко подходит к некоторым родам научной работы (главным образом, к дедуктивным наукам), что может быть также причислена к чисто интеллектуальным занятиям: недаром мы знаем, что многие ученые и мыслители охотно играли в шахматы. Однако, профессиональные шахматисты настолько редки, что выделять их в самостоятельную разновидность интеллектуального типа было бы нецелесообразно.

Если таково значение научной работы для полного и отчетливого проявления интеллектуальных типов среднего уровня, то очевидно, что наиболее ярких представителей данного типа мы встретим в тех социальных положениях, которые дают человеку наибольшую возможность удовлетворять своей склонности к научным занятиям. Сюда относятся (при современных социальных условиях) прежде всего профессия преподавателей высших учебных заведений (профессора, приват-доценты и т. д.), где преподавание обычно бывает связано с научной работой; затем — положение лиц, которые, благодаря своей материальной обеспеченности или поддержке извне, имеют возможность свободно заниматься наукой (так называемые «свободные ученые»); наконец, сюда же следует причислить и те случаи, когда человек, занимающийся ради заработка каким-нибудь побочным делом, может уделять ему сравнительно немного времени, а главные свои силы посвящать научным занятиям.

Переходя к дальнейшей характеристике представителей данного типа, остановимся прежде всего на тех дополнительных чертах их эндо-психики, которые хотя и не составляют главной, отличительной их особенности, но тем не менее всегда бывают им присущи, входя необходимыми составными элементами в характеристику профессионального ученого. Из познавательных функций здесь следует упомянуть прежде всего о хорошей памяти, обладание которой представляется необходимым для всякого научного работника; преобладает, конечно, память осмысленная, уменье каждый вновь усваиваемый факт включить в систему уже имеющихся знаний, — но часто нужна бывает и механическая память, например, для запоминания терминов, дат, собственных имен и т. д. У естествоиспытателей, постоянно имеющих дело с изучением внешних объектов, бывает также значительно развита наблюдательность, систематическая и планомерная, но в то же время довольно односторонняя — только по отношению к тем явлениям, которые так или иначе касаются их специальности. Такая же односторонность и в их эмоционально-волевой сфере. Способность к волевому усилию, достигая иногда очень значительных размеров, обнаруживается, однако, почти исключительно в форме склонности к напряженному и упорному умственному труду, между тем как другие, не менее существенные ее проявления (борьба за свои или общественные интересы, различного рода внешняя деятельность, физический труд и т. п.) бывают зачастую почти атрофированы. Наконец, среди чувствований (высшего порядка, идейных) особенно сильным развитием отличаются опять-таки те, которые имеют ближайшее отношение к их специальным занятиям: интеллектуальные чувства, в особенности любознательность, интерес к приобретению новых, преимущественно фактических сведений; чувства профессионального долга, та научная добросовестность, без которой в этой области немыслимо достигнуть сколько-нибудь серьезных результатов; самолюбие, которое также у ученых играет часто немаловажную роль, переводя незаметно их разногласия с принципиальной почвы на чисто личную, возбуждая острые споры о приоритете и т. д.

Итак, у чистых интеллектуальных среднего уровня различные второстепенные, дополнительные эндо-черты группируются вокруг основной, характерной их особенности (склонность к систематической деятельности мышления, находящая свое выражение в научной работе), образуя вместе с нею один общий, цельный и законченный психо-социальный комплекс, достаточно типичный для того, чтобы выделить его в качестве особой разновидности. Если же какая-нибудь из этих второстепенных черт достигает столь значительного развития, что выступает наравне

с главной особенностью или даже преобладает над нею, то получается один из смешанных или комбинированных типов, о которых будет сказано ниже.

Принадлежность к среднему психическому уровню также сказывается вполне определенными чертами, существенно отличающими представителей разбираемого типа как от низшего, так и от высшего уровней. Здесь мы впервые встречаемся с известными идейными интересами, сознательными и устойчивыми, с определенными, взаимно-согласованными взглядами на жизнь и свое отношение к ней, одним словом — с наличностью того, что принято называть миросозерцанием. Эта наличность определенных взглядов и стремлений, в связи с значительной способностью к умственному труду, делают чистых интеллектуальных среднего уровня активными и полезными членами человеческого общества, любящими свое специальное научное дело и посвящающими ему нередко все свои силы.

Отличие же от представителей высшего психического уровня заключается, прежде всего, в известной узости и односторонности интересов, отражающейся как на миросозерцании лиц данного типа, так и на всей вообще их научной работе. Узкие специалисты, они зачастую совершенно не в состоянии бывают хотя бы временно отрешиться от своей специальной точки зрения, чтобы понять лиц другой профессии или другого умственного склада. Так, в небольшой сценке из «Анны Карениной» профессор философии («маленький человек в очках, с узким лбом»), прерванный во время своего научного спора неожиданным и дилетантски-прямолинейным вопросом Левина, совершенно растерялся и не знал, что ему ответить; между тем, Сергей Кознышев, «который далеко не с тем усилием и односторонностью говорил, как профессор, и у которого в голове оставался простор для того, чтоб и отвечать профессору, и вместе понимать ту простую и естественную точку зрения, с которой был сделан вопрос», без всякого труда ответил на неожиданную реплику. Такая ограниченность умственного кругозора заставляет представителей данного типа переоценивать значение своей специальности, относясь с наивным и иногда смешным высокомерием к представителям других профессий. В «Скучной истории» Чехова ассистент старого профессора Петр Игнатьевич, очень усердный и добросовестный, но малодаровитый молодой ученый продолжает и во время обеда, за общим столом вести свой скучный разговор о разных мелочах научной жизни; когда же дочь профессора и ее жених-музыкант начинают говорить о фуге и контрапункте, о Бахе и Брамсе, он опускает скромно глаза, как бы совестясь за людей, которые в присутствии таких ученых мужей, как его патрон и он сам, позволяют себе говорить

о каких-то глупостях. Та же ограниченность умственного кругозора, неспособность понять всю глубину и широту известной проблемы, хотя бы даже и научной, заставляют представителей этого типа и в пределах своей специальности обращать внимание преимущественно на мелочи, переоценивая их значение и из-за деревьев не видя леса. Во время пребывания профессора на даче Петр Игнатьевич по воскресеньям приезжал к нему и, чтобы доставить своему учителю удовольствие, рассказывал ему разные «пикантные» истории из научной жизни и научной полемики; истории эти обыкновенно сводились к тому, что один ученый сделал открытие, другой уличил его в позаимствовании, а третий пристыдил обоих, доказавши, что они приняли под микроскопом воздушные пузырьки за темный пигмент. И старый профессор, слушая Петра Игнатьевича, рассказывающего все эти пустяки подробно и обстоятельно, со ссылками и цитатами, с грустью думал, что когда-то этот человек заменит его на его кафедре.

Другой характерной чертой, отличающей представителей разбираемого типа от высшего уровня, является отсутствие у них творчества, их неспособность к самостоятельным, сколько-нибудь оригинальным комбинациям в области научной мысли. Вся их научная деятельность сводится обыкновенно к собиранию фактических данных, подтверждающих или опровергающих какую-нибудь распространенную в данный момент теорию или же вносящих в нее частичные дополнения и поправки. В этом собирании фактов они обнаруживают нередко необычайное терпение и трудоспособность, а также значительную память и даже остроумие, а так как для науки фактический материал является столь же необходимым, как и построение гипотез, то, следовательно, полезность их работы не подлежит сомнению. Тем не менее, несомненно и то, что в науке они являются чернорабочими, а не хозяевами, последователями и подражателями, а не творцами и инициаторами. Прекрасные, незаменимые ассистенты, они зачастую выходят потом плохими профессорами и посредственными учеными. В связи с этим стоит и их склонность к почитанию авторитетов, доходящая иногда до настоящего фанатизма. К самостоятельной критике они, большею частью, бывают совершенно неспособны; если же и критикуют (и иногда очень ожесточенно и заносчиво) какую-нибудь теорию, то непременно с точки зрения другой теории, сторонниками которой они являются.

Подобно всем вообще чистым типам, представители разбираемой группы отличаются известной односторонностью, сказывающейся как в направлении их интересов, так и во всем их поведении. Привыкшие к тиши и уединению библиотек и кабинетов,

они чувствуют себя неловко в большом шумном обществе и вообще совершенно не приспособлены в общественной жизни. Их простая несколько строгая внешность, старомодный, потертый костюм и спокойно-ровная книжная речь давно уже вошли чуть не в поговорку. Мало зная людей и жизнь, будучи заняты преимущественно различными теоретически-отвлеченными вопросами, они никогда не успевают во-время позаботиться о своих собственных выгодах, и поэтому бюджет их обыкновенно более или менее хромает. Общественными делами они интересуются мало, — если, конечно, самая научная область, в которой они работают, не соприкасается так или иначе с общественностью; в тех же случаях, когда жизнь вынуждает их так или иначе высказаться по общественным вопросам, они оказываются или консервативными (незнакомство с жизнью порождает чрезмерную робость и осторожность), или же книжно-радикальными. Повидимому, в прежнее время такие ученые-отшельники встречались чаще, чем теперь, когда все увеличивающиеся практические тенденции жизни способствуют преимущественно возникновению комбинированных и смешанных типов; однако и теперь чистые типы подобного рода не так уж редки.

Что касается условий, способствующих возникновению и развитию разбираемого типа, то, конечно, он может сложиться только в культурной среде, сознавшей значение и пользу не только прикладных знаний, но и чистой науки. Наличность таких государственных и общественных учреждений, как академии и университеты, библиотеки и лаборатории, предназначенных, с одной стороны, для распространения научных знаний, а с другой — для разработки и культивирования чистой науки, или же, при отсутствии их, существование хотя бы отдельных меценатов, поощряющих научную работу, представляется необходимым для того, чтобы могли возникнуть типы, подобные только что разобранному.

2. Художники.

Прежде чем приступить к описанию разбираемого типа, необходимо сказать несколько слов относительно названия, избранного нами для обозначения этого типа. Термин «художник» следует понимать здесь не в узком смысле живописца (как его иногда употребляют), а в более широком, именно—человека, посвятившего себя занятию искусством и обладающего нужными для того способностями и задатками. Таким образом, сюда войдут не только художники кисти и резца, т.-е. живописцы и скульпторы, но также писатели и поэты, музыканты и композиторы, актеры, режиссеры, дирижеры оркестра и т. д. Правда,

каждая из этих отдельных художественных профессий требует также и своих специальных дарований, характерных для нее и выделяющих ее в качестве особой, самостоятельной разновидности данного типа: художник должен тонко различать и хорошо запоминать цвета и их оттенки, скульптору необходимо живо «чувствовать» формы и линии, музыканту нужен хороший слух; о специальных особенностях сценического дарования уже говорилось отчасти выше. Однако, наряду со всеми этими частными, специальными чертами есть у всех служителей искусства также и нечто общее, что мы называем общим художественным складом, и без чего человек не должен посвящать себя искусству, как бы тонко ни различал он тоны и интервалы, как бы удачно ни подбирал он рифмы. В пользу такого психологического родства различных родов искусства говорят, между прочим, те часто встречающиеся случаи совмещения нескольких художественных профессий, когда, например, живописец занимается также и скульптурой, драматический писатель сам играет на сцене, композитор выступает в концертах и т. д.; недаром также не прекращаются попытки создать «искусство будущего» — будет ли это опера или что-либо другое, — в котором отдельные роды художественного творчества слились бы в одно гармоничное целое.

Необходимо также заметить, что для чистоты разбираемого типа не имеет существенного значения то обстоятельство, содержит ли человек себя своим искусством, или же, имея какую-нибудь поддержку извне, может не особенно заботиться о своем материальном обеспечении; важно лишь то, чтобы занятия искусством составляли центр его жизни, чтобы им он отдавал большую часть своих сил и своего времени.

Если мы попытаемся подробнее разобраться в том сложном психо-физиологическом комплексе, который выше был назван «общим художественным складом», то окажется, что наиболее существенную роль играют в нем, повидимому, известные интеллектуальные элементы, тесно связанные, впрочем, также и с некоторыми особенностями эмоциональной сферы: наблюдательность, живая восприимчивость по отношению к внешним впечатлениям, соединенная с ясной, отчетливой памятью; сильно развитое воображение, богатое и яркое; значительное развитие чувствований, постоянно влияющих на суждения и на всю вообще умственную деятельность человека; наконец, склонность к эстетическим переживаниям, могущим принимать, конечно, самые разнообразные формы. Все эти элементы отнюдь не являются отдельными, обособленными, а, наоборот, сливаются в одно общее, неразрывно связанное целое, взаимно обусловливая и поддерживая друг друга. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Сильно развитое воображение является здесь, повидимому, центральным, наиболее характерным элементом, отличающим людей художественного склада от всех почти других основных (чистых) типов. Впечатлительные и восприимчивые ко всем действующим на них извне раздражениям, они, с одной стороны, отличаются повышенной, обостренной наблюдательностью, позволяющей им подмечать многое, что ускользает от глаз окружающих, а с другой — воспроизводят все ранее воспринятое с такой яркостью, полнотой и обилием деталей, которые иногда прямо поражают постороннего наблюдателя. В своем романе «Обрыв» Гончаров описывает, как герой романа, недоучившийся художник Райский, будучи еще в университете, никак не может справиться с ученым рассуждением на тему, например: «о древних русских деньгах» или «о движении народов с севера на юг». «Он, вместо того, чтобы рассуждать, вглядывается в движение народов, как будто оно перед глазами. Он видит, как туча народа, точно саранча, движется, располагается на бивуаках, зажигает костры; видит мужчин в звериных шкурах, с дубинами, оборванных матерей, голодных детей; видит, как они режут, истребляют все на пути, как гибнут отсталые. Видит серое небо, скудные страны и даже древние русские деньги; видит так живо, что может нарисовать, но не знает, как рассуждать об этом: и чего тут рассуждать, когда ему и так видно?»

Эта последняя черта—неспособность к отвлеченным логическим рассуждениям — также очень характерна для художников среднего психического уровня, отличая их от только что разобранного типа ученых. Обладая сильно развитым воображением, они мыслят исключительно чутьем, интуицией, полубессознательно догадываясь о смысле данного явления или проблемы и сразу же представляя себе результат в виде ярких, конкретных образов; часто и охотно пользуются при этом аналогиями; к систематическому же, последовательному логическому мышлению обыкновенно бывают совершенно неспособны. Только на высшем психическом уровне у таких гениальных представителей художественного творчества, как Гёте, Леонардо-да-Винчи, мы можем встретить одновременное совмещение двух вышеупомянутых, столь различных способов мыслительной деятельности. Сосредоточивая главные силы свои на художественном творчестве, они по временам способны увлекаться также и научной работой,— и в результате их художественные произведения блещут не только красотой и изяществом формы, но также и философской глубиной мысли, богатством и оригинальностью содержания. Что же касается представителей разбираемого сейчас среднего психического уровня, то для них такое совмещение представляется совершенно недоступным.

Из всех родов интеллектуальной деятельности воображение наиболее тесно связано с эмоциональной сферой, и эта связь особенно ярко проявляется у людей художественного склада. Известно, что художественное творчество всегда требует некоторого эмоционального подъема [1]) и без него не может достигнуть всей той яркости и силы, к которой способен данный художник; известно также, что у многих писателей, музыкантов и т. д. лучшие их произведения были написаны под влиянием любовных увлечений или каких-нибудь событий, произведших на них потрясающее впечатление. Руже-де-Лилль, под влиянием крайнего воодушевления, вызванного в нем известием о наступлении союзных армий, сочинил Марсельезу и потом уже во всю свою жизнь не мог создать ничего выдающегося. Таким образом, люди художественного склада необходимо должны обладать повышенной, аффективной возбудимостью, которая, как мы увидим дальше, резко отражается и на всем их душевном облике.

Наконец, последнюю характерную особенность художественного типа составляет сильно развитое эстетическое чувство, заставляющее этих людей предпочитать эстетические наслаждения всему остальному. Тот же Райский глубоко чувствовал и ценил красоту, отыскивая ее всюду, где только мог найти и подметить: все прекрасное, художественное—был ли это деревенский пейзаж, или игра на виолончели, или лицо красивой женщины,—производило на него сильное, неотразимое впечатление. Однажды, еще в училище, ему очень понравилась женская головка, висевшая на стене у учителя. Выпросивши ее, он «на ночь уносил рисунок в дортуар, и однажды, вглядываясь в эти нежные глаза, следя за линией наклоненной шеи, он вздрогнул, у него сделалось такое замиранье в груди, так захватило дыханье, что он в забытьи, с закрытыми глазами и невольным, чуть сдержанным стоном, прижал рисунок обеими руками к тому месту, где было так тяжело дышать. Стекло хрустнуло и со звоном полетело на пол»... Любовь ко всему красивому и изящному сказывается часто также и в костюме художников, их наружности, манере держаться и т. д. Правда, это бывает не всегда: эстетические чувства по своему содержанию могут быть очень сложны, далеко не исчерпываясь одним стремлением к чувственной красоте и внешнему изяществу; духовная красота далеко не всегда идет рука об руку с физической, и художник, глубоко чувствующий прекрасное, может не обращать никакого внимания на свой костюм и свою внешность. Как бы то ни было, в том или ином виде, а стремление к эстетически-пре-

[1]) См. по этому поводу Рибо, «Творческое воображение».

красному составляет все же одну из основных, неотъемлемых черт художественной натуры.

Описанный комплекс тесно связанных между собой психологических элементов составляет основное ядро художественного типа и достаточно отличает его от других типов среднего уровня. Об отличии от типа ученых (преобладание конкретных образов и интуиции над абстрактным логическим мышлением) уже говорилось выше. Отличие же от аффективных и практически-деятельных типов заключается, главным образом, в преобладающей деятельности воображения: внешние поступки художника (социальные и другие) бывают обыкновенно довольно незначительны и беспорядочны, вся же его энергия сосредоточивается, по преимуществу, на зарождении и разработке возникающих у него художественных образов. Для людей практических воображение художника, яркое, богатое и образное, представляется не только бесполезным, но скорее даже вредным. Как справедливо замечает Джемс, в практическом житейском обиходе мы обыкновенно довольствуемся полусхематическими представлениями, смутными и неясными, но вполне достаточными для наших целей; если бы кто-нибудь, отправляя на почту посылку, замечтался о том, как посылку будут перегружать на промежуточной узловой станции, как потом повезут ее в почтовой тележке, как получившие ее будут развертывать, осматривать и т. д., — то он наверно перепутал бы адрес и забыл взять расписку. Для художника же такое богатство и детальность умственных образов зачастую представляются безусловно необходимыми.

В тесной связи с перечисленными основными чертами разбираемого типа находятся также некоторые другие, более второстепенные, но все же достаточно характерные. Выше уже упоминалось о том, что общая аффективная возбудимость у людей художественного склада бывает обыкновенно значительно повышена: впечатлительные и увлекающиеся, они легко приходят в состояние аффекта (восторг, гнев, отчаяние и т. п.), который, однако, обыкновенно проходит так же быстро, как и начался. Благодаря значительному влиянию чувствований на течение умственных процессов, их суждения и отзыв часто бывают пристрастны и иной раз, под влиянием увлечения, сменяются чуть не диаметрально противоположными, оставаясь в то же время совершенно искренними и добросовестными. Они больше верят, чем рассуждают, их убеждения отличаются больше страстностью, чем обоснованностью. Чувственные влечения, в особенности любовь во всех ее видах и проявлениях, бывают обыкновенно значительно развиты. Райский не может жить без того, чтобы не быть влюбленным в кого-нибудь, при чем в его любви

чувственные элементы самым разнообразным и прихотливым образом перемешиваются с романтической идеализацией любимой женщины. Очень характерна в этом отношении также сценка из тургеневского «Накануне»: молодой художник Шубин, рыдая и хватая себя за волосы от горя, жалуется своему товарищу, что девушка, в которую он влюблен, не только не любит, но и презирает его; тут же он, однако, признается, что презрение до некоторой степени обосновано: любимая девушка застала его днях целующим руки у пухленькой немочки-бонны («что прикажешь делать? у нее плечи так хороши»); а через пять минут, увидевши хорошенькую знакомую горничную, Шубин с такою живостью пустился вслед за ней, что его приятель не мог не расхохотаться. С другой стороны, чувственность их сказывается также в часто встречающейся склонности к кутежам, выпивкам и т. п.

Повышенная аффективность отражается также и на волевой деятельности этих людей. Работают они, большею частью, неравномерно, порывами: то под влиянием увлечения проводя бессонные ночи за работой, то на некоторое время совсем ее забрасывают, занимаясь чем-нибудь посторонним или же шатаясь совсем без дела. Вообще образ жизни ведут довольно беспорядочный. В материальных делах большею частью (хотя и не всегда) отличаются беззаботностью и непрактичностью: щедрые без расчета, когда есть деньги, они в то же время могут, не стесняясь, жить на чужой счет; а когда нет денег, то, по образцу парижской «богемы», живут впроголодь, не теряя хорошего расположения духа и надеясь на лучшие времена. К систематическому обогащению своих знаний они обычно мало способны и потому нередко бывают довольно-таки невежественны. Общественными делами мало интересуются, так как находят их скучными и непривлекательными.

По сравнению с бесплодными мечтателями низшего психического уровня представители разбираемого типа стоят, конечно, много выше: у них есть известные художественные способности, проявляющиеся еще с детства и признаваемые всеми окружающими; достигши зрелого возраста, они специализируются на какой-нибудь художественной профессии, работают более или менее усердно, и, в конце концов, добиваются известного успеха; произведения их находят себе сбыт, сценические или концертные выступления нравятся публике. Однако, обладая лишь средним художественным дарованием, они никогда не в состоянии бывают стать творцами, в настоящем смысле этого слова; хорошие и иногда талантливые подражатели, они не могут создавать новых форм или же вливать в старые формы новое содержание. Сколько бы страсти и настойчивости ни вкладывали они подчас в свое стре-

мление подняться на высоты, доступные гению, безжалостная природа всегда не замедлит указать им настоящее их место. Маленькая пьеса Пушкина «Моцарт и Сальери» дает нам в этом отношении очень яркий и поучительный образец.

Практики-реалисты.

Переходя к описанию типов с преобладанием эмоционально-волевой сферы, остановимся прежде всего на двух разновидностях одного широкого типа, который можно обозначить, как тип общественников.

3. Общественники.

А. Внутренне-аффективные.

Одним из основных, наиболее характерных свойств этого типа является своеобразный психический комплекс, составленный преимущественно из эмоциональных элементов и по своей структуре близко напоминающий то, что в эстетике носит название процесса вчувствования (см. выше). Мы имеем в виду чувство симпатии, т.-е. способность сочувствовать другим людям, переживая вместе с ними их горе и радости, близко принимая к сердцу их нужды и заботы. Для того, чтобы способность сочувствия могла достигнуть у человека значительной силы, необходимо, чтобы он обладал не только повышенной аффективной возбудимостью, но также и аффективной памятью, глубиной и устойчивостью отдельных чувствований; это последнее свойство позволяет человеку все более и более расширять и обогащать свой эмоциональный опыт, знакомясь со все новыми и новыми чувствами и душевными движениями. Между тем известно, что только тот, кто сам много пережил и перечувствовал, может достаточно чутко отзываться на душевные переживания других людей, входя в их положение и понимая (не только умом, но и сердцем) всю глубину и силу их радостей и страданий.

Необходимо отметить, что хотя в состав чувства симпатии входят, как мы сейчас увидим, также и некоторые интеллектуальные и волевые элементы (сводящиеся, главным образом, к наличности определенных идейных мотивов и к действиям, направленным на осуществление возникших влечений), но центр тяжести лежит все-таки не в них, а в перечисленных выше чисто эмоциональных особенностях: повышенной аффективной возбудимости, силе, глубине и устойчивости отдельных чувствований. Холодно рассуждающий человек, как бы ни были хороши его

намерения и с какой бы настойчивостью и энергией он ни стремился к их осуществлению, все-таки никогда не достигнет той теплоты, сердечности и отзывчивости, какими отличаются представители разбираемого сейчас типа. Поэтому тип этот, по своим преобладающим эндо-психическим особенностям, должен быть причислен к аффективным типам,—хотя от аффективных низшего уровня он, разумеется, отличается весьма существенными особенностями.

Сильно развитая способность сочувствия влечет за собой целый ряд других психических свойств, тесно с нею связанных и вместе с тем существенно дополняющих характеристику данного типа. Если человек живо сочувствует горю другого, то у него неизбежно является, в конце концов, желание осуществить на деле свое сочувствие, оказавши нуждающемуся ту или иную помощь [1]). Сильно выраженная эмоция побуждает человека к соответствующему действию. Отсюда отзывчивость этих людей, готовность помочь в беде всякому, хотя бы незнакомому, хотя бы даже врагу или человеку, причинившему им какую-либо неприятность. Вообще симпатические чувства у них значительно преобладают над эгоистическими, делая их, в случае надобности, готовыми даже и на самопожертвование. При этом, благодаря глубине и устойчивости чувствований, склонность к самопожертвованию отнюдь не является здесь мимолетным порывом, исчезающим так же быстро, как и появился, а, наоборот, может продолжаться многие годы, иногда даже всю их жизнь. Мария Болконская («Война и мир» Толстого), типичная представительница данной группы, всю свою молодость, лучшие годы своей жизни провела в уединенной деревне, в обществе сурового и придирчивого отца и пустенькой компаньонки-француженки, отказывая себе часто в удовлетворении самых естественных и законных желаний и потребностей. И это делалось не в силу необходимости (так как, достигши известного возраста, она могла бы, подобно брату, покинуть отца), а главным образом из чувства долга и из сострадания к старику-отцу, который без нее остался бы совершенно одиноким. В конце концов, Болконская пришла к заключению, что смысл ее существования именно и состоит в самопожертвовании и отречении от личной жизни; «все сложные законы человечества сосредоточивались для нее в одном простом и ясном законе — в законе любви и самоотвержения».

[1]) Нам, правда, могут указать на существование людей, которые, вследствие своей поверхностности или привычки притворяться, готовы выказать на словах самое горячее сочувствие, на деле же отказывают во всякой помощи. Но здесь, очевидно, настоящего, интенсивного сочувствия вовсе нет, а есть только внешние проявления, симулирующие это сочувствие.

Вместе с эгоизмом у этих людей обычно отсутствует также и самолюбие, во всех его видах и проявлениях. В большинстве случаев они бывают очень скромны, стараясь умалить и скрыть свои заслуги и свое значение, при чем делают это вполне искренно, отнюдь не рассчитывая на возражения и похвалы со стороны окружающих. Кроткие и незлобивые, чуткие и деликатные, они почти не в состоянии бывают ни сами обидеться, ни других обидеть: да и поводов для столкновений у них, благодаря ограниченности потребностей, бывает обычно гораздо меньше, чем у других людей. Зато там, где дело касается их задушевных убеждений (в особенности нравственных и религиозных), они обнаруживают неожиданную стойкость и значительную сопротивляемость, не поддаваясь ни угрозам, ни увещаниям и ни на шаг не отступая от того, что считают справедливым. Все эти особенности придают им известное нравственное обаяние, благодаря которому люди эти, несмотря на свою кротость и неспособность к насилию, пользуются среди окружающих значительным и притом очень благотворным влиянием.

Преобладающий у людей этого типа эмоционально-волевой комплекс (живое и деятельное сочувствие по отношению ко всем людям) оказывает свое влияние также и на их интеллектуальную сферу, на общее течение их мыслей и направление интересов. Чуткие и отзывчивые к душевным переживаниям других людей, они естественно уделяют значительную часть своего внимания и интереса процессам душевной жизни, внутреннему миру, как чужому, так и своему собственному. Этим обусловливается присущая им обычно серьезность и сосредоточенность, сдержанная молчаливость, вовсе, однако, не свидетельствующая о их нежелании общаться с другими людьми. Алеша Карамазов «в детстве и юности был мало экспансивен и даже мало разговорчив, но не от робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротив, а от чего-то другого, от какой-то как бы внутренней заботы... Но людей он любил». Иногда у людей, обрекших себя на длительное самоотречение и самопожертвование, эта серьезность приобретает оттенок грусти, делающийся затем уже привычным для данного человека. Болконская, даже после того, как она вышла замуж за любимого человека и зажила вполне спокойной и довольной жизнью, все же сохранила в своем выражении тихую грусть, не покидавшую ее в самые счастливые минуты: «Как будто, кроме того счастья, которое она испытывала, было другое, недостижимое в этой жизни счастье, о котором она невольно вспомнила в эту минуту».

Что касается принадлежности к среднему психическому уровню, то она сказывается прежде всего в том, что, в отличие от низшего уровня, представители разбираемого типа обладают

гораздо большею глубиной и устойчивостью чувствований, а также резким преобладанием высших идейных чувств над низшими, органическими влечениями. Отсюда их общественность и сильноразвитая способность сочувствия, отсюда же их глубокая и искренняя религиозность, постоянство и определенность их нравственных принципов, представляющие резкий контраст с поверхностной изменчивостью и новым, полусознательным эгоизмом аффективных низшего уровня. В то же время большая объединенность психики сказывается в более или менее полном соответствии между словами и действиями, между чувствами и поступками: не ограничиваясь добрыми побуждениями, они стремятся осуществить их также и на деле, обнаруживая при этом нередко значительную энергию и настойчивость.

С другой стороны, в отличие от аналогичного типа высшего психического уровня, люди эти отличаются нередко известным фанатизмом, слепой преданностью авторитетам, неспособностью сколько-нибудь критически отнестись к предмету своих верований. Раз усвоивши какое-нибудь вероучение, они принимают его уже целиком, со всеми достоинствами и недостатками, истиной и предрассудками, готовые защищать эти последние ничуть не менее горячо и пристрастно, чем все остальное (влияние сильно развитых чувствований на суждения). Болконская слепо верит во всем авторитету отца и не может понять брата, который в некоторых случаях позволяет себе относиться к отцу критически; только в одном пункте она не может согласиться с отцом, именно там, где его взгляды расходятся с авторитетом, еще более для нее высоким, — с религией.

В тесной связи с присущей представителям среднего уровня некоторой узостью кругозора стоит одна особенность, очень для них характерная: чуткие и отзывчивые к горю и радости отдельных людей, они неохотно и плохо разбираются в вопросах политики и сложных общественных отношениях; их сочувствие и помощь людям строго индивидуальны, и судьба одного человека часто заслоняет для них судьбу всего общества. Благодаря этому случается нередко, что человек, сам по себе добрый и отзывчивый, в политическом споре горячо отстаивает шовинистскую точку зрения, не будучи в состоянии понять, что она противоречит всему складу его психики.

Из условий, способствующих развитию данного типа, следует, как нам кажется, отметить горе и лишения, постигавшие неоднократно как самого человека, так и окружающих, близких ему людей. Тот, кто вырос в довольной и счастливой обстановке, вдали от всяких бед и огорчений, не может так сочувственно отнестись к чужому горю, как человек, сам много испытавший. Не менее важное значение имеет, повидимому, налич-

ность теплой материнской ласки в раннем детстве, а также чьей-нибудь моральной поддержки и сочувствия в более зрелом возрасте: иначе постоянные преследования судьбы могут, в конце концов, озлобить и ожесточить человека. Наконец, немалую роль может сыграть воспитание, направленное на развитие доброты и мягкости по отношению к людям и животным.

Б. Внешне-деятельные.

Отличительную, характерную черту эндо-психики здесь, как и у внутренне-аффективных, составляет значительное развитие аффективной сферы; однако, в противоположность предыдущему типу, аффекты здесь гораздо чаще и обильнее обнаруживаются во-вне, в целом ряде различных двигательных, вазомоторных и других проявлений (мимика, жесты, речевые проявления и т. п.). Благодаря этому и самый характер чувствований, их направление у этих людей существенно меняется: чувства, столь же легко возбудимые, как и у первых, обладают, однако, значительно меньшей продолжительностью, так как накопившаяся эмоциональная энергия находит себе быстрый и легкий выход в виде упомянутых только что физиологических проявлений; вследствие этого продолжительное сосредоточение на внутренних, душевных переживаниях оказывается для этих людей уже невозможным, и все их внимание и интерес направляются на явления внешней, окружающей действительности. В то же время и деятельность их, благодаря часто возникающим разнообразным аффектам, значительно влияющим на двигательную сферу, приобретает своеобразный характер, о чем подробно будет сказано ниже.

Все эти особенности ведут к тому, что и экзо-психика этих людей сформировывается в ином направлении, чем это мы видели у внутренне-аффективных. На место сочувствия отдельным человеческим индивидуумам и более или менее глубокого, вдумчивого проникновения в душевную жизнь каждого из них, здесь, наоборот, на первый план выступает общественная жизнь с ее нуждами и потребностями, заботами и развлечениями. Постоянная аффективная возбужденность, сопровождающаяся потребностью высказать, излить наружу свои чувства, вызывает в человеке повышенную общительность, тяготение к людям; значительная подвижность, всегда присущая представителям разбираемого типа, дает им возможность входить в общение с целым рядом различных людей, принимая участие в самых разнообразных делах и предприятиях; наконец, преобладание внешних интересов и внешней деятельности над внутренними ведет к тому, что их внимание сосредоточивается не на душевном,

интимном мире каждого отдельного человека, а на тех более внешних, «междучеловеческих» отношениях, которые собственно и составляют главную основу и выражение нашей социальной жизни.

Такое тяготение к общественной жизни и общественной деятельности может проявляться различными способами. Прежде всего, оно влечет человека к живому, деятельному участию во всякого рода общественных предприятиях и организациях, как, например, в земских и городских учреждениях, в обществах и кооперативах, в деятельности политических партий и клубов и т. п. Надо сказать, впрочем, что к заведыванию сколько-нибудь крупным делом или к планомерному, систематическому ведению его люди эти бывают обычно мало способны; для этих целей более пригодными оказываются типы администраторов и хозяйственных, о которых подробно будет сказано ниже. Роль же общественников этого типа состоит, главным образом, в том, что они привлекают и организуют людей, участвующих в деле, являясь своего рода социальной спайкой, связующей и поддерживающей данную общественную организацию. Этому способствует их живость и общительность, подвижность и энергия, а также присущие им от природы и еще больше развивающиеся от постоянного общения с людьми наблюдательность, такт, быстрая сообразительность.

Иногда деятельность представителей данного типа бывает направлена также на помощь и содействие отдельным людям. Однако, в отличие от первой разновидности общественников, общественные их тенденции и здесь сказываются достаточно отчетливо: не ограничиваясь единоличной помощью, они стремятся привлечь к участию в ней также и других лиц; в результате получается организация различных благотворительных учреждений, устройство обществ взаимопомощи, благотворительных вечеров и концертов и т. п.

Таким образом, мы видим, что круг профессий и занятий, способствующих развитию и яркому проявлению данного типа, представляется обширным и разнообразным.

Упомянутые выше основные черты эндо-психики внешнедеятельных влекут за собой также и целый ряд других проявлений, быть может, менее существенных, но, тем не менее, очень характерных. Так, повышенная аффективная возбудимость, сопровождающаяся обильными внешними проявлениями, делает этих людей горячими и вспыльчивыми; приходя легко в состояние возбуждения (все равно, радостного или гневного), они становятся шумными, многоречивыми, теряют способность владеть собой и нередко — особенно под влиянием алкоголя — могут доходить до скандалов, дебошей и т. п. В других случаях

их аффективные проявления принимают более культурные формы.

Повышенная аффективная возбудимость представителей данного типа отражается (как это и всегда бывает) также и на их суждениях, делая эти последние недостаточно спокойными и обоснованными, а иногда и пристрастными; в своей оценке людей и событий, а также и своего собственного поведения — они часто увлекаются и под влиянием увлечения способны иной раз по поводу одного и того же предмета высказать в разное время два совершенно противоположных мнения.

Что касается настроения этих людей, то оно обычно бывает хорошим и всегда несколько повышенным. В противоположность внутренне-аффективным, спокойно-серьезным и грустно-задумчивым, внешне-деятельные бывают обычно оживленны и, если не веселы, то, по крайней мере, всегда бодры. Эмоция, находящая себе легкий и быстрый выход наружу, никогда, повидимому, не может так угнетающе влиять на душевную жизнь человека, как скрытое, глубоко затаенное чувство. Недаром еще в глубокой древности было установлено, что сдержанные, молчаливые, склонные к уединению представители меланхолического темперамента отличаются гораздо большей сумрачностью, чем живые, подвижные, общительные и всегда веселые сангвиники. Такое преобладание бодрого радостного настроения ведет к тому, что представители этого типа отнюдь не чуждаются всякого рода чувственных удовольствий и увеселений, — преимущественно, конечно, в веселой компании, среди друзей и приятелей. Так, Разумихин («Преступление и наказание» Достоевского), близко — хотя и не вполне — подходящий к разбираемому типу, «мог пить до бесконечности, но мог и совсем не пить»; иногда он буянил и слыл за силача; однажды ночью, в компании, он одним ударом ссадил одного блюстителя, вершков двенадцати росту». Таким образом, и в этом отношении внешне-деятельные представляют резкую противоположность полуаскетическому складу внутренне-аффективных.

Практики по натуре, представители разбираемого типа отнюдь не склонны бывают к созерцанию и мечтательности: в связи с этим и эстетические интересы у них или совершенно отсутствуют, или, во всяком случае, занимают второстепенное место. В то же время, благодаря преимущественному сосредоточению внимания на внешних проявлениях человеческой жизни и деятельности, они мало бывают способны к тому чуткому, глубокому проникновению в душевные переживания других людей, каким характеризуются некоторые из описанных выше типов. Постоянно вращаясь среди людей, они, тем не менее, оценивают их исключительно с точки зрения социального положе-

ния, пригодности или непригодности к тому или иному делу, профессии и т. п.; понять же и почувствовать душевный мир другого человека, разобраться во всей сложности его субъективных мотивов эти люди бывают обычно не в состоянии. Тот же Разумихин во время затянувшейся болезни Раскольникова ухаживает за ним, как мать за ребенком, по целым дням и даже неделям почти не отходя от него; и в то же время он никак не может, хотя бы приблизительно, уяснить себе душевную жизнь Раскольникова, считает его то душевно больным, то политическим заговорщиком, не замечает, как тот притворяется и обманывает его, наконец, желая успокоить и развлечь больного приятеля, то и дело возвращается к сильно волнующему Раскольникова разговору об убитой старухе - процентщице. — Зато в области практической жизни общественники обладают многочисленными и разнообразными познаниями: бойкие и расторопные, они все знают, все могут достать и устроить; к ним нужно обращаться, если человек хочет устроиться где-нибудь за недорогую цену, или дешево купить хорошую вещь, или выгодно поместить свои деньги в какое-нибудь предприятие; они же подробнейшим образом расскажут вам все прошлое и настоящее из жизни большинства знакомых и многих незнакомых им людей и т. п.

От аффективных-подвижных низшего психического уровня внешне-деятельные отличаются, конечно, очень существенными чертами. Для того, чтобы принимать участие в общественных делах и организациях, нужны, прежде всего, ум и сообразительность, т.-е. способность к наблюдению и анализу, уменье комбинировать и делать выводы и заключения; вместе с тем и двигательно-волевая их сфера представляется достаточно развитой для того, чтобы раз возникшее чувство не вылилось всецело во внешних, чисто физиологических проявлениях, но и осуществилось бы в каком-нибудь реальном деле или поступке. Другими словами, при безусловном преобладании аффективных процессов над всеми остальными, общее развитие душевной жизни, в смысле богатства и интенсивности составляющих ее процессов, представляется значительно большим, чем у аналогичных типов низшего уровня. Благодаря этому, общественная ценность и значение разбираемого типа значительно возрастают; живость и подвижность этих людей, их чуткая отзывчивость на всякую нужду общественную заставляют окружающих ценить их и дорожить ими.

С другой стороны, однако, необходимо отметить и некоторые другие признаки, отличающие общественников среднего уровня от сходных с ними представителей высшего душевного склада. Сюда следует отнести, прежде всего, несамостоятельность их

общественных взглядов и выступлений, неспособность быть инициаторами и руководителями, наконец, некоторую узость и ограниченность кругозора, пристрастность в оценке мнений и поступков других людей. Все это ведет к тому, что окружающие, относясь к ним, в общем, с значительной симпатией, примешивают, однако, к этой симпатии значительную долю насмешливости: суетливые, вечно кипятящиеся, всегда все преувеличивающие, представители разбираемого типа значительную часть своей энергии тратят понапрасну и, благодаря этому, далеко не всегда достигают тех результатов, каких можно было бы ожидать, судя по их возбужденной, никогда не прекращающейся деятельности.

4. Властные.

Если у предыдущего типа (общественников) довольно значительное развитие произвольной деятельности является необходимым следствием сильно выраженных чувствований и желаний, то у представителей разбираемой сейчас группы волевая энергия и волевые проявления выступают уже на первый план, представляясь наиболее характерной психологической их особенностью. Способность к интенсивному, напряженному волевому усилию, длительному и устойчивому, придает всему душевному складу этих людей своеобразный отпечаток, отражаясь как на внутренней жизни, так и на всем их внешнем поведении. Твердые и настойчивые в достижении раз поставленных себе целей, способные к выдержке и самообладанию, представители разбираемого типа существенно отличаются как от теоретиков мыслителей и углубленных в себя созерцателей, так и от описанных выше практиков аффективного склада, способных действовать только под влиянием охватившей их в данный момент эмоции. Вместе с тем, так как всякое интенсивное, продолжительное волевое усилие требует, в качестве точки своего приложения, наличности определенной, отчетливо поставленной цели, то другой, не менее характерной особенностью этих людей следует считать всегда присущее им ясное сознание того, к чему именно они стремятся и какими путями должны итти к достижению намеченной цели.

Волевая энергия человека, в своем воздействии на внешний, окружающий мир, может сосредоточиваться, главным образом, в двух различных направлениях: с одной стороны, на явлениях мертвой, неодушевленной природы или же мира животных, с другой—на жизни и деятельности других людей, представляющей собою наиболее привлекательный объект приложения их сил и энергии. В первом случае получается тип людей, нахо-

дящих свое призвание в борьбе с могучими и страшными явлениями дикой, первобытной природы: моряки, специализировавшиеся на дальних плаваниях, путешественники по малоисследованным, трудно проходимым странам, охотники на диких зверей и т. д. Более подробно о представителях этой разновидности будет сказано ниже. В другом случае, когда волевая энергия человека находит себе выражение в воздействии на жизнь и поступки других людей, получается тот распространенный тип, который мы, за неимением лучшего термина, предлагаем назвать властными. Само собой разумеется, что здесь имеются в виду не те неудавшиеся правители или кабинетные, канцелярского склада бюрократы, которые, занимая высокий пост, совершенно не отвечают требованиям, предъявляемым к ним жизнью, а лишь такие лица, в которых сама природа вложила способность влиять на других людей, направляя их сообразно своим планам и намерениям.

В одной из своих работ [1]) я уже указывал, основываясь на наблюдениях над школьниками, что «твердая воля, руководимая сознательными принципами, всегда импонирует окружающим и побуждает их к невольному повиновению»; как бы ни были разнообразны те мотивы и способы, при помощи которых школьник может приобрести авторитет среди своих сверстников (физическая сила, положение хорошего ученика, помогающего товарищам, наличность каких-либо особенных дарований и т. п.), все же наиболее существенную роль играет здесь, повидимому, «существование определенных, более или менее сложившихся взглядов на общественные (resp. школьные) взаимоотношения... а также настойчивость и последовательность в проведении этих взглядов». То же самое следует сказать и относительно взрослых. В романе Толстого «Война и мир» мы находим очень типичную в этом отношении фигуру — Марью Дмитриевну Ахросимову, «прозванную в обществе le terrible dragon, даму, знаменитую не богатством, не почестями, но прямотой ума и откровенною простотой обращения. Марью Дмитриевну знала царская фамилия, знала вся Москва и весь Петербург... все без исключения уважали и боялись ее». И достигла она этого исключительно тем, что, имея по отношению ко всему окружающему свои определенные, твердо установившиеся мнения, высказывала их прямо и откровенно, никого не боясь и ни перед кем не стесняясь.

Твердые и настойчивые в проведении своих взглядов и осуществлении своих намерений, люди эти отличаются обычно чрезвычайным упорством и сопротивляемостью; в этом отношении

[1]) «Школьные характеристики», 2-е изд. 1913, стр. 187.

они напоминают родственных им «упрямых» низшего уровня, с той только разницей, что деятельность их представляется гораздо более сознательной и целесообразной.

Властвование невозможно без борьбы, физической или моральной; а всякая борьба опять-таки требует значительного развития энергии, смелости и решительности, т.-е. качеств, связанных со способностью к волевому усилию. И мы видим, что склонность к борьбе, в той или иной ее форме, всегда бывает присуща представителям данного типа. Марья Дмитриевна готова немедленно же вступить в самую горячую и резкую полемику со всяким, кто вздумал бы нападать на то, что ей дорого, или оспаривать то, что она считает справедливым. В том же романе «Война и Мир» другой представитель (хотя и не совсем чистый) разбираемого типа — Василий Федорович или «Васька» Денисов, сначала командир эскадрона, затем предводитель партизанского отряда и, наконец, генерал в отставке — очень ярко подчеркивает свою постоянную готовность к нападению и активной борьбе: «тугендбунд я не понимаю, а не нравится — так б у н т, вот это так. Je suis votre homme!» Он же говорит состоящему под его начальством юнкеру Ростову: «атака — любезное дело, рубай в песи, а тут (в резерве) чорт знает что, бьют как в мишень».

Постоянная готовность к сопротивлению и отпору сказывается также и на обращении этих людей, придавая ему своеобразную резкость и грубоватость. Все знавшие Марью Дмитриевну втихомолку посмеивались над ее грубостью, рассказывая про нее анекдоты. Очень характерна в этом отношении сценка, когда Марья Дмитриевна, давно уже приглашавшая Ростовых погостить у нее некоторое время, встречала их в дверях залы «и с строгим, сердитым видом смотрела на входящих. Можно бы было подумать, что она озлоблена против входящих и сейчас выгонит их, ежели бы она не отдавала в это время заботливых приказаний людям о том, как разместить гостей и их вещи». Таким образом, эта внешняя суровость и грубость отнюдь не свидетельствуют (как это было и у упрямых низшего уровня) об эгоизме и жестокости этих людей, о неспособности их быть отзывчивыми к чужому горю. Так, Денисов, вовсе не отличавшийся мягкостью и деликатностью обращения, резко осуждает жестокость Долохова по отношению к пленным и не может удержаться от рыданий при виде убитого Пети.

Сильно развитая воля проявляется обычно не только в воздействии на внешний мир и на других людей, но также и в воздействии на свои собственные душевные переживания. Для того, чтобы властвовать над другими, необходимо прежде всего владеть самим собой. И мы видим, действительно, что представи-

тели разбираемого типа отличаются очень часто удивительным самообладанием, немало способствующим, в свою очередь, их авторитету среди окружающих. Выносливость этих людей по отношению к физическим и моральным страданиям доходит иной раз до того, что, несмотря на сильную боль (например, от полученной недавно раны) или на только что полученное потрясающее известие, они по наружности остаются совершенно спокойными и ровными, недрогнувшим голосом продолжают делать распоряжения, отдавать приказания и т. д.

Итак, все перечисленные только что особенности, именно—способность к энергичному и длительному напряжению волевого усилия, склонность к борьбе и сопротивлению, самообладание и т. п., способствуют обращению подобных лиц в типичных администраторов, т.-е. людей, могущих энергично и властно распоряжаться себе подобными. Потребность в такого рода «исполнительной власти» существует во всяком сколько-нибудь значительном учреждении, во всякой сколько-нибудь сложной организации. Как военное, так и гражданское управление предоставляют широкое поле для развития и яркого проявления подобных типов. Необходимо только отметить, что задачей этих людей является обычно не столько организация управления, сколько его осуществление, выполнение на деле уже начертанных ранее планов и предположений. В противоположность описанным выше теоретикам-мыслителям, а также рассудочно-деятельным или «хозяйственным», о которых речь будет впереди, представители властного типа все свои душевные силы сосредоточивают преимущественно на том, чтобы, пользуясь своим влиянием на других людей, как можно энергичнее двигать массы к достижению намеченной ими определенной цели. Отсюда их решительность и уверенность, отсутствие колебаний, столь свойственных теоретикам и организаторам, которым приходится по многу раз пересматривать свои выводы и переделывать свои проекты прежде, чем окончательно убедиться в их правильности. Отсюда же столь известный консерватизм администраторов, неодобрительное отношение их «к потрясению основ», к критике раз установленных принципов и положений: для того, чтобы, стоя во главе многих, напрячь всю свою и их энергию к достижению известной общей цели, необходимо быть твердо и нерушимо уверенным в безусловной, не допускающей никаких сомнений правильности этой цели.

Наличность определенных, устойчивых взглядов и энергичное стремление к проведению их в жизнь, в связи с сильно выраженной способностью к самообладанию, ведут к тому, что чувство долга играет обычно важную роль в жизни этих людей: когда речь идет о выполнении того, что они считают своей обязанностью,

то в большинстве случаев ни соблазны личного характера, ни просьбы близких людей не в состоянии бывают сбить их с того пути, который им представляется единственно правильным. Такой ригоризм в выполнении своего долга придает им выражение строгой серьезности, доходящей в некоторых, особо важных случаях до настоящей торжественности. Особенно следует сказать это о тех представителях разбираемого типа, у которых аффективная сторона волевого процесса сравнительно слабо выражена и все действия которых отличаются поэтому спокойствием и дисциплинированностью; такова, например, Марья Дмитриевна, соблюдающая строгий порядок в своей собственной жизни и требующая того же и от подчиненных. В противоположность этому энергичные более аффективного склада (например, Денисов) допускают в себе нередко разного рода увлечения (азартными играми, любовными интригами), кутежи и другие эксцессы, вспышки гнева, доводящие их иной раз до потери самообладания, и т. п. Однако, все это допускается лишь до тех пор, пока не становится в слишком резкое противоречие с сознанием долга, которое, в конце концов, все-таки одерживает верх над страстями.

В заключение следует отметить у представителей разбираемого типа значительно развитое чувство собственного достоинства, переходящее нередко в самолюбие и самомнение. Человек, стремящийся властвовать над другими и вынужденный из-за этого неоднократно вступать в борьбу с окружающими (см. выше), не может не охранять своего «я» от посторонних на него покушений; также естественно и стремление его показать и рельефно подчеркнуть свое превосходство над другими (любовью к пышности, погоня за внешними знаками отличия и т. д.). Однако, здесь есть также и немалая опасность, заключающаяся в том, что средство мало-по-малу превращается в цель, человек делается чрезмерно честолюбивым, хвастливым и сомнительным, вместо чистого типа получается уже тип извращенный.

Из всего предыдущего достаточно ясны различия, существующие между типом властных и близкими к нему типами низшего уровня («энергичными» и «упрямыми»); что касается разграничения в сторону высшего уровня, то о нем будет сказано дальше, при рассмотрении этого последнего.

В качестве условий, способствующих развитию описанного типа, можно указать, прежде всего, на воспитание, суровое, но вместе с тем разумное, стремящееся не к тому, чтобы подавить волю и инициативу ребенка, а, наоборот, к тому, чтобы усилить и закалить ее в борьбе с препятствиями. Существенное значение имеет также возможность выдвинуться, занять доминирующее

положение, постепенно расширяя пределы своей власти и усиливая ее значение; наоборот, безнадежность положения, отсутствие каких бы то ни было перспектив в будущем действует прямо противоположным образом, парализуя волю человека и делая бесполезными все его усилия. Наконец, следует упомянуть еще о том, что некоторые роды деятельности, точно так же, как и некоторые моменты общественной жизни, представляются особенно благоприятными для яркого проявления сильной власти, оказывающейся в этих случаях не только полезной, но и прямо необходимой. Мы имеем в виду, например, военные действия, дальние морские плавания с их опасностями, внезапно наступившие общественные бедствия, как наводнение, сильный пожар и т. п.; во всех этих случаях серьезность момента, а также быстрое развитие и смена событий требуют столь же быстрых и определенных, а потому и единоличных решений, которые бы немедленно и послушно осуществлялись всеми заинтересованными в данном деле.

Особую разновидность властных среднего уровня составляют, как уже выше было сказано, люди, ищущие борьбы с природой и находящие свое призвание в путешествиях по мало исследованным, диким местностям, в охоте за дикими зверями, в далеких морских плаваниях и полярных экспедициях и т. п. Не располагая достаточным фактическим материалом (хотя бы и взятым из художественной литературы), мы пока не можем, к сожалению, дать сколько-нибудь подробную характеристику этого типа. Некоторые черты у них сходны, повидимому, с только что описанным типом властных. Подобно этим последним, они также отличаются энергией и предприимчивостью, смелостью и решительностью, суровой строгостью, соединенной, однако, с своеобразным, несколько грубоватым добродушием, наконец, значительной настойчивостью и самообладанием; знания ценят, но с чисто утилитарной точки зрения. В то же время постоянное общение с грандиозными, то роскошными, то страшными явлениями первобытной природы, частые опасности, которым они подвергаются, придают этим людям некоторые особые, своеобразные черты. Так, они любят природу, и притом не только утилитарно, но и чисто эстетически; в своем миросозерцании отличаются своеобразным фатализмом, соединенным, однако, с различными предрассудками и суевериями; деятельность их, в общем очень энергичная, далеко не отличается, однако, той равномерной напряженностью, которая свойственна только что описанному типу: приспособляясь к непостоянным, изменчивым условиям их жизни, она то достигает в известные, критические моменты наивысшей точки своего напряжения, то, наоборот, сменяется более или менее продолжительными периодами полного или

почти полного бездействия, и т. д. Несомненно, что существует еще и целый ряд других, не менее характерных особенностей, которых мы сейчас не можем указать с полной определенностью. Во всяком случае более детальное изучение данного типа представляется очень желательным.

5. Хозяйственные.

Во всяком сложном волевом акте имеется налицо процесс выбора, состоящий в сопоставлении различных, борющихся между собой желаний и стремлений и в более или менее подробном обсуждении вытекающих из них поступков с тем, чтобы выбрать наиболее правильный образ действий. Здесь речь идет, следовательно, о целом ряде мыслительных процессов, вставленных между действием и его исходным пунктом — желанием или стремлением, и имеющих чисто практические задачи. именно, придание предстоящему действию наибольшей успешности и целесообразности. Преобладание у человека таких обдуманных, рассудочных действий над всеми остальными душевными процессами накладывает своеобразный отпечаток не только на волевую сферу, но также и на все остальные проявления его личности. Так, постоянная необходимость временно задерживать свои чувства и желания для более успешного их обсуждения приучает этих людей к спокойствию и сдержанности: этому способствует и то обстоятельство, что сами чувства, благодаря постоянному вмешательству интеллекта, теряют свою импульсивность и несколько ослабевают в своей силе, так что и справиться с ними становится уже не так трудно. Взамен такой потери в интенсивности увеличивается постоянство и устойчивость чувствований, так как сознательные, вполне определившиеся чувства и стремления всегда оказываются гораздо более прочными и устойчивыми, чем смутные, недостаточно осознанные. В связи с этим и волевые действия подобных людей, теряя свою порывистость и импульсивность, становятся более систематическими и планомерными, приобретают известное единство и согласованность отдельных частных действий, направленных к одной общей, ясно сознаваемой, цели. Наконец, следует упомянуть еще об их осторожности, доходящей иной раз до робости и нерешительности и обязанной своим происхождением привычке много раз передумать одно и то же прежде, чем прийти к окончательному решению, «семь раз отмерить» прежде, чем один раз отрезать.

Довольно яркий образец подобного рассудочно-деятельного типа находим мы в «Нови» Тургенева, в лице одного из ее героев—Василия Федотовича Соломина. Спокойный, неторопли-

вый и малоразговорчивый, Соломин в обществе высказывается мало и редко, а больше слушает и наблюдает за тем, что говорят и делают другие; однако, редкие замечания, вставляемые им в общий разговор, свидетельствуют о постоянной, вдумчивой работе его мысли. Спокойно-ласковый в обращении с друзьями, Соломин таков же и в своей любви к Марианне: сильная и глубокая, любовь эта, однако, с внешней стороны протекает тихо, без всяких бурных проявлений и аффектов; до самой смерти Нежданова Соломин, как ему ни трудно, скрывает от всех эту любовь и, как ни в чем не бывало, продолжает заботиться о своих гостях и оказывать им всякие услуги. Еще раньше, будучи в Лондоне, он сильно увлекся одной ирландкой и уже подумал было из-за нее навсегда отказаться от возвращения в Россию, — однако, в конце-концов, справился с собой и вернулся.

При таком самоограничении со стороны чувствований и их проявлений, центральное положение в личности Соломина занимает его деятельность, постоянная, настойчивая и в то же время всегда обдуманная и систематически-планомерная. Заведуя, в качестве «механика-управляющего», большой бумагопрядильной фабрикой купца Фалеева, он, благодаря своему уменью и трудоспособности, довел ее до цветущего состояния. Всегда спокойный, неторопливый, Соломин, однако, ни одной минуты не теряет даром: все у него рассчитано и распределено; жизнь его, по выражению автора, вращалась, «как большое маховое колесо». Дело свое Соломин знает в совершенстве, на фабрике среди машин он как у себя дома; приезжий английский мануфактурист, осматривая его фабрику, очень хвалил постановку дела; Сипягин всеми силами старается переманить его к себе в управляющие. Осторожный и трезвый во всех своих действиях и поступках, Соломин ясно видит, насколько увлекаются его друзья, ожидая чуть ли не завтра наступления революции в России; готовый по мере возможности содействовать общему делу, он, однако, заранее принимает меры предосторожности на случай неудачи и, между прочим, настойчиво просит не производить пропаганды среди рабочих его фабрики, при чем нисколько не смущается вырвавшейся у Нежданова по этому поводу язвительной насмешкой.

Уже из приведенного примера можно видеть, среди кого по преимуществу мы должны искать представителей разбираемого сейчас типа: управляющие и владельцы различных торговых и промышленных предприятий, заведующие всякими конторами и банками, одним словом — люди, которые имеют дело с более или менее сложной организацией, составленной из большого количества материальных объектов (по преимуществу неодушевленных) и требующей для своего поддержания и ведения не

только упорного, настойчивого труда, но также и постоянной работы практически-направленного интеллекта. Осторожность и расчетливость представителей разбираемого типа помогает им быть экономными и бережливыми, их постоянство и устойчивость способствуют прочности дела, которое они развивают медленно, но верно, не увлекаясь связанными с риском, хотя бы и блестящими перспективами, а предпочитая итти наверняка.

В тесной связи с перечисленными выше основными особенностями хозяйственного типа находятся также и некоторые другие, добавочные, но также очень характерные его черты. Как уже сказано было, люди хозяйственного склада должны обладать довольно развитым интеллектом (наблюдательность, память, комбинирующая деятельность), а также и любознательностью, заставляющей их интересоваться всем, что может им быть полезно: цены на товары, новые усовершенствованные способы ведения дела, изменение условий сбыта и т. д. Однако, в отличие от теоретиков-ученых, интересы их носят всегда чисто практический, прикладной характер. Их интересует не столько познание идеи, объединяющей целый ряд обособленных, разрозненных фактов и явлений, сколько использование самих этих фактов для достижения той или иной практической цели. Факт для них всегда стоит выше идеи. В своей крайне интересной, хотя и несколько карикатурно-преувеличенной, характеристике французского буржуа времен второй империи («Зимние заметки о летних впечатлениях», гл. VI — VIII) Достоевский указывает, между прочим, на то, что «буржуа очень не глуп, но у него ум какой-то коротенький, как будто отрывками»; прекрасно разбираясь в своих текущих, повседневных делах, буржуа отнюдь не склонен обсуждать какие бы то ни было общие вопросы и, заглядывая далеко вперед, ставить себе какие-нибудь высшие идеальные цели.

С этим отчасти связана и другая не менее характерная черта представителей разбираемого типа, именно их пристрастие к вещам, деньгам, собственности, вообще ко всему реальному, конкретному, наглядно представляющему собой человеческие потребности и способы их удовлетворения. Согласно ядовитому замечанию Достоевского, буржуа видит главный долг и назначение человека на земле в том, чтобы составить себе состояние и иметь как можно больше вещей. Идеи смутны и неуловимы, а вещи—это нечто осязательное, подлежащее учету и для практических целей прямо и непосредственно пригодное. Отсюда интерес к наживе, стремление приобрести дом, имение, накупить побольше мебели, платья и т. п. И надо видеть, с каким оживлением и гордостью показывает зажиточный буржуа гостю свою богато (хотя обыкновенно довольно безвкусно) обставленную

квартиру, или как охотно сельский хозяин, у которого «дома — полная чаша», водит посетителей по всем закоулкам своих обширных владений.

Благоразумная расчетливость и осторожная сдержанность представителей хозяйственного типа отражается также и на их социальных отношениях и взглядах. В политике они большею частью консервативны или умственно-либеральны, но никогда не придерживаются крайних воззрений, так как эти последние требуют известной аффективности и, вызывая окружающих на борьбу и сопротивление, создают атмосферу возбужденности, совершенно не соответствующую душевному складу рассудочно-деятельного типа. Благодаря своему постоянству, люди эти обладают целым рядом определенных, прочно сложившихся привычек и поэтому инстинктивно боятся всяких новшеств, всего того, что нарушает и ломает установившийся уклад их жизни и деятельности. Недаром Соломин у Тургенева выставлен «постепеновцем», недоверчиво относящимся ко всякого рода революционным попыткам и все свои надежды возлагающим на постепенную, сознательную эволюцию народа и общества.

Та же благоразумная сдержанность и расчетливость свойственны хозяйственному типу и в вопросах любви и брака. Владея достаточно своими аффектами, люди этого типа всегда бывают способны подчинить свои любовные увлечения требованиям рассудка, как это сделал, например, Соломин в своей любви к ирландке (см. выше). В лучших случаях это ведет, в конце концов, к браку и возникновению семьи, прочно спаянной как узами взаимной привязанности, так и общностью стремлений, потребностей и вкусов; в худших случаях — к тем бракам по расчету, которые так едко высмеивает Достоевский в упомянутом выше очерке («благоразумный этот обычай непременного равенства карманов и бракосочетания капиталов нарушается весьма редко и, я думаю, гораздо реже, чем везде в другом месте»). Вообще, опасность уклонения в сторону эгоизма и расчетливого своекорыстия свойственна представителям данного типа, пожалуй, в большей степени, чем всем другим чистым типам среднего уровня. В связи с этим находятся, пожалуй, и нередко встречающиеся здесь неискренность и лицемерие, накладывающие на них зачастую довольно-таки несимпатичный отпечаток.

Слабая аффективность, в связи с недостаточно развитым воображением, ведет к тому, что эстетическое чувство у этих людей или совершенно отсутствует, или же сводится к примитивным, наивно-утилитарным проявлениям. Им нравится обыкновенно все опрятное, симметричное, аккуратно прилаженное

и практически пригодное. Правда, со слов других они знают, что существует и другого рода искусство, что могут нравиться дикие, первобытные пейзажи или бурные, с внешней стороны беспорядочные и некрасивые проявления человеческой жизни; они готовы даже признать такое искусство и восхищаться им, но это восхищение будет всегда неискренним и в значительной степени самому себе навязанным. Очень комично описывает Достоевский, как буржуа ужасно любит видеть на сцене мелодрамы, полные чувствительности и высокого, неизъяснимого благородства; кроме того, у всякого буржуа, влюбленного в свой город и свою лавочку, есть, тем не менее, две непременных потребности, выполнение которых он, согласно традиции, считает священным своим долгом: это именно — хоть раз в жизни «voir la mer» и «se rouler dans l'herbe», — разумеется, лучше всего на лужайке перед своей собственной дачей, купленной на накопленные в течение многих лет деньги.

Принадлежность к среднему психическому уровню, в отличие от низшего, сказывается прежде всего в том, что представители разбираемого типа обладают достаточно развитыми интеллектом и волей для того, чтобы разобраться в окружающей жизни и в своих собственных делах и выполнять эти последние толково и аккуратно. Это обстоятельство, в связи с наличностью определенных воззрений (в особенности моральных и социальных), придает им известный вес в глазах окружающих и делает их полезными членами общества и деятельными участниками в общей работе. Отличие же от высшего уровня наиболее ярко обнаруживается в уже упоминавшемся выше пристрастии к отдельным фактам, в ущерб объединению и обобщению этих фактов; в области практической деятельности это ведет часто к удивительной близорукости во взглядах и полной неспособности поставить и осветить вопрос так широко и полно, как этого требует жизнь. Сюда же следует отнести и их педантизм, пристрастие к мелочам — в ущерб главному, мелочную скупость, ведущую часто, в конце концов, к крупным потерям и т. п.

В качестве условий, способствующих развитию и проявлению данного типа, следует, как нам кажется, отметить два особенно существенных момента: во-первых, — серую, однообразную, бесцветную жизнь, лишенную всяких сколько-нибудь ярких, интенсивных впечатлений, не дающую ни потрясающего горя, ни глубокой радости и наполненную сплошь повседневными мелкими заботами, главным образом о куске хлеба; во-вторых, — необходимость постоянно заботиться о своих материальных делах и интересах (в виду ли материальной необеспеченности или вследствие своего семейного и социального положения, например, принадлежности к купеческой семье и т. п.),

что почти неизбежно ведет к общему усилению расчетливости действий и поступков и значительному ослаблению непосредственных идейно-эмоциональных порывов.

ГЛАВА III.

Комбинированные.

Существенное отличие комбинированных типов среднего уровня заключается в том, что в состав преобладающего ядра личности входят здесь не одна, а две группы взаимно связанных между собою основных психических функций. Так, например, у художественных ремесленников всякого рода развит не только комплекс, свойственный художественным натурам (воображение, аффективная возбудимость, эстетический вкус), но также и некоторые характерные особенности рассудочно-деятельного типа: значительная волевая энергия, направленная преимущественно на внешние волевые действия, склонность к предварительному обсуждению своих поступков (с точки зрения их практической ценности) и т. д., педагоги и популяризаторы должны обладать, с одной стороны, значительным интересом к знанию и способностью к умственной работе, а с другой — некоторой аффективностью, подвижностью, общительностью (внешние проявления чувствований), как такими качествами, которые облегчают им общение с окружающими и сообщение этим последним в живой и доступной форме своих собственных знаний.

В то же время, однако, комбинированные типы нельзя отождествлять и со смешными (см. ниже). Главная разница между ними состоит в том, что у комбинированных сложное, составленное из двух различных групп ядро их эндо-психики направлено целиком на одну какую-нибудь профессию, на один род занятий, в то время как у смешанных каждой отдельной эндо-психической группе соответствует особый род занятий (resp. интересов, экзо-психических проявлений), имеющий с другими занятиями или интересами того же человека очень мало общего. Смешанный тип, таким образом, как бы расщепляется, чем, конечно, в значительной степени ослабляется его социальная и вообще жизненная ценность. В противоположность этому комбинированные типы, концентрируя все свое духовное богатство на одном каком-нибудь деле, в котором они видят свое призвание, могут достигать, благодаря этому, значительно больших результатов.

Такое объединение разнообразных черт личности на одной какой-либо категории экзо-психических проявлений, в связи с большим богатством и разнообразием самой эндо-психики,

существенно отличает разбираемую группу от чистых типов того же среднего уровня, придавая ей уже некоторое сходство с типами высшего уровня. С другой стороны, однако, и чистые типы имеют, в свою очередь, некоторое преимущество перед комбинированными: большая узость и однородность их эндо-психики дает им возможность, обладая приблизительно одинаковым, по сравнению с комбинированными, общим запасом («фондом») психической энергии, достигать, однако, значительно большей интенсивности и глубины в своих проявлениях. Этим обусловливается, между прочим, значительная роль чистых типов в создании разного рода культурных ценностей: мы знаем, например, что наука создается не популяризаторами, хотя бы даже и самыми талантливыми, а мыслителями и учеными, что художественные ремесла, хотя и играли известную роль в росте и развитии искусства, но все же значение их всегда оставалось лишь второстепенным, и т. д.

1. Научно-практические.

Характерную особенность этого типа составляет значительный интерес к знанию, направленному, однако, на чисто практические задачи и цели; поэтому представителей его следует искать среди врачей, инженеров, техников, агрономов, словом — среди профессий, где известная научно-практическая подготовка (хотя бы и элементарная) является необходимой предварительной ступенью для занятия тем или иным практическим делом. Такое сочетание экзо-психических проявлений требует также и соответствующей комбинации в области эндо-психики: интеллектуальная работа, направленная на служение значительно развитой двигательно-волевой сфере, приобретает вследствие этого своеобразный отпечаток, всегда имеющийся налицо у представителей разбираемого типа.

В частности, люди эти обладают обычно хорошей памятью и значительной наблюдательностью, при чем интересы их направлены всецело на внешнюю, реальную действительность; вообще, внешний мир интересует их гораздо больше, нежели внутренний (субъективные переживания). Мышление их носит по преимуществу индуктивный характер; факты в их глазах имеют гораздо большую ценность, чем рассуждения и теории, хотя бы и построенные, с логической точки зрения, вполне безукоризненно. В связи с этим и в миросозерцании преобладают здесь почти всегда более или менее резко выраженные позитивные тенденции, стремление основываться всегда лишь на том, что доступно внешнему восприятию, опытной (resp. фактической) проверке. В морали представители разбираемого типа являются обычно утилита-

ристами: привыкши оценивать всякое свое действие или поступок с точки зрения того значения, какое эти последние имеют для достижения той или иной реальной цели, они не могут представить себе таких абстрактных ценностей, которые сохраняли бы свое значение совершенно независимо от всяких осязательных, реальных последствий. Даже наиболее бескорыстные, самоотверженные, идеально настроенные представители научно-практического типа (а таких здесь, как и среди других чистых и комбинированных типов среднего уровня, бывает, вообще говоря, немало) считают необходимым объяснять свои благородные действия расчетом, стремлением доставить себе высшее, утонченное наслаждение, унаследованной или приобретенной путем воспитания привычкой и т. п. (вспомним хотя бы тургеневского Базарова и многих ему подобных).

Со стороны двигательно-волевой сферы следует отметить, прежде всего, значительную энергию, склонность к деятельности и часто выдающуюся трудоспособность; люди эти сами ищут подходящего для себя дела и, найдя, отдаются ему с увлечением и надолго. При этом в работе их преобладают внешние волевые действия, т.-е. такие, главной задачей которых является обработка, видоизменение или переустройство различных вещественных объектов и их взаимоотношений (земная поверхность, строительные материалы, растения, людские тела и т. д.). В основу работы кладутся приобретенные ранее теоретические сведения, благодаря чему и самая работа приобретает сознательный, планомерный, научно-обоснованный характер. Вообще, несмотря на чисто практическое направление всей их деятельности, они все же не только уважают, но и любят науку и научные занятия, и, в случае, если это позволяет время и условия жизни, не прочь иногда и сами поработать в каком-нибудь из отделов теоретического знания.

В дополнение к сказанному интересно будет привести характеристику практического врача, данную д-ром E. Tardieu в Revue philosophique [1]).

«Склонность к изучению медицины, говорит Tardieu, складывается из двух взаимно-связанных факторов, во-первых — из способности к механическим манипуляциям, во-вторых — из способности регистрировать, объективно и беспристрастно, согласно научным методам, материальные впечатления. Основа медицинских познаний состоит, по его мнению, в ощущениях и материальных впечатлениях. Понятие о той или иной болезни есть не какая-либо отвлеченная идея, а скорее ряд сходных образов, воспоминаний, связанных между собой одним общим названием; даже для психиатра, представителя наиболее абстрактной из медицинских специальностей, картина болезни составляется не из рассуждения, а из ряда факти-

[1]) D-r Emile Tardieu. Etude de psychologie professionnelle. Le medecin. Revue philosophique, 1894, p. 610 — 623.

ческих наблюдений над отдельными конкретными случаями. Раз это так, то подготовка к врачебной деятельности должна состоять прежде всего в нанизывании друг на друга в памяти огромного количества конкретных впечатлений и воспоминаний. При этом как те, так и другие должны быть отнюдь не расплывчаты, а наоборот, совершенно точны и определенны: врач должен обладать не только хорошо развитыми органами чувств, но также и способностью к внимательному и точному анализу ощущений и восприятий. Итак, умственный склад врача должен быть совершенно иной, чем умственный склад философа· «la spécialité philosophique se réclame de la pensée abstraite et de l'imagination spéculative», в то время как здесь требуется по преимуществу ясное, отчетливое воспроизведение прежде воспринятых конкретных впечатлений. Вместе с тем врач не нуждается, по мнению Tardieu, и в сильно развитом эмоциональном воображении, интуиции и интроспекции, столь необходимых для художника и литераторов. Даже знакомство с душевной жизнью человека, знание психологии, индивидуальной и социальной, далеко не так необходимо ему, как, например, адвокату или юристу: несмотря на всю важность психического воздействия врача на своего пациента, автору представляется все же слишком преувеличенным столь распространенный в обществе взгляд на врача, как на утешителя, исповедника и знатока души человеческой; во всяком случае, для того, чтобы успокоить и ободрить больного, не требуется, по его мнению, никакой особенно тонкой психологии [1]). — Наряду с описанными особенностями интеллектуальной сферы, врач должен обладать значительным запасом волевой энергии. Медицина требует настойчивости, упорства и терпения; люди, жаждущие быстрых, эффектных успехов, не найдут здесь себе применения. Кроме того, очень часто здесь бывает нужна также и чисто физическая сила и выносливость, без чего нельзя было бы справиться с многочисленными визитами, ночными дежурствами и т. д. Вообще, практический врач должен быть, прежде всего, натурой деятельной (actif). Вместе с тем ему необходима также известная ловкость движений (в особенности в руках), без чего невозможно, например, быть сколько-нибудь хорошим хирургом. — В заключение Tardieu указывает на то, что весь этот своеобразный отпечаток, накладываемый на психику врача его профессией, заключает в себе также и известную опасность, в смысле возможности уклонения в сторону слишком крайнего, грубого материализма, утилитаризма и практицизма; главным средством для борьбы с этим он считает интерес и уважение к науке, которая, расширяя наш кругозор, указывает нам высшие, идеальные задачи и цели жизни.

2. Научно-общественные.

Интерес к науке и знанию, сопровождающийся общительностью и стремлением поделиться своими знаниями с окружающими, — вот экзо-психическая основа данного типа. Преобладающими психическими функциями являются здесь, следовательно, с одной стороны, значительно развитая интеллектуаль-

[1]) С этим утверждением д-ра Tardieu мы никак не можем согласиться: достаточно напомнить хотя бы о разработанных за последнее время столь разнообразных методах психотерапии и психоанализа. Тем не менее, это последнее обстоятельство нисколько не противоречит основному положению автора, именно — мышление врача должно носить строго эмпирический характер и находиться на служении у известных практических целей.

ная деятельность, а с другой — повышенная эмоциональная возбудимость, а также наклонность к внешнему проявлению как своих чувств, так и вообще всего того, что человека в данный момент наиболее занимает и интересует или волнует. Профессиями, особенно благоприятствующими развитию подобного характерологического комплекса, являются, как нам кажется, педагогическая деятельность, а также занятие всякого рода научной популяризацией, публичными лекциями и т. п.

В большинстве случаев люди эти (мы берем, конечно, чистые типы, а не извращенные) отличаются большой любознательностью, много читают, при чем относятся к прочитанному сознательно и активно, стараясь все усвоенное переработать и привести в известную систему. Однако, к специальной научной работе, к самостоятельной разработке тех или иных научных проблем они обыкновенно бывают мало склонны. Это происходит вовсе не в силу недостаточной одаренности (так как общий психический уровень их отнюдь не ниже многих успешно работающих профессиональных ученых), а благодаря чисто качественным различиям: повышенная аффективность заставляет их мыслить по преимуществу яркими конкретными образами, примешивая то и дело к строгому логическому мышлению элементы воображения, воспроизводящего и отчасти творческого. Благодаря этому они ищут в науке не столько отдельных, точно установленных фактов и частных выводов, сколько широких обобщений, ярких, образных гипотез, хотя бы и сравнительно мало обоснованных. Будучи энтузиастами знания, сами искренно увлекаясь всяким новым открытием или интересной теорией, они сплошь и рядом в своих выводах и заключениях отличаются значительной субъективностью, догматизмом и отсутствием критики. Все эти качества, безусловно мешающие сколько-нибудь серьезной, планомерной научной работе, оказываются, наоборот, для педагога и популяризатора не только не вредными, но до известной степени даже необходимыми.

Что касается отношения к другим людям, в частности — к ученикам, слушателям, читателям и т. д., то общение с ними (устное или письменное) для представителей разбираемого типа, благодаря их повышенной аффективной возбудимости и постоянной потребности высказаться, представляется безусловно необходимым. При этом человек обычно не ограничивается теми формами общения, которые обусловливаются самой профессией, но при первой же возможности знакомится и сходится с своими учениками или слушателями ближе, доходя в иных случаях до очень интимных, глубоких привязанностей уже чисто личного свойства. Такое сближение помогает, в свою очередь, педагогу или популяризатору уяснить себе более детально уровень пони-

мания и потребности его аудитории, благодаря чему и самая работа его идет значительно успешнее.

В качестве примера приведем характеристику одного из гимназических учителей, описанных В. Г. Короленко в его воспоминаниях («История моего современника»).

Вениамин Васильевич Авдиев, преподаватель словесности в той гимназии, где учился автор воспоминаний, был тогда еще сравнительно молодым человеком, всего несколько лет тому назад окончившим университет. Лицо у него было не совсем обыкновенное: правильные черты, греческий профиль, полные губы, большие выразительные глаза. Манеры и костюм отличались изяществом, даже красотой. В своем деле Авдиев, по его собственному определению, был «работник, кажется, не дурной», а по свидетельству автора, бывали моменты, когда весь класс целиком находился в его власти. Говорил он медленно, вдумчиво и свободно; урок, очевидно, не был заучен, слова рождались тут же, и на глазах у учеников мысль облекалась в подходящие, наиболее удачные формы. В результате — записанный автором урок словесности «был красив и интересен». Начав свои уроки с простейших определений, с выяснения разницы между близкими друг другу понятиями (например, думать и мыслить), он и дальше все время старается будить мысль учеников, заставляя их и в литературе видеть отражение жизни, со всею ее сложностью, со всеми ее «проклятыми» вопросами и сомнениями: «я вам говорил уже, что значит мыслить понятиями; а вот сейчас вы услышите, как иные люди мыслят и объясняют самые сложные явления образами». «История литературы, с поучениями Мономаха и письмами Заточника, выступала из своего туманного отдаления, как предмет значительный и важный, органически подготовлявший грядущие откровения». В то же время он с уважением относится и к другим отраслям знания: требует от автора, увлекавшегося литературой, чтобы он не забрасывал и математики, так как нельзя быть образованным человеком без математической дисциплины». Наряду с интересом к знанию, у Авдиева развиты также и эстетические потребности и вкусы: он хорошо, даже художественно читает; обладая недурным голосом, часто устраивает у себя хоровое пение, сам принимая в нем участие; сочинения Тургенева у него «в новеньком изящном переплете», и т. д. На уроках Авдиев с первого же раза держит себя просто и естественно, нисколько не смущаясь, но и не напуская на себя какой-либо важности. К ученикам старших классов относится дружески, приглашает их к себе читать, пить чай, беседует с ними на разные темы; доходит в этом отношении до того, что, например, обсуждает с одним из учеников свои собственные достоинства и недостатки или же, будучи однажды навеселе, подзывает к себе на улице гимназиста и с веселым смехом просит проводить его домой, так как он «несколько пьян». Тем не менее, строго отделяя дело от безделья, умеет достигнуть того, что, несмотря на подобные выходки, пользуется среди учеников большим авторитетом. Как человек аффективный и увлекающийся, Авдиев не прочь иногда в клубе выпить лишнее, после чего начинает говорить с окружающими веселые и остроумные дерзости, так что в городе за ним даже установилась репутация «человека с сатирическим направлением ума», однако, до потери самообладания никогда не напивался и гимназистов предостерегал от пьянства, а кстати — и от увлечения женщинами. К своему делу Авдиев относится не только добросовестно, но и искренно: когда, с назначением нового директора, в гимназии воцарился дух формализма и рутины, он ни в чем не изменил своих способов ведения дела, так что, в конце концов, вынужден был проситься о переводе в другой округ; при этом разговаривал с попечителем просто и без всякого смущения, точно с человеком, равным себе по положению.

3. Художественно-практические.

В то время как для представителей чистого художественного типа главная, наиболее существенная задача заключается всегда в том, чтобы при помощи слов, звуков, форм или красок по возможности полно передать свои художественные мечты и замыслы, у лиц, принадлежащих к разбираемому сейчас типу, дело значительно усложняется. Наряду с чисто художественными задачами их в неменьшей степени привлекают также и другие, более прикладные цели, сводящиеся, в общей сложности, к стремлению окрасить и так или иначе опоэтизировать голую и часто неприглядную обстановку человеческой жизни и деятельности. Начиная с мебели, утвари, костюмов, различных украшений и кончая постройкой зданий и организацией всякого рода публичных торжеств, процессий и увеселений, на все это может быть наложен более или менее художественный отпечаток. Таким образом, в разбираемую группу должны быть зачислены разного рода художественные ремесленники, декораторы и иллюстраторы, архитекторы-художники, наконец, литераторы и музыканты, приурочивающие обычно свое творчество к тем или иным происходящим в данный момент общественным, политическим или же семейным событиям. Сюда войдут также и многие любители-коллекционеры произведений искусства, обладающие часто очень тонким художественным вкусом и в то же время прекрасно знающие состояние рынка, умеющие дешево купить и удачно реставрировать какую-нибудь ценную, старинную картину, гравюру и т. п.

Необходимость сочетания художественных задач с чисто практическими ведет к тому, что и эндо-психика этих людей представляет свои, достаточно характерные, особенности. Художественный эндо-комплекс (развитое воображение, эстетический вкус, аффективность), как уже сказано, всегда бывает свойствен им в более или менее сильной степени; но в то же время художественные интересы их направляются всегда в сторону внешней, реальной действительности, приурочиваясь к предметам, так или иначе необходимым для жизни и деятельности человека. Фантазия их никогда не может совершенно отрешиться от практической жизни и перенестись в область свободного художественного творчества, так как ей необходимо приходится считаться с целым рядом чисто практических соображений: удобна ли для сиденья изготовляемая мебель, соответствует ли приготовляемый костюм условиям климата и роду деятельности данного лица, совместимы ли с традициями религии и требованиями обрядности тот план и внешний вид храма, которые

намерен придать им строитель, и т. д. В то же время необходимость считаться со сроками, обусловливаемая практическим назначением изготовляемых предметов, побуждает человека к трудолюбию и аккуратности, придает его работе известную планомерность и систематичность. Таким образом, наряду с художественным эндо-комплексом ясно обрисовывается также и другой комплекс, свойственный рассудочно-деятельному типу и характеризующийся значительным развитием интеллектуальных процессов, направленных, однако, всецело на обсуждение человеком совершаемых им действий и поступков.

Выше, при разборе хозяйственного типа, было уже сказано, что подобная привычка к постоянному обсуждению своих поступков и их практических последствий заставляет человека и в своих имущественных делах отличаться обычно осторожностью, бережливостью и расчетливостью. То же самое следует сказать и относительно разбираемого сейчас художественно-практического типа. Иногда экономия и порядок соблюдаются здесь в интересах самого дела; так, например, про известного основателя московской художественной галлереи Третьякова рассказывают, что он, не жалея денег на приобретение действительных художественных произведений, в то же время отличался значительной бережливостью и не бросал по пустякам даже небольших сумм. В других случаях, наоборот, на первый план выступают свои собственные, эгоистические интересы, и тогда человек старается (и не без успеха) устроить выгодно свои личные дела, нажить себе состояние и т. д. Что касается остальных особенностей разбираемого типа, то мы не будем на них останавливаться, так как они уже сами собой вытекают из вышеупомянутой комбинации двух разнородных основных экзо- (resp. эндо-) комплексов.

ГЛАВА IV.

Смешанные.

Общая схема происхождения смешанных типов среднего уровня такова. Человек, обладающий довольно разнообразными способностями и интересами, посвятил себя занятию сравнительно узкой (в характерологическом отношении) специальностью, затрогивающей только одну какую-нибудь сторону его эндо-психики и оставляющей неиспользованными другие, не менее существенные психические функции. Эта вторая, неиспользованная сторона эндо-психики находит себе применение в каком-нибудь другом деле или времяпрепровождении, не имеющем ничего общего с главным, основным родом его занятий. Таким образом, подобная личность составляется из двух крупных ком-

плексов экзо-психических проявлений (при чем каждому комплексу соответствует совокупность определенных эндо-психических черт); с одной стороны — профессии, составляющей главное его занятие, с другой — побочного добавочного интереса, более или менее интенсивного.

Обыкновенно основную группу в этих случаях составляют какие-нибудь узко-практические профессии, требующие чисто рассудочной деятельности и не дающие простора воображению и чувству: заведывание хозяйством, конторская работа, технические занятия, административная деятельность и т. п. В качестве же добавочного, дополнительного интереса присоединяются обыкновенно занятия, могущие доставить живое, непосредственное наслаждение, дать пищу уму, воображению, или же вызвать хотя бы энергичное упражнение мышц; сюда относятся, например, любовь к музыке, интерес к науке и самообразованию, занятие благотворительностью, увлечение спортом, интерес к своей собственной семье с посвящением ей всего своего свободного времени и т. п. Вообще комбинации здесь могут быть крайне разнообразны, так что наметить хотя бы приблизительно важнейшие, более типичные формы представляется совершенно немыслимым. Поэтому мы ограничимся лишь двумя краткими, полусхематическими примерами, с конкретным воплощением которых в жизни каждому, наверное, приходилось встречаться.

Чиновник-семьянин. В разной обстановке это — почти два разных человека. Днем, на службе — спокойно-рассудительный, сдержанный, неохотно вступающий в длинные, откровенные разговоры, хотя бы даже и с людьми хорошо знакомыми. В исполнении служебных обязанностей — формалист, даже педант, склонный придерживаться буквы закона; не отличаясь особенно блестящими умственными способностями, берет, главным образом, добросовестностью, трудолюбием и усидчивостью, аккуратностью и исполнительностью. К самому существу дела может относиться без особого интереса, следя только за точным и аккуратным его выполнением. На резкие столкновения и конфликты с начальством не пойдет, отчасти вследствие присущей ему сдержанности, а отчасти из боязни потерять место, обеспечивающее безбедное существование его семьи. — Вечером, в семье человек этот совершенно преображается. Нежный, заботливый отец и муж, готовый ради семьи на всякие жертвы, он здесь отдыхает душой, находит себе радость и утешение. Общительный, веселый, он готов по целым часам играть с детьми или же заниматься с ними чтением, рассматриванием картинок, приготовлением уроков; по праздникам ходит с ними на прогулку, в кинематограф. Баловник, неспособный противиться просьбам детей, он то и дело покупает им игрушки, а позднее — наряды, подарки и т. п. В то же время с женой у него существует тесная духовная связь, основывающаяся не на одной только общности материальных интересов, но также и на установившейся в течение целого ряда лет взаимной дружбе, с годами все больше и больше упрочивающейся. Одним словом, вся эмоциональная сторона его личности, не находящая себе приложения в департаменте, развертывается полностью здесь, в кругу родных и близких ему существ.

Конторщик-спортсмен. Молодой человек, служащий где-нибудь в частной конторе или банке, большую часть дня проводит в душной

атмосфере рабочего помещения, согнувшись над какими-нибудь отчетами или ведомостями. Работа может быть вполне ему доступной, так что выполняет он ее хорошо и без особого напряжения; тем не менее, будучи чисто механической, требующей больше внимания, чем соображения, больше исполнительности, чем инициативы, работа эта не может увлечь и всецело захватить юношу, — тем больше, что по его возрасту и положению сколько-нибудь серьезных, ответственных операций ему еще и не поручают. Практический расчет, в виде необходимости содержать себя, а также стремление создать себе в будущем карьеру и известное имущественное положение является, конечно, могучим фактором, побуждающим к аккуратному, систематическому исполнению своих обязанностей (тип рассудочно-деятельный или хозяйственный), но все же он не в состоянии сосредоточить всей молодой энергии на скучном, неинтересном занятии. И вот на сцену является увлечение физическим развитием, в виде ли гимнастических упражнений или, что бывает чаще, в виде участия в разного рода спортивных кружках и организациях. Удовлетворяя потребности молодого здорового организма в движениях, занятия спортом способствуют также, в большинстве случаев, развитию энергии и настойчивости (упражнения, тренировка), смелости и решительности, предприимчивости и инициативы, а в более сложных, партийных состязаниях нередко также сообразительности и дальновидности. Вместе с тем честолюбие может быть удовлетворено здесь гораздо быстрее и ярче (хотя, конечно, менее прочно), чем в служебной карьере. Одним словом, черты энергического (аффективно-деятельного) типа, свойственные данному индивидууму, находят в спорте свое полное выражение. В то же время, однако, приходится отметить, что оба упомянутых рода занятий не только не имеют друг с другом ничего общего, но, наоборот, часто даже мешают один другому: с одной стороны, мысль о предстоящем решительном футбольном матче мешает человеку сосредоточиться над работой и заставляет его делать ошибки в выведении итогов, а с другой — и самому спорту он, разумеется, далеко не может посвящать столько времени, как профессиональные спортсмены или же хотя бы люди свободные, материально обеспеченные.

Уже из приведенных образцов можно видеть, что смешанные типы среднего уровня существенно отличаются как от чистых и комбинированных, так и от извращенных. Главное отличие от первых двух групп заключается в отсутствии единства личности, в расщеплении ее на два, совершенно не связанных между собою комплекса. Поэтому нельзя причислить к смешанным такие случаи, когда, например, ученый оказывается также и хорошим шахматистом, артист увлекается азартной игрой, военный берет призы в различного рода спортивных состязаниях и т. д.: здесь одна и та же основная эндо-психическая группа (способность к последовательному, логическому мышлению, повышенная аффективная возбудимость, энергия и координированность движений) сказывается лишь одновременно в двух различных направлениях, социально между собой дифференцированных, но психологически, в сущности, очень близких друг к другу; такие типы должны быть причислены к чистым, так как ведь и у этих последних главная, профессиональная их деятельность вовсе не исключает наличности добавочных, менее существенных проявлений той же основной эндо-группы. Что касается разницы между

смешанными извращенными типами, то она сводится, главным образом, к тому, что у всякого смешанного типа обе составляющие его группы экзо-психических проявлений одинаково имеют под собою соответствующую им эндо-психическую основу, так что осуществление как той, так и другой группы производится более или менее свободно, без всякого насилия над личностью и, следовательно, без ее извращения.

Спрашивается теперь, какое значение имеет для личности и ее развития подобное совмещение двух совершенно различных родов занятий, не имеющих между собой никакой связи и в то же время одинаково находящих основу в разнообразных задатках и склонностях данного человека? Некоторые социологи (например, Simmel) [1]) считают такое явление не только неизбежным, но и желательным, так как одновременная принадлежность человека к нескольким социальным кругам или организациям расширяет его умственный кругозор и обогащает его душевную жизнь и деятельность; Simmel думает даже, что, чем богаче и разностороннее культура, чем к большему количеству различных организаций может принадлежать одновременно один и тот же человек, тем ярче и индивидуальнее, вследствие этого, определяется его собственная психическая физиономия. Такой взгляд нам представляется, однако, не вполне правильным. Правда, в некоторых случаях, когда профессиональная работа слишком уж узка и односторонняя, добавочный интерес может оказаться очень полезным, играя роль своего рода клапана, дающего выход неиспользованным силам и способностям человека. Однако, необходимо все-таки помнить, что подобный способ осуществления человеческих задатков и стремлений не представляется наиболее целесообразным, что имеющееся неизбежно при этом расщепление, как бы раздвоение личности не только может повести к конфликтам между ее различными экзо-проявлениями (что признает и сам Simmel на стр. 414), но даже и при их мирном совмещении не дает того maximum'a психической продукции, какой может получиться при концентрации, гармоническом объединении всех индивидуальных проявлений личности. E. Durkheim в своем интересном трактате о разделении труда [2]) указывает на то, что стремление к углублению личности, хотя бы и одностороннему, соответствует человеческой природе ничуть не меньше, чем стремление к ее поверхностному расширению. И если, — прибавим мы от себя, — понимать это одностороннее углубление не в смысле узкой, чисто механической специали-

[1]) G. Simmel. Soziologie, Leipzig, 1908, Kapitel IV: «Die Kreuzung sozialer Kreise».

[2]) De la division du travail, Paris, 1902, p. 398 — 400.

зации, а в смысле преимущественного сосредоточения психической энергии человека на каком-нибудь, достаточно широко очерченном круге занятий и интересов, то такая концентрация личности может, как нам кажется, лишь благоприятствовать общему повышению ее душевного уровня.

Есть еще одно обстоятельство, также заставляющее предпочитать гармонически-объединенные личности смешанным. Оно заключается в том, что представители смешанного типа часто сосредоточивают на добавочном интересе лучшие черты своего характера (например, мягкость, доброту и отзывчивость или же сообразительность, предприимчивость, инициативу), благодаря чему их основная, профессиональная работа значительно теряет в своей ценности как материальной, так и в особенности моральной. Таким путем возникают типы, вроде чиновника, поверхностно и формально относящегося к своему специальному делу, но зато увлекающегося собиранием редких, старинных гравюр и по вечерам отводящего свою душу в библиотеках и музеях, или же кулака-эксплоататора, нежно любящего свою семью, готового для нее на всякие жертвы и в то же время совершенно хладнокровно обирающего запутавшуюся в его сетях окрестную бедноту и т. п.

ГЛАВА V.

Извращенные.

Как уже сказано было выше, извращенные типы всех трех психических уровней характеризуются тем, что естественное, нормальное развитие личности представляется у них либо задержанным, либо извращенным, вследствие направления их деятельности на такие объекты и цели, которые не соответствуют не только основным задаткам данного индивидуума, но также и необходимым условиям всякого вообще психического роста и развития. На низшем психическом уровне такие извращенные биологически-нецелесообразные и психологически-неадэкватные (т.-е. не соответствующие естественным склонностям и задаткам) проявления личности ведут, в конце концов, к тому, что она постепенно беднеет, обезличивается и, наконец, совершенно поддается влиянию окружающей среды, накладывающей на нее свой резкий, характерный, большею частью антисоциальный отпечаток (бродяги и профессиональные нищие, хронические алкоголики, потерявшие способность к труду, мелкие воры и случайные убийцы, общественные паразиты всякого рода и т. п.). На среднем уровне картина уже существенно меняется, так как большее богатство личности и большая сопротивляемость ее внешним условиям

ведут к значительному усложнению получающихся здесь типов и разновидностей.

Сравнительная сложность душевной жизни у представителей среднего психического уровня, а также присущая им довольно значительная интенсивность и устойчивость личных особенностей делают в этих случаях уже невозможным полное обезличивание человека, полное слияние его с чуждой и враждебной ему по духу окружающей средой. С другой стороны, однако, и гармоническое единство личности, ее цельность и законченность, свойственные естественно развивающимся чистым типам среднего уровня, представляются здесь, очевидно, также невозможными, так как ненормальные внешние условия то и дело тормозят и извращают основные склонности и задатки человека. В результате получается пестрая смешанная картина, в которой самые разнообразные, иногда прямо противоположные элементы причудливо перемешаны между собою, благодаря чему в разное время и при разных условиях проявления одной и той же личности могут резко, ускоренным образом отличаться друг от друга.

В числе основных признаков среднего психического уровня нами была отмечена способность приспособиться к окружающей среде, найти в ней себе подходящее место и занятие и, таким образом, обеспечить себе как спокойное, безбедное существование, так и возможность свободного удовлетворения основных своих потребностей и стремлений. У извращенных среднего уровня эта приспособляемость к среде является уже значительно затрудненной, так как самая среда оказывается по отношению к ним не только неблагоприятной, но зачастую и прямо враждебной. В виду этого значительная часть представителей данной группы выходит, в конце концов, побежденной в этой жизненной борьбе, и в качестве «неудачников» вынуждена, хотя бы и с протестами, подчиняться гнетущему влиянию обстоятельств. Наряду с этим, однако, можно выделить также и другую, не менее значительную часть разбираемой группы, которую можно назвать «успевающими», с той только оговоркой, что их жизненный успех достигается извращенными, биологически нецелесообразными способами, приносящими, в конце концов, вред или им самим, или окружающим, а иногда и то и другое вместе.

Подобного рода извращенное приспособление к жизни и ее благам может, как мы увидим дальше, проявляться самым различным образом и вызываться самыми различными причинами: или условия среды, воспитание, образование и т. п., ставят человека, помимо его собственной воли, в такое положение (хотя бы и завидное с внешней стороны), которое совершенно не соответствует общему складу его личности и в котором он может пребывать

только вред самому себе и окружающим (теоретики-мечтатели, занявшие ответственный практический пост или видное положение в администрации, энергичные, импульсивно-решительные люди, попавшие в атмосферу интриг и взаимно-переплетающихся мелких, эгоистических интересов, и т. п.); или же сам человек, соблазненный такими жизненными приманками, как деньги, карьера, чувственные наслаждения, решается пойти по ложному пути, заглушая свои естественные задатки и уродуя свою индивидуальность. Точно также различны могут быть и те объекты, благодаря которым или при помощи которых происходит процесс извращения личности. В одних случаях дело заключается здесь в том, что конечные цели, намеченные себе человеком, представляются резко антисоциальными и, в конце концов, для него, самого скорее отрицательными, чем положительными: грабитель-эксплоататор, стремящийся запутать все окрестное население в свои сети и выжать из него последние соки, что, в конце концов, ожесточает его самого и, делая его крайне подозрительным, лишает, таким образом, душевного покоя; человек, добивающийся высокого положения исключительно с тем, чтобы беспрепятственно набивать себе карман и пользоваться всевозможными жизненными удобствами, а затем мучающийся сознанием, что все честные люди враждебно и презрительно к нему относятся и т. д. В других случаях конечные цели не заключают сами в себе ничего особенно плохого, но зато средства, которыми человек пользуется, влияют на его душевный склад резко отрицательным образом: карьеристы, не брезгающие никакими средствами для того, чтобы выбиться в люди, торговцы, широко пользующиеся принципом «не обманешь — не продашь» и т. п.

Подобно тому, как это было на низшем психическом уровне, извращенные типы дают и здесь, по сравнению с чистыми, гораздо большее число эгоистов, заботящихся только о своих личных интересах и готовых в жертву им принести все остальное. Особенно следует сказать это об извращенных-«успевающих», характерная черта которых именно в том и заключается, что, стараясь во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами отстоять и соблюсти свои личные, ложно понимаемые интересы, они вынуждены бывают сплошь и рядом итти вразрез как с голосом своей собственной совести, так и с требованиями социальной справедливости. И если опустившиеся, огрубелые представители извращенных низшего психического уровня отталкивают нас нередко своей чисто животной чувствительностью, своим тупым, узким интеллектом, своей непробудной леностью и апатией, то извращенные среднего уровня представляются часто не менее, если еще не более антипатичными, благодаря свойственному им сознательно-циничному отношению к жизни, а также благодаря

тому, что большая одаренность делает их гораздо более вредными в социальном отношении.

Что касается дальнейшего подразделения данной группы, то, кроме уже упомянутого деления на неудачников и успевающих, каждая из этих двух подгрупп заключает в себе несколько отдельных типов, различающихся друг от друга преобладанием в них тех или иных черт эндо-психики. Некоторые из них близко примыкают к соответствующим чистым типам, представляя как бы оборотную их сторону и свидетельствуя о том, каким образом и в каком направлении может извращаться чистый тип, если он попадет в неподходящую обстановку или пойдет по ложной дороге. Вообще же говоря, полное перечисление всех извращенных типов среднего психического уровня представляется по самому существу дела невозможным, и речь может итти здесь только о приведении некоторых, наиболее ярких и часто встречающихся представителей данной группы.

Неудачники.

1. Неприспособленные мечтатели.

Подобно «чистым» художественного или религиозно-созерцательного типа, сильно развитое воображение, сопровождающееся значительной аффективной окраской, побуждает этих людей к занятию искусством или углублению в религиозные переживания; этому способствует зачастую также обстановка раннего детства, условия воспитания, влияние близких людей и т. п. Между тем жизнь, совершенно не считаясь с идеально-созерцательными привычками и склонностями данного человека, ставит перед ним чисто реальные, практические задачи профессионального и общественного характера, заставляя его во что бы то ни стало, хотя бы ценою ломки и извращения своей собственной личности, приспособляться к выполнению этих задач: незаконнорожденный сын аристократа, с художественными задатками и тонким эстетическим чутьем, попадает в среду революционеров-народовольцев и вынужден окунуться с головой в суровую, грубую обстановку пропаганды среди крестьян и рабочих (Нежданов из «Нови» Тургенева), молодой человек набожный, склонный к философствованию и совершенно непрактичный, по настоянию своего отца, врача-хирурга, делается доктором («Палата № 6» Чехова) и т. д. В результате, наряду с остатками прежнего, чистого типа, получается целый ряд новых, извращенных черт, уродующих личность и резко понижающих ее социальную и моральную ценность.

Среди черт, сближающих представителей данного типа с соответствующими чистыми типами, следует отметить прежде всего значительное развитое воображение, воспроизводящее и отчасти творческое (см., например, ниже о поэтическом даровании Нежданова), заставляющее их нередко в своих мечтах далеко уноситься от окружающей действительности. В тесной связи с этим стоит также отвлеченность их интересов, приводящая часто к тому, что насущные, реальные жизненные потребности отходят у них на второй план по сравнению с различного рода философскими рассуждениями или же мечтами и фантастическими образами. Доктор Андрей Ефимов («Палата № 6»), отбывши кое-как, наскоро скучную и бесцельную, по его мнению, больничную работу, запирается у себя в квартире и весь уходит в чтение и в размышление (совершенно, впрочем, бесплодные) о человечестве, о прогрессе, о тщетности земного существования и т. д.

Значительная аффективность порождает у этих людей повышенную восприимчивость ко всему тому, что так или иначе затрагивает их мысли, чувства или интересы. Вместе с тем им вообще свойственны в широкой мере всякого рода эмоциональные переживания, — эстетические, религиозные или социальные, смотря по условиям их воспитания, образования или профессии. Так, Нежданов тонко чувствовал прекрасное в природе и литературе. Что касается отношения к людям, то представители данного типа, благодаря своей замкнутости, бывают, вообще говоря, мало склонны к сколько-нибудь широкому общению с окружающими людьми; точно также и семейная жизнь обычно их мало привлекает. Тем не менее, несмотря на иногда встречающуюся вспыльчивость и раздражительность, они в общем отличаются отсутствием эгоизма, добротой и кротостью, доходящей иногда до крайних пределов. Доктор Андрей Ефимыч не в состоянии был не только прогнать кого-нибудь из служащих, но даже прикрикнуть на них, повысить голос; он же, уже будучи уволен со службы, беспрекословно отдал промотавшемуся кутиле и бонвивану почтмейстеру последние свои сбережения — пятьсот рублей, сам оставшись почти без копейки.

Наряду, однако, с перечисленными чертами, общими как чистым, так и извращенным типам данной группы, у этих последних имеется еще целый ряд своих, специфических особенностей, всецело обусловленных общим ненормальным ходом их психического развития. Сюда относится, прежде всего, преобладание у них грустного, подавленного настроения, их пессимизм и неудовлетворенность жизнью, а также их неуверенность в себе и склонность к излишнему самоунижению. Мечты их на каждом шагу безжалостно, разрушаются грубой действительностью, к борьбе с которой они являются совершенно неприспособленными;

в результате возникает глубокое разочарование, переходящее по временам в полное отчаяние и невольно влияющее на оценку не только своих собственных сил и способностей, но также и всего существующего. Нежданов, вначале глубоко осчастливленный своей любовью к Марианне, почувствовавший необычайный прилив сил и энергии, очень скоро затем снова начинает сомневаться в себе, считать себя недостойным ее любви, и, в конце концов, не только отказывается от Марианны, но и признает свою полную непригодность к жизни вообще. Доктор из «Палаты № 6», придя к заключению, что его врачебная деятельность совершенно не достигает цели, являясь, в сущности, грубым обманом и шарлатанством, утешает себя всякого рода пессимистическими соображениями, вроде того, что и вся вообще медицина бесцельна, так как, несмотря на весь прогресс ее, люди попрежнему болеют, умирают, сходят с ума и т. д. Такая подавленность настроения, в связи с повышенной аффективностью, вызывает у этих людей нередко вспышки раздражения, достигающие иной раз значительной степени. Нежданова автор характеризует, как человека обидчивого и раздражительного, легко озлобляющегося, — но в то же время великодушного и никогда не помнящего сделанного ему зла.

Неспособность к практической деятельности и вообще слабое развитие склонности ко всякого рода внешним волевым актам, свойственные также и чистым представителям художественного и религиозно-созерцательного типов, являются здесь в значительно преувеличенных размерах, доходя нередко до полного безволия и неспособности хоть сколько-нибудь противиться чужому воздействию или же влиянию неблагоприятных жизненных условий. Доктор Андрей Ефимыч, подчиняясь исключительно только настояниям почтмейстера, берет отпуск и едет с ним в Петербург, Москву, Варшаву, хотя от всей этой поездки, в конце нарушающей его налаженный и привычный образ жизни, он не видит ни пользы, ни удовольствия. Такая повышенная внушаемость по отношению ко всякого рода внешним воздействиям еще увеличивается в значительной степени благодаря отсутствию у этих людей ясных, определенных убеждений, прочных и устойчивых. Постоянная борьба между естественными, прирожденными задатками и тем искусственным, вынужденным отпечатком, который накладывает на них жизнь, порождает вечные колебания и сомнения, не позволяя остановиться окончательно на каком-нибудь определенном образе мыслей и действий. Именно в этом смысле жалуется Нежданов: «Во мне сидят два человека — и один не дает жить другому»...; «мои способности не соответствуют моим убеждениям»...; «я был рожден вывихнутым... хотел себя вправить, да еще хуже себя вывихнул».

Само собою разумеется, что все перечисленные особенности разбираемого типа сильно понижают его биологическую ценность, делая представителей его недостаточно жизнеспособными, а в социальном отношении не только бесполезными, но часто даже и вредными. Доктор Андрей Ефимыч, весь уйдя в свои уединенные мечты и бесплодные рассуждения, сопровождаемые обычно выпивкой, сдал все больничные дела на фельдшера и смотрителя, раз навсегда махнувши рукой на крайнюю запущенность дел и на те вопиющие безобразия, которые прикрывались его именем. И жизнь обыкновенно не жалеет этих людей. Они или постепенно чахнут и умирают сравнительно молодыми или спиваются, как чеховский доктор, или кончают самоубийством, как Нежданов; лишь немногим из них удается довести свой жизненный путь до конца сравнительно благополучно.

2. Аффективные неудачники.

Как показывает уже самое название, центральное место в душевной жизни представителей данного типа занимают чувствования, легко возбудимые и могущие достигать в некоторых случаях очень значительной силы. Дмитрий Карамазов (характеристика которого будет приведена нами ниже) в своем восторге или ярости доходит нередко до настоящего неистовства; даже Лаевский (из «Дуэли» Чехова), представляющий собой не особенно ярко выраженный образец разбираемого типа, способен испытывать, как «тяжелая ненависть, страстная, голодная заворочалась в его груди и потребовала удовлетворения». Эта повышенная аффективная возбудимость еще значительно усиливается благодаря ненормальным жизненным условиям и неправильному ходу душевного развития: или человек с детства не был приучен владеть собой и сдерживать, в случае надобности, свои эмоциональные проявления, или, уже выросши, попал в обстановку, благоприятствующую всякого рода эксцессам (безделье, кутежи, беспорядочный образ жизни), или, наконец, частые жизненные неудачи то и дело выводят его из состояния душевного равновесия. Все это приводит, в конце концов, к крайней порывистости и неустойчивости как эмоциональных проявлений, так и всех вообще психических процессов у данного рода индивидуумов.

Особенно бросается в глаза быстрая смена самых различных аффектов и настроений, а также возможность совмещения в одном и том же лице качеств, иной раз прямо противоположных. Именно здесь мы можем встретить поражающие на первый взгляд сочетания: самоотверженную доброту и дикую, нелепую жестокость, стремление к идеалам высокой справедливости, сопровождающееся неожиданно гнусными выходками, чрезмерное самомнение,

сменяющееся затем крайним самоунижением, и т. п. Так, Лаевский по существу не только не злой, но скорее добрый человек: сказавши грубость жене, он потом жалеет об этом, перед дуэлью не только прощает жене ее случайную измену, но нежно и ласково успокаивает ее. Тем не менее, когда ему вдруг захотелось, бросивши все, уехать в Петербург, он совершенно не заботится о том, что оставит Надежду Федоровну в этой глуши (куда сам же и завез ее от прежнего мужа) совершенно одну, без денег и близких людей, буквально на произвол судьбы. Тот же Лаевский, несмотря на свою склонность постоянно говорить о разных высоких материях, лжет на каждом шагу, где нужно и не нужно, не только перед другими, но, в конце концов, и перед самим собой. Дмитрий Карамазов, честный и благородный человек, с развитым чувством долга, в то же время способен на такой безобразный поступок, как, схвативши за бороду несчастного, ни в чем неповинного отставного штабс-капитана, поверенного его отца, вытащить его в таком унизительном виде на улицу на всенародное посмеяние. Спившийся музыкант Ефимов («Неточка Незванова» Достоевского) в своих отношениях к бывшему другу и покровителю, скрипачу Б., то и дело переходит от самого глубокого самоуничижения к крайней надменности и дерзости: жалуется со слезами и рыданиями, что он несчастный, погибший человек, что у него нет таланта, — а через несколько минут заявляет самонадеянно, чтобы друг не заботился об его участи, так как скоро он даст концерт и тогда разом завоюет и славу и деньги.

Умственные способности у представителей разбираемого типа бывают обычно довольно значительно развиты, при чем (как и у всех вообще аффективных) воображение и фантазия преобладают над рассудком и логической деятельностью. Так, Лаевский в разговоре с приятелем-доктором дает прямо блестящую, яркую и выпуклую характеристику их общего знакомого, зоолога фон-Корена. Ефимов, несмотря на отсутствие правильно музыкального образования, обладал не только талантом виртуоза-исполнителя, но и тонким художественным вкусом, и его критические замечания относительно игры различных музыкальных знаменитостей ценились знатоками. И тем не менее, все их способности и дарования не дают обычно никаких сколько-нибудь ценных результатов, так как слабость воли и полная неспособность к систематическому, настойчивому труду сводит на нет все их усилия и попытки.

Вообще слабоволие представляет одну из наиболее характерных и вместе с тем роковых черт разбираемого типа. Порывистость и неустойчивость чувствований порождают такую же порывистость и импульсивность волевых актов и, в большинстве

случаев, совершенно лишают этих людей возможности заранее обдумывать и планомерно, настойчиво осуществлять свои намерения. Отсюда их неспособность к систематическому, продуктивному труду, значительно понижающая их социальную и моральную ценность; если они иногда и работают, то лишь судорожно, порывами, достигая в короткое время довольно значительных результатов, но затем почти совершенно утрачивая их, благодаря последующему продолжительному периоду полного безделья.

Тем же самым слабоволием в связи с импульсивностью и неустойчивостью желаний и действий объясняется часто наблюдающаяся внушаемость аффективных неудачников, сопровождающаяся по временам каким-то капризным, совершенно немотивированным упрямством. Здесь ясно сказывается общая разрозненность, недостаточная координированность психики у представителей данного типа, сближающая с так называемыми истерическими характерами (у Лаевского случилась даже однажды настоящая истерика, подробно описанная автором). Как несамостоятельность, так и бессмысленное упорство этих людей, разумеется, сильно вредят их жизненной карьере. Так, Ефимов, еще будучи молодым человеком, двадцати двух лет от роду, всецело подпал под влияние одного дурного, спившегося человека, итальянца, бывшего капельмейстера: «многому он меня научил на мою погибель». Именно с тех пор Ефимовым стали овладевать время от времени приступы сильной неудержимой тоски, побуждавшие его на самые дикие, нелепые выходки, кутежи и пьянство и приведшие, в конце концов, к гибели его таланта и полному нравственному падению; в то же время его взбалмошность и бессмысленное упрямство мешали Ефимову слушаться совета друзей, которые не раз пытались поставить его на настоящую дорогу. Точно также Лаевский, слабый безвольный человек, всецело поддающийся влиянию среды и обстоятельств, вдруг совершенно неожиданно для самого себя наговорил дерзостей своему приятелю доктору и кончил вызовом на дуэль зоолога фон-Корена.

Все сказанное достаточно объясняет нам, почему люди эти оказываются так неприспособленными к жизни, почему они почти всегда кончают плохо, либо спиваясь, как Ефимов, либо подобно Дмитрию Карамазову, совершая в состоянии аффекта какой-нибудь уголовно-наказуемый поступок (собирался убить отца, тяжело ранил слугу Григория). Даже в тех случаях, когда какая-нибудь из ряда вон выходящая катастрофа заставит их, наконец, хотя бы на время остепениться и взять себя в руки (как это было, например, с Лаевским после дуэли), у беспристрастного наблюдателя все же не получается полной уверенности

в том, что человек действительно стал на настоящую дорогу, соответствующую как его силам, так и его собственным желаниям.

3. Энергичные озлобленные.

Приближаясь в значительной степени к извращенным-активным низшего психического уровня, тип этот отличается от последних чертами, свойственными всему вообще среднему уровню, а именно — большим богатством и разнообразием психики, большей умственной одаренностью, большей сознательностью и планомерностью своих действий и поступков; однако, благодаря извращенности типа, качества эти не только не делают его представителей более ценными в социальном отношении, но, наоборот, часто даже увеличивают тот вред, который они могут принести, как самим себе, так и окружающим. Условия, способствующие возникновению данного типа, сводятся обыкновенно к тому, что ребенок, от природы деятельный и энергичный, не лишенный умственных способностей и нравственных задатков, терпит, однако, с самого своего детства столько обид и несправедливостей, видит вокруг себя столько людской лжи и жестокости, что мало-по-малу теряет всякую веру в добро, и правду, прочно себе усваивая в качестве ответа на все решительно внешние впечатления одну и ту же враждебно-защитительную реакцию. Этот привычный способ отношения к окружающему, глубоко укоренившись в человеке, проявляется в нем впоследствии уже автоматически, не только помимо, но часто даже и против его воли. М. Горький, в своей повести «Трое», дает нам подробную историю развития энергично-озлобленного типа, в лице главного героя повести Ильи Лунева. Отец его— арестант, ненавидимый односельчанами, перенесшими свое враждебное отношение к отцу также и на его ни в чем неповинного сына («У, деймоненок! Каторжное семя!.. Чтоб те сдохнуть!»). Когда Илье было 10 лет, его, вместе с его дядей, выжили из родного села, и ребенок, захлебываясь слезами, говорит: «погоди... я вот вырасту большой... я им задам!» В дальнейшем, правда, Илье приходилось неоднократно встречать к себе также и ласковое, дружеское отношение (разговоры с дедушкой Еремеем, дружба с Яковом и Мишей, любовь Олимпиады), но все это уже не могло изгладить отпечатка, наложенного первыми годами детства. К тому же и жизнь гораздо чаще оборачивалась к нему своими худыми, нежели хорошими сторонами: в школе дети преследовали его и смеялись над ним за ту самую работу, которой он раньше гордился («тряпичник! вонючий! вонючий! тряпичник!»); трактирная обстановка, среди которой ему пришлось

долго жить, тяготила его своей грязью, постоянным криком и пьяным безобразием; случайно замеченная сцена обкрадывания умирающего деда трактирщиком Петрухой и дядей Терентием сильно подействовала на мальчика, сделавши его не по летам серьезным и подозрительно недоверчивым; наконец, необходимость делить ласки красавицы Олимпиады, которую он искренно любил, с отвратительным стариком-менялой вызвала его на убийство, которое, хотя и осталось нераскрытым, но уже в конец испортило ему всю остальную жизнь. В результате Лунев совершенно не в состоянии относиться к людям просто и доброжелательно, так что даже при встрече с действительно хорошим человеком, умной и серьезно настроенной гимназисткой, вначале приведшей его в настоящий восторг, очень скоро затем расходится с ней, наговоривши ей, сам не зная почему и для чего, целую кучу обидных и несправедливых дерзостей.

Подобно всем вообще энергичным среднего психического уровня, представители разбираемого типа обладают целым рядом таких душевных свойств, которые при других условиях психического развития могли бы доставить им очень существенные преимущества, как в личной, так и в общественной жизни. Прежде всего, они смелы и решительны, обладают обычно сильной волей и недюжинным самообладанием. Так, например, один из ярких представителей данного типа, игрок и бретер Долохов («Война и мир» Л. Толстого), характеристика которого будет приведена ниже, побился об заклад, что он выпьет целую бутылку рому, сидя снаружи окна, на высоте третьего этажа от земли, на покатом выступе подоконника и не держась ни за что руками. Эта совершенно безрассудная по своей бесцельности и крайней опасности затея была выполнена им безукоризненно, хотя был момент, когда тело Долохова, сидевшее на покатом откосе, вдруг несколько сдвинулось; при этом «одна рука поднялась, чтобы схватиться за подоконник, но опять опустилась», т.-е. он, в минуту смертельной опасности, все же нашел в себе столько силы воли, чтобы подавить инстинкт самосохранения и точно выполнить условия пари. Точно также и Лунев часто и ярко обнаруживает упомянутые качества, когда он, например, будучи мальчиком-подручным в рыбной лавке, смело и открыто заявляет хозяину о воровстве приказчиков, а при попытке бить его хватает нож и готовится защищаться, или когда, после убийства менялы, не только не робеет и не прячется, но, наоборот, держится спокойно и даже вызывающе.

Вместе с тем люди эти обычно обладают способностью к труду и, благодаря свойственному всем вообще энергичным преобладанию реальных, жизненных интересов над мечтами и абстракциями, могли бы, при желании, успешно вести то или иное

практическое дело. Так, Лунев с самого детства вел трудовой образ жизни, при чем работал большею частью усердно и с охотой, побуждаемый не только необходимостью, но также и своим собственным желанием: еще мальчиком он старательно помогал дедушке Еремею разыскивать тряпки и старые негодные вещи, подростком служил в рыбной лавке, затем решил сделаться разносчиком и, с ящиком на груди, с козлами в руке неутомимо расхаживал по улицам города, выкрикивая название своих товаров. Мечтой его было сделаться хозяином небольшой, чистенькой лавочки с галантерейными товарами, и когда эта мечта, наконец, осуществилась, Илья был в течение некоторого времени совершенно счастлив. Точно также и Долохов, будучи разжалован в рядовые и решивши как можно скорее снова выслужиться, делает свое дело усердно и с уменьем: по словам ротного командира, он очень исправен по службе.

Тем не менее, все эти ценные в социальном отношении качества дают здесь, в конце концов, гораздо меньше, чем они могли бы дать и чем это обычно бывает у представителей соответствующего чистого типа. Душевные силы человека, не получая определенного, разумного и при том адэкватного (соответственного способностям и интересам) приложения, проявляются всевозможными извращенными способами, без пользы для себя и со вредом для окружающих. Смелость и самоуверенность вырождаются в дерзость и нахальство; настойчивость и самообладание либо растрачиваются по пустякам (как в приведенном выше пари Долохова), либо бывают направлены на разного рода антисоциальные выходки и затеи; практические способности и труд иногда довольно значительный также обычно не приводят ни к каким прочным результатам, так как одна какая-нибудь из ряда вон выходящая дерзость, крупный скандал, внезапно вспыхнувшая ссора и т. п. могут сразу свести на нет все предшествовавшие труды и усилия. Так случалось неоднократно с Луневым; то же самое мы находим и у Долохова, который, впрочем, уже почти и не пытается приняться за какую-нибудь систематическую работу.

Одну из наиболее характерных черт энергичного-озлобленного типа составляет жестокость, доходящая иной раз до зверства (как у Долохова), при чем жестокие поступки совершаются сплошь и рядом без всякого видимого повода, нередко даже прямо вразрез со всем тем, что обычно считается естественным и понятным. Кажется иногда (и, повидимому, так то и есть на самом деле), что людям этим доставляет особое, своеобразное наслаждение отплатить злом за добро, кровно обидеть своего друга, близкого человека и т. п. Причина заключается в том,

что общий запас злобы и враждебного отношения к людям, накопленный годами и десятилетиями, настолько велик, что по временам прорывается наружу по какому-нибудь ничтожному поводу, а иногда и без всякого повода. Подобно тому, как у меланхоликов, в депрессивном состоянии, всякое впечатление, даже бывшее прежде приятным, вызывает тяжелую, гнетущую реакцию, или как у человека, находящегося в состоянии длительного раздражения, малейшее неосторожное замечание может вызвать гневную вспышку, — так и представители разбираемого типа часто лишь ищут (бессознательно и непроизвольно), на ком бы сорвать злобу, исковеркавшую их жизнь и мешающую их счастию и довольству. Именно вследствие этого на Долохова находят по временам такие минуты, когда он, «как бы соскучившись ежедневною жизнью, чувствовал необходимость каким-нибудь странным, большею частью жестоким поступком выходить из нее»; или когда он, поселившись в доме своего друга Пьера Безухова, который ему помогал и покровительствовал, открыто, на глазах у всех обманывает Пьера с его женой, а затем нагло смеется над обиженным другом, намекает ему, в присутствии посторонних, на свою связь с его женою и, в конце концов, доводит-таки несчастного Пьера до совершенно ему несвойственного вызова на дуэль. По той же причине и Лунев, возбужденный разговором с Павлом, злобно оборвал больничного служителя, «ощущая острое удовольствие от того, что обругал человека». При этом характерно для них также полное отсутствие сознания своей вины и какого бы то ни было раскаяния. Так, Лунев, очутившись случайно на кладбище, у могилы задушенного им менялы, «не чувствовал ни страха, ни раскаяния,—он смотрел на гробницу с ненавистью, с обидой в душе... Из-за тебя, проклятый, всю свою жизнь изломал я, из-за тебя!»

А между тем у людей этих есть и чуткая совесть, и сострадание, отзывчивость к чужому несчастью. Луневу, например, глубоко претит расчетливо-осторожное распутство его второй любовницы, жены околоточного; Долохов, к великому удивлению своих приятелей, оказывается самым нежным сыном и братом и, будучи тяжело ранен на дуэли, жалеет не о себе, а о том, что мать не перенесет его смерти. Однако, благодаря их душевной извращенности, эти добрые начала не только не мешают им совершать злые поступки, но, как это ни странно на первый взгляд, иной раз даже им способствуют: именно с целью заглушить в себе чем бы то ни было почти не прекращающееся острое сознание своей испорченности, непригодности к жизни, люди эти решаются нередко на самые дикие, неожиданные, безобразно-нелепые выходки.

Успевающие.

4. Лицемерные.

Обычная схема происхождения данного типа такова. Человек, от природы неглупый и достаточно энергичный (по своим эндопсихическим задаткам приближающийся обычно к аффективно-деятельному или рассудочно-деятельному типу, — см. выше), с раннего своего детства попадает в такую обстановку, где все направлено к подавлению человеческого достоинства, к унижению человеческой личности. Мальчик в магазине на побегушках, которым помыкает не только хозяин, но и приказчики, приживальщик, живущий на хлебах из милости и вынужденный терпеть всевозможные унижения и обиды, — все эти и им подобные положения почти неизбежно порождают в человеке сколько-нибудь способном и деятельном страстное желание во что бы то ни стало самому выбиться в люди, всякими правдами и неправдами, хотя бы ценою обмана, воровства и т. п. занять в жизни командующее положение, чтобы иметь, в конце концов, возможность издеваться над другими так же, как окружающие в данный момент издеваются над ним самим. Наиболее развращающими факторами являются здесь, с одной стороны, произвол и самодурство господ или хозяев, их открытое и циничное признание того, что все их требования, угрозы и наказания вытекают не из каких-либо разумных, целесообразных побуждений, а главным образом из-за минутной прихоти и каприза, а с другой — господство в окружающей среде обмана, притворства и недобросовестности, атмосфера, в которой собственная выгода и чувственные наслаждения считаются главными, чуть ли не единственными целями жизни. Первое условие, заставляя человека сообразовать свои действия с прихотливо меняющимися капризами хозяина, лишает, в конце концов, всю его деятельность разумной планомерности и целесообразности; второе значительно принижает и извращает его нравственные и социальные идеалы, делая, в конце концов, этих людей не только антипатичными, но часто приносящими серьезный вред обществу.

Все эти извращающие влияния придают психическому облику данного типа чрезвычайно характерный отпечаток. Стремление во что бы то ни стало возвыситься в жизни, сделать себе карьеру заставляет представителей его сосредоточивать всю свою умственную деятельность именно в этом направлении; а так как прямые, разумно-целесообразные пути и средства для них, большею частью, закрыты, то приходится итти различными окольными

путями, развивая в себе, в конце концов, необычайную хитрость и изворотливость. Один из ярких представителей данного типа Подхалюзин («Свои люди, сочтемся» Островского), несомненно, умен, но весь его ум направлен на то, чтобы, тонко изучивши слабые стороны своего хозяина и его дочери, выгодно обделать, благодаря этому, свои собственные делишки. Что касается другого, не менее типичного лицемера — Молчалина («Горе от ума» Грибоедова), то Чацкий прямо считает его глупым, так как он «не богат словами», речь его не блещет остроумием и яркостью образов, круг его интересов узок и односторонен, а между тем тот же Молчалин умеет очень ловко всех расположить в свою пользу, мирно уладить начавшуюся ссору и даже возбудить (вполне сознательно, из чистого расчета) любовь к себе умной, красивой Софьи, дочери его начальника.

Постоянная необходимость охранять свои интересы, заботясь об улучшении своего трудного, унизительного положения, вырабатывает, мало-по-малу, из этих людей крайних эгоистов, жадных и завистливых, на все смотрящих с точки зрения своей выгоды. Если этот эгоизм является, с одной стороны, существенным побудительным стимулом для их воли, заставляя настойчиво и упорно добиваться достижения раз намеченной цели (карьера, нажива и т. п.), то, с другой стороны, он вносит чрезвычайную черствость и бессердечие в отношения их к другим людям. О сколько-нибудь искренней любви, а тем более самоотвержении здесь не может быть и речи: окружающие для них являются лишь материалом, необходимым для построения своего собственного жизненного успеха, при чем способы и приемы обращения с этим материалом значительно варьируются в зависимости от того, на какой ступени своей жизненной карьеры находится субъект в данный момент. Пока его положение подчиненное, пока он зависит от других, — он льстив и подобострастен, заискивает перед высшими себя, всячески стараясь угодить им и приобрести их расположение (вспомним характерное признание Молчалина: «мне завещал отец: во-первых — угождать всем людям без изъятия» и т. д.); но стоит лишь ему выйти в люди, получить власть и влияние, как он сразу становится хвастливым и требовательным, начинает находить наслаждение в возможности унижать других так же, как прежде унижали его самого. Подхалюзин прямо говорит подручному мальчику Тишке, которого он только что изругал и грозил побить: «На то ты и мальчишка, чтобы тебя учить.... Прахтика-то эта известная. Я, брат, и сам огни и воды, и медные трубы прошел». Нередко бывает, впрочем, и так, что человек совмещает в себе одновременно оба эти способа отношения к окружающим, прибегая к тому или другому из них в зависимости от обстоятельств: всем хорошо

известен довольно распространенный тип, встречающийся в самых различных социальных кругах, когда человек, подобострастно пресмыкающийся перед высшими мира сего, в то же время презрительно и деспотически обращается со всеми, кто стоит ниже его.

Большое количество перенесенных в прошлом обид и унижений вырабатывает обычно в представителях разбираемого типа чрезмерно повышенное самолюбие, делая их не только чуткими на всякую обиду, но заставляя даже в самых простых, невинных шутках или случайных замечаниях подозревать скрытую насмешку и издевательство. Достоевский, говоря об одном из своих героев, Федоре Павловиче Карамазове (характеристику его см. ниже), определяет его, между прочим, как «бывшего когда-то приживильщика, а потому человека чуткого и тонкого на обиду». В то же время люди эти злы и мстительны, долго помнят всякое оскорбление и стараются не оставить его неотмщенным, однако привычка постоянно лицемерить, а также годами и десятилетиями выработанная осторожность, доходящая до трусости, заставляет их никогда не высказывать своей вражды открыто, а стараться действовать исподтишка, по возможности без всякого для себя риска и опасности. Вообще говоря, они трусливы, что обусловливается, с одной стороны, их крайним эгоизмом, а с другой — тем рабски-подчиненным положением, в котором им пришлось быть в течение долгого времени. Так, Молчалин, затеяв выгодный для него роман с Софией и притворяясь влюбленным, в то же время крайне опасается, как бы не узнал обо всем этом отец Софьи, Фамусов, и убеждает свою возлюбленную тщательно скрывать от всех ее привязанность, так как «злые языки страшнее пистолета».

Что касается нравственного облика этих людей, то хотя они, по своему лицемерию, и считают нередко нужным прикрываться разными высокими словами, идейными принципами, но на самом деле главными целями их жизни, направляющими все их действия и поступки, являются стремление к наживе, погоня за карьерой или чувственные наслаждения. В одних случаях преобладает одно, в других — другое, но во всяком случае эти чисто эгоистические цели для представителей данного типа настолько дороги, что для достижения их они не брезгуют никакими средствами, будучи готовы в любой момент пожертвовать какими угодно принципами и идеалами. На службу, общественное дело они смотрят обычно лишь как на средство получать доходы и достигать «степеней известных»; своими общественными, религиозно-философскими и другими «убеждениями» торгуют в полном смысле этого слова, готовы радикально переменить свою, прежде горячо отстаивавшуюся точку зрения в том случае,

если это представится выгодным. Такое грубо-циничное отношение к вопросам долга и совести, обычно тщательно скрываемое ими от посторонних, иной раз, однако, прорывается наружу, особенно в тех случаях, когда им некого в данный момент опасаться или же когда сильный аффект (досада на неудачу, торжество по случаю крупного успеха и т. д.) заставляет их на время потерять самообладание. Так, например, Подхалюзин, прибегая к содействию стряпчего и свахи, обещает им вначале крупные денежные суммы (по 2 тысячи каждому) и подарки, а затем, достигнувши своей цели и добившись всего, чего хотел, отделывается ничтожными подачками; когда же обманутые помощники, пораженные таким неожиданным оборотом дела, начинают кипятиться и выходить из себя, обвиняя его в грабеже и бесчестности, Подхалюзин не только не отрицает самого факта своих обещаний и их нарушения, но еще начинает открыто издеваться и смеяться над потерпевшими, упирая на то, что все равно они с ним ничего не смогут поделать.

Как уже сказано было выше, лицемерный тип возникает чаще всего у людей, приближающихся по своим эндо-психическим задаткам либо к рассудочно-деятельному, либо к аффективно-деятельному типам. Соответственно этому, в нем можно различать две разновидности: рассудочную и аффективную, отличающиеся друг от друга довольно существенными деталями.

a) Рассудочно-лицемерные. Сдержанные и скрытные, люди эти всегда очень осторожны в своих речах и поступках, стараясь ни одним неосторожным словом или действием не выдать своих сокровенных мыслей, не обнаружить преждевременно своих планов и намерений. Всегда вежливые, прилично одетые, они очень заботятся о своей репутации, всячески стараясь поддержать свое доброе имя и распространить о себе хорошую славу (так как это необходимо им для успешной карьеры). Вкрадчивые и ласковые они умеют не только привлечь к себе, но часто прямо-таки очаровать людей наивных или увлекающихся, — до тех пор, разумеется, пока случай или столкновение интересов не заставит их обнаружить всю свою моральную неприглядность. Что касается содержания и направления интересов, то честолюбие (вернее — тщеславие) и страсть к наживе обычно преобладают здесь над чувственностью, хотя подчас они также не прочь и поразвратничать втихомолку, так, чтобы никто не знал об этом (подобно, например, Молчалину, не стесняющемуся тотчас же после нежного разговора с Софьей весьма настойчиво ухаживать за ее горничной).

b) Аффективно-лицемерные. В противоположность рассудочным, представители данной разновидности болтливы и общительны, что объясняется их аффективностью, про-

являющейся наружу не только в мимике и жестах, но также и в разговорах и действиях. При этом необходимо, однако, оговориться, что их общительность обусловливается вовсе не дружеским сочувствием к окружающим, а исключительно только желанием развлечься, а при случае также и обделать кой-какие свои делишки. С другой стороны, разговорчивость нисколько не мешает им быть, в случае надобности, хитрыми, скрытными и очень лживыми. Именно о представителях лицемерного типа можно сказать больше, чем о ком-либо другом, что «язык дан им для того, чтобы скрывать свои мысли», при чем аффективные стремятся достигнуть этого, отвлекая внимание слушателя множеством ненужных разговоров или, согласно вульгарному выражению, «заговаривая зубы». Таковы же точно они и в своих действиях и поступках. Будучи более импульсивны, нежели рассудочны, они не только не заботятся особенно о своей репутации, но даже сами стараются зачастую прослыть кутилами, развратниками или шутами, забавляющими общество; это им выгодно, во-первых, в том отношении, что таким образом они коротко сближаются с большим количеством людей (кутежи в веселой компании), которых могут эксплоатировать для своих целей, а во-вторых, потому, что окружающие начинают смотреть на них, как на безвредных весельчаков, которых нечего опасаться. Несмотря на свою импульсивность, они, однако, в своих шутовских и циничных выходках всегда сумеют удержать себя на той границе, перейти которую было бы для них уже рискованно. Федор Павлович Карамазов мог дойти до «последнего предела какой-либо мерзости», — впрочем, только мерзости, а отнюдь не какого-нибудь преступления или такой выходки, за которую может суд наказать; в последнем случае он всегда умел себя сдерживать и даже сам себе дивился насчет этого».

Само собою разумеется, что у представителей данной разновидности чувственные влечения (обжорство, пьянство, разврат), усиливаемые их аффективностью и недостаточно обуздываемые контролем воли и рассудка, могут достигнуть очень значительных размеров.

В качестве образца приведем характеристику Федора Павловича Карамазова.

Начавши свою карьеру почти ни с чем («бегал обедать по чужим столам, норовил в приживальщики»), Федор Павлович успел к концу жизни скопить большое состояние: одними чистыми деньгами у него оказалось до ста тысяч рублей. Вообще он, несмотря на свои «бестолковейшие сумасбродства» (о которых будет сказано ниже), далеко не глуп, в особенности там, где требуется чисто практическая сообразительность и уменье ориентироваться в денежных делах и расчетах. Не обладая никакими особенными талантами или дарованиями, он, однако, может быть иногда довольно

остроумным, и его замечания по поводу спора Смердякова с Григорием свидетельствуют о наблюдательности и знании жизни. Однако, наиболее характерные особенности Федора Павловича относятся к области его эмоциональных проявлений. Он очень легко приходит в состояние возбуждения, радостного или гневного, при чем настроение его часто и резко меняется, чему немало способствует страсть к выпивке, принявшая за последнее время крайне значительные размеры. Будучи возбужден, он начинает много говорить, кричать, брызгаться слюной и часто в своих дерзких выходках переходит всякие границы приличного и дозволенного. Во всей округе он приобрел себе прочную репутацию скандалиста и безобразника, ни перед чем не останавливающегося, так что корректный и выдержанный Миусов даже совестился быть с ним в одной компании; в присутствии всеми почитаемого старца он не стесняется публично выворачивать наружу все свои семейные дрязги, бранит монахов, повторяя гнусную клевету про их монастырь, отпускает пикантные замечания на счет отношений старца к дамам и т. д. При этом, чем больше возмущены окружающие и чем с большим презрением к нему относятся, тем больше обыкновенно хочется Федору Павловичу выкинуть, на зло им, какую-нибудь совсем уж необыкновенную, по своему бесстыдству, штуку. Надо сказать, впрочем, что во всех его сумасбродствах очень трудно бывает различить, где кончается настоящее, действительное чувство, и где начинается ложь и притворство. Еще в молодости, будучи приживальщиком, он привык играть роль шута на потеху окружающих (по слухам, он не остановился, в угоду подгулявшей барской компании, даже перед такой гнусностью, как изнасилование идиотки Лизаветы Смердящей). С годами привычка эта до того в нем укоренилась, что стала неотъемлемой, характерной особенностью его душевного склада (экзопсихика), проявляясь самыми разнообразными и часто совершенно неожиданными способами. Так, например, после того, как первая жена убежала от него с любовником, ему «как будто приятно было и даже льстило разыгрывать пред всеми свою смешную роль обиженного супруга»; когда старухагенеральша, взяв на воспитание брошенных им на произвол судьбы детей, надавала ему пощечин, Федор Павлович «о полученных пощечинах сам ездил рассказывать по всему городу». Шутовство сказывается и в его манерах, когда он, например, как обезьяна, передразнивает Миусова или Дмитрия Федоровича. В самых патетических его речах и возгласах то и дело ясно проглядывает притворство и своего рода шутовская театральность; недаром старец Зосима советует ему прежде всего не лгать, ни перед другими, ни, в особенности, перед самим собой. Что касается направления интересов, то центральное место в жизни Федора Павловича занимают, безусловно, разврат и пьянство. «Сладострастнейший человек... в один миг готовый прильнуть к какой-угодно юбке, только бы та его поманила», Федор Павлович, после ухода первой своей жены, «мигом завел в доме целый гарем и самое забубенное пьянство», несмотря на смертельный страх перед разбушевавшимся Дмитрием, услышав, что Грушенька здесь, бросается к Дмитрию с целью загородить ему дорогу; будучи в благодушном настроении, очень подробно и обстоятельно посвящает Ивана и Алешу во все тонкости сладострастия и т. д. Уже самая физиономия его, обрюзгшая и истасканная, ярко свидетельствует о половой невоздержанности и хроническом алкоголизме. В отношениях своих к другим людям Федор Павлович представляется крайним эгоистом, черствым и бессердечным, злым и безжалостным. Ограбивши свою первую жену, он затем всячески эксплоатирует и обирает старшего сына, бросивши остальных двух (не имевших своей наследственной части) на произвол судьбы. Наживши себе состояние, главным образом, содержанием кабаков и ростовщичеством, он трясся затем над каждой копейкой, при чем, однако, на разврат денег не жалел. И тем не менее, этот «злой шут», «в сладострастии своем часто жестокий, как злое

насекомое», «мог совершенно неожиданно расчувствоваться и даже расхныкаться» («он был зол и сантиментален») или же вдруг, под влиянием приезда Алеши, внести в монастырь тысячу рублей на помин своей покойной жены, — после чего напился пьян и ругал монахов: «странные порывы внезапных чувств и внезапных мыслей бывают у этаких субъектов», заключает автор.

5. Властные-извращенные.

По своим эндо-психическим задаткам тип этот ближе всего стоит к той разновидности чистых типов, которую мы назвали «властными» и характерную, отличительную особенность которой составляет значительное развитие волевых процессов, регулируемых определенными, ясно сознаваемыми целями и направленных преимущественно на внешнюю жизнь и социальные (междучеловеческие) отношения. Как уже было подробно выяснено выше, энергичные натуры невольно, инстинктивно стремятся к борьбе и преобладанию над другими людьми, т.-е. к власти. Извращение же заключается здесь в том, что утрачивается ясное, правильное понимание тех нормальных социально-биологических задач и целей, которые должна преследовать всякая власть, если она желает удволетворять своему прямому назначению. Вместо того, чтобы руководить разрозненными или организованными общественными силами для достижения какой-нибудь общеполезной цели, власть превращается здесь в своего рода самоцель, заботясь лишь о возможно большем своем утверждении и, благодаря этому, действуя развращающим образом, как на подчиненных, так и на самих ее обладателей. При этом не имеют особенно существенного значения самые формы власти или способ, каким она была получена: будут ли это помещики времен крепостного права, или средневековые феодалы-бароны, унаследовавшие от предков, вместе с титулами и поместьями, также и привычку к произволу, или, наконец, наши отечественные кулаки и самодуры из купеческой среды, сколотившие себе всякими правдами и неправдами богатство и наслаждающиеся затем с трудом приобретенной властью, — все равно, способы извращения и его внешние проявления будут одни и те же. Что касается условий, способствующих извращению властного типа, то главными факторами являются здесь, с одной стороны, отсутствие достаточно широких и привлекательных целей, побуждающих к полезной общественной работе, а с другой — отсутствие контроля над властью и возможности ее обуздания в тех случаях, когда человек начинает злоупотреблять ею. Невежество, некультурность и косность общественной среды, отсутствие каких бы то ни было организаций и широких общественных начинаний, наконец, господство бесправия и произвола в семейной и общественной жизни — вот та почва, на кото-

рой чаще всего зарождаются и развиваются представители разбираемого типа.

Итак, наиболее яркой, бросающейся в глаза чертой властных-извращенных является склонность к деспотизму, стремление к полному и безусловному порабощению чужой воли (гипертрофия власти). Люди эти требуют немедленного, беспрекословного подчинения не только своим законам, целесообразным требованиям, но также и всем своим случайным прихотям и капризам, хотя бы даже противоречивым и иной раз явно бессмысленным. Когда какой-нибудь Кит Китыч (из комедии Островского) грозно допрашивает у трепещущей жены, «чего его нога хочет», или когда купец Дикой (из «Грозы» того же автора) гонит в шею и ругательски ругает всякого, кто ни придет к нему за получением денег, хотя и сам отлично сознает, что выдать деньги можно и должно, — то здесь извращение самоупоенной, нелепосамодурствующей власти ясно само собой, без всяких дальнейших рассуждений. Вместе с тем стремление к безмерному возвеличению своего собственного «я» влечет за собой крайнее тщеславие и самохвальство, а также повышенную обидчивость и нетерпимость по отношению к каким бы то ни было противоречиям. Люди эти совершенно не могут допустить, чтобы кто бы то ни было им указывал или знал бы что-нибудь лучше, чем они сами. В комедии Островского «Тяжелые дни» один из таких Тит Титычей, будучи вынужден, согласно настойчивому требованию поверенного, согласиться на женитьбу сына, сначала гневно обрушивается на поверенного: «Как же ты можешь мне в таком деле указывать?... Дождешься, что я тебя изуродую!» — а потом, видя, что приходится уступать, вдруг совершенно меняет тон: «Да ты почем знаешь, может я и сам хочу женить его... Ты не подумай, что это я тебя послушал! Это я сам. А если б не я сам, не кто б меня на свете»...

Постоянное стремление представителей разбираемого типа проявить как можно ярче свою силу и власть над окружающим порождает в них склонность к издевательству, желание так или иначе унизить всех, кто от них сколько-нибудь зависит. В зависимости от преобладания в характере человека аффективности или рассудочности, особенность эта может сказываться двояким образом. Вспыльчивые, необузданные самодуры, приходящие в неистовство от малейшего противоречия, могут в минуту раздражения смешать человека с грязью и совершить какой-нибудь необычайно грубый и жестокий поступок, — но зато они способны также быстро переменить гнев на милость и, спустя короткое время, не только дружески беседовать с человеком, которого только что оскорбили, но даже оказывать ему знаки внимания и уважения. Упомянутый выше купец Дикой, согласно собствен-

ному признанию, однажды ни за что, ни про что «изругал мужиченка», «так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил», — а потом, по собственной своей воле просил у него прощения и кланялся в ноги: «тут на дворе, в грязи ему и кланялся; при всех ему кланялся». Вообще, несмотря на свою грубость, они по существу не злы, хотя в состоянии раздражения и могут совершить жестокие поступки.

Иное приходится сказать о другой разновидности властных-извращенных, обладающие более спокойным, рассудочным характером. Здесь издевательства становятся уже гораздо более настойчивыми и постоянными, превращаясь в своего рода систему и по своей язвительности, по своему оскорбительному, унижающему действию значительно превосходя те грубые обиды и оскорбления, которые могут наноситься взбалмошными самодурами. Вместе с тем они сопровождаются обычно жестокостью, холодной, обдуманной и способной доходить иногда до крайних пределов; достаточно упомянуть всем хорошо известные имена Аракчеева или памятной в истории крепостного права помещицы Салтычихи, чтобы видеть, до чего может довести извращение власти, не знающей никакого контроля и не имеющей никакой другой цели, кроме издевательства над беззащитными, трепещущими подчиненными. Иногда такие извращенные проявления власти происходят на экономической почве, превращаясь тогда в кулачество, в систематическое, бесжалостное выжимание последней копейки у всякого, кто имел несчастье попасть в широко раскрытые сети подобного субъекта; при этом характерно, что систематическое, беспощадное грабительство обусловливается здесь часто вовсе не необходимостью и даже не размерами получаемой выгоды (которая иной раз бывает совсем невелика), а просто раз навсегда усвоенным, соответствующим общему складу характера способом действий.

Само собою разумеется, что наряду с описанными отрицательными чертами властные-извращенные обладают также и некоторыми положительными качествами, сближающими их с соответствующим чистым типом; однако, таково уж свойство психической извращенности, что под ее влиянием даже положительные свойства характера приобретают, в конце концов, антисоциальное значение. Так, например, люди эти отличаются в своих действиях обыкновенно энергией и настойчивостью,— но чем они энергичнее, тем труднее приходится их подчиненным или семейству, так как с тем большим упорством и силой давят и гнетут они все окружающее. Иной раз у них — как и у представителей соответствующего чистого типа — имеются, наряду с культом своего «я», также и известные правила и принципы (религиозные, общественные и др.), строгое, неуклонное выпол-

нение которых они считают своим долгом; однако, благодаря их формализму (средство превращается в цель, форма заменяет содержание), а также благодаря деспотизму и жестокости, с которыми они требуют от других беспрекословного выполнения всего того, что сами считают необходимым, — эти их правила и принципы не только не приносят пользы общему делу, но, наоборот, являются только лишним — и иногда крайне тяжелым — бременем и помехой для окружающих. Жестокости Аракчеева очень часто обусловливались именно его стремлением всюду проводить, настойчиво и неуклонно, не считаясь ни с какими возражениями и препятствиями, ту холодную, бездушно-формальную муштру, которую он сам совершенно искренно считал главной основой всякого воинского и государственного дела. Богатая купчиха Кабанова (из «Грозы» Островского) требует от своего сына и невестки точного, до мелочей доведенного выполнения различных традиционных обычаев и обрядов, совершенно не считаясь при этом ни с их собственными взглядами, ни с их душевным состоянием в данный момент.

В качестве примера приведем характеристику этой самой Кабановой, представляющей собой довольно яркий образчик разобранного типа.

Марфа Игнатьевна Кабанова (или Кабаниха), богатая купчиха, вдова, уже немолодая, имеет взрослого, женатого сына, который вместе со своей женой живет при ней, и находится у нее в полном подчинении. Властная и настойчивая, она требует от окружающих безусловного повиновения во всем, даже в малейших своих прихотях и капризах. При этом больше всего достается, конечно, сыну, к которому она относится с презрительным снисхождением, держит его как мальчишку и не позволяет сделать буквально ни одного шага без своего разрешения. Даже в наиболее трагическую минуту, когда на сцену вносят труп утопившейся Катерины, и сын бросается к ней с криком: «маменька, вы ее погубили!» — она обрывает его за дерзость («забыл, с кем говоришь!»), обещая дома пробрать его как следует. После признания Катерины начинает строго допрашивать ее о подробностях случившегося и тут же не преминула поставить на вид сыну свою правоту: «Что сынок! Куда воля-то ведет! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!» Вообще она всегда стоит за необходимость самой строгой, доходящей до мелочей опеки и твердой, деспотической власти основанной на страхе. Упрекает молодых, что они, «тоже глупые, на свою волю хотят, а выйдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям»; только старшими дом и держится. Приходит прямо в ужас от слов сына, что ему вовсе не нужно, чтобы жена его боялась, — достаточно, если она будет его любить: «Как, зачем бояться! да ты рехнулся, что ли». Постоянно и совершенно неосновательно попрекает сына за непослушание, за недостаток почтения к ней, за то, что он предпочитает жену матери невестку упрекает за то, что она может в будущем изменить мужу (хотя сейчас нет никаких оснований думать это), что она без приглашения вмешалась в разговор, и т. д. Попреки эти доставляют ей, видимо, немалое удовольствие, развлекая от скуки и заполняя ее свободное время, домашних же они иной раз прямо изводят. Вообще в отношениях к окружающим, особенно домашним, Кабанова всегда недоверчива и сурова, а по временам способна быть и очень жестокой: не верит страданиям Катерины, объясняя

все ее упорством и капризами (вот какое зелье! как она характер-то свой хочет выдержать!»); не только не пускает сына тащить Катерину из воды, но даже после ее смерти запрещает плакать над нею. В своем доме создала такую атмосферу, что, в конце концов, сын спился, невестка почти против воли изменила мужу и покончила самоубийством, родная дочь сбежала из дому с любовником. К посторонним она относится благожелательно, но, в случае надобности, всегда готова немедленно же дать резкий отпор (например, в разговоре с Диким, с Кулигиным). Надо прибавить при этом, что к аффектам, сколько-нибудь интенсивным и глубоким (гнев, страх, восторг, отчаяние) Кабанова, повидимому, совсем неспособна, по крайней мере, в тех условиях, в каких она сейчас находится: в самых трагических случаях (признание Катерины, ее самоубийство) остается совершенно спокойной; осуждает нелепо-аффективные выходки Дикого, рекомендуя ему быть более сдержанным и спокойно-рассудительным; распекая домашних, только для виду напускает на себя раздраженный тон, на деле же остается совершенно хладнокровной. По своим умственным задаткам Кабанова далеко не глупа; так, например, по словам Дикого, она одна во всем городе умеет «разговорить» его, когда он находится в состоянии раздражения. Но в то же время она глубоко невежественна: верит росказням странницы Феклушки о том, что та видела чорта на крыше, что время становится короче и т. п.; ни за что не соглашается поехать по железной дороге. Ее общественные и семейные воззрения всецело проникнуты духом узкого формализма, рутины и крайней нетерпимости: требует при прощаньи от сына и невестки обязательно поклонов в ноги; упрекает невестку за то, что та, проводив мужа, не «воет» на крыльце (хотя бы для виду повыла: все-таки пристойнее!»; доведя невестку до самоубийства, чинно благодарит народ за помощь при вытаскивании тела из воды и т. д.

ЧАСТЬ IV.

Высший уровень.

ГЛАВА I.

Общая характеристика.

1. Основные черты высшего уровня.

Переходя к описанию типов высшего уровня, резюмируем, прежде всего, в нескольких словах те предварительные замечания, которые уже были сделаны по этому поводу в I главе, в связи с общей характеристикой различных психических уровней.

Основным фактором, определяющим принадлежность человека к высшему уровню, является здесь (как и на всех вообще уровнях) общее количество психической энергии, свойственное данному человеку и обнаруживающееся как в его внутренних, душевных переживаниях, так и во внешних действиях и поступках. На высшем уровне этот общий запас психической энергии («психический фонд») достигает своего максимума, что влечет за собой, с одной стороны, необычайное богатство личности, разнообразие и дифференцированность отдельных ее прявлений, а с другой — значительную силу, интенсивность этих проявлений. Вместе с тем необычайно повышается общая сознательность и идейность душевных переживаний, благодаря чему становится возможным создание своего собственного миросозерцания, более или менее законченного и, в то же время, всецело вытекающего из основных характерологических элементов данной личности. Этому способствует также общее усиление координации психических элементов, благоприятствующее так называемому гармоническому развитию или единству личности, — при чем, однако, эту гармоничность следует понимать не в смысле одинакового по степени развития всех основных психических функций, а в смысле общего объединения психических элементов

вокруг одного, более или менее обширного, центра. В результате всего этого представители высшего психического уровня являются, по отношению к окружающей среде, не только приспособленными, но и приспособляющими, стремясь обыкновенно переделать окружающую действительность согласно своим собственным влечениям, потребностям и идеалам; другими словами,— они всегда проявляют, в большей или меньшей степени, способность к творчеству, к созданию новых путей, по которым затем уже следуют за ними все остальные.

Что касается подразделения типов высшего уровня, то оно в значительной степени примыкает к принятому нами на среднем уровне делению по психо-социальным комплексам; в то же время, однако, благодаря выступлению на первый план идейной стороны этих комплексов, их общего смысла и значения для всей вообще человеческой жизни, классификация личностей на высшем уровне превращается уже в классификацию человеческих идеалов и их характерологических разновидностей. В частности, здесь можно различать узкие или, вернее, концентрированные типы и более широкие, разносторонние, — что в значительной степени соответствует чистым и комбинированным типам среднего уровня. Есть здесь также смешанные и даже извращенные типы, — хотя, казалось бы, на высшем уровне следовало ожидать отсутствия этих последних. Оказывается, однако, что известная моральная дефективность, т.-е. недостаточное стремление к поддержанию и повышению своего психического уровня, может быть налицо также и у высокоодаренных людей, что, конечно, ведет в таких случаях почти неизбежно к более или менее быстрому понижению дарования, а иногда даже и к распаду личности.

2. Талант и гений, как выражение принадлежности к высшему уровню.

Вот то общее, что уже было сказано в характеристике типов высшего уровня. Теперь нам необходимо остановиться подробнее на некоторых вопросах, отчасти спорных, отчасти же представляющих для нас особо важное значение. Таким является, прежде всего, вопрос о сущности таланта и гения, так как очевидно, что именно талантливые и гениальные люди должны составить главный, если не исключительный контингент нашего высшего уровня.

Вопрос этот принадлежит, как известно, к числу наиболее спорных и мало выясненных проблем современной психологии, несмотря на то, что уже издавна он привлекает к себе всеобщий интерес и внимание. Причина заключается, с одной стороны, в необычайной сложности, загадочности и многообразии самого

процесса творчества и условий его возникновения; а с другой — в том, что здесь, как в узловом пункте, перекрещиваются между собой самые различные взгляды и миросозерцания, верования, философии и теории. Не вдаваясь в подробный разбор этих теорий (так как это совершенно не может входить здесь в наши задачи) [1]), мы остановимся на двух наиболее распространенных точках зрения, значительно отличающихся друг от друга.

Согласно одной из них гениальная одаренность состоит в наличности у человека какого-то особого, своеобразного душевного качества или способности, сущность которой нам неизвестна и относительно которой можно только делать (и многократно делались) различные предположения. Чаще всего способность эту рассматривают, как творческую фантазию или творческое (комбинирующее) воображение. Если всем остальным своим душевным складом гений может совершенно напоминать окружающих его обыкновенных людей, то эта способность к творчеству сразу и резко выделяет его из окружающей среды, давая возможность подыматься на такие высоты, которые совершенно недоступны обыкновенным смертным. Некоторые исследователи заходят в этом отношении так далеко, что считают возможным проводить резкую, непереходимую границу даже между гением и талантом. В то время как талант, по их мнению, только объединяет и представляет в яркой, образной форме (или же осуществляет, проводит в жизнь) то, что уже было высказано в более или менее разрозненном виде и ранее его, гений, наоборот, идет всегда оригинальными, ему одному присущими путями, открывая людям новые, часто совершенно неожиданные перспективы.

В противоположность этому, вторая точка зрения рассматривает творчество гения, как результат общей высоты и мощи его духовной организации, сводя, таким образом, дело не столько к качественным, сколько к количественным различиям. Согласно этой теории богатство и напряженность душевной жизни у гениального человека значительно превосходит все то, к чему способны люди обыкновенные, и на этой именно чисто количественной разнице и основывается превосходство гения. Таким образом, само собою отпадает предположение о какой-то особой способности, отличающей гения от остальных людей и лежащей в основе его гениальности. Вместе с тем теряются и сколько-нибудь резкие границы между гением, талантом и людьми, просто способными, одаренными в каком-нибудь отношении. Согласно формулировке Левенфельда, «гений представляет только послед-

[1]) Сжатое изложение их можно найти, между прочим, у Левенфельда. «О духовной деятельности гениальных людей». Русский перев. 1904 г.

ний член целого возрастающего ряда различных степеней одаренности, друг от друга резко не отделяющихся» [1]). Господствующая в современной биологии теория эволюции, с ее отсутствием резких скачков и непереходимых граней, ее рядом все повышающихся ступеней обще-биологической лестницы, ясно проглядывает во всей этой концепции.

Нетрудно заметить, что общее построение нашей классификации личностей совершенно естественно и неизбежно приводит нас к признанию правильности второй точки зрения. Не говоря уже о непрерывности восходящего ряда, о постепенности переходов от низшего уровня к высшему, — самые критерии, установленные нами для определения принадлежности человека к высшему психическому уровню и прямо вытекающие из общих принципов нашей классификации, в то же время вполне соответствуют тем особенностям, которые считаются характерными для людей талантливых и гениальных. Разберемся в них несколько подробнее.

Богатство душевной жизни у людей выдающихся сказывается не только в их произведениях, но зачастую также в повседневной, обыденной жизни. Исследователями неоднократно отмечалась та щедрость, доходящая иной раз до расточительности, с которой гений, не ограничиваясь ведущимися одновременно серьезными работами, оставляет блестки своего дарования буквально на всем, к чему бы он ни прикоснулся: какая-нибудь мелочь, пустяк, минутное развлечение или незначительный разговор дают нередко повод к созданию настоящей художественной миниатюры или к построению гипотезы, хотя и не имеющей (вследствие маловажности предмета) существенного значения, но по своему остроумию стоящей наряду с лучшими произведениями данного мыслителя. Оттого-то, между прочим, и письма гениальных людей бывают зачастую полны такого глубокого, захватывающего интереса. Духовные запасы здесь слишком обильны для того, чтобы приходилось экономить их или опасаться слишком быстрого их истощения.

Но наиболее ярко это духовное богатство гения обнаруживается, конечно, в его произведениях. Очень часто можно бывает без преувеличения сказать, что одной - двух работ гениального ученого, писателя, композитора, работ, не принадлежащих даже к числу наиболее характерных и выдающихся — достаточно было бы для рядового профессионального работника, чтобы приобрести себе известность и составить имя. А гений, не довольствуясь этим, затрагивает все новые и новые вопросы, захватывает все новые области. Достаточно напомнить имена

[1]) L. c., стр. 13.

Пушкина, Л. Толстого, Леонардо-да-Винчи, Ньютона, Гельмгольца, Пастёра. В то же время, благодаря необычайной по своему объему апперцепции (т.-е., в конечном счете, тому же духовному богатству личности), люди эти в каждом, даже незначительном на первый взгляд вопросе или явлении умеют найти много важного и интересного. Этим именно и обусловливается, как известно, то обстоятельство, что нередко самые незначительные поводы служили у них толчком к великим открытиям.

Не менее велика у людей гениальных также и интенсивность душевных процессов и переживаний. История человеческого творчества полна примерами того, какое огромное душевное напряжение или какое необычайное общее возбуждение испытывали многие выдающиеся люди в моменты наиболее сосредоточенной и плодотворной их работы. Нередко, совершивши какое-нибудь важное открытие или создавши в короткий срок одно из вечных произведений искусства, они впадали затем на некоторое время в состояние полного изнеможения, — так велика была общая затрата психической энергии. У одного из вдумчивых и обстоятельных (хотя и несколько односторонних) исследователей научного творчества, В. Оствальда, мы находим даже следующие, прямо-таки жестокие строки: «Кто вкусил пленяющей прелести научной работы, тот знает, что она тем вернее исключает всякую заботу о здоровье и силе, чем она плодотворнее. Так, каждое важное открытие оплачивается человеческой жизнью, умирает ли творец немедленно или же остается жить калекой, — последний случай еще жесточе. В этом отношении природа так же безжалостна по отношению к индивидууму в пользу рода, как вообще во всех других отношениях [1]). Если, быть может, и нельзя согласиться с этим чересчур крайним мнением, то все-таки приходится признать, что гениальная работа требует подчас крайнего напряжения всех духовных сил человека.

Само собой разумеется, что в зависимости от общего склада данной личности напряжение может захватывать по преимуществу те или другие стороны душевной жизни. В то время, как например, у философа или математика преобладает спокойное, сосредоточенное абстрактное мышление, художник может испытывать в моменты своего наивысшего подъема необычайное эмоциональное возбуждение, а практические деятели (общественники, администраторы) вынуждены бывают напрягать всю силу своей воли для преодоления многочисленных препятствий, встречающихся на их дороге. Вспомним те моменты, далеко нередкие в жизни каждого выдающегося правителя, полководца, обще-

[1]) Вильгельм Оствальд. Великие люди. Русск. перев. 1910 г., стр. 381.

ственного деятеля, когда все складывалось, казалось бы, против него, когда он оставался почти один, покинутый друзьями, окруженный врагами, и когда, благодаря, главным образом, своей железной воле и настойчивости, он, в конце концов, выходил из этого положения победителем.

Не нужно забывать также и того, что усиленное напряжение, о котором идет речь, далеко не всегда бывает кратковременным, а нередко продолжается почти непрерывно днями и неделями, иногда даже месяцами и годами. Лейбниц, как говорят, по несколько дней мог оставаться в кресле почти без движения, весь погруженный в свои размышления [1]); Ньютон, занятый решением космических вопросов (приведших его, в конце концов, к созданию теории всемирного тяготения), в течение нескольких лет не мог заниматься серьезно ничем другим, будучи вынужден почти совершенно забросить все свои личные повседневные дела и заботы. Выдающиеся политики и государственные деятели вынуждены бывали нередко целыми годами напрягать почти непрерывно всю свою энергию для того, чтобы добиться какого-нибудь крупного успеха. Это обстоятельство служит еще лишним подтверждением того, что интенсивность душевных процессов, рассматриваемая нами в качестве одного из основных критериев высшего уровня, является в то же время и неотъемлемой принадлежностью всех вообще людей гениальных.

Сознание гениальных людей также отличается, несомненно, гораздо большей широтой, ясностью и отчетливостью, чем у людей обыкновенных. Благодаря значительному богатству и разнообразию своих душевных переживаний, а также резко выраженной способности к творческому синтезу (см. ниже), они способны воспринимать, как отдельные впечатления, так и их соотношения и связи несравненно полнее и глубже, нежели остальные люди. Вытекающее отсюда более отчетливое, сознательное понимание жизни и ее проявлений может опять-таки сказываться различно, в зависимости от преобладания у человека того или иного психо-социального комплекса. В науке оно ведет к тому, что человек делается способным устанавливать не только факты и их ближайшую зависимость, но также и те общие законы, которые управляют соотношениями этих фактов. В искусстве оно выражается художественным чутьем или интуицией, никогда не покидающими гениального человека и помогающими ему верно улавливать и оценивать красоту в самых необычайных, казалось бы, ее проявлениях. Наконец, в политике и социальной жизни большая сознательность ведет к той необычайной широте кругозора и политической проницательности, которые всегда харак-

[1]) Цитировано по Рибо. «Творческое воображение», стр. 59.

теризовали выдающихся политических и общественных деятелей, не позволяя им замкнуться в узкие рамки какой-нибудь отживающей доктрины или дать увлечь себя каким-либо скоропреходящим эффектом, в ущерб более важным, хотя бы и отдаленным задачам. Говорят нередко, что гению свойственно предвидение, доходящее иной раз до размеров настоящего пророчества. Это безусловно верное наблюдение объясняется именно тем, что высказываемые гениальным человеком мысли и предположения кажутся более близоруким и не столь проницательным окружающим людям слишком странными, несбыточными, даже дикими, так что последующее затем исполнение их поражает всех своей неожиданностью.

Некоторые сомнения может возбудить, пожалуй, четвертый и последний из установленных нами критериев высшего психического уровня, именно — значительная координация душевных элементов. Известно, что лишь немногие гениальные люди обладали в большей или меньшей степени душевной гармонией, т.-е. той разносторонностью, полнотой и согласованностью психических функций, которая самому человеку, в процессе его работы, доставляет спокойное удовлетворение, а произведениям его придает законченность и гармоническую стройность. У большинства же выдающихся людей всегда можно отыскать те или иные недостатки, доходящие иной раз до очень значительных размеров. Мы знаем гениев односторонних, достигавших необычайной высоты в какой-нибудь одной, сравнительно узкой области и в то же время совершенно беспомощных или резко порочных и в других сторонах своей жизни, знаем гениев заблуждающихся, колеблющихся, неустойчивых, то и дело не выдерживающих того интенсивного, непрерывного напряжения, которое является необходимым условием всякого творчества; знаем, наконец, и таких, которые отличались крайней неуравновешенностью, порывистостью, бросались из одной крайности в другую и, наряду с гениальными произведениями, создавали иной раз очень слабые вещи, или же наряду с пользой приносили человечеству также и большой вред. Именно эти, столь часто встречающиеся дефекты гения и способствовали в значительной степени созданию теории Ломброзо и его последователей о том, что гений есть лишь разновидность эпилептического психоза. И хотя в настоящее время едва ли кто-нибудь станет защищать идеи Ломброзо в их чистом виде, но все же известная тенденция в переоценке роли извращенных и патологических черт в процессе творчества встречается и теперь очень часто [1]).

[1]) См., например, некоторые новейшие работы по этому вопросу, примыкающие к школе Фрейда.

Спрашивается теперь, как согласовать такую дефективность с нашим положением о координации психических элементов? Нам кажется, что значительную неясность в решение этого вопроса вносит то обстоятельство, что здесь смешиваются в одну общую кучу три рода явлений, по существу своему совершенно различных.

Во-первых, под дефектами гения часто подразумевают его односторонность, состоящую в том, что некоторые роды творческой деятельности развиты у него очень слабо или даже совершенно отсутствуют. Мало того: оказывается нередко, что в некоторых отношениях гений отстает даже от обыкновенных, средних людей, обнаруживая почти полную неспособность к той или иной работе, к пониманию того или иного рода искусства и т. п. Так, например, Дарвин очень плохо понимал музыку и имел примитивные литературные вкусы. Даже такой разносторонний гений, как Гёте, «не обладал никаким талантом к математике, и очень скромным—к рисованию: его произведения в последней области, несмотря на большие усилия, были очень посредственными» [1]). Однако, как на это неоднократно указывалось уже и выше, такая односторонность нисколько не противоречит основным принципам нашей классификации. Психическая координация (resp. душевная гармония) заключается вовсе не в том, чтобы все без исключения основные психические функции были развиты у человека в совершенно одинаковой степени. Если бы это было действительно так, то все гении походили бы, как две капли воды, друг на друга; существующее же на самом деле громадное разнообразие их зависит именно от того, что наряду с целым рядом необычайно интенсивных способностей, взаимно между собой связанных и составляющих ядро данной душевной организации, остальные способности могут не превышать обычного среднего уровня. Сущность же психической координации у людей выдающихся сводится (как мы увидим ниже) к тому, что все второстепенные, дополнительные психические функции, развитые выше среднего уровня, тесно объединяются эндо- и и экзо-психически вокруг основного ядра, составляющего, так сказать, сердцевину данного гения, значительно его усиливая и обогащая.

Совершенно иное следует сказать о второй группе относящихся сюда явлений, именно — о психической извращенности гениев, понимая этот термин в том смысле, в каком мы до сих пор его употребляли. К большому несчастию человечества, психическая извращенность встречается не только на низшем и среднем, но также и на высшем уровне, при чем ее проявления

[1]) Левенфельд, 1. с., стр. 33.

могут достигать здесь, благодаря духовной мощи гения (resp. значительному общему запасу его психической энергии), огромных, иногда ужасных по своим последствиям размеров. Относительно причин и признаков психической извращенности здесь не приходится сказать чего-либо нового по сравнению с тем, что уже говорилось выше: тяжелая наследственность, неправильности воспитания, гнетущая среда, подавляющая всякие проявления индивидуальности, порочность и испорченность окружающих, полное отсутствие какого бы то ни было образования, одним словом—все те же, уже знакомые нам условия, мешающие биологически-правильному развитию и проявлению во вне естественных задатков и способностей данной личности. Даже гений далеко не всегда может справиться со слишком уже неблагоприятно сложившимися условиями жизни и или погибает под их тяжестью, или же выходит из борьбы сильно пострадавшим, нравственно, а иногда и умственно искалеченный. Однако, это обстоятельство нисколько не противоречит нашему положению, что высший уровень характеризуется большей координацией психических элементов. Напротив, борьба растущего и развивающегося гения с неблагоприятной средой именно в том и состоит, что он стремится возможно полнее, последовательнее и законченнее развить и проявить в жизни те взаимно между собой связанные (благодаря обще-психическим законам и соотношениям — см. выше) эндо-комплексы, которые составляют его сущность, ядро его личности. И если это ему не удается, если неблагоприятные внешние факторы одерживают верх, вызывая значительное извращение и расщепление личности, то это неизбежно отражается также и на процессе творчества, приводя к постепенному угасанию дарования, а следовательно, и к общему понижению психического уровня. Более подробно об этом будет сказано в специальной главе, посвященной извращенным высшего уровня.

Наконец, третья и последняя группа явлений психической дефективности у людей гениальных заключает в себе уже чисто болезненные, патологические процессы, которые здесь могут встречаться, разумеется, ничуть не реже, чем у обыкновенных смертных. В некоторых случаях (особенно при состоянии психической дегенерации) патологические проявления настолько близко напоминают собой свойства и обнаружения извращенного характера, что трудно бывает обособить их друг от друга. Однако, в значительном большинстве случаев болезненные процессы как по своему течению, так и по общей своей клинической картине существенно отличаются от социально-обусловленных явлений психической извращенности, почему, как нам кажется, и не следует их между собой смешивать. Между тем сторонники

патологической теории гениальности часто грешили тем, что смешивали в одну общую кучу все вообще явления психической дефективности гениев и, подставляя нередко вместо настоящих болезненных симптомов явления психической извращенности или даже описанной выше односторонности гениев, делали отсюда выводы в пользу своей теории.

Из всего сказанного можно убедиться, что установленные нами основные критерии высшего психического уровня вполне совпадают с теми особенностями, которые обычно считаются характерными для людей гениальных. А так как все предшествующее изложение уже показало нам, что невозможно провести резкую границу между высшим и средним уровнями, и что здесь мы имеем дело лишь с целым рядом все повышающихся ступеней общебиологической лестницы, то ясно, что и по вопросу о природе гениальности мы должны стать на ту же самую точку зрения. В частности, приходится признать полную невозможность сколько-нибудь резкого разграничения между гением и талантом, так как разница между ними не качественная, а только количественная. И действительно, сопоставляя сравнительно небольшое число общепризнанных гениев с огромным количеством более или менее выдающихся деятелей в той или иной области, ясно видишь, как много здесь постепенных переходов и насколько вообще шатки и не безусловны критерии гениальности. Недаром имеется так много развенчанных гениев или же гениев спорных, относительно высоты дарования которых исследователи никак не могут согласиться между собой. Все это, как нам кажется, говорит в пользу принятой нами биологически-эволюционной теории гениальности.

3. Творчество, как необходимый признак представителей высшего уровня.

Остается рассмотреть еще вопрос о творчестве, которое, характеризуя собой представителей нашего высшего уровня, в то же время большинством исследователей гениальности считается неотъемлемой принадлежностью гения [1]). Каким образом творческая способность вытекает из разобранных нами только что основных признаков высшего психического уровня?

---

[1]) «Из всех способностей, отличающих исследователя», говорит, например, Оствальд в упомянутой уже выше книге, «самая важная — это оригинальность, т.-е. способность не только воспринимать и усваивать то, что дано, но и создавать что-нибудь самостоятельное» (стр. 3). Стремление всячески оберегать развитие этой творческой способности у даровитых молодых людей заставляет автора резко нападать на современную школьную систему, нивелирующую дарования и подчиняющую их общему шаблону.

Действительно ли повышение этого уровня, достигшее очень значительной степени, естественно и неизбежно влечет за собой ярко выраженное творческое дарование? Для решения этого вопроса нам необходимо остановиться несколько подробнее на самой природе творческого процесса.

Большинство психологов, занимавшихся изучением творчества, видит главную основу его в значительном развитии так называемого творческого (комбинирующего) воображения или фантазии, позволяющей человеку из элементов чувственных восприятий создавать новые представления, которым в действительности ничто не соответствует. Так, например, книга Рибо, одного из наиболее обстоятельных исследователей данного предмета, носит даже прямо название: «Творческое воображение». И хотя автор, не ограничиваясь рассмотрением художественного творчества, посвящает также особые главы «научному воображению, воображению в практической жизни и механике, воображению в области торговли» и т. д., но его работа во всех этих случаях (как показывает уже и самое словоупотребление) сводится не столько к установлению своеобразных отличий, характеризующих собою каждый из этих видов творчества, сколько к отысканию во всех их элементов творческой фантазии. Подобных же воззрений на процесс творчества придерживаются, в общем, также и некоторые другие авторы. Правда, взгляд этот нельзя все-таки считать всеобщим. У Левенфельда, например, мы находим совершенно определенно высказанное мнение, что хотя фантазия и играет очень важную роль во всех без исключения видах творчества, но наряду с ней всегда должно быть налицо и еще одно качество, которое автор называет комбинирующей способностью. К сожалению, автор совершенно не дает нам сколько-нибудь полного определения (или описания) этой способности, ограничиваясь в этом отношении почти что одним термином.

Что касается моего взгляда на природу творческого процесса, то он некоторыми существенными чертами отличается от воззрений других авторов. И хотя подробнее его изложение и обоснование не могут быть, опять-таки, произведены в настоящем сочинении (так как столь важный и запутанный вопрос требует, несомненно, особой, специальной монографии,—что и будет, быть может, сделано впоследствии), но в сжатом виде привести его здесь мне представляется необходимым.

Я считаю совершенно невозможным объяснить творческий процесс деятельностью одной какой-либо психической функции, будет ли это фантазия, или же мышление, воля и т. п.; здесь мы, напротив, имеем дело с процессом гораздо более общего характера, могущим происходить во всех без исключения отделах

нашей душевной жизни, при ближайшем участии любой из основных психических функций человека. По моему мнению, творчество есть лишь одна из разновидностей взаимного приспособления, происходящего между способностью (resp. группой взаимно-связанных способностей) и ее возбудителем, при чем преобладающую роль играет первая.

Вся наша жизнь, душевная и телесная, есть не что иное, как непрерывное упражнение и развитие (прогрессивное или регрессивное) наших способностей, физических и психических, при постоянном и непрерывном воздействии на них соответствующих возбудителей. Без наличности (хотя бы в виде идей и воспоминаний) этих возбудителей, внутренних или внешних, не может произойти в человеке ни один душевный процесс, ни одно психическое переживание. Именно благодаря их постоянному участию и воздействию наши душевные способности получают свое определенное внешнее выражение, свою внешнюю формулировку; именно путем взаимного приспособления и как бы слияния способностей и их возбудителей получается то, что называют внешними или внутренними проявлениями душевных способностей. При этом, те проявления, в которых внешняя среда, с ее фактами и отношениями, с ее важнейшими, основными категориями отражается наиболее полно и отчетливо, образуют в своей совокупности экзо-психику человека (см. выше, ч. 1) [1]).

Ясно, что при таком процессе постоянного взаимодействия и взаимного приспособления, как наша духовная организация, так и находящаяся под ее воздействием (или, что то же, воздействующая на нее) внешняя среда должны постоянно и непрерывно изменяться. Однако, изменения, претерпеваемые при этом обеими действующими сторонами, далеко не всегда будут одинаковы. В одних случаях организм (физический или духовный) и его отдельные стороны, функции оказываются настолько слабыми и неустойчивыми, что легко и при том коренным образом меняют свою деятельность под влиянием всякой сколько-нибудь значительной внешней перемены; приспособление носит здесь, следовательно, по преимуществу пассивный характер. В других случаях, наоборот, мы имеем дело уже с установившейся, окрепшей, достаточно сильной организацией, которая относится к окружающей среде гораздо более активно и не столько приспособляется, сколько сама приспособляет эту последнюю к своим нуждам и потребностям. При этом, благодаря постоян-

[1]) Более подробное рассмотрение вопроса о душевных способностях и их возбудителях см. в моей книге: «Очерк науки о характерах».

ной изменчивости жизненной обстановки, всякий раз получается нечто новое, не бывшее прежде, создаются какие-либо новые, своеобразные проявления. И чем больше было несоответствие между обоими участвующими в деле факторами (организм — среда), чем интенсивнее было напряжение отдельных функций, направленных на преодоление этого несоответствия, тем интенсивнее оказывается акт творчества. Наибольшей интенсивности и полноты достигает он, как уже неоднократно указывалось, на высшем психическом уровне, у людей талантливых и гениальных.

А как же быть с фантазией или творческим воображением? Почему значительное большинство исследователей, занимавшихся вопросом о творчестве, придавали столь важное значение именно этой способности, отодвигая на второй план или даже совершенно игнорируя все остальные? Нам кажется, что причину этого обстоятельства надо искать в следующем.

Среди всех душевных переживаний наибольшей отчетливостью и ясностью для нашего сознания отличаются интеллектуальные, т.-е., с одной стороны, восприятия и образы фантазии, а с другой—продукты мыслительной, логической деятельности. Поэтому работа творческого приспособления, совершаемая нашими душевными способностями по отношению к внешним возбудителям, яснее всего выступает и сознается в тех случаях, когда творчество касается интеллектуальных процессов и их возбудителей, т.-е., главным образом, в научной работе, в философии, математике и т. п. Совершенно иное приходится сказать о творчестве в области чувствований и волевых процессов. Здесь все неясно и смутно, даже тогда, когда речь идет о повторении, в несколько лишь измененном виде, тех проявлений, которые уже и раньше бывали у данного субъекта. Известно, как трудно бывает подчас человеку разобраться в своих чувствах, симпатиях и антипатиях или же проследить в себе сложные, запутанные и переплетающиеся мотивы, порождающие в нем, в конце концов, стремление к той или иной цели. Тем труднее должно быть это, разумеется, в процессе резко выраженного творчества, когда зарождается нечто совершенно новое, очень мало похожее на все, что было прежде, и часто неожиданное даже для самого творца и созидателя. И действительно, даже в области художественного творчества, где все же преобладают представления, но в то же время очень важную роль играют и элементы чувства,—значительная часть творческого процесса происходит или совершенно бессознательно, или же сознается очень смутно и неясно, и только результаты его выступают вполне отчетливо. То же самое следует сказать о великих практических деятелях (государственных людях, организаторах, админи-

страторах и т. п.), которые никогда не разрабатывают наперед своего плана до последних деталей, а всегда намечают ясно лишь общие, конечные цели; затем, уже в процессе самой работы, они проявляют почти непрерывное творчество, руководясь при этом зачастую не столько сознательными рассуждениями, сколько опять-таки своего рода инстинктом, интуицией. Основа этого «инстинкта» или чутье именно и заключается в тех резко выраженных основных эндо-комплексах, которые толкают выдающегося человека на процесс творчества и определяют собой все направление его творческой деятельности.

Однако, если самый процесс творчества в большинстве случаев протекает бессознательно или полусознательно, то результат его должен быть непременно опознан, и притом возможно более ясно и отчетливо. Человеку необходимо знать, к чему он пришел в результате своей напряженной работы и каковы должны быть, на будущее время, отправные пункты его деятельности в данной области. Кроме того, и во время творческой работы, хотя самый процесс творчества и совершается зачастую помимо нашего сознания, но конечная цель или, по крайней мере, важнейшие этапные пункты работы должны сознаваться ясно и отчетливо. В обоих этих случаях помощь интеллектуальных образов и схем является безусловно необходимой. Особенно следует сказать это о ярких, конкретных образах фантазии, которые легко, без труда могут запоминаться и воспроизводиться и ясно, выпукло рисуют человеку, как конечные цели, так отчасти и постепенный ход его творчества. А так как люди вообще склонны переоценивать все ясное, отчетливо формулированное, то и здесь результат принимается за причину, и воображение или фантазия рассматривается в качестве основного фактора всего творческого процесса. В этом именно и заключается, по нашему мнению, причина той переоценки роли творческого воображения, которая, несомненно, имеет место в данном случае. На самом же деле, наряду с воображением не менее важное значение для выяснения и освещения творческой работы имеет во многих случаях также и мыслительная деятельность. Недаром некоторые исследователи считают способность суждения необходимым, а иной раз даже и наиболее важным элементом творческой деятельности.

Этими сравнительно краткими замечаниями по вопросу о талантливости, гениальности и творческом процессе мы вынуждены здесь ограничиться. Думаем, однако, что, несмотря на краткость сделанных указаний, нам все-таки удалось, до известной степени, выяснить как свое отношение к предмету, так и возможность разработки его в духе основных принципов нашей классификации.

4. Человеческие идеалы и их характерологическое значение.

В первой части нами уже было сказано, что идейная сторона личности у представителей высшего психического уровня достигает очень значительного развития и что поэтому классификация личностей превращается на высшем уровне в классификацию общечеловеческих идеалов и их характерологических разновидностей. Для того, чтобы выразить свою мысль полнее и определеннее, мы должны сказать здесь несколько слов о том, как следует понимать, с нашей точки зрения, этот многообещающий и вместе с тем крайне неясный по своему значению термин—«идеалы».

Каких бы взглядов мы ни придерживались относительно зависимости, существующей между абстрактными идеями (отвлеченными понятиями) и единичными фактами или явлениями, одно обстоятельство можно считать все-таки несомненным и общепризнанным, а именно: наряду с бесконечно разнообразными, пестрыми и изменчивыми жизненными явлениями каждый человек склонен признавать также нечто более постоянное, устойчивое, лежащее в основе этих явлений, или, по крайней мере, определяющее их течение и их взаимные отношения. Будем ли мы понимать это нечто, как те же явления, только более устойчивые и общие по своему характеру, или же как законы, общие принципы, выражающие собой последовательный ход этих явлений, или, наконец, как основные категории человеческого мышления, — для нас, в данном случае, это совершенно безразлично. Важно лишь то, что каждый человек склонен сообразоваться не только с отдельными, единичными фактами жизни, но также и с этими, более общими и устойчивыми ее сторонами, придавая им не только не меньшее, но зачастую даже более существенное значение. В общем можно сказать, что чем выше душевный уровень человека, чем большей широтой, интенсивностью и идейностью отличается его психика, тем больше ценит он эти общие принципиальные стороны жизни, тем больше старается сообразоваться с ними, как в своей познавательной деятельности, так и в своих чувствованиях и поступках.

Мы уже знаем, что в зависимости от общего склада своей эндо-психики, т.-е. преобладания тех или иных основных психических функций, каждый человек смотрит на жизнь и относится к жизни несколько иначе, нежели другие люди. Эта же самая причина влечет за собой также и разницу в оценке только что упомянутых общих, основных сторон жизни. Каждый человек обращает особенное внимание, больше всего дорожит и больше

всего сообразуется с теми общими ценностями, которые ближе всего подходят к его эндо-психике, к общему складу его темперамента и характера. Особенно резко сказывается это у представителей высшего психического уровня, стремящихся, как мы уже видели, больше всех других проявить вовне и воплотить в жизни свои основные наклонности и задатки. В результате получается то, что каждый из чистых типов высшего уровня имеет свой особенный идеал, присущий (по крайней мере, в основных чертах) всем представителям данного типа и варьирующийся, более или менее значительно, в своих деталях. По своему составу этот идеал представляет собой сложное целое, заключающее, с одной стороны, основные эндо-стремления данного типа (например, способность к абстрактному мышлению, или развитую фантазию, или склонность к энергичному напряжению воли) а с другой — наиболее полное (адэкватное) внешнее выражение или формулировку этих стремлений при помощи соответствующих им экзо-категорий (деятельности великих философов, художников, полководцев и т. п.). Благодаря характерному для высшего уровня творчеству, все эти отдельные элементы оказываются, в конце концов, настолько взаимноприспособленными друг к другу, настолько слитыми, что в результате получается впечатление полной цельности и гармонического единства.

Кроме этой основной, присущей всякому идеалу, черты, именно—тесного слияния известных эндо-стремлений с соответствующими им экзо-категориями, важно отметить здесь еще две особенности, не менее характерные для того сложного психического комплекса, который мы называем идеалом. Это, с одной стороны, представление о необычайной глубине и интенсивности входящих в этот комплекс стремлений и их внешних выражений, а с другой—яркое и отчетливое (чаще всего образное) воплощение в жизни того, что составляет сущность данного идеала. Никто не назовет, например, идеалом возникшую у практического юноши мысль о том, что хорошо было бы достать небольшую сумму денег и открыть собственную лавочку; но карьера Ротшильда или хотя бы местного миллионера для него, несомненно, представляется уже идеалом. Идеальное всегда или грандиозно по своим размерам (власть, могущество, величие духа в борьбе с несчастиями), или же несравненно, непревосходимо в качественном отношении (красота художественных произведений, тонкость абстрактной мысли); в том и другом случае оно близко подходит к конечным, абсолютным ценностям и часто даже в представлении данного субъекта вполне совпадает с ними. Вместе с тем эти абсолютные ценности мыслятся нами в идеале обычно не как абстрактные понятия, а как конкретные, живые образы, взятые прямо из жизни и наглядно показы-

вающие, как может воплотиться в жизни и в людях то, что мы считаем наиболее ценным и желательным. Именно благодаря своей наглядности и образности идеалы способны бывают возбудить в человеке величайшее воодушевление, сильнейшую эмоциональную реакцию; никакая абстрактная схема не могла бы достигнуть такого результата.

Еще одна, также характерная особенность всякого идеала: в нем все гармонично, согласовано, лишено тех часто неустранимых дефектов и противоречий, которыми полна обыденная, повседневная наша жизнь. Устраняя из идеала все изменчивые, случайные, мешающие элементы, мы склонны бываем оставлять в нем только такие стороны, которые неизбежно, логически необходимо вытекают из главного ядра или сущности данного идеала, составляя вместе с ним одно общее, гармонически построенное целое. Оттого-то изображения идеальных героев в руках неумелых или бездарных писателей или художников кажутся нам часто (и не без основания) выдуманными, неестественными и далекими от действительности. Однако жизнь, этот величайший из всех художников, умеет сочетать идею с фактами, вечное с изменчивым, разнообразие с гармонией, и в лице великих, гениальных людей дает нам яркие образцы идеальных ценностей, воплощенных в живые, человеческие личности.

Итак, под идеалом мы будем в дальнейшем понимать самостоятельно выработанное или усвоенное человеком представление о возможно более адэкватном, полном гармоничном воплощении в жизни преобладающих у него (resp. у его типа) основных эндо-психических склонностей или способностей при помощи соответствующих им экзо-категорий [1]).

В обыденном, недостаточно точном словоупотреблении термину «идеал» придают часто различное значение. В одних случаях этим именем называют чисто внешние, материальные объекты или условия, необходимые, по мнению человека, для полного осуществления его стремлений: огромное богатство, высокое социальное положение, та или иная обстановка и т. п. В других

[1]) Таким образом, условно принимаемое автором значение понятия «идеал» резко отличается от общепринятого, оценочного, которое имеет совершенно различное содержание в различной социальной среде. То, что иногда в условиях одной социальной среды является идеалом, в других условиях не только утрачивает значение идеальной ценности, но и, разоблачаясь в своей истинной сущности, встречает противоположную оценку (например, религия или личная власть в условиях материалистической идеологии коммунистического общества). «Идеал» автора лишен этого общественно-идеологического оценочного смысла и имеет значение лишь вспомогательного понятия. Ред.

случаях речь идет о продуктах человеческой деятельности, выражающих собой те или иные идеальные ценности, художественные произведения, научные трактаты, религиозные и философские системы. Наконец, в-третьих, многие люди склонны считать своим идеалом того или иного человека, историческую личность, воплотившую в себе в ярком, законченном виде самые глубокие, интимные их стремления и задатки. Как ни различны, на первый взгляд, эти понимания, однако, сопоставляя их с нашей формулой, нетрудно заметить, что все они логически между собой связаны, составляя лишь отдельные стороны одного общего сложного понятия.

Из всего сказанного можно видеть, что представители нашего высшего уровня (по крайней мере, «чистые», так как относительно извращенных дело обстоит несколько иначе) многими своими чертами чрезвычайно близко подходят к понятию идеала: необычайная интенсивность и полнота душевной жизни, близкое соответствие между эндо- и экзо-психикой, наконец, душевная гармония, взаимная согласованность отдельных способностей и стремлений, объединенных вокруг одного центрального ядра личности, — все эти признаки характеризуют собой, как мы уже видели, людей выдающихся и заставляют все остальное человечество смотреть на них, как на идеал, как на образцы, достойные удивления и подражания.

Надо сказать, однако, что человечество ценит не только духовную мощь и красоту гения, но также (и часто в гораздо большей степени) продукты его деятельности, те блага, которые ему удалось создать или доставить людям. Очень часто, превознося или обожествляя какого-нибудь гениального проповедника, реформатора, мыслителя, художника и т. п., поклонники имеют в виду не столько их идеальные душевные качества, сколько высоту совершенного ими подвига, красоту или величие оставленного ими наследия. И, как это ни покажется, быть может на первый взгляд странным, мы должны, однако, признать, что они правы не только с утилитарной, но и с психической точки зрения. Уже в первой части нашей работы упоминалось о том, что значительная идейность представителей высшего психического уровня заставляет их сплошь и рядом жертвовать собой ради дела, всю свою душу вкладывая в возможно более совершенное его выполнение. Только в таком полном, беззаветном служении людям, идее, любимому делу гениальный человек и может развернуть ad maximum всю свою духовную мощь, все свои душевные силы.

Если вдуматься в это обстоятельство, то получается вывод, поражающий вначале своею странностью. Когда речь шла о характеристике низшего психического уровня, то нами осо-

бенно подчеркивалась неспособность этих людей противиться влиянию окружающей среды, благодаря чему внешний отпечаток, накладываемый на них воспитанием и условиями жизни, оказывается обычно для них более характерным, чем личные, индивидуальные особенности. Только на среднем уровне, обладающем более крепкой эндо-психикой, возможно более близкое согласование внешнего выражения личности с ее внутренними, индивидуальными стремлениями, что достигается соответственным выбором профессии, рода занятий и т. д. И вот оказывается, что на высшем душевном уровне, обладающем наибольшей полнотой духовных сил и наиболее ярко выраженной индивидуальностью, мы как будто бы опять возвращаемся к характерному признаку низшего уровня: человек рассматривается, оценивается и характеризуется здесь не столько по своим внутренним душевным качествам (эндо-психики), сколько по своим экзо-психическим проявлениям, по выполненному им делу, зависевшему, очевидно, в очень значительной степени не только от него, но также от исторических, экономических, социальных и других чисто внешних условий. Однако, противоречие это только кажущееся и причину его уяснить себе нетрудно. Нужно лишь вспомнить о том, что именно на высшем психическом уровне человек в наибольшей степени стремится (и притом, в большинстве случаев, с успехом) найти себе такое поле деятельности, которое возможно ближе соответствовало бы основным его стремлениям и задаткам, — хотя бы для достижения этой цели пришлось много бороться и многое вытерпеть. Благодаря этому, то дело, которому человек добровольно отдает здесь все свои душевные силы, является как раз наиболее полным и адэкватным выражением его личности, так что, чем глубже и беззаветнее он ему отдается, тем шире и интенсивнее развертывается его эндо-психика. Человека здесь нельзя отделить от его дела, и, разбирая и анализируя это дело, мы тем самым научаемся понимать и ценить его творца и созидателя.

5. Значение второстепенных черт личности на высшем уровне.

В связи с упомянутой уже естественной склонностью чистых типов высшего уровня к гармоническому объединению второстепенных элементов личности вокруг преобладающего общего центра, необходимо упомянуть здесь еще об одной интересной их особенности, очень важной для дальнейшего подразделения этих типов и их разновидностей. Оказывается, что, благодаря необычайному общему богатству и интенсивности душевной жизни, некоторые второстепенные элементы эндо-психики могут достигать здесь очень значительного развития, так что в общей

характеристике человека, в определении его внешней, социальной физиономии (экзо-психика) эти второстепенные элементы играют столь же, а иногда даже и более важную роль, нежели главные. Если мы вспомним и сравним между собою, например, характеристики и художественную деятельность Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело, то их общая, основная черта, именно— необычайно развитое творческое воображение почти совершенно не принимается нами во внимание, как нечто неизбежное, само собою разумеющееся; на первый же план выступают те более второстепенные (по степени своего развития) особенности эндо-психики, которые, однако, накладывают характерный, индивидуальный отпечаток на все их творчество, делая их столь противоположными друг другу: с одной стороны — крайняя аффективность, порывистость, необычайная энергия, уверенность в себе и быстрота работы (Микель-Анжело), с другой — склонность к тихому, неторопливому созерцанию, вдумчивость и глубина художественной мысли (Леонардо-да-Винчи). Или, если мы возьмем деятелей из области государственной и политической жизни, то Гладстон и Бисмарк представят собой два не менее ярких примера: оба они обладали в высокой степени тем практическим складом ума, соединенным с значительной широтой умственного кругозора, и той необычайной энергией и настойчивостью, которые необходимы для всякого выдающегося государственного деятеля; и тем не менее, мягкость и человеколюбие Гладстона делают, как его самого, так и всю его государственную и политическую деятельность прямо противоположными тому, что мы находим у жестокого и чересчур реалистически настроенного Бисмарка. Иногда такими второстепенными и, тем не менее, определяющими общую физиономию человека чертами являются какие-нибудь чисто внешние особенности или привычки, возникшие благодаря случайному стечению обстоятельств и, вследствие многократного и длительного повторения, укоренившиеся в человеке и придающие своеобразный отпечаток всей его деятельности: пессимизм философа или поэта, обязанный своим происхождением болезни, несчастной любви или неудавшейся карьере, предпочтение тому или иному роду искусства, усвоенное еще в детстве в связи с условиями воспитания и окружающей обстановкой, и т. д. Однако, такие чисто внешние, экзо-психические элементы личности, если только они не находят себе достаточно сильного отзвука в эндо-психике, не могут особенно сильно влиять на творчество и, во всяком случае, не имеют того преобладающего значения, которое биографы великих людей склонны нередко им приписывать.

Если, таким образом, в характеристике отдельных представителей высшего психического уровня существенную, опреде-

ляющую роль играют не только преобладающие, наиболее интенсивные, но также и некоторые второстепенные элементы эндопсихики, то очевидно, что разнообразие личностей должно быть здесь гораздо большим, нежели на среднем уровне, не говоря уже о низшем. Гениальные люди отличаются всегда резко выраженной индивидуальностью, и в характеристике каждого из них мы непременно встречаем какие-нибудь существенные черты, не похожие на близких ему по духу гениев. Недаром творчество является одним из главных, наиболее отличительных признаков гения. Из этого, однако, вовсе не следует, чтобы на высшем уровне нельзя было вообще установить никаких типов и группировок, чтобы тут оказались совершенно бесплодными все те установленные нами критерии качественных подразделений, о которых подробно говорилось выше; многообразие и сложность явлений отнюдь не освобождают их от действия известных основных законов (в данном случае — психологических), а только заставляют нас, при анализе каждого отдельного случая, считаться с гораздо большим количеством фактов и взаимно перекрещивающихся условий.

Основные, исходные принципы качественного деления будут здесь, в общем, те же, что и на среднем уровне: так же, как и там, на первый план выступает деление по психо-социальным комплексам, при чем и самые комплексы, по своему содержанию, в значительной степени соответствуют комплексам среднего уровня. И это вполне понятно. Гениальность и талантливость, как уже сказано было выше, вовсе не представляют собой какого-то особого дара, совершенно не похожего на все то, с чем мы встречаемся у остальных людей, а наоборот, являются лишь следствием необычайно полного и интенсивного развития основных психических задатков и способностей, присущих всякому вообще человеку. Гений вырастает из обыкновенного человека, а не присоединяется к нему, как нечто добавочное. А раз это так, то и основные типы и разновидности людей высокоодаренных должны сохранять в себе известные черты, связывающие их с соответствующими типами среднего уровня.

Однако, само собою разумеется, что наряду со сходством здесь имеются также и очень существенные различия, обусловленные все теми же неоднократно упоминавшимися чертами, отличающими собой высший уровень от среднего. Наиболее существенные отличия сводятся к следующему: во-первых, благодаря значительной идейности представителей высшего уровня и выступлению у них на первый план экзо-психики (см. выше), классификация личностей превращается здесь в классификацию главнейших человеческих идеалов и их разновидностей; во-вторых — центр тяжести переносится здесь из основных групп (не предста-

вляющих собой, по сравнению с типами среднего уровня, ничего особенно нового) в их подразделения, раскрывающие перед нами все богатство и разнообразие творческих индивидуальностей.

Если на среднем уровне мы различали ученых, художников, администраторов, вообще — представителей различных профессий и родов занятий, у которых избранная ими профессия или занятие как раз соответствуют основным чертам их эндопсихики, то здесь основные критерии подразделения отличаются уже гораздо большей глубиной и общностью; взамен профессий, заключающих в себе, все-таки, слишком много случайных и частных (специальных) элементов, здесь выступают на первый план наиболее основные, идеальные экзо-стремления людей, как, например, интерес к знанию, потребность в красоте, стремление к власти и т. п. Общая конструкция каждого отдельного типа определяется не столько специальными условиями и особенностями профессии, сколько теми вечными, основными законами природы, искусства, морали, социальных отношений, с которыми каждый гениальный человек инстинктивно сообразует всю свою деятельность.

Вместе с тем, внимание наше, при описании и изучении каждого отдельного типа, сосредоточивается здесь не столько на главном, преобладающем стремлении, определяющем собой принадлежность человека к данному типу, сколько на тех, хотя и добавочных, но значительно развитых эндо- и экзоэлементах, которыми определяются важнейшие модификации и разновидности данного типа (см. хотя бы приведенное выше сопоставление между Микель-Анджело и Леонардо-да-Винчи или между Гладстоном и Бисмарком). При этом нам придется, между прочим, отметить, что на высшем уровне, так же как и на среднем, существуют, с одной стороны, более узкие, концентрированные, а с другой — более широкие, комбинированные типы; однако, благодаря значительному общему богатству духовной жизни, свойственному не только широким, но и наиболее концентрированным представителям высшего уровня, деление это не может быть проведено здесь с той резкостью и отчетливостью, как на среднем уровне.

Насколько существенное значение для характеристики типов высшего психического уровня представляют некоторые второстепенные элементы эндо-психики, может свидетельствовать хотя бы та важная роль, которая иными авторами отводится такой, казалось бы, незначительной в данном случае черте, как быстрота или медленность умственных процессов. Еще Рибо, в упомянутой выше книге, различает две главных, основных формы творческого процесса: интуитивную или сокращенную,

при которой как подготовка творческого процесса, так и его осуществление (т.-е. воплощение в соответствующие внешние формы) происходят сравнительно быстро, с значительным участием бессознательной деятельности, — и комбинирующую, гораздо более продолжительную, требующую настойчивого труда и упорной, систематической разработки вопроса. В зависимости от этого он противопоставляет друг другу следующие два типа исследователей: во-первых — «умы стремительные, отличающиеся особенно в замысле, дающие почти все сразу; работа преимущественно бессознательная, действия быстрые»; во-вторых — «умы с развитою логикою, отличающиеся особенно в развитии вопроса, отличающиеся преимущественно терпением; работа преимущественно сознательная; действия медленные» (стр. 124—129).

Приблизительно то же самое различие, только под особым названием, устанавливает Оствальд в своей книге о великих людях. Всех выдающихся деятелей науки он делит на две группы — классиков и романтиков. Первые отличаются медленностью, вторые — быстротой умственных процессов, при чем это основное различие накладывает свой отпечаток на всю их научную и учебную деятельность. Классики медлительны и тяжеловесны в своих работах, склонны по много раз поправлять и переделывать их, чтобы придать им возможно более совершенную, законченную форму. Осторожные, нерешительные, они предпочитают работать в одиночестве, будучи готовы скорее годами и десятилетиями держать под спудом свои открытия, нежели сообщить их другим в незаконченном виде. Такая замкнутость делает их плохим ипреподавателями и популяризаторами, лишая, таким образом, возможности создать себе значительное количество учеников и образовать собственную школу. В противоположность этому, романтики работают быстро, отличаясь, вследствие этого, значительно большей плодовитостью, но зато и большей поверхностностью: в то время как классик намеренно ограничивает свою тему, стараясь возможно более углубиться в нее, исследования романтика характеризуются, по преимуществу, обилием и разнообразием затронутых тем и вопросов. Вместе с тем романтики гораздо более подвижны, экспансивны, обладают нередко даром блестящего изложения и способны как сами воодушевляться, так и воодушевлять других, заражать их интересом к своему предмету. Поэтому они имеют гораздо более широкую аудиторию и большее количество учеников и последователей. В науке романтики обыкновенно революционны, интересуются по преимуществу мало исследованными областями, стремясь открыть в них новые широкие перспективы, в то время как классики пользуются, большею частью, уже

готовым материалом, создавая из него стройное, законченное целое (лекция XI).

Нам кажется, что Оствальд не совсем прав, стараясь вывести все эти различия из одной только большей или меньшей быстроты умственных процессов. Скорее можно было бы, пожалуй, согласиться с его же мнением о том, что основа всего заключается здесь в преобладании сангвинического или флегматического темпераментов (что касается холерического и меланхолического темпераментов, то Оствальд считает их лишь болезненным преувеличением двух первых), так как темперамент представляет собой уже целый психо-физиологический симптомо-комплекс, в значительной степени определяющий общую конструкцию личности. Сопоставляя это деление с нашей классификацией, нетрудно заметить, что романтики основными своими чертами близко напоминают наших аффективных, аффективно-деятельных и отчасти энергичных, тогда как классиков можно встретить, по всей вероятности, особенно часто между нашими рассудочно-деятельными и чисто-интеллектуальными типами. В применении же к выдающимся деятелям науки, у которых, несомненно, наиболее сильно развита интеллектуальная одаренность, речь идет, очевидно, не о чистых аффективных, энергичных и т. п. типах, а лишь о значительном развитии у интеллектуального типа тех или иных аффективных, волевых и других добавочных эндо-элементов.

Согласно общему построению нашей классификации, основные принципы деления на всех трех уровнях остаются, по существу, одни и те же. Великие люди и их дарования не являются сверхъестественным путем откуда-то извне, а возникают и широко развертываются на почве обыкновенных, средних человеческих типов, со всеми их достоинствами и недостатками, а зачастую также с их слабостями и пороками. И если свойственный гениям громадный запас нервно-психической энергии крайне расширяет область их душевных проявлений, придавая этим последним необычайное богатство, яркость и сознательность, а также служит постоянным, неисчерпаемым источником столь характерного для гениев творчества, — то большинство этих черт скорее присоединяется к общей характеристике тех или иных типов среднего уровня, усложняя их и дополняя и лишь в более редких случаях видоизменяя и переделывая.

Таким образом, и на высшем уровне мы встретимся с типами чистыми, у которых, вследствие благоприятных условий воспитания и жизни, природные их дарования развились наиболее полным и адэкватным образом, извращенными, представляющими собой печальную картину того, как могут ослабеть или извратиться проявления таланта или даже гения под влиянием

тяжелых, неблагоприятных внешних условий, и, наконец, со смешанными, жизненные проявления которых как бы делятся, образуя два разных комплекса, очень мало между собой связанных. Что касается описанных нами на среднем уровне комбинированных типов, то здесь они сливаются с чистыми, так как благодаря значительному богатству личности у представителей высшего уровня, каждый из них является, в сущности, комбинированным: каждый обладает, наряду с главным, наиболее интенсивным комплексом, также одним или несколькими добавочными, сливающимися с основным комплексом в одно гармоничное целое. Если этих добавочных комплексов несколько и они значительно развиты, то мы получаем широкие типы, в противном случае — более узкие, концентрированные (см. выше).

ГЛАВА II.

Чистые.

Основу чистых типов высшего уровня составляют те же психо-социальные комплексы, что и на среднем уровне. И здесь также значительное преобладание мыслительной деятельности, или развитого воображения, или волевой энергии, или каких-либо других сторон нервно-психической организации, найдя себе благоприятную почву в соответствующем занятии или профессии, дает типы великих ученых, художников, полководцев и т. п. Однако, свойственное гениям богатство душевной жизни, в связи с всегда имеющимися налицо элементами индивидуального творчества и склонностью к объединению, накладывает своеобразный отпечаток также и на самую группировку типов высшего уровня и их разновидностей.

Как уже было только что сказано, всякая личность высшего уровня является в большей или меньшей степени комбинированным типом, включая в себя, наряду с основным, преобладающим психо-социальным комплексом, также один или несколько добавочных, хотя и менее резко, но все же достаточно отчетливо выраженных. Так, например, великий мыслитель, философ может обладать также значительно развитым поэтическим дарованием (Джордано Бруно), замечательный художник может отличаться горячей любовью к родине и человечеству (Виктор Гюго), чуткий и сострадательный филантроп оказывается в то же время гениальным организатором и творцом новых форм хозяйственной жизни (Роберт Оуэн) и т. д. Вместе с тем, благодаря присущему всем великим людям стремлению к концентрации, к объединению своих сил и способностей на том деле, которое они считают задачей своей жизни, эти различные комплексы

приходят в тесную связь между собою. Будучи направлены с разных сторон на одну и ту же общую цель, участвуя каждый по своему в ряде творческих актов данного гения, комплексы эти, в конце концов, так тесно переплетаются между собою, что образуют одно общее, неразрывно связанное целое. Все важнейшие душевные особенности гения неизбежно находят себе выражение в его произведениях. Философ-поэт создает миросозерцание, с одной стороны — глубоко продуманное и логически — стройное, а с другой — поражающее нас широтой размаха и яркостью образов, поэт-гражданин вкладывает в свои художественные произведения горячий протест против несправедливостей современной ему жизни, филантроп-организатор создает новые, улучшенные формы социального устройства и т. п. В результате получается та, подчас очень обширная и сложная, но в то же время прочная в своем внутреннем единстве группа экзо-проявлений, которую, вместе с соответствующими ей эндопсихическими особенностями, мы и можем считать ядром данной индивидуальности.

Итак, мы видим, что главная основа или ядро личности у представителей высшего уровня отличается, прежде всего, значительно большей сложностью, чем у соответствующих им типов среднего уровня. Вместе с тем, центр тяжести здесь уже решительно переносится на экзо-психику, так что именно в экзопроявлениях, т.-е. главным образом, в созданиях гения ищем и находим мы наиболее яркую характеристику его личности; эндо-психика, вполне соответствуя экзо-психике, составляет лишь естественную подоснову этой последней. Что касается, наконец, того сложного, внутренне-связанного сочетания экзо- и эндо-проявлений, которое мы назвали ядром личности, то, анализируя его, мы здесь уже не можем, как на среднем уровне, выделить какой-нибудь один, сравнительно простой психосоциальный комплекс (например, продуктивное воображение — художественное творчество, или волевая энергия — склонность повелевать), которым и характеризовались бы все представители данного типа; добавочные комплексы (различные у разных представителей одного и того же типа) настолько тесно, органически срастаются с главным, основным комплексом, что мы вынуждены всякий раз рассматривать их вместе, как одно неразрывное целое. Поэтому изучение отдельных типов высшего уровня неизбежно сведется к изучению важнейших их разновидностей, что, в свою очередь, еще раз свидетельствует о том своеобразии и индивидуальной неповторяемости гения, которые уже не раз подчеркивались выше.

Если мы не можем, таким образом, даже пытаться исчерпать все важнейшие разновидности каждого отдельного типа высшего

уровня, то зато есть возможность наметить, по крайней мере, тот путь, каким происходит деление типа на его разновидности. Путь этот состоит, как уже сказано, в соединении главного, основного эндо-экзо-комплекса данного индивидуума с другими добавочными, также важными и существенными по своему содержанию комплексами. В виду этого рассмотрение различных типов высшего уровня будет производиться нами следующим образом: взявши нескольких, несомненно, выдающихся, всеми признанных представителей того или иного типа (великих мыслителей, художников, общественных деятелей, полководцев и т. п.), мы будем анализировать личность каждого из них, с целью выяснять те важнейшие психо-социальные комплексы, которые образуют в своей совокупности психический остов данной личности, делая ее своеобразной разновидностью разбираемого типа. Что касается содержания этих сравнительно простых психо-социальных комплексов (являющихся, таким образом, как бы составными элементами для постройки типов высшего уровня), то они, как мы увидим дальше, окажутся, в большинстве случаев, теми же, что и на среднем уровне; и только их синтез, возникающий благодаря необычайному богатству душевной жизни гения и огромному запасу нервно-психической его энергии, дает в результате то новое и своеобразное, чем высший уровень отличается от среднего.

Материалом для изучения типов высшего уровня служили нам исключительно биографии великих людей разных времен и народов, при чем мы старались выбирать для этой цели только таких лиц, жизнь которых исследована в настоящее время достаточно полно и основательно. В виду невозможности исчерпать все теоретически допустимые разновидности различных типов мы решили ограничиться для каждого типа приведением лишь нескольких разновидностей, казавшихся нам особенно характерными.

Так как классификация типов высшего уровня является, вместе с тем, и классификацией человеческих идеалов (см. выше), то и самые названия типов были нами соответствующим образом изменены по сравнению с аналогичными им типами среднего уровня.

1. Общественность.

Тип общественника, которого мы встречаем на среднем уровне, углубляется, и проявления его объединяются руководящей идеей на высшем. Если на среднем уровне общественность проявляется инстинктивным стремлением к соприкосновению с себе подобными и взаимодействию с ними, то здесь общество

является осознанной целью, благо коллектива определяющим моментом и задачей деятельности личности. Средний уровень характеризуется следованием общепринятым взглядам, здесь же мы встретим смелую самостоятельность мнений и взглядов. Творческая инициатива делает представителей высшего уровня руководителями общественных движений, подчиняя им народные массы. Тип общественника здесь, так же как и на среднем уровне, обладает высокоразвитой аффективностью, легко возбудимой, отличающейся здесь характером большей глубины и постоянства, регулируемой как развитием интеллекта, так и сознанием ответственности их обычно высокого общественного положения. Мышление имеет по преимуществу конкретный характер; научные интересы отличаются часто прикладным характером. Развитие волевой сферы направляется по преимуществу в сторону высших волевых актов, выражаясь в творческой деятельности и инициативе. В центре всего мироотношения лежит наклонность служить благу общества. Проблема взаимоотношения индивидуума и коллектива решается в пользу последнего. Благо общества признается выше блага отдельной личности. Личные потребности ограничиваются: представители этого типа в личной жизни часто скромны и неприхотливы. События общественной и политической жизни вызывают в них живую реакцию. Ставя выше всего благо большинства, они естественно тяготеют к демократизму.

В жизни они представляются тем, что принято называть безупречно-честными людьми, бескорыстными и самоотверженными. В труде и в собственности склонны к коллективизму к общности имущества, кооперации и т. д. Будучи идеалистами, оставаясь близкими к жизни, они не могут не придавать большого значения материальным сторонам жизни, необходимым для общественного благосостояния и процветания; поэтому их социальные воззрения имеют реалистически-материалистический характер. Одну из ярких форм выражения находит этот тип в лице так называемых народных вождей, из которых здесь будет рассмотрен Дж. Гарибальди.

Прежде всего в личности Гарибальди бросаются в глаза черты аффективно-активного типа с неиссякаемыми источниками импульсов к деятельности, напряженной и неутомимой. Вся деятельность его протекала в обстановке реальной жизни, жадность к новым событиям которой сам Гарибальди отмечал у себя. Этим объясняется отчасти и разнообразие форм его деятельности, то воина, то политика, то моряка, то учителя и т. д. Все эти внешние разнообразные проявления ни в какой мере не нарушали единства его деятельности. Отзывчивый и добрый, не раз, рискуя жизнью, помогавший людям,

чуждый своекорыстным побуждениям, он естественно направил свои усилия на служение народу, так как, постоянно соприкасаясь с жизнью, ясно видел ее бедствия. Будучи в обыденной жизни прост, непритязателен и общителен, он тяготел к широким массам, являясь выразителем органического демократизма. Борьба с угнетателями нации, врагами народа естественно соответствовала как внутренним особенностям его пылкой эмоциональной и деятельной натуры, так и всему складу его альтруистического, общественного типа. Отсутствие лично-эгоистических стремлений дало ему возможность сплотить вокруг себя людей с различными стремлениями и направить их на объединение и освобождение народа.

Гарибальди представляет более аффективный тип общественника-революционера.

Тип борца-общественника мы встречаем в лице Л а с с а л я, представляющего характерную фигуру политического вождя, революционера-агитатора.

Жизнь Лассаля — картина непрерывной общественной борьбы, принявшая характер революционного протеста. Психологическим мотивом его выступления были не только общественно-политические и моральные тенденции, но и глубоко коренившееся в его активной натуре стремление преодолевать препятствия. Эта склонность отражается на всех направлениях его деятельности. Занявшись философией для своей научной работы, он берется за изучение трудно-доступной философии Гераклита «Темного». Его богатые умственные способности идут на агитацию, т.-е. наиболее активную форму проявления общественно-политической мысли. Эстетические наклонности реализуются в тяготении к наиболее действительной драматической форме художественного творчества. Он живет интенсивной широкой жизнью, не отказываясь от наслаждений и не отступая ни перед какими лишениями. Но не сама по себе борьба, власть, получаемая завоеванием умов, борьба для преодолевания явились его идеалом. Соответственно своему духовному росту он ставил цели выше; он направил свою деятельность на осуществление идеалов общественного блага, устранение социальных несправедливостей, зло которых на себе он особенно остро чувствовал, будучи евреем. Общественные тенденции привлекли его внимание и интерес к социальным сторонам жизни, трезвый и критический ум правильно оценил и причины социального зла и способы его устранения, а инстинкт борьбы побуждал к протесту, агитации и привлечению масс к свержению тяготевших над ними несправедливостей.

Другой разновидностью является тип общественника-государственника с относительно большим развитием рассудочно-

волевой сферы. Этот тип нашел свое воплощение в лице Гладстона.

С раннего возраста Гладстон обнаруживал тяготение к общественной деятельности. Сфера его интересов и деятельности — кружки, собрания, митинги, парламент. Реализация и направление его общественных склонностей характеризуются двумя моментами: во-первых, они вылились в форму морализации общественной деятельности, т.-е. освещения ее определенными нравственными принципами. Это черты, быть может, обусловленные развитием волевой стороны. Торжество права, освобождение угнетенных, миролюбие, — вот мотивы его нравственной политики, во-вторых, рассудительность удержала его от крайностей, от разрыва с государственностью. Трезвость и практичность обеспечили ему успех на поприще дипломатии, политики, финансов; его требования существенным образом определялись реальным критерием степени их осуществимости. Принципиальная сторона его деятельности направлялась идеалом народного и государственного блага. Энергия трудолюбивой личности была двигателем его поступков, а не эгоистические мотивы честолюбия и властолюбия. Внутренняя честность и принципиальность его характеризуют. Он всегда готов был признать свои ошибки, был одинаково чужд и компромиссам и демократическим крайностям, всегда прислушивался к общественному мнению.

То же, что в общественной деятельности сделало его выразителем расчетливой морали, в сфере государственной деятельности побуждало его быть представителем умеренного либерализма и осмотрительной демократичности. Его осторожность и осмотрительность не были, однако, выражением холодной рассудочности, но соответствовали практическому складу его ума и сильной выдержке, в достижении же своих целей и проведении принципов он был непреклонным энтузиастом, и его неутомимая энергия питалась источником глубокого чувства. Эмоциональная сторона достигала значительного развития в личности Гладстона и нашла свое выражение и в религиозности его и в любви к искусству (исследование о Гомере). Эта широта его в значительной степени объясняется гармоническим развитием всех сторон его психики, но доминирующая роль отмеченных выше моментов создала из него деятельно-волевого представителя моральной государственности.

Развитие дополнительных комплексов создает комбинированные типы, примером которых может служить тип художника общественника — публициста (Герцен).

В личности Герцена гармонически объединились 2 группы проявлений. Во-первых, он является художником

с присущими ему чертами аффективности, контрастивности, богатой фантазией, эстетическим вкусом. Во-вторых, он общественник, живой, деятельный (semper in motu), тяготеющий к работам в кружках с практическим и политическим направлением, отзывчивый на события реальной жизни, особенно социально-политической. Литературная одаренность дала ему средства и способы деятельности, направление же ее было продиктовано его общественными склонностями. И в деятельности и в воззрениях обе эти стороны личности отразились и повлияли друг на друга. Работа публициста — вот форма, в которую вылились обе группы склонностей. Даже в его художественно-литературных произведениях идейная сторона заключается в социальных мотивах. В воззрениях своих и в жизни Герцен пытался примирить индивидуалистические тенденции художника с антииндивидуализмом общественника. «Лицо есть истинная действительность, свобода лица есть величайшее дело», писал он, выступая в защиту неприкосновенности личности против эгалитаристических стремлений современного ему социализма. Полнота человеческой личности и достоинство ее — его идеал, в котором сливаются требования эстетической и этической мысли. Служа обществу, Герцен был, однако, чужд самоотречению; чтобы быть, говорил он, альтруистом, нужно быть эгоистом. Ему свойственно, как и всякому художнику, стремление к многогранной, полной и реальной жизни, к яркому переживанию, наконец, близки и гедонистические мотивы личного счастья. Принадлежа к типам широким, Герцен обнаруживает черты мыслителя-философа в соответствии с высоким развитием интеллекта. «У него ума так много, что я не знаю, зачем его столько дано одному человеку», говорит Белинский. Черты властного типа также отмечаются в его энергичной, активной натуре; в кружках, где он работал, в дружбе он всегда занимал господствующее положение и подчинял себе окружающих, да и общественная и литературная его деятельность в значительной степени является формой борьбы за освобождение.

Там, где в силу индивидуальных особенностей личность не может преодолеть инерции окружающей ее среды и деятельность ее не может отлиться в формы коллективного действия, направленного на организацию или реорганизацию коллектива, там социальные побуждения ее являются источником самоотверженной, но индивидуальной деятельности, направленной исключительно на благо отдельных людей или небольших человеческих групп.

В основе подобных типов высшего уровня лежит тот самый психолого-характерологический комплекс, о котором уже шла речь при рассмотрении внутренне-аффективных общественников

среднего уровня, а именно — чувство симпатии или процесс «вчувствования», направленный на переживание чужих горестей и радостей. Здесь имеются как необходимые эндо-элементы этого комплекса (аффективная возбудимость, сила и продолжительность чувствований), так и некоторые другие черты, обычно с ним связанные, как-то: значительное развитие волевой деятельности, направленной на помощь страждущим и нуждающимся, отсутствие эгоизма и самолюбия, доходящее часто до самозабвения и самопожертвования, значительное развитие высших, идейных чувствований, наконец, интерес к внутренним, душевным переживаниям, порождающий нередко своеобразную сосредоточенность и наклонность к самоуглублению.

Вместе с тем, однако, благодаря свойственному представителям высшего уровня богатству и сложности личности, у них всегда имеется, наряду с этим основным комплексом, один или два добавочных, также значительно развитых и существенно видоизменяющих характер и проявления основного комплекса. Чаще всего эти добавочные комплексы определяют собой тот с п о с о б или средства, которыми реализуется социальная установка данного человека. Так, например, значительно развитая волевая деятельность, направленная по преимуществу на борьбу с жестокими и корыстными притеснителями, делает из человека непреклонного, ожесточенного борца за правду и человеколюбие (доктор Гааз); или глубокая вера в блага просвещения и в возможность идейно-нравственного перерождения человечества заставляет деятельного общественника все свои силы направить на воспитание подрастающего поколения (Песталоцци); или человек совсем иного склада, типичный промышленник, осторожно-расчетливый и практический, все свое состояние и всю свою энергию посвящает бедному рабочему люду и создает для рабочего класса новые формы организации (Роберт Оуэн).

Остановимся на этих разновидностях более подробно.

В личности Г а а з а [1]) на первый план выступают два комплекса, тесно между собой связанные и образующие в своей совокупности ее ядро: во-первых, горячая и самоотверженная любовь к людям, в частности — к бесправным, терпящим нужду и лишения арестантам; во-вторых, крайняя энергия и настойчивость, всецело направленные на облегчение участи несчастных людей и на борьбу с их притеснителями.

Эндо-психическую основу первого комплекса составляют повышенная аффективная возбудимость, сила и глубина чувствований, обращенных преимущественно на высшие, идейные объекты и прежде всего — на сочувствие чужим страданиям;

[1]) См. А. Ф. К о н и. «Федор Петрович Гааз», 1897 г.

забота о себе и чувственные влечения всегда отступали у Гааза перед необходимостью помочь другим. Отсюда его глубокое внимание ко всякому проявлению человеческого страдания, та нежность и ласковость, с которыми он стремился не только помочь чужому горю, но также своим горячим сочувствием доставить страдальцу и моральное облегчение. А так как искреннее, глубокое чувство всегда ведет также и к соответствующим действиям, то на-ряду с сочувствием шла всегда и деятельная помощь.

Основу второго комплекса составляла его неукротимая, ни перед чем не останавливающаяся энергия, объекты приложения которой определялись все теми же господствовавшими в нем симпатическими чувствами. Однако, условия, в которых приходилось ему действовать, были необычайно тяжелы, на пути то и дело воздвигались самые разнообразные преграды. Благодаря этому, наклонность к борьбе, всегда присущая в большей или меньшей степени энергическим натурам, еще усилилась под влиянием препятствий, и мирный деятельный Гааз превратился в непреклонного борца за правду и человеколюбие, — оставаясь в то же время нежным и ласковым по отношению к тем, кого он защищал.

Представители высшего уровня всегда проявляют в большей или меньшей степени творчество, каждый в своей области. В чем выразилось творчество Гааза? Очевидно, не в каких-либо внешних сооружениях, построениях или организациях, а скорее в его совершенно новом, своеобразном отношении к арестантам, в том необычайно сильном и благодетельном действии, которое он оказывал на их душевный мир и которое обусловливалось не столько его материальной помощью, сколько гениальной силой и глубиной его симпатического «чувствования». Недаром Москва сначала удивлялась его чудачествам, а потом, еще при жизни, «возвела его в лик святых».

У Песталоцци также на первый план выступает симпатический комплекс, любовь к людям, тесно связанная с крайне развитой идейностью, т.-е. преобладанием идейных влечений над чувственными и эгоистическими. В основе всего жизненного дела Песталоцци лежало его горячее желание помочь людям, родине и в особенности простому народу. Его первые попытки в этом направлении (опыт улучшения сельского хозяйства) окончились ничем, благодаря крайней его непрактичности (слабое развитие рассудочно-деятельного, хозяйственного комплекса). Затем сама жизнь натолкнула его на помощь бедным, заброшенным детям, и он принялся за их воспитание; в основу воспитания были положены не какие-либо теоретические данные (так как Песталоцци вообще не был теоретиком и мало доверял отвлеченным рассуждениям), а то, что в нем

самом было сильнее всего развито, т.-е. любовь: воспитатель должен быть для своих воспитанников вторым отцом.

Песталоцци был очень деятелен и энергичен, особенно когда нужно было работать для осуществления идей, глубоко его захвативших; вместе с тем жизнь неоднократно ставила его с его питомцами в такие условия, что они должны были постоянно и неутомимо работать для того, чтобы приют мог продолжать свое существование. Таким путем возникла теория трудового воспитания, воспитание самой жизнью,—в противоположность господствовавшей тогда словесной педагогике; отсюда же и требование самодеятельности воспитанников, столь противоречащее шаблонным представлениям о школьной дисциплине. Что касается свойственного всем энергическим натурам элемента борьбы, то у Песталоцци он был направлен не на борьбу с людьми (как, например, у Гааза), а на преодоление, главным образом, материальных затруднений, постоянно тяготевших над ним и его предприятиями. Это обусловливалось, быть может, тем, что Гааз всюду наталкивался на активное противодействие со стороны людей, заинтересованных в прекращении его деятельности, тогда как педагогические начинания Песталоцци встречали только равнодушие и недоверие [1]).

Центральным комплексом в личности О у э н а является деятельное сочувствие к людям, стремление помочь им в их бедственном положении. Движимый этим стремлением, Оуэн истратил почти все свое крупное состояние на различные филантропические предприятия и социальные эксперименты, из-за него он вел тревожную жизнь, полную борьбы и неприятностей, омраченную клеветой и нападками. И главная заслуга его состоит именно в том, что он дал возможность рабочим, при помощи созданных им кооперативных товариществ, значительно поднять как свое материальное положение, так и свое самосознание.

На-ряду с этим другой, не менее резко выраженный, комплекс накладывает свой отпечаток на личность Оуэна, определивши собой его профессию и придавши своеобразный характер его филантропической деятельности. Это именно — рассудочно-деятельный или хозяйственный комплекс, способность к системе и организации. Благодаря ему Оуэн в короткое время из приказчика сделался крупным капиталистом, блестяще реорганизовал совершенно на новых началах огромное Нью-Ленаркское предприятие; эта же способность к организации дала ему возможность, после ряда неудачных попыток, положить, наконец,

[1]) См. Я. В. А б р а м о в. «Песталоцци, его жизнь и педагогическая деятельность», 1893 г.

начало тем кооперативным товариществам и союзам, которые в настоящее время играют такую важную роль в хозяйственной жизни культурных стран.

Наличность и значительное развитие рассудочно-деятельного комплекса придает деятельности Оуэна своеобразные, характерные особенности. Взамен аффективных, более или менее страстных порывов мы находим здесь спокойную, систематически планомерную деятельность, проникнутую, однако, тем же чувством глубокой любви к людям. Здесь нет той непосредственности чувства, той нежности и ласковости, какая была свойственна, например, доктору Гаазу, скорее мы можем подметить у Оуэна своего рода суховатую рассудочность в делах человеколюбия (недаром он так склонен был к утилитарной теории нравственности); но зато его чувство отличалось гораздо большей сознательностью, имело за собой более широкое и глубокое теоретическое обоснование, — что, в свою очередь, дало ему прочную основу для его социальных экспериментов. Наконец, благотворительность Гааза была по преимуществу индивидуальна, тогда как у Оуэна на первом плане стояло улучшение условий общественной жизни, создание новых, усовершенствованных форм социальной организации.

В тесной связи с рассудочно-деятельным комплексом стоит значительное развитие у Оуэна научных интересов (теоретически-направленная мыслительная деятельность). Сам Оуэн придавал очень важное значение своим книгам и статьям о нравственности и об образовании человеческого характера. И хотя комплекс этот был у него выражен далеко не так резко, как предыдущий (нового в этой области Оуэн ничего не дал), но вспомогательная роль его была все же очень значительна [1]).

2. Знание.

Главным, наиболее существенным элементом познавательного комплекса на высшем, как и на среднем уровне является сильно развитая мыслительная деятельность, способность к последовательному, логически-правильному мышлению. Кроме того, сюда обычно входят также, в качестве необходимых добавочных компонентов, значительно развитые память и восприимчивость (наблюдательность), способность к волевому усилию, проявляющаяся, главным образом, в форме склонности к напряженному и упорному умственному труду, и, наконец, чувства, связанные с интеллектуальной деятельностью (интерес к новому, чувство

[1]) См. А. Каменский. «Роберт Оуэн, его жизнь и общественная деятельность», 1892 г.

удовлетворения при удачном решении той или иной проблемы и т. п.), также достигающие здесь значительной степени. Все эти добавочные качества должны быть развиты у представителей разбираемого типа постольку, поскольку их участие необходимо для наиболее продуктивной и целесообразной работы познания, на которую они обычно и бывают направлены.

Что касается преобладающего направления познавательной деятельности, т.-е. самого содержания тех явлений, на которых по преимуществу сосредоточена познавательная работа данного индивидуума, то оно определяется обыкновенно вторичными комплексами, всегда имеющимися (как уже было сказано) у представителей высшего уровня. Интерес к природе, художественные влечения, религиозное или нравственное чувство, любовь к людям и обществу, наконец, интерес к хозяйству и технике, — все эти сложные экзо-комплексы (порождаемые лежащими в их основе эндо-элементами) определяют собой ту область, изучению которой человек посвящает, в конце концов, все свои силы.

Наконец, преобладание у представителей познавательного типа индуктивного и дедуктивного способа мышления дает возможность разбить данный тип на соответствующие две большие группы.

А. Индуктивные.

Наиболее типичных представителей индуктивного метода мы можем найти среди естествоиспытателей, так как именно в естествознании опыт и наблюдение раньше всего стали применяться систематически и в широких размерах. Один из величайших представителей естествознания, Ч. Дарвин, может служить в этом отношении ярким примером.

Необычайно наблюдательный, не упускавший из виду ни малейших подробностей изучавшегося им явления или процесса, идеально точный в производстве опытов, Дарвин в то же время отличался крайней осторожностью в своих выводах и гипотезах. Ко всяким дедукциям он относился с недоверием, пока они не были подтверждены фактическими данными; математики (науки по преимуществу дедуктивной) не любил и мало был к ней способен. Зато в собирании фактов и проверке своих предположений был неутомим, обнаруживая громадную настойчивость и трудоспособность. Интересно, что ту же самую систематичность и обдуманную последовательность действий обнаруживал он и в своей обыденной жизни: проживая постоянно в своем имении, вел крайне регулярный образ жизни; в своих денежных счетах отличался большой аккуратностью; бережливо относился к вре-

мени, рассчитывая его не только по часам, но чуть не по минутам и т. д.

Что касается направления интересов, то уже в молодости реальные, конкретные впечатления окружающей жизни и особенно природа привлекали Дарвина больше, чем все остальное. Собирание коллекций, охота, а впоследствии химические опыты интересовали его гораздо сильнее, чем отвлеченные школьные науки. Художественный вкус и воображение, наклонность к религиозному созерцанию были всегда чужды великому естествоиспытателю, хотя в молодости он одно время и пытался заниматься богословием; с возрастом же любовь и интерес к природе решительно оттеснили на задний план все другие потребности. Несколько более развиты были у него альтруистические чувства: он очень любил своих детей, всегда возмущался рабством, был кроток и деликатен в обращении со всеми, однако, и этот комплекс не был, повидимому, развит настолько значительно, чтобы принять участие в главном деле его жизни—в научном творчестве.

Если Дарвин всю свою жизнь работал над сравнительно ограниченным кругом явлений, все более и более углубляясь в них и извлекая из них законы, управляющие развитием всего живущего, то совершенно противоположную в этом отношении картину встречаем мы у знаменитого энциклопедиста естествознания А. Ф. Гумбольдта.

Подобно Дарвину, Гумбольдт также исходил всегда из опыта и наблюдения, утверждая, что, «если есть что-либо прочное в науке, то это факты», и питая антипатию ко всему туманному, неясному и недосказанному. Но зато круг его научных интересов необычайно широк, и темы его исследований крайне разнообразны; работы его захватывают физику, химию, метеорологию, геологию, ботанику, зоологию, физиологию и сравнительную анатомию, географию, историю, этнографию, археологию и политику. В то же время все эти отдельные, казалось бы мало связанные между собой исследования объединены одной общей мыслью, которую он сам формулирует, как стремление создать «физику мира», т.-е. на основании естественно-научных данных построить грандиозную картину всего мироздания. Такое синтетическое направление ума побуждало Гумбольдта при изучении любой области делать ряд обобщений и догадок, оказывавшихся обыкновенно крайне плодотворными для дальнейших исследователей.

Разносторонность научных интересов вполне соответствует у Гумбольдта разносторонности его способностей и дарований. Аффективный, увлекающийся, он не мог остановиться на какой-нибудь одной области, потому что все новое, неисследованное неудержимо тянуло его к себе. Природу он любит не только

как ученый, но и как художник, и его блестяще написанные «Картины природы» являются образцом популярно-научной литературы. Его неистощимая энергия, предприимчивость и смелость побуждали его на путешествия, дававшие всякий раз богатую научную добычу. В то же время Гумбольдт любил людей и общество, помогал начинающим ученым, принимал участие в съездах и разных научных организациях, устраивал серии популярных лекций по естествознанию. Не довольствуясь всем этим, он был еще светским человеком и даже придворным, успешно выполнявшим по временам различные дипломатические поручения.

Индуктивный метод познания может быть приложен не только к исследованию явлений внешней природы, но также и к изучению внутреннего, психического мира. Впервые это было сделано Дж. Локком.

Подобно двум только что упомянутым представителям естествознания, Локк отличался также большой наблюдательностью и обладал обширным запасом практических знаний. В его философских и педагогических сочинениях мы находим множество тонких наблюдений, выхваченных прямо из жизни; свои теории он основывает на наблюдениях над детьми, идиотами и первобытными народами. Вообще, изучение различных явлений жизни Локк считал источником своей мудрости, говоря, что действительность дает ему больше, чем философские гипотезы. И его главная заслуга в истории человеческой мысли заключается именно в том, что он явился основателем философского и психологического эмпиризма, отрицающего существование врожденных идей и доказывающего, что все наши познания происходят из опыта.

Врач по образованию, Локк любил естественные науки и охотно занимался ими; но главные его интересы были сосредоточены на вопросах религии и нравственности, а также на познании человека и его внутреннего мира. Глубоко религиозный, Локк не предвидел тех материалистических выводов, которые были впоследствии сделаны из его эмпиризма, и стремился познать бога через его творение. Трудолюбивый и добросовестный, с сильно развитым чувством долга (взять, например, его заботы о семье Ашли), любивший людей и стремившийся помочь им, он видел наилучшее для себя средство к этому в разработке вопросов нравственности и педагогических проблем; известно, как много он успел сделать в этой последней области, применивши к ней свой эмпирический метод.

Значительное преобладание умственных интересов и мыслительной работы над всеми остальными сторонами личности помешало Локку сделаться практическим деятелем: будучи искусным

врачом, он почти не занимался врачебной практикой; еще ранее— отклонил от себя предлагавшуюся ему службу по дипломатической, а затем по духовной части. Вообще, никогда не думал о своей карьере и очень мало занимался своими материальными делами.

Б. Дедуктивные.

В отличие от индуктивного типа у дедуктивных на первый план выступает склонность к прямолинейному, отвлеченному логическому мышлению, восприятия же, а следовательно и самодовлеющая значимость и ценность единичного факта, конкретная любознательность и наблюдательность отступают на второй план.

Аффективность, обычно подавляемая рассудочной деятельностью, находит свое проявление в области высших интеллектуальных и идейных чувств. Деятельность воли может достигать высокого развития, но обычно направляется на внутренние переживания (преобладание внутренних волевых актов), внешняя же активность всегда остается незначительной. Соответственно такому складу эндо-психики их деятельность, сосредоточенная в сфере знания, характеризуется преобладанием абстрактного мышления, умозрения и дедукции, рационалистическим и идеалистическим направлениям в философии, склонностью к математике и гуманитарным предметам в науке и определенным предпочтением данных самоанализа фактам внешней реальности. Типичным представителем рассматриваемой группы является Декарт.

Со стороны эндо-психики Декарт является образцом рассудочного типа: сильно развитой интеллект, воля, не превышающая среднего развития, резко пониженная аффективность, ограничивающаяся сферой личных интересов и познавательной деятельности. В общем характере его проявлений и отношения к жизни заслуживает внимания его боязливое стремление уйти от активного соприкосновения с нею, от деятельного вмешательства в нее, бегство от ее реальных запросов. Эта сторона, ярко выраженная в его характере и обусловленная его внутренним складом и его физической болезненностью, проявилась в области морально-общественных проявлений в форме расчетливой сухости, умеренности, осторожности, эгоистической боязливости, общественного индифферентизма, способности к компромиссу. Религиозное и эстетическое чувство не развиты. Все стороны жизни либо являются материалом познавательного интереса, либо отвергаются. Умственные интересы широки и разносторонни. Невысокое развитие памяти, которое отмеча-

лось самим Декартом, недостаточное богатство восприятий ставят эмпирический материал в подчиненное положение к логически-схематизирующей способности мышления и являются источником преобладания склонности к умозрению. В научной области это сказалось построением ряда слабых и поверхностных гипотез по отношению к сравнительно частным фактам, в установлении правильных общих принципов, наконец, в предпочтении математики. В философии это сделало его основателем рационалистического направления, сказалось тяготением к методологическим проблемам, определенным признанием универсальной значимости математического метода, как основы всякого истинного познания.

Декарт является представителем более широкого типа. В лице Спинозы, напротив, мы имеем представителя более концентрированного типа.

По сравнению с Декартом обращает внимание высоко развитая у Спинозы моральная сторона личности: стойкость, готовность какой угодно ценой отстаивать свои убеждения, неподкупность, бескорыстие, беспредельная преданность своему идеалу, равнодушие к вопросам обыденного существования и высшая степень неприхотливости. Соотношение личных и сверхличных ценностей сложилось в сторону явного преобладания вторых.

Работа мышления, с детства занятого отвлеченными проблемами (изучение Талмуда), сохранила то же направление и позже, аффективность, сосредоточенная в сфере идейных ценностей и высших достижений мысли, и воля направили в одну сторону усилия деятельности; он представляется цельной гармонически объединенной личностью; все стороны жизни вызывают в нем реакцию и оценку в соответствии с его интеллектуальной и моральной установкой. Бедная внешними событиями его жизнь богата внутренним содержанием, давшим материал его непрерывным размышлениям. Равнодушный к благам жизни, он жил, сильно нуждаясь, больной, добывая скудные средства к жизни полировкой стекол, и отказывался от помощи друзей, чтобы обязанностью благодарности не стеснить своей свободы. Всегда ровный, спокойный, сдержанный, внешне-рассудочный, он обнаруживал огромную силу воли и глубину чувства, когда, утратив наивную веру, порвал со всевластной в то время и в той обстановке средой, порвал, несмотря на убеждения, угрозы, анафему и даже попытку лишения его жизни и, мужественно борясь с врагами, ни на иоту не поступился своими убеждениями. Философия Спинозы, цель и смысл его жизни, отразила две отмеченных характерных стороны его личности. Его система явилась попыткой синтеза аффективно-нормативных категорий

с рассудочно-реальными, мистицизма с рационализмом. Бог и добро явились целью и центром, вокруг которого должна была объединиться реальность, но перевес рассудка исключил теологический и темологический подход к ней и подчинил ее законам механической причинности. Цельность личности, отразившись в интеллектуальной сфере, исключила многопринципность, определила тяготение к монизму; построенное в схемах математических дедукций мировоззрение привело к отрицанию стоящего вне мира вещей бога и объединило его с понятием субстанции, но согласно внутренней тенденции ценности обожествило мир в пантеизме. Добро, как постулат моральной личности, в согласии с рационалистической установкой, отождествляется со знанием, и этика излагается геометрическим путем.

Развитие других комплексов, приобретающих определяющее значение наряду с познавательным, дает комбинированные формы. Так, сочетание с развитым религиозным комплексом дает тип религиозно-рассудочного мыслителя (см. ниже Конфуций), развитие комплекса внешней деятельности создает тип техника-изобретателя (см. ниже Эдиссон).

Сочетание художественной одаренности с интеллектуальной дает тип мыслителя-художника. Такое взаимодействие элементов обоих комплексов налагает определенный отпечаток как на них самих, так и на все другие проявления личности. Мышление приобретает особый характер в смысле содержания, становясь ярким и образным, самый процесс его становится в большей степени интуитивным.

Относительное значение эмоциональной сферы вырастает, категория эстетических оценок становится существенным фактором мироотношения. Поэт-мыслитель, философ-художник Джиордано Бруно может этому служить примером. Благодаря громкому процессу характер Бруно освещен довольно полно. Живой, подвижной, увлекающийся, жизнерадостный и деятельный он был всегда центром, вокруг которого группировалось общество. Его многосторонней личности не была чужда любовь, удовольствие жизни и красота ее. Прямота, доверчивость, благородная горячность, идеализм энтузиаста и чувство личного достоинства характеризуют его с моральной стороны. Он бесстрашно проповедывал и защищал свои убеждения и мужественно боролся с невежеством и мертвой схоластикой. Будучи религиозен в духе пантеизма, он не мог не столкнуться с блюстителями чистоты религиозного закона, и верность своим идеалам оплатил ценой своей жизни. Несмотря на многосторонность, благодаря огромной синтетической силе, он был гармонической личностью и в жизни и в мировоззрении. В нем нашли примирение эстетизм художника с требованиями рели-

гиозной и моральной личности. Художественная одаренность его проявилась широко не только в поэтических произведениях, не только в образности языка и мысли, но и в поэтической форме его философских работ, в эстетическом и интуитивном элементах его воззрений. Мир постигался им, как органическое целое, одухотворенное во всех своих частях, прекрасное, как источник истины и добра, идеал мудрости, как единство истины и красоты, он, наконец, учит, что «истинная философия есть вместе с тем музыка, поэзия и живопись». В философии Д. Бруно явился революционером и новатором. Живая эмотивная натура его, яркое образное воображение не могли удовлетворяться мертвой схоластикой, а творческое стремление требовало создания своей системы. Концепция бесконечной вселенной, одухотворенной и слитой с божеством, единой как в многообразии сосуществования частей, так и в динамике явлений (эволюционизм Бруно), характеризует его богатое эмоциональными элементами мышление.

3. Красота.

Структура личности здесь по существу не изменяется по сравнению с художниками среднего уровня, но параллельно росту личности творчество ее все больше насыщается расширяющейся и углубляющейся способностью идейного синтеза, который у высших представителей рассматриваемого типа осуществляет особую форму философского постижения, открывающего вечный смысл в преходящих символах конкретных образов. Эта идейная глубина является естественной для высшего уровня их особенностью. Другая сторона отличия лежит в превосходстве их творческой способности, делающей их создателями новых форм, приемов и направлений. Опережая далеко своих современников, они нередко становятся для них непонятными, не встречают справедливой оценки и достаточного признания при жизни.

Основными чертами типа являются обилие восприятий и яркость представлений, богатая образами память, эмоциональность, могучее развитие которой отражается на всех проявлениях личности и, наконец, тонко развитое эстетическое чувство. На этой основе развивается воображение, столь богатое творческими элементами, и ярко выраженная впечатлительность, как результат сочетания живых восприятий с интенсивностью эмоциональной реакции на них. Роль увлечений в жизни художника, настроений в их деятельности, периоды творческого подъема и упадка, контрастивность их отношений и поведения — все эти сложные характерологические признаки обусловлены высоким

развитием сферы чувств. Мышление остается по преимуществу образным, конкретным и интуитивным; в образах же реализуется высоко развитая способность обобщения, восприятия и выражения общих идей (символизм в широком смысле слова). Элементы бессознательного в каком-то сочетании с аффективностью характеризуют их мышление, переживания и все поведение. Воля в большинстве случаев занимает подчиненное положение.

В области экзо-психики характерной особенностью является определенный высоким развитием чувства прекрасного примат эстетического критерия оценки. Другим характерным фактом является самодовлеющая ценность и интерес самого переживания, как такового. Отсюда вытекает стремление к возможно полной, многосторонней жизни, склонность к эпикуреизму, индивидуализму в социальной, пантеизму в религиозной и др. областях.

Такова общая схема, дающая на почве преобладания тех или иных добавочных групп комплексов ту или иную разновидность. Внутригрупповые подразделения определяются не техническими особенностями реализации их творческого процесса, например, в музыке, поэзии или живописи, но преимущественно общим характером их творчества.

Поскольку прекрасное, красота есть известная форма соотношения субъекта и объекта, поскольку это соотношение меняется в связи с индивидуальными особенностями субъекта, постольку можно отметить несколько разновидностей художников высшего уровня. Соотношение между формой и содержанием, характер формы и содержания, обусловленные особенностями характера художника, лежат в основе различных направлений в искусстве. Реализм, символизм, объективный или субъективный тип творчества, лирическая мягкость или драматизм, идеалистические или сатирические тенденции и т. д.—все эти разновидности глубоко коренятся в особенностях духовной структуры творящей личности.

Гармоническое слияние субъективного и объективного элементов, соответствие формы и содержания встречается у наиболее близких к основной схеме представителей группы. Примером этого типа может служить П у ш к и н.

Не останавливаясь на тех сторонах его психики, наличность которых несомненна, как необходимого условия его творческих достижений, богатства восприятий и эмоциональной жизни, яркой творческой фантазии, образного и сильного мышления, чувства красоты, мы отметим необычную широту восприимчивости, многостороннюю отзывчивость и интерес его к самым различным сторонам его жизни; огромный диапазон переживаний от высочайших подъемов творчества до падений светской

пустоты и мелкого тщеславия, разгульных кутежей и бреттерства. Выросшая на этой основе многообразная способность вчувствования явилась источником создания богатой галлереи образов и дала ему возможность оставить свой след во всех направлениях литературно-художественного творчества, созданием высоких образцов лирики, драмы, эпоса и даже прозы. Пушкин является родоначальником художественного реализма в русской литературе. В основе этого явления лежит органическая любовь к жизни, признание ее ценности во всей ее полноте, от самых мелких проявлений до самых высоких.

Если обилие восприятий, наблюдательность, широкая отзывчивость являются источником богатства объективных образов, то глубину и силу его аффективных реакций отражает его лирика. Поэту, любящему жизнь, Пушкину близки моменты эпикуреизма, гедонистически-эстетического отношения к жизни, но, вообще говоря, его отношение к ней не носило характера определенно выработанного устойчивого воззрения; реакции его чувств и мыслей имели преимущественно интуитивный характер, определяясь во многом самодовлеющим настроением момента; в этом, вероятно, лежит источник его колебаний, кажущегося отсутствия определенных убеждений в сфере общественной, политической, религиозной и моральной, смены мотивов верноподданничества и революционного протеста, индивидуализма и альтруизма, атеизма и религиозности и т. д.

Рассматриваемый тип относится к группе более широких личностей. Другую разновидность этого типа характеризует более рост в глубину, чем в ширину. Способность восприятия прекрасного здесь как будто более ограничена. Представители этого типа сосредоточены со всей силой «цельного» характера там, где образы фантазии и идеалы являются доминирующими не только по ценности, но, быть может, и по реальной значимости. Примером такого типа художника является Бетховен.

У Бетховена, наряду с типичными чертами, свойственными художнику, «бурной эмоциональностью и огненной фантазией», как говорят биографы, обращает внимание лежащий на всех проявлениях его личности и творчества отпечаток сосредоточенной мощи и глубины, отразившей могучее развитие воли, как концентрирующей силы. Для него характерно преобладание высших функций над низшими, жизнь спиной к мелочам и лицом к идеалам, питавшим его вдохновение.

Несмотря на недостаток образования (говорят, что в арифметике он не сделал умножения), он, благодаря художественному чутью, хорошо познакомился с классической литературой,

и высшие идеалы современности близко коснулись его. В соответствии с высокоразвитой волей и способностью к напряженному и сосредоточенному усилию он был чрезвычайно трудолюбив и, поскольку мотив долга и категория нравственных оценок играла выдающееся значение в его мироотношении, он был моральною личностью в смысле психологической структуры, а не только поведения.

Поступки его определялись внутренней потребностью, а не внешними воздействиями и соображениями. Он оставался, что характерно для свободной и независимой личности, республиканцем в среде абсолютизма и демократом среди аристократии, признавая аристократизм только как культ «лучших». Моральная стойкость, несмотря на тяжелые несчастия личной жизни, давала ему возможность сохранить бодрость и жизнерадостность. Бетховен был религиозен, но не в канонических рамках, а в форме живого внутреннего чувства высшей силы, в духе пантеистического обожествления вселенной.

В связи с этим стоит у него благоговейное отношение к природе, бывшей для него не только источником эстетического наслаждения, но и духовной необходимостью, пищей его творчества.

В отношении к людям Бетховен был альтруистом. Если нередко пошлость вызывала в нем отвращение к массам и бегство в одиночество, то в отношениях к отдельным людям он проявляет много доброты, нежности и самоотверженности. Мотив братства является одним из основных в его величайшем произведении, — 9 симфонии. В личной жизни Бетховен был несчастен, и, хотя он был скорее оптимистом (торжество воли над враждебным роком — 5-я и 9-я симфония), все же элементы трагической серьезности оттесняют моменты светлого эпикуреизма, создавая тип художника-аскета и стоика. Только в творчестве и искусстве заключается для него смысл жизни. Музыка его, соответственно складу его личности, содержит мотивы напряженной борьбы и мужественной силы, тягостной для мягких лириков вроде Шопена. Основное идейное содержание творческих замыслов сводится к художественной философии героической воли, борющейся, страдающей и торжествующей.

У представителей другой группы художников на первый план выступает субъективный момент до такой степени, что произведения их являются средством выражения своих личных переживаний. Как бы ни был широк диапазон их творчества, оно сосредоточивается на аффективно личных реакциях, суживается эгоцентрическими тенденциями и отражает по преимуществу только личность автора, представляя художественную авто-

психографию. В высшей степени аффективные представители этого типа являются почти исключительно лириками в своих произведениях, в воззрениях и в обыденной жизни индивидуалистами, тяготеющими к пессимизму, болезненно реагируя, в силу чувствительности своей духовной (resp. нервно-психической) организации, на воздействия жизни.

Здесь можно наметить две главные разновидности. Одни характеризуются бурной силой проявлений и творчеством, отражающим внутреннюю структуру их духа, проникнутым поклонением титанической, борющейся, мятежной личности. Сюда относится Байрон.

Два момента определяют его характер: аффективность, порой чрезмерная, и активность. Доминируя над всеми другими сторонами, они определяют его эндо-психику; в них же лежат источники его экзо-психики. Неустойчивость, импульсивность, контрастивность, аффективная мотивировка действий, гегемония увлечений, оттесняющих на задний план руководящее значение правил и принципов, характеризуют динамику его проявлений. Аффективность влечет к болезненно переживаемым конфликтам с окружающей средой, к обострению чувства личности и эгоцентризму. Активность, не нашедшая себе удовлетворения в здоровой деятельности, выявилась в разгуле и кутежах. Мировоззрение и мироотношение не вылились в определенные устойчивые формы. Художник, остро переживающий столкновение с окружающими его людьми, он явился представителем эгоцентрического индивидуализма. Но презирая толпу людей, одинокий и воспевший замкнутое в себе одиночество, Байрон был детски тщеславен, и забота о внешнем признании была заметной чертой его характера. Бегство от людей к нейтральной природе, преклонение пред ней явились в нем, с одной стороны, естественным проявлением его художественной натуры, с другой—реакцией на столкновение со средой. Его деятельность в борьбе за освобождение Греции, отзывчивость, нежность, щедрость и великодушие говорят о значительном развитии альтруистического комплекса, обычно подавленного. Это же увлечение борьбой явилось выразителем стремления активной личности проявиться в деятельности, а также, вероятно, и выражением честолюбия. В творчестве все перечисленные стороны его личности нашли себе выпуклое отражение. Форма его произведений отражает его аффективность. Его произведения являются непосредственным плодом вдохновения, местами поражают неровностью, отрывочностью, незаконченностью и отсутствием обработки. Психическая ранимость аффективной натуры выразилась в пессимизме и в мотивах мировой скорби. Узость его воображения («он постиг всего на всего один характер» —

Пушкин, «самого себя» — Маколей) объясняется тем, что только личные, субъективные мотивы являлись импульсами его творчества. Наконец, культ личности одинокой, гордой, сильной и мятежный индивидуализм с неизбежностью вытекают из его эгоцентрической установки, активности и эстетизма.

Другой тип субъективистов представляют меланхолические лирики, мягкие, пассивные и болезненно впечатлительные. Сосредоточиваясь в себе, они как бы прячутся от жизни, грубые прикосновения которой вызывают в них отрицательную аффективную реакцию. Типичным представителем является Шопен.

Не без основания указывают на женственность его натуры. Характерной общей его чертой является мягкая пассивность. Жизнь аффектов, не раздражаясь в действиях, направляется внутрь, делая его болезненно впечатлительным. Развитое воображение приняло пассивную форму мечтательности. В этих моментах лежат источники элегического минора его творчества. Бегство от реальности в красивую фантастику средневековья определило содержание многих его произведений (например, баллады, полонезы и т. п.). Пассивность его в жизни выразилась нерешительностью, несамостоятельностью, отсутствием инициативы, склонности к деятельности. В отношении к жизни он предъявлял эстетические требования, обыденность его отталкивала, вульгарность ее причиняла ему страдания, материальные расчеты ему были глубоко чужды.

Требования эстетики определяют, таким образом, его отношения к людям. Он инстинктивно тяготел к аристократиии в поисках за изяществом внешних форм и в бегстве от грубого и некрасивого даже в мелочах манер и костюма. Будучи довольно замкнутым, сдержанным и скрытным (тоже черты пассивности), он тем не менее любил общество, быть может, для того, чтобы поднять внешним возбуждением свой нервно-психический тонус, быть может, чтобы отвлечься от своих переживаний. В любви он также играл пассивную роль. Как справедливо указывает Ж. Занд, он был женщиною, а она мужчиною. Общественная и политическая деятельность — призвание активных натур — была ему чужда; будучи большим патриотом, он не принял участия в борьбе за родину.

Творчество его целиком отражает его личность: мягкая нежность, изящество, преобладание грустного minor'а, художественные миниатюры и устремление в прошлое от впечатлений настоящего. Хотя музыка является художественным средством передачи преимущественно субъективного и личного, тем не менее по поводам творчества и по содержанию можно говорить о музыкальных лирике и эпосе, и творчество Шопена принадлежит, несомненно, к первой.

Если во внутреннем соотношении психических склонностей относительное значение других комплексов возрастает, то идейная сторона—содержание произведений—приобретает особенное значение, не перевешивая, однако, художественной стороны, так как иначе творчество из области красоты и художественного перешло бы в другую, и деятельность и творчество приобретают тогда особое направление.

Развитие общественного комплекса создает тип художника — общественника. Сюда относится Некрасов.

Как художник впечатлительный, полный глубоких настроений, увлекающийся, любящий саму по себе жизнь («очарование бытия»), обладающий тонким эстетическим чутьем и высокоразвитой, при сильном уме, критической способностью, как общественник, он был отзывчив на все проявления человеческого страдания, был носителем высокой идеологии («будь гражданин»...), полон активности, побудившей его к общественному служению («иди к уничиженным»). Если склонности художника препятствовали непосредственной и общественно-политической работе, то общественный инстинкт сосредоточил его мысли на определенных темах. В результате обе группы склонностей нашли свое проявление в единой деятельности. Но это гражданин, который «лиру посвятил народу своему», и творческое воображение которого было поражено картинами чужого страдания, вызывавшего сочувственный отклик, или язвами социального строя, вызывавшими негодование и насмешки сатирика. Чувство действительности трезвого общественника-практика сочеталось с эмоциональностью художника, создав представителя реалистической общественной лирики.

Гармонически слившиеся группы склонностей, однако, не раз обнаруживали антагонизм; этим объясняется часто сложность его проявлений, его раздвоенность. В нем склонности любящего радости жизни поэта вызывали нарушение аскетического кодекса гражданственности, предписанного лучшими из его современников; поэтому же, наоборот, у него была склонность делать публицистику—проповедь из его произведений в ущерб художественному достоинству («мне борьба мешала быть поэтом, песни мне мешали быть бойцом»).

Творчество Некрасова имеет реалистический характер, сатирическое направление стоит в связи с его трезвостью, способностью к внешней деятельности и практичностью. Если общественно-альтруистические мотивы творчества были выражением идейной стороны личности Некрасова, то нельзя не отметить, что в повседневной жизни мы часто находим проявления противоположного характера. Объяснения их нужно искать не только в контрастивных проявлениях и склонности

к эгоистически-личному счастию у него, как у художника вообще, но также и в тяжелых условиях личной жизни, оставивших свой извращающий след. Он в ранней молодости порвал с отцом; голодные скитания и борьба за жизнь озлобили и закалили его, не смогли сломить его, но придали ему черты расчетливого дельца. Мотивы протеста и сатиры, как отрицательный путь достижения положительных результатов, отчасти находят также свое объяснение в его прошлом, наконец, и высокий идеализм, как корректив и компенсация этих недостатков его личности, имеет здесь свои источники.

Если у художника достигает высокого развития интеллект, способность и склонность к установлению общих идей или интерес к позитивному знанию, то творчество приобретает характер художественно-мыслительной деятельности и фантазия направляется построениями философской мысли. Примером художника-мыслителя является Гёте.

В личности Гёте ярко воплотились черты художника, вместе с тем стремление к познанию имело самодовлеющее значение в его жизни. Он, по его словам, «непрерывно и страстно занимался наблюдениями». Его работы по морфологии растений, по сравнительной анатомии, учение о цвете имеют высокую ценность. Это развитие отразилось и в художественном творчестве его, проникнутом в такой степени идейным содержанием, что можно говорить о философии Гёте. В познании он является эмпириком, реалистом и объективистом. Путь познавания — синтетическое созерцательное мышление, постигающее реальность в цельных индивидуальных, символически-типичных образах («gegenständliches Denken»).

Он объединяет силой творческого синтеза реализм с идеализмом, индивидуализм с универсализмом, наконец, в своем пантеизме божественное с космическим. В обыденной жизни его также отразилось развитие интеллекта, по мере эволюции и роста, уравновесив личность благоразумия, смягчив порывы молодой аффективности и создав ему не вполне правильно славу безмятежного олимпийца. Он сумел примирить свободолюбие художника с выдержкой и осторожностью царедворца и, часто руководясь чувствами, не был, однако, совершенно чужд расчетливой предусмотрительности.

Позитивно-научный комплекс достигает значительного развития у Э. Золя.

Он обладал той наблюдательностью, любовью к фактам, способностью к настойчивому усилию, которые характеризуют представителей индуктивного типа. Факты реальности имеют для него значение, не только как источник эстетического переживания, но и как источник положительного знания, которое

само по себе ценно. На составление научно-обоснованной схемы своей «Карьеры Ругонов» он затратил 8 месяцев напряженной работы, посещая библиотеки и музеи, изучая физиологию, патологию и учение о наследственности. Каждый его роман был плодом тщательного изучения обстановки, в которой развивалось действие; фантазия как бы направлялась и ограничивалась непреложными фактами действительности. Развитию познавательного комплекса у Золя обязан своим возникновением экспериментальный роман и его теория, т.-е. создание художественного произведения на основании известных заранее взятых положений. У Золя чисто теоретическая предпосылка возникает прежде всего, даже в угоду творческому воображению и художественному мышлению, она реализуется в образах литературного произведения. Он же явился основателем натуралистической школы. Научный подход к жизни, признание, что каждое явление — звено в цепи других и что личность есть продукт социальной и биологической наследственности, лежит в основе крупнейшей его работы «Карьеры Ругонов». Развитие познавательного комплекса сообщило Золя добавочные черты рассудочно-деятельного типа, умеренности и спокойствия, несвойственного чистому художнику. Черты религиозного и политического индифферентизма соответствуют и художественной и научной склонностям его. В жизни строгая размеренность, систематичность работы, бережливое отношение ко времени — все это свидетельствует об определяющей роли отмеченного рассудочного комплекса.

Значительное развитие интеллекта и воли, установка интересов в сторону морально-идеальных проблем создает тип художника-моралиста. Таков И б с е н.

Творчество его есть проповедь идейности, героической самоотверженности, сатира на мещанство, пошлость и аморфную средину. Обычно отмечаемый индивидуализм его не является самоцелью, но предпосылкой, необходимой для служения идеалу силы. Верность себе есть неизбежная ступень на пути к верности идеалу и долгу. Идеализм есть идейная воля, волевая реакция на высшие проявления мысли (идеалы). Степень устойчивости этой реакции характеризует высший уровень, и проповедь ее характерна для творчества Ибсена. Перевес содержания идейной стороны говорит о том, что гармоническое сочетание образов фантазии, аффективности и отвлеченной мысли нарушено в пользу последней. О развитии волевой сферы у Ибсена говорит ряд фактов, как из повседневной его жизни с ее строгой точностью, пунктуальным режимом, так и из сложных проявлений его деятельности, проявившейся, между прочим, и в борьбе с мещанством и пошлостью общества. Моральные проблемы,

занимавшие Ибсена, стоят в тесной связи с характером воззрений и принципами социальной среды, его окружавшей, являются реакцией на них. Ему свойственны чутье реальности, тяготение к ней, трезвость, понимание ее и отзывчивость на разные стороны жизни, связанные с общественными и политическими интересами и любовью к родине. Здесь находит свое объяснение возникший на почве идеалистического настроения и знания реальной жизни его пессимизм настоящего и оптимизм будущего, сатира на мещанство компромиссов и проповедь «аристократизма воли», как цели будущего. Этим же объясняется его замкнутость, склонность к индивидуалистическому уединению одновременно с идеалом служения народу. Перевес абстрактной мысли и воли сказался в экспериментальном направлении его творчества, в неизбежно связанном с этим оттенком тенденциозности, в рассудочно-схематическом построении литературных типов, в чрезвычайной условности сюжета и неправдоподобности деталей.

4. Внешняя деятельность, инициатива.

Характерным для представителей этого идеала является стремление к возможно широкой и интенсивной реальной деятельности, как самоцели, которая сама себя оправдывает. Соответственно этому сам по себе труд, умелый, неутомимый, грандиозный по результатам, является их идеалом. Обладая сильно развитым воображением, они всегда заняты широкими проектами, планами реформ и т. п. Развитая память, наблюдательность и живая любознательность доставляет в распоряжение их большой запас фактических знаний. Активная натура, ищущая соответствующей деятельности, делает чуждыми для них отвлеченные теоретические вопросы и направляет их в сторону реально-практических интересов. В соответствии с этим их ум, приспособленный к действию, характеризуется находчивостью, способностью быстро схватить и осмыслить обстоятельства и отсутствием склонности к абстрактному мышлению. Различные идейные стремления у них всегда отливаются в реально осуществимые формы. Деятельность в заметной степени определяется сильно развитыми и легко возбудимыми чувствами, поэтому она не всегда равномерна, и периоды лихорадочного напряжения ее могут сменяться периодами пассивности; поэтому же многие представители этого типа являются более инициаторами и вдохновителями, чем способными к методическому труду исполнителями. В соответствии с преобладанием активных чувств их настроения отличаются по преимуществу положительным характером; они бодры, жизнерадостны, склонны к оптимизму, любят

общество, развлечения, роскошь. Развитая аффективность с одновременной наличностью высших и низших влечений является основой так называемой широкой натуры, совмещающей противоположности. В волевой сфере, достигающей значительного развития, можно отметить легкую возбудимость, способность к задержке, самообладанию, способность к напряженной работе. Их общительность гармонирует с необходимостью для осуществления своих широких замыслов вращаться среди людей в больших центрах. Практический склад их ума выражается в слегка ироническом отношении к идеализму, в религиозном равнодушии, в гедонистическом и утилитаристическом складе их моральных воззрений. Поскольку их идеалом является труд, они в своих социальных воззрениях склонны к демократизму и придерживаются либерально-прогрессивных воззрений. Масштаб деятельности, ясно-осознанные цели, широкий кругозор отличают их от соответствующих представителей среднего уровня.

Другую разновидность рассматриваемого типа представляют правители-реформаторы, у которых, соответственно большему развитию волевой стороны, осуществление идет параллельно замыслу, и элементы властного характера выявляются довольно ярко. Таким правителем-реформатором является Петр Великий.

В личности его есть и черты патологические, — возможно, что он страдал той формой эпилепсии, которую Brat называет аффективной, — есть и черты извращения, но основным необычайно ярко выраженным является прежде всего стремление к деятельности, активное вмешательство в жизнь в целях ее усовершенствования, богатая инициатива, коснувшаяся всех областей государственной жизни, постоянное стремление к новым формам, свобода от власти традиций и рутины. Отмеченные выше характерные для типа внешней деятельности черты отчетливо выражены в личносит П. В.: широта интересов, реально-практическое их направление, сильная аффективность; в отношениях к людям простота и доступность, религиозная индифферентность, наконец, наслаждение жизнью до беспутнейших кутежей. Другая сторона это общественно-государственный комплекс, также ярко проявляющийся в его личности; идея блага родины, сознание, что государь есть первый слуга отечества, постоянно руководили им, и сознания господства государственных интересов над личными стремлениями он добивался у своих подданных; наконец, третья сторона это склонность к борьбе и стремление к власти, которые не только отразились в его политике и тяготении к военному делу, но и в личной жизни в проявлениях деспотизма, требовании беспрекословного подчи-

нения окружающих и непрерывном преодолевании встречающихся препятствий.

Внешняя деятельность в области экономическо-финансовой жизни создает особый тип капиталиста, расчетливого деятеля с сильно выраженной рассудочной стороной. Их целью является богатство, их идеалом — деньги, и как самоцель и как средство к власти. Если власть заключает в себе опасность извращения, то власть денег особенно. Эта цель обусловливается не столько внутренним складом, эндо-психикой субъекта, но и, может быть, главным образом возникает в условиях не свободного роста, а извращающих психику. Извращающие условия отражаются и на идейной стороне личности, которая у них обычно страдает недоразвитием. Представителем власти денег является Ротшильд.

Деньги были целью, к достижению которой он стремился всю жизнь, сосредоточил всю свою энергию и ради которой вычеркнул целые категории жизненных явлений из своего опыта: искусство, науку, философию, мораль, религию и т. д. Во всех же остальных областях отношения определялись отношением к деньгам. Людей он делил на 2 категории: должников и не должников; одни собирались не отдавать долги, другие занять денег: ни тем, ни другим нельзя было доверять. Равнодушный к политике он, однако, воздействовал на нее в сторону реакции, степень которой свидетельствовала об уверенности государственной власти и гарантировала ее кредитоспособность. Весь свой ум, всю энергию своей настойчивой воли, активность живого характера он направил на приобретение. К этой цели он стремился упорно, предпочитая верность расчета, но не отказываясь и от риска, предприимчивый и выдержанный в то же время, решительный и осторожный. Горячий предприниматель, но и холодный осуществитель, он представляет сочетание типа инициатора с ниже разбираемым типом систематизатора, в нем также заметны черты властного и извращенного типа с надменностью, неуважением к личности, пренебрежением к идеалам и другими отрицательными чертами, которые за ним закрепили репутацию «бесчувственного Шейлока».

Интересную и важную комбинацию внешней деятельности и знания представляет научно-практический тип техника-изобретателя. Разновидности типов определяются не только абсолютным развитием функций, но и соотношением и направлением их. Волевая функция у типа знания, главным образом, проявляется только в деятельности интеллекта. Здесь же ее положительное воздействие обнаруживается и во-вне. Стремление к изобретению так же бескорыстно, как и к чистому познанию, но знание здесь является орудием действия, реально-практические потребности

руководят волею; цели полагаются запросами к деятельности, вызываемыми конкретной действительностью, и знание доставляет средства для их осуществления. Разбираемый тип нашел себе яркое воплощение в лице Эдиссона.

С детских лет Эдиссон обнаруживал склонность к техническим работам и изобретательности. Эти же черты вместе с инициативой и предприимчивостью он обнаруживал и во всей своей деятельности. Тут был и бескорыстный интерес и практические склонности. С 13 лет он устраивает в вагоне поезда типографию и издает и печатает газету, там же он устраивает и химическую лабораторию. Чрезвычайно характерна, не только как показатель его интереса к знанию, но и склонности ставить себе конкретные цели для достижения, его попытка перечитать все книги в одной библиотеке, которую он читал полка за полкой. Поставив себе цель, он настойчиво стремится к ней, пока не достигнет намеченного результата, будучи способен проводить по 60 часов без отдыха за горячей работой. Сосредоточенный на своих изобретениях и связанных с ними работах, он обладал, тем не менее, чрезвычайно живыми и разносторонними интересами. Его неутомимая деятельность не руководилась мотивами личной выгоды, но являлась выражением активной натуры и ищущего ума, он мало ценил деньги, был щедр и не раз раздавал своим товарищам все, что имел.

5. Система, организация.

Как в области внешней деятельности, так и здесь мы встречаемся не с отдаленной внешней целью, но с целью имманентной самой деятельности, непрерывно в ней осуществляемой, соответственно внутренним склонностям личности. Представителей этого типа характеризует стремление не столько к созданию новых ценностей и отношений, сколько к осуществлению уже намеченного и к систематизации, приведению в порядок уже существующего. Не склонные ставить новые цели они в высокой степени одарены способностью приспособления средств для достижения уже поставленных целей. В связи с этим они отличаются консерватизмом или осмотрительным либерализмом, склонностью не к крупным реформам, а к улучшениям, к деятельности в установившихся рамках и с определенными приемами. В социальных вопросах взгляды их отличаются, соответственно этому, склонностью к подразделениям и разграничениям. Нередко можно встретить среди них принципиальных сторонников деления на касты, сословия, корпорации и т. д., сторонников соблюдения общепринятых условных форм. В отношении к религии выступает склонность к выполнению внешней обрядовой

стороны при отсутствии внутреннего чувства. Воззрения их отличаются ясностью, последовательностью и схематичностью. Деятельность направляется не отдельными идеями, а широко разработанной систематической программой их. В отношениях к праву и морали на первый план выступает формально-логическая сторона, которая может, однако, выродиться в формализм, служение букве, а не духу закона. В отношении к людям они руководствуются не непосредственными побуждениями чувства, а расчетом и разными соображениями, оставаясь часто формально-безучастными, если не нуждаются в них. Во всех отношениях часто проглядывает эгоизм, действие которого может, правда, умеряться благодаря широте их кругозора и уровню развития. В основе всех этих проявлений лежат черты рассудочно-деятельного типа. Их интеллект, бедный восприятиями и фантазией, с развитой способностью произвольного внимания, характеризуется более схематически-отвлеченным, чем конкретным направлением, и более реально-практическими, чем теоретическими интересами. Слабо развитая аффективность ограничивается сферой основной деятельности и личных интересов. Наконец, воля их, настойчивая, упорная в рамках привычной работы систематического труда оказывается сильной, но в новых условиях, там, где необходима инициатива, находчивость и быстрая решительность, она может оказываться недостаточной. Этот недостаток они компенсируют предусмотрительностью и дальновидным расчетом, устраняющими возможность нарушения их планомерной работы. Представители рассматриваемого типа чаще всего встречаются в рядах крупной бюрократии, а также в промышленной деятельности. Примером разбираемого типа может служить кардинал Р и ш е л ь е.

Фактический правитель Франции времен Людовика XIII он явился одним из выдающихся деятелей на пути перехода ее от феодализма к абсолютизму. Несмотря на то, что ему в высшей степени был близок аристократизм и кастовые привилегии, он нанес смертельный удар представителям своего класса в своем стремлении к созданию прочной, совершенной системы власти. Если в некоторых его проявлениях можно отметить черты аффективности, например, в приступах «меланхолии», если иногда в нем проглядывали эстетические склонности, например, в любви к изящным искусствам, к великолепию и пышности, в попытках литературно-художественной деятельности, то в остальных отношениях, во всей своей деятельности он представляется типом рассудочным; чуждый высшим мотивам и бескорыстным увлечениям он прикрывал их отсутствие внешними проявлениями, о соблюдении которых он очень заботился. Он совмещал жестокость в отношении к политическим противникам с щедрой благо-

творительностью, наружную набожность с религиозным индифферентизмом. Он старался заручиться расположением тех, кто мог ему пригодиться (и даже рекомендовал это в своих «Наставлениях и правилах»), и безжалостно расправлялся с врагами. Обладая выдающимися административными способностями, расчетливостью и дальновидностью, исключительной работоспособностью, он с умелой настойчивостью привел в хорошее состояние расстроенные финансы Франции, организовал сильную армию и расширил границы государства. Не создав по существу ничего нового, он сыграл большую роль в направлении государственной жизни Франции и в дальнейшем развитии тех начал, которые были заложены уже раньше.

Представителем организационной и систематической деятельности в области экономической жизни является А к и н ф и й Д е м и д о в.

Он является одним из родоначальников горного дела в России. Родился крестьянином и умер дворянином, обладателем многочисленных миллионов, накопленных упорным и неустанным трудом. Он построил десятки заводов, разрабатывал все металлы, имеющиеся на Урале, проводил дороги. Эти стороны его административной деятельности характеризуют, главным образом, его волевую сферу, дают возможность судить и об его интеллекте. В этом отношении заслуживает внимания его стремление к знанию, что заставило его, еще в период Петровских реформ, ездить заграницу для ознакомления с постановкой дела на месте. Аффективная сторона его личности стоит в ясном подчинении к отмеченным выше сторонам. Касаясь морально-социальной стороны его личности, нужно отметить расчетливость, неразборчивость в средствах (до чеканки фальшивых монет), неуважение к чужой личности и деспотизм, в значительной степени вызванные условиями воспитания и развития.

6. Власть.

В основе рассматриваемого типа лежит стремление к власти возможно более полной и широкой и культ ее, как высшего идеала. В связи с характером нашей культуры, власть не относится к числу общепризнанных идеалов и становится обычно самоцельно по закону гетерогонии целей в процессе борьбы. Представители этого идеала являются активными сильными борцами. Характерологическое значение формы деятельности сказывается в том, что властный тип чаще всего встречается среди военных, государственных и политических деятелей, поскольку необходим материал (подчиненные) и наличность известной обстановки для реализации соответствующих тенденций. Вся экзо-

психика их определяется идеализацией власти, могущества, силы. Они являются сторонниками единодержавия и централизации, сосредоточивающей в их руках все управление, сторонниками дисциплины и порядка, служащих орудиями их могущества. В отношении к людям требовательны и деспотичны, покровительственны к покорным, нетерпимо-враждебны к неподчиняющимся. В любви активны, склонны подчинять себе; честолюбивы и самоуверенны; к излишествам не склонны. Интерес дела ставят выше всего. В миросозерцании стремятся к ясности и определенности; интересуются философией практической жизни.

Со стороны эндо-психики прежде всего отмечается наличность высоко развитой активной воли. Настойчивость, решительность, энергия, самообладание, точность и выдержка свидетельствуют об ее развитии в направлении как внешних, так и внутренних волевых актов. Интеллект высоко развит, но имеет направление реально - практическое. Интересуются жизнью и людьми и знают их хорошо.

Обладая умом трезвым и критическим, они не склонны подчиняться внушению авторитета; сообразуются с требованиями действительности. В суждениях и оценках самостоятельны. Бессознательные элементы в психике их не играют значительной роли, в действиях они руководятся ясно поставленными целями. Низшие органические влечения слабо развиты; эстетические чувства, а также идейные чувства достигают значительного развития. В действиях руководятся сознанием долга по отношению к делу или к себе самим. Мелко личные чувства уступают идейному честолюбию и самолюбию.

Борьба и определяющие стремление к власти мотивы могут быть личного характера или же могут направляться на внеличные цели, и власть становится средством осуществления их. Ареной борьбы чаще всего бывают междучеловеческие отношения, но она может направиться в более редких случаях в другую область—этими моментами определяются разновидности типа.

Примером эгоцентрического типа деятельности, направленной по преимуществу личными мотивами честолюбия, является Наполеон Первый Бонапарт.

В вихре событий созидания и разрушений, имеющих в фокусе Наполеона, не видно той внеличной ценности, на которую он направлял свою деятельность. Он лучше всего определяется, как деятельно-властный тип: с одной стороны, неутомимая энергия, с другой — ненасытимое властолюбие; и то и другое регулируется огромной силой воли. Еще в школе его аттестовали так: нрав властный, требовательный и упрямый. Выступив на арену политической деятельности в периоде революционного идеализма,

он быстро утратил легкий оттенок (его мысли об освобождении Корсики, увлечение Руссо) и стал чуждым морали политиком, меняя, когда выгодно было, принципы и примыкая к различным партиям в соответствии с расчетом. Перифразируя Эмерсона, можно сказать: он не был безнравственным, но не знал преград своей воле, действия оценивались им только в категории целесообразности, ставя его вне нравственности. Неутомимая выносливость, быстрая решительность, способность к огромному и длительному напряжению, непреклонная настойчивость — вот общие черты его волевых проявлений, отмечаемые на каждом шагу его жизни. О количественной стороне его интеллектуальной одаренности говорить излишне, качественная же сторона направления характеризуется всецело мотивами действия, определяющими практический склад ума. Еще в академии он интересовался только фактами и прикладной стороной науки, будучи чужд интересам абстрактного мышления. Впоследствии он вел иногда беседы об отвлеченных вопросах, но только для развлечения и упражнения. Для действия необходимо и достаточно знание реальности, правильный расчет и основанное на них предвидение — этим требованиям вполне удовлетворял ясный, быстрый, гибкий ум Наполеона. В сфере прикладной деятельности он обнаружил разносторонние способности: в роли стратега, экономиста-финансиста, законодателя (бессмертный Code) и политика, учившего Талейрана. Во всей своей разносторонней деятельности он проявляет инициативу, творческий размах которой и широкая многосторонность перевернули весь внутренний строй Франции и Западной Европы. Эти основные черты определяли собой все остальные или оттесняли их на задний план. Аффективность его, порой сильная, проявлялась тогда, когда можно было не владеть собой. Эмоциональные реакции сконцентрировались вокруг самой личности и ее целей и легли в основу честолюбия, славолюбия, эгоизма, горячо реагирующего на относящееся к нему и черство-рассудочного в остальном. В социальных воззрениях он был демократом, ценя людей в меру их способностей и соответственно давая им место. К религии и к искусству равнодушный, он не был чужд эстетики власти с ее декорумом и помпой. В жизни он был прост и способен обходиться немногим, от роскоши дворца переходя к походной жизни. Условия постоянной борьбы оказали на него извращающее влияние: эгоизм, неразборчивость в средствах, беспринципность, равнодушная жестокость явились неизбежным следствием этой борьбы, а культ силы единственным идеалом, продиктованным оградительными тенденциями самозащиты и четко выраженным в формуле «мое царство прекратится, когда я перестану быть сильным».

Представитель идейной власти является в глазах самого себя только средством осуществления в жизни требований идеала. В лице Оливера Кромвеля мы находим такого представителя, у которого дано сочетание религиозно-политического комплекса с чертами властного типа, типа борца-вождя, правителя решительного, твердого и непреклонного. Характерным отличием от Наполеона у Кромвеля является идейность; цель жизни — служение идеалу, мораль, долго руководящая нитью его поступков. Одной из основных идей, к которой он пришел после годов сомнений, напряженных исканий, является идея самоотречения для высшей цели — религии, проведения ее принципов в жизнь. В соответствии с чертами активной натуры его вера не замкнулась в индивидуальных рамках религиозной интуиции, а явилась побуждением к переустройству жизни. На-ряду с чертами религиозности в нем есть черты общественно-политического комплекса с любовью к обществу и общительностью, отзывчивостью с широкими проявлениями аффективности и активности. Эволюция личности в процессе борьбы идет всегда в направлении сосредоточения ее деятельности и реакций и исключения всех незначащих, с точки зрения цели, сторон жизни. Так было и с Кромвелем: черты вождя и правителя вытеснили все остальные черты человеческой личности. Тяжелые условия борьбы оставили и на личности Кромвеля искажающий отпечаток: повидимому, постепенно подозрительный деспот сменил идейного свободолюбца, а самоотверженный идеализм мало-по-малу уступал место тяготению к неограниченной, безусловной власти.

Черты властного государственника резко выступают в личности Бисмарка, «железного канцлера». «Я хочу, — говорил он, делать музыку или не участвовать в ней». Власть, однако, не является здесь самодовлеющей ценностью, а принципом государственности и способом служения ему. Наиболее совершенной формой правления ему представлялся монархизм, даже абсолютизм. Защищая эту идею, он стоял в рядах крайней правой партии. Однако, нужно отметить, как самое существенное, что он не был рабом предвзятого убеждения. Интересы государства, правда, в рамках сословных и династических, стояли на первом плане, а проницательный, дальновидный и практический ум свободно определял, осторожно сообразуясь с обстоятельствами, поведение. Консерватор по вкусам, сам он не мог быть либералом и, стоя в рядах реакции, допустил всеобщее голосование, признавая парламент с основами конституционных свобод необходимыми коррективами абсолютизма. Принципиальные положения не имели для него характера всемогущих обязательств. «Великие вопросы времени решались кровью и железом»,

согласно требованиям практической необходимости. Такая точка зрения с определенностью исключала (в отличие от Гладстона) моральные мотивы из сферы социальных и государственно-политических отношений. Даже положив во главу угла благо государства, политику национальной пользы, он, подобно многим политикам, применял к действиям принцип цели, оправдывающей средства. Отношение к людям у Бисмарка определялось критерием их полезности; сторонник абсолютизма и кастовой аристократии он тем не менее выбирал и ценил своих сотрудников не по происхождению, а по дарованиям. Энергия, практичность, настойчивость, самообладание, проницательность характеризуют Бисмарка, как интеллектуально-волевой тип, в результате эволюции сконцентрировавшийся в сфере политической деятельности; однако, аффективная сфера достигала у него также значительного развития. В молодости его веселый образ жизни снискал ему репутацию отчаянного юнкера; впоследствии приступы отчаяния при мысли о крушении его планов доводили его до готовности покончить с жизнью. Но с сосредоточением его деятельности он сохранил свою способность аффективной реакции только, повидимому, в области государственных и политических интересов.

Особую разновидность властного типа, в котором склонность к борьбе и преодолению препятствий направлены не на человеческие отношения, а на природу, представляют путешественники. Их характеризует большое развитие аффективности и фантазии, которые, сочетаясь с практически-конкретным складом интеллекта, направляют их от обыденности в сторону неизведанной, но реальной жизни. Любознательность, идейный познавательный интерес отклоняют на известное, объединяют и осмысливают их деятельность, отличая ее от беспорядочных проявлений активности искателя приключений.

Примером этого типа может служить С т е н л и.

Волевая сторона, как и у предыдущих представителей, у него достигает высокого развития: неутомимая деятельность, широкая инициатива и предприимчивость, способность легко переносить самые тяжелые лишения и непреклонная настойчивость, смелость и самообладание его характеризуют. Едва оправившись от одного путешествия, он собирался в другое. Живой, наблюдательный, широко интересующийся различными сторонами жизни, ярко воспринимающий, обладая богатой фантазией, он еще бедняком рабочим поставил своей задачей побывать в Америке и обратил свою жизнь в ряд экспедиций и исследований. Помимо фантазии он обладал и другими сторонами художественной одаренности — его литературные произведения пользовались большим успехом. Помимо стремления к новизне его

путешествия имели своим источником самостоятельный познавательский интерес, позволивший ему оказать большие услуги науке. Но не только теоретическими склонностями характеризуется его интеллект, он отличался большими практическими способностями, находчивостью, расчетливостью и предусмотрительностью. В нравственной стороне его личности отмечались черты великодушия, отзывчивости и доброты. Способность подчинять себе, увлекая своей идеей, вместе с трезвым складом ума и энергией сделали его хорошим администратором и основателем свободного Штата Конго.

ГЛАВА III.

Смешанный тип.

Если чистый тип представляет собою служение одному идеалу, если о комбинированном можно говорить, как о совмещающем два способа достижения одной цели, объединяющих деятельность, то в смешанном мы находим не слившиеся между собой деятельности — идеалы, в служении которым разделяется личность. Между этими типами объединенной и разделенной деятельности нет, однако, пропасти. От чистого типа путем все большего расхождения центров, вокруг которых тяготеет деятельность, через комбинированную личность мы переходим к смешанной. Это расхождение обусловлено развитием добавочных комплексов наклонностей, не имеющих родства и определяющих одновременное существование идеалов.

Высшая степень координации, присущая высшему уровню, естественно вызывает вопрос: как могут быть смешанные типы там, где существует глубокое гармоническое объединение?

Нужно заметить, что смешанные типы, как таковые, очень редкое явление на высшем уровне; в гораздо большей степени их можно найти среди стоящих в месте перехода на высший уровень богато одаренных личностей, которым это расщепление, вообще неблагоприятно отражающееся на общей продуктивности, помешало занять место на высшем уровне. Гораздо чаще можно встретить здесь две формы: во-первых, тип, который еще укладывается в понятие широкого или комбинированного, где имеется ряд комплексов, которые могли бы по степени своего развития приобрести самостоятельное значение. Они подчинились доминировавшему и в этом субординированном состоянии направились к служению одной цели, соответствующей основному комплексу, обогатив арсенал средств деятельности и сообщив многообразие проявлениям личности. В лице Вагнера мы видим пример этого типа. Основной комплекс здесь художественно-

эстетический, с ним координирован мыслительный. Помимо того отмечается комплекс внешней деятельности, имевший в молодости тенденцию приобрести самостоятельное значение (увлечение политикой), но насыщенный внешней борьбой в периоде скитаний и организационной деятельности (Байрейт). И мыслительный комплекс и комплекс деятельности здесь совершенно подчинены художественному. В другом случае мы имеем две формы деятельности, и личность может быть отнесена к смешанному типу, но центральное ядро склонностей, лежащее в основе, одно, и деятельность, идущая в двух направлениях, имеет в своей основе единый источник. Примером этого случая может быть Пирогов, который будет разобран ниже.

Наличность настоящих смешанных типов на высшем уровне, однако, несомненна. Объяснение этому факту нужно искать и в характере не слившихся комплексов, далее в общем складе личности и, наконец, в условиях ее развития.

Комплексы функций могут иметь больше или меньше склонностей к объединению; есть группы взаимно исключающих друг друга функций. Если взять характерологические основы идеалов, то функции, лежащие в основе типа мыслителя-философа, исключают склонность к внешней деятельности. Другим примером антагонизма, исключающего сосуществование, является отношение между представителями типа художника и систематизатора. Другие комплексы, не исключая друг друга, тем не менее, настолько отделены по характеру составляющих их психических функций, что мало склонны к слиянию и могут остаться независимыми центрами, в тяготении к которым расщепляется личность. Сюда относятся комплексы научный и религиозный, научный и художественный. При наличности достаточных для развития этих комплексов условий чистый или смешанный тип определится, помимо того, еще другим моментом; общим складом личности. Естественная тенденция к единству проявлений и направления деятельности имеет в своей основе борьбу комплексов за обладание психической энергией (ср. Липпс).

Объединение удается, если один приобретает перевес, подчинит себе другой, получится та форма координации, которую Полан определяет, как цельный тип. Подчиненный доминирующему слабый комплекс может сохранить в известной степени и самостоятельное значение; тогда он отразит на себе след влияния комплекса господствующего, но и сам наложит на него свой отпечаток. Так, мы видим, как у Гёте мыслительный комплекс выразился в самостоятельном научном интересе, но способ мышления в научных проблемах приобрел характер интуиции, и, в свою очередь, творчество пропиталось интеллектуальным элементов. У Ницше художественный комплекс выразился

в самостоятельной форме занятий музыкой и композицией, но главным образом отразился на его мировоззрении, эстетизировал, если можно так выразиться, его интеллектуальную деятельность.

Помимо соотношения в развитии комплексов общий склад личности имеет большое значение. Способность регуляции, координации в различной мере выражена у различных личностей. В этом отношении значительную роль играет развитие воли, как координирующего, регулирующего, уравновешивающего и концентрирующего фактора. Недочет в этом отношении будет допускать самостоятельное существование обособленных центров: наоборот, развитие воли будет содействовать взаимоторможению и слиянию комплексов, и личность, в стремлении к единству, будет прилагать активные усилия к подавлению всего препятствующего их объединению.

Внешние условия, являясь возбудителем, влияют в том отношении, что могут содействовать сохранению того комплекса, который в других условиях был бы подавлен и атрофировался. Условия воспитания могут, наоборот, развить и даже привить добавочный комплекс. Наконец, социальные условия, создавая в каком-либо направлении препятствия, могут оказать противоположное действие в форме компенсаторного усиления деятельности личности в направлении препятствий, недостатка и переоценки соответствующих сторон жизни и деятельности.

Мы видели, что на среднем уровне смешанный тип в значительной степени обусловлен влиянием внешней среды. Возникновение смешанного типа под влиянием внешних условий на высшем уровне соответствует в значительной степени тому же явлению и на среднем уровне.

Наконец, следует отметить еще возможность возрастных влияний на выявление функциональных групп. Это влияние особенно может быть выражено у широких типов, где, в связи с вызванной возрастными изменениями внутренней реконструкцией типа, получают преобладание ранее тормозившиеся группы наклонностей.

Таким орбазом, среди смешанных типов, не касаясь содержания сочетающихся комплексов, можно отметить несколько групп. Во-первых, случай двух деятельностей, определенных группами внутренне-родственных склонностей. Это тип внешнесмешанный. Примером может служить П и р о г о в.

Пирогов был, как известно, врачом и педагогом. Основной склад личности остается тем же в обоих родах деятельности, но форма и направление меняются в связи с внешними условиями, которых мы сейчас касаться не будем. Эта внутренняя близость обеих форм облегчила переход от одной к другой.

Обладая развитым интеллектуальным комплексом, как ученый, он, соответственно своей активной натуре, придал ей направление, тесно связанное с практической деятельностью в роли врача-хирурга, в роли организатора врачебных научных учреждений (устройство анатомического института, музея патологической анатомии, организации военно-полевых сестер милосердия). В принципиальной стороне деятельности врача заключены филантропические элементы. В личности Пирогова эта идейная сторона помощи страждущим нашла свое яркое проявление, благодаря высокому развитию альтруизма; в глубоко преклонном возрасте он, рискуя жизнью и здоровьем, принимает участие в турецкой кампании, перенося крайне тяжелую обстановку, работая в изнуряющих условиях. Переходя к другой сфере его деятельности, нужно заметить, что существенным моментом в психологических условиях педагогического призвания является наличность развитых общественно-альтруистических чувств, наряду с познавательными склонностями, т.-е. близких тем, которые уже отмечены у него, как у врача. То же развитие интеллекта, тонкость высших чувств, общественно-альтруистические наклонности создали гуманного педагога и «общественника-врача», высоко ценящего личность человека и служащего одной этой цели двумя доступными ему способами.

Другая группа смешанных типов является также внешним результатом воспитания и социальных условий. Один из комплексов здесь прививается условиями воспитания и внешними условиями жизни и обычно не достигает той степени, до которой развивается основной комплекс. Одним из примеров этого типа может служить К ю в ь е.

Кювье является типом ученого-систематизатора. Он обладал огромной памятью, такой же способностью к длительному непрерывному напряжению воли и высоко развитой способностью тонкого анализа и систематизации. Эти моменты определили его научное значение: им установлено много новых фактов, все старые и новые факты приведены в систему (классификация животных), наконец, в результате открытия новых фактов и их систематизации создалась новая наука палеонтология. Эту наклонность к систематическому усилию и порядку обнаруживал Кювье и в обычной жизни, порой доходя до педантизма. Те же черты сделали его полезным государственным деятелем, но эта сторона его деятельности, не имея достаточного основания в его внутреннем складе, не достигла высокой степени. Внешняя административная деятельность, которой ему приходилось заниматься, могла еще отвечать его интересам, когда дело шло о народном образовании, но была прямо навязана ему, когда, например, ему пришлось выполнять функции военного инженера, организуя защиту

Майнца. Развиваясь в стесненных обстоятельствах, Кювье привык мириться с ними; эти же обстоятельства, быть может, вынуждали его ценить преимущества высокого положения несколько выше, чем они на самом деле того заслуживали, и брать на себя обузу несоответствующих склонностям обязанностей.

Третья группа представляет по существу широкий сложный тип, где две группы комплексов приобретают особое значение, вследствие чего образуются как бы два центра апперцепции и деятельности. Примером этого типа может служить Л е о н а р д о-д а-В и н ч и.

В нем совмещались комплекс художественный и познавательный, из которых второй обычно не дооценивался. Будучи сильно развитым, эти две стороны его личности имели самостоятельное значение и независимое существование, но вместе с тем оказывали друг на друга влияние и были до некоторой степени связаны рядом переходных ступеней. Леонардо-да-Винчи, представляет один из редких примеров многосторонней широкой одаренности личности, почти универсальная деятельность которой, однако, определена по преимуществу направлением искусства и науки. Пылкая фантазия, эмоциональность, склонность к увлечениям, эстетизм, любовь к жизни характеризуют его, как художника. Параллельно общей разносторонности его личности художественная одаренность не исчерпывалась одной формой искусства. Как известно, он был не только живописцем, но и скульптором, композитором и поэтом, он был и исполнителем—певцом, и музыкантом и прикладное искусство не было ему чуждо (декоративное и строительное искусство). Другая сторона — познавательная способность достигла у него также необыкновенного развития. Гениальные научные концепции его далеко опережали современную ему науку. Оба комплекса оказали друг на друга заметное влияние. Реализм художественного творчества Леонардо-да-Винчи отражает стремление к позитивно обоснованному знанию в его мыслительной деятельности. Персонажи его картин в значительной степени являются результатом его наблюдений над реальной жизнью. Для лица Иуды в Тайной Вечери он затратил около года на изучение лиц преступников и бродяг, посещая тюрьмы и места сборищ отбросов общества. Проявление того же комплекса можно заметить и в чертах сознательной намеренности его творчества, в дискурсивном подходе к объектам художественной деятельности. Задание, поставленное им себе в Тайной Вечери, — это изображение в мимике, позах, всей внешности апостолов их внутренней, духовной сущности. Наконец, в жизни его роль интеллекта сказалась в спокойствии, гармонической ясности, отсутствии

крайностей и ровной мягкости характера. Таким же образом влияние художественного комплекса сказалось в научных работах его в богатой изобретательности, творческом воображении, в гениальных интуициях. В жизни эстетические склонности его выразились в тяготении к красивым сторонам жизни (устройство празднеств и развлечений молодости), в любви к благородному изяществу форм, в стремлении к культивировавшим красоту высшим кругам общества. В объектах его деятельности мы видим постепенный переход от преобладания одной стороны, художественной, эстетически-бесполезной, к другой — научной практически-прикладной. Так, от чистого искусства живописи и поэзии, через скульптуру и архитектуру, перекидывается переходной мост к зодчеству, механике, физике и математике. Одно и то же явление представлялось источником двух форм деятельности: формы человеческого тела были и предметом скульптуры и одновременно предметом анатомического изучения. Восприятие цветов источником и живописи и оптических исследований. Заслуживает внимания в связи с тем, что говорилось выше о возрастных сменах комплексов, тот факт, что преобладание художественной деятельности в более раннем периоде его жизни сменилось потом преобладанием другой стороны.

Наконец, истинную форму смешанного типа, редкую, как уже говорилось выше, представляет сосуществование независимых функциональных групп и соответствующих им самостоятельных форм деятельности. Примером такого типа является Бородин.

Бородин, как известно, был композитором и ученым — химиком по специальности. Стремление к этим двум формам деятельности и способности он обнаруживал еще с детства, так что их наличность нельзя отнести ни к возрастным ни к экзогенным условиям. Следует отметить две стороны в характере Бородина: во-первых, он представлял тип широкий, и, кроме отмеченных уже двух комплексов, у него значительного развития достигал также альтруистический комплекс, выражавшийся в постоянной заботе и хлопотах о других, в доброте и отзывчивости; в связи с этим следует отметить его общественную деятельность, значительно тормозившую его работы в области науки и искусства. Во-вторых, следует отметить недостаточное развитие волевой стороны его личности. Оно сказалось и во всем укладе его жизни, беспорядочной, разбросанной, а равно и в его деятельности, которая определялась не только основными склонностями его, но и другими моментами, например, когда, поддаваясь внешним влияниям и настойчивости, он не имел достаточно активности, чтобы отказаться от

работы, ему служившей существенной помехой. Таким образом, наличность двух центров, по которым разделилась деятельность Бородина, обусловлена, при общей его интеллектуальной одаренности, наличностью и художественной одаренности, требовавшей своего удовлетворения. Другим причинным моментом, повидимому, следует считать недостаток волевой функции, при развитии которой, можно думать, его научные склонности должны были бы уступить более высокому музыкальному дарованию его.

Отмечая эти четыре группы отчасти по формальным особенностям, отчасти по генезису, мы имели в виду установить не классификацию их, а лишь моменты, обусловливающие их возникновение, отчасти и те стороны, которыми они соприкасаются с другими типами. Положение же их в классификации естественно определится сочетанием тех эндо-групп склонностей и соответствующих их экзо-категорий, которые направят их деятельность и определят их идеалы, вполне соответствуя в отдельности выше рассмотренным чистым типам.

ГЛАВА IV.

Извращенные типы.

Наличность извращенных типов на высшем уровне справедливо может быть подвергнута сомнению. Если личность на высшем уровне приспособляет к себе среду, иначе говоря, условия существования, то как может она извращаться, т.-е. поддаться влиянию не соответствующих ее внутреннему складу условий. Одна сторона ответа на этот вопрос заключается в том, что размер соприкосновения личности с внешней средой и размер влияния последней, в смысле обилия усваиваемого личностью материала воздействий, значительно увеличивается. Возрастание способности воздействия на внешний мир идет рука об руку с возрастанием ее восприимчивости к внешним влияниям, правда перерабатываемым самостоятельно, а также и с возрастанием ассимиляторной и реактивной способности ее: внешние воздействия глубже и острее переживаются личностью. В то же время борьба на высшем уровне не становится легче, чем на остальных, так как с ростом личности расширяются ее задачи, усложняются цели; растет масштаб ее деятельности и соответственно увеличиваются препятствия, требования и запросы на усилия. Поэтому относительное значение конфликтов, налагающих свой отпечаток и способных извращать личность, здесь не меньше, чем на других уровнях. Внутреннее равновесие личности тем не менее здесь настолько устойчивее, сопротивляемость неблагоприятным усло-

виям и избирательная способность настолько сильны, что, помимо этой принципиально, теоретически свободно приемлемой стороны, имеется ряд реально-фактических условий, определяющих глубину и интенсивность влияния извращающих факторов, оставляющих на личности неизгладимый след. Три момента играют здесь определяющую роль. Во-первых, наличность неблагоприятных влияний уже в раннем возрасте, во-вторых, влияние событий и несчастий, обрушившихся на личность и коренным образом изменяющих в неблагоприятную сторону ее частью уже сложившееся существование, в-третьих, условия, заложенные в самой личности в виде недостаточной устойчивости и уравновешенности, нередко с болезненным оттенком. Значение извращающих факторов в детстве, когда закладываются сознательно и бессознательно основные черты личности, не может подлежать сомнению и настолько ясно, что не требует аргументации. Влияние резкой перемены, связанной с катастрофой в личной жизни там, где она уже налажена, определенным образом обусловлено тем, что, когда личность приспособилась к известной форме существования, когда сложились определенные навыки и наметились цели и средства существования, в тот момент, когда все эти стороны организовались, разрушение их, связанное обычно с сильным дезэквилибрирующим личность эмоциаональным шоком, требуя внутренней реконструкции и нового приспособления к новым условиям, естетсвенно создает угрозу извращения. Ниже в характеристике Б э к о н а эта сторона будет отмечена. Что касается до третьего момента, то связь высокой одаренности с известными уклонениями от нормы в характере и проявлениях давно уже привлекала к себе внимание и немало способствовала популяризации известной формулы Л о м б р о з о, по меньшей мере соподчиняющей понятия гениальности и невроза. Значительная часть крайностей и ненормальностей их характера могут быть, однако, отнесены не насчет болезненности, а получить истолкование как вторичные симптомы извращения, возникшие в тяжелой обстановке борьбы, при чем собственно болезненный элемент явится только неблагоприятным фактором, способствующим извращению. Возникает естественно проблема разделения понятий и признаков невроза и извращения. Не входя в специальное обсуждение этого вопроса, отметим тот факт, что, если и то и другое в биологической перспективе является известной формой приспособления и уравновешения, то в неврозе и психозе, в согласии с воззрениями новейшего времени, усматривается отказ от внешней реальности (бегство в болезнь — Freud, атуизм — Bleuler), пренебрежение к ее требованиям, а также поиски рановесия в сфере субъективных переживаний и субъективной реальности; в извращении же контакт с внешней

средой сохраняется в стремлении приспособиться к ней, личность руководится логикой реальности, только способ и направление приспособления обычно имеет в этом случае характер антисоциальный. Переходя к сравнению высшего типа извращенных с извращенными типами среднего уровня, мы отметим, что принципиально деление на приспособившихся, сохранивших равновесие и неудачников, безостановочно деградирующих, имеет и здесь свое приложение. Однако, вторая группа не представляет по существу типов высшего уровня, а скорее этапы, по которым деградирует в низшие уровни разрушающаяся личность. Здесь извращение, идя далеко вглубь, расщепляет личность, уничтожает координированность ее проявлений, влечет за собою оскудение. Чем ниже место в иерархии человеческих личностей, тем менее дифференцированы реакции человека, тем более грубые нарушения должно вызвать извращение, тем более глубокие, но общие черты психического организма должны подвергнуться воздействию для того, чтобы это заметно отразилось на личности. Мы видим, что у извращенных низшего уровня не только содержание, точнее экзо-психика, но и формальные качества личности подвергаются изменению; так у безвольных мы видим подавление и атрофию волевой способности, у апатичных—сферы чувств и воли. Наоборот, на высшем уровне извращение сказывается уже тогда, когда не отразившись на формальной структуре личности, оно коснется динамики соотношений ее со средою, направления и способов ее деятельности.

Касаясь внутренних, заложенных в самой личности условий извращения, мы должны обратить внимание на характер соотношения наклонностей и их отсительное развитие. Тип концентрированный, с одной стороны, устойчивее, с другой стороны—извращается полнее. Тип широкий всегда имеет слабые стороны, могущие явиться источником извращения. Выше уже отмечено, что переходные формы особенно часто встречаются среди извращенных. Смысл этого явления заключается отчасти в том, что существование в несоответствующих условиях у довольно широкого типа значительно развивает добавочные группы наклонностей. Наконец, смешанный тип, недостаточно координированный, легко может подвергаться извращению в одном из основных своих комплексов. Если оценивать опасность извращения в соответствии с перевесом той или другой стороны эндо-психики, то интеллектуальный тип в своем преобладающем комплексе не имеет наклонности к извращению, но всегда есть опасность гипертрофии его и подавления эмоциональной стороны, создающей социально неполноценную личность, так как понижение и сужение эмоциональной способности своим результатом имеет сохранение ее и ее движений, ее побудительной силы только

в сфере узко личных реакций, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Большую опасность извращения заключает в себе аффективный тип в силу наиболее острой восприимчивости и, следовательно, ранимости, а также по той еще причине, что само по себе извращение представляется аномалией отношений и реакцией, имеющей в основе эмоционально-волевую сторону. Волевой тип, обладая большей устойчивостью и лучшей регулятивной способностью, содержит слабую сторону в своей активности, вовлекающей личность в борьбу и подвергающей ее опасности деформации. Характер деятельности и идеалов также, в различной степени содержит в себе возможность извращения. Идеал может быть и гарантией духовного здоровья, но может, определяя направление деятельности, в той или иной степени представлять и опасность.

В случае, например, государственно-политической деятельности идеал и направление его предопределяют конфликты со средой. В этом отношении идеал власти представляет большую опасность. В стремлении обеспечить себе удовлетворительный масштаб деятельности властный тип идет невольно по пути подчинения себе окружающих, вступает естественно в борьбу с ними и в разгаре ее, стремясь бесповоротно к намеченной цели, не разбирает средств и способов, не считается ни с чем в угоду императивам достижения. Высшее проявление социальности выражается в морали, и чем выше моральная сторона идеала, тем в большей степени гарантирует он сохранность личности. Идеал красоты, стоящий вне моральных категорий, не заключая в себе опасности извращения, не может поддержать личность в критический момент. Противопоставление искусства и жизни имеет значимость и в этой области и, высоко совершенствуя художника, ни мало не определяет человека, в частности его социальную сторону. Красота, как и знание, является одинаково бескорыстным идеалом, но последнее имеет то преимущество, что интеллектуальный тип ученого и мыслителя труднее вывести из состояния равновесия, чем болезненно восприимчивый тип художника. Служение обществу и государству, выдвигая личность на арену борьбы, часто неизбежных интриг, заключает в себе и соответствующие опасности. Внешняя деятельность, стоящая в плоскости индифферентной по отношению к морали, всегда в конечном итоге руководится личными склонностями, а следовательно и целями, скрывая опасность сосредоточения на служении только личным целям. Система и организация с рассматриваемой стороны так же относятся к внешней деятельности, как знание к красоте.

Так как на высшем уровне типы представляются по преимуществу комбинированными, то здесь возникает возможность,

во-первых, внутреннего конфликта противоречивых наклонностей, например, у типа религиозно-властного, где тенденция властного характера не мирится с заповедью религиозной мягкости и смирения, во-вторых, частичного извращения определенного добавочного комплекса. Эти случаи извращения, исходящие из добавочного комплекса или им обусловленные, являются наиболее частыми. Примером может служить общественно-политический деятель, у которого добавочный комплекс власти гипертрофируется, приобретает доминирующее значение, искажает идейные перспективы деятельности. Как же отражается извращение на основных присущих высшему уровню чертах? Во-первых, богатство личности, присущее высшему уровню, может потерпеть ущерб. Не будем касаться его количественной стороны, понижения общего запаса нервно-психической энергии, которое, хотя и может иметь место, но не может переходить известной степени, так как обеднение, достигнув известной степени, влечет за собой понижение уровня личности; к тому же нужны чрезвычайно резкие изменения, чтобы количественное нарушение стало заметным. Чаще приходится отмечать сужение личности, при чем некоторые стороны жизни утрачивают совершенно свое значение для личности, интересы сосредоточиваются на одном предмете, которым и связываются. Такую концентрацию мы отметили у Ротшильда, для которого, помимо денег ничего не существовало. Интенсивность психических реакций тоже перераспределяется. Некоторые стороны взаимоотношений со средой утрачивают значение; наоборот, в направлении, на котором сосредоточилась личность, ее реакции приобретают сверхмерную интенсивность. Что касается до сознательности и идейности личности, то, хотя способность отдавать себе отчет и вырабатывать миросозерцание не изменяется, но когда известные стороны вычеркиваются, когда другие переоцениваются, все рассматривается под определенным постоянным углом зрения, когда отношения вырабатываются в процессе внешней борьбы и внутренних конфликтов, и личные субъективные моменты начинают выступать на первый план, тогда, естественно, миросозерцание терпит ущерб и в цельности в и полноте. Внутренняя координированность также нарушается, поскольку личность вырастает не в процессе свободного развития, а в процессе напряженной борьбы, создающей в результате личность дисгармоничную и расщепленную. Творческая продуктивность, неизбежным условием которой является внутренняя свобода, естественно понижается. Наконец, приспособление среды приобретает особый характер. Сущность приспособления среды на высшем уровне заключается в том, что личность указывает пути приспособления к объективной реальности, и под-

чинение ей является результатом признания ее способности к руководству, целесообразным средством достижения цели, имеющей общечеловеческую значимость. У извращенных приспособление среды тесно связано в своем итоге с использованием ее для своих целей. Особенностям высшего уровня соответствуют и особенности извращения их, не меняющиеся в существе. Здесь идет речь не столько об общем подавлении и ослаблении личности, как на низшем или среднем уровне, сколько об особой группировке эмоционально-волевых реакций, об определенной ориентировке личности в отношениях к среде ее деятельности.

Эти эмоционально-волевые реакции, складываясь в фиксированные системы комплексов, положительные по отношению к одним объектам и отрицательные по отношению к другим, вызывают подавление одних, гипертрофию других склонностей и всегда расходятся в направлении их с окружающей средой. Извращение на высшем уровне прежде всего есть болезнь социальной стороны личности, возникшая на почве конфликта между склонностями индивидуума и предоставленными средой возможностями, болезнь, питающая агрессивную тенденцию самозащиты, направленную на удовлетворение своих потребностей и создающую антагонистическое отношение личности к среде. Во внутреннем складе личности это выражается отщеплением комплексов или расщеплением личности; при этом одни стороны могут получать развитие в других, заторможенных, и находить свой источник извращения. Примером может служить Бэкон, характеристика которого приводится ниже, у которого комплекс наклонностей к внешней деятельности был заторможен, и здесь заключался источник извращения личности. В области экзопсихики наиболее характерным здесь является замена объективного идеала идеалом культа самой личности. Извращение эгоцентрирует личность. Высший тип характеризуется направленностью на сверхличные цели, что справедливо отмечает Лосский. При извращении идеалом личности является само я извращенной личности. Выше уже отмечался тот факт, что извращенные более эгоистичны, но на высшем уровне, параллельно высокой сознательности и идейности, эгоистичность проэцируется, аналогично проэкциям других внутренних сторон у чистых в форме идеалов, в идеал сверхценной личности, сознающей руководящую линию жизни и поведения.

Выше, в характеристике Байрона, была уже отмечена эгоцентрическая чрезмерность его индивидуализма, одним из несомненных источников которого явились печальные влияния окружавшей его обстановки и лиц. Изменив содержание идеала, извращенная личность делает свои склонности и способности, которые ранее направились бы на сверхличную ценность, простым

средством достижения цели. Таким образом, цели меняются, но сфера действия извращенного и неизвращенного определяется характером склонностей и одаренности его. Так, тип общественника будет стремиться к достижению своих целей в сфере политики, также религиозной и т. д. Помимо этого процесса превращения целей в средства может иметь место и другой процесс замены средств целями. Например, власть из средства может стать самоцелью в процессе борьбы, по закону гетерогонии целей (Вундт). Средство, которым овладеть оказалось трудно, сосредоточивает на себе всю энергию чувств и стремлений человека. Эта эмоциональная сторона накладывает отпечаток и на способы деятельности личности. Могущественные императивы цели, глубоко захватывая аффективную сторону психики субъекта, приковывают его внимание; лишенный способности свободной оценки, субъект без разбора пользуется всем, чем можно, для достижения своей цели, не считаясь ни с правом, ни с моралью (принцип оправдания средств целями).

Наконец, нужно отметить, что извращение на высшем уровне в связи с богатством и разносторонностью его, в большей мере, чем где-либо, может носить характер частичный, не отражаясь целиком на всей личности, а только на частностях его отношений. Так, политический фанатизм не исключает семейных привязанностей, бескорыстности, честности, и только в одной сфере обостренная борьбой реакция становится чрезмерной в одном отношении и недостаточной в другом.

Конечно, такая частичность извращения может быть понята только относительно, поскольку нарушение в одном месте вызывает перестройку всей личности в виду внутренней координации ее содержания.

Знание в своем основном комплексе чуждо извращению, так как не содержит источников конфликта со средой, но вместе с тем не содержит активных элементов, смягчающих влияние неблагоприятных, угрожающих извращением фактов; слабые места личности в добавочных комплексах здесь становятся источником искажения личности. Примером может служить Бэкон.

По внутреннему складу личности Бэкон принадлежит, повидимому, к типу рассудочно-деятельному. План жизни его был вполне ясно намечен. Положение открывало ему широкие перспективы по размерам его одаренности и соответственной потребности в крупном масштабе государственной деятельности. До поры до времени, удовлетворяя своим интеллектуальным склонностям, он занимался «чистой» наукой. Внезапно внешние условия резко и непоправимо изменились. Он потерял отца, лишился материальных средств и положения. Старые пути были

закрыты, но установка прежнего времени сохраняла силу. Цель осталась той же аффективной. Так, связанный с переменой обстоятельств, он фиксировал на притягательных перспективах прошлого положительную энергию стремлений, сообщив прежним целям сверхценную значимость. Почести, постоянный спутник высокого положения, приобрели значение самодовлеющего мотива, средства к деятельности и положению ищутся на извращенном пути карьеризма. Склонность к роскоши и расточительности, обнаруженные Бэконом, быть может, являются средством самоутверждения и компенсации за тяжелые переживания, временно лишившие его надежды на их достижение. В стремлении к роскоши Бэкон не гнушался нечестных способов, послуживших материалом для суда над ним. Наконец, обвинение Бэкона в предательстве по отношению к его покровителю, графу Эссексу, психологически правильно, как выражение его готовности на все для сохранения ценою таких трудов достигнутого положения. Познавательный комплекс не был заторможен в этих условиях, но с одной стороны, возникло как бы расщепление личности с ориентировкой ее деятельности в двух направлениях — познания и государственной работы; отпечатался также след того тяготения к господству, которым направлялась внешняя деятельность. Идеал знания, которому служил Бэкон, конечно, потерпел значительный ущерб, благодаря тому, что занятиям философией и наукой Бэкон уделял только время, свободное от государственной работы, ставя на второй план ту сторону, которая должна была находиться на первом плане. Он сам сознавал, что бессмертие заслужит не Бэкон-правитель, а Бэкон-философ.

Таким образом, Бэкон может служить примером того, как несчастие, разрушив план жизни сложившейся личности, является источником извращения, как оно получает свою точку опоры в том направлении, где обстоятельства затормозили проявление личности, как возникла гипертрофия добавочного комплекса наклонностей, сделав цели его апперцептивными, центром всей деятельности, и как, наконец, была оттеснена на второй план группа основных наклонностей.

Конспективный по необходимости характер анализов исключает возможность исследования, а какой мере источниками извращения здесь явилось развитие деятельности в направлении дополнительного комплекса способностей, недостаточное начальное развитие которых заставило искать достижения цели на окольных путях извращения. Можно предполагать, что, при соответственных внешних обстоятельствах, чистый тип, одаренный в направлении внешней деятельности, не дал бы такого результата, как Бэкон.

Искусство не содержит в себе так же, как и знание, особых факторов, охраняющих равновесие и нормальное развитие личности, но, как указывалось выше, тип художника содержит черты высокой аффективности, что создает условия, понижающие стойкость личности и повышающие возможность извращения.

Действительность учит тому, что нередко высокая художественная одаренность уживается с моральной и социальной дефективностью. Черты извращения мы можем отметить и у Байрона.

Маколей совершенно правильно говорит, что он был «испорченное дитя»: «его испортила не только судьба, но и природа, и слава, и, наконец, само общество». Конфликт с окружающими его людьми заставил самого Байрона замкнуться в себялюбивом эстетизме, но в то же время, в контраст этому, обычное для него явление переоценки внешнего признания достигло степени самого уродливого тщеславия. Внутренний регулирующий принцип утратил свою власть над его поведением, мотивы честолюбия и мимолетных прихотей, наслаждений приобретают определяющее значение. Биография Байрона показывает, как столкновение с внешними обстоятельствами, нанося ему тяжелые аффективные травмы, вызывало каждый раз бурные взрывы низших органических проявлений.

Бегство от жизни, поиски забвения после разрыва с женой толкнули его на путь бешеный оргий и разврата, но одновременно вызвали и величайшее напряжение творческих способностей. Личность как бы расщепляется. Одна влачит существование в грязи разврата, другая поднимается к недосягаемым высотам вдохновения. Байрон представляет пример, где искажение личности возникло на пути тяжелых аффективных переживаний. Та же аффективная сфера заключает в себе неисчерпаемые возможности новых подъемов и восстановления личности. У Байрона этот подъем возник в связи с борьбой за освобождение Греции. Увлечение сверхличной идеей, давшей возможность реализовать в деятельности внутреннюю энергию, оказало на него возрождающее влияние. В заключение укажем, что Байрон с детства находился в неблагоприятных для нормального развития личности условиях (патологический характер его матери) и был невропатически предрасположен (падучая Байрона — истерия или, быть может, affect pilepsie).

Мы привели Байрона, как пример извращения, где личность замыкается в эгоцентризме, где низшие органические стороны личности приобретают власть над нею, где извращаются не цели или средства, но уничтожается цель, направляя душевную

энергию не на деятельность, а на самоистребление, на бесцельное прожигание жизни.

Тип государственника также, часто вступая в борьбу, дает извращение личности. У Петра Великого можно уже отметить деспотизм и фанатизм государственной идеи. У Петра же отмечаются и тяжелые переживания раннего детства и припадки истерического или эпилептического характера. Более ярким, но близким ему примером является Иоанн Грозный.

Условия его детства были в высокой степени способны извратить человека. С одной стороны, преклонение перед ним и освящение его авторитетом высоких поступков, с другой стороны, полное пренебрежение им, издевательства, наконец, проявление грубости и зверства, — все внушало ему одновременно мысль о неограниченных правах и абсолютной божественной власти, а вместе с тем сознание собственного бессилия и беззащитности, наконец, уничтожало сознание прав личности и значимости моральных принципов. Являясь по внутреннему складу аффективно-деятельным типом, с обостренной патологического характера аффективностью, впечатлительностью, ярким соображением в связи с художественной одаренностью, с эмоциональным характером мышления, он остро реагировал на все извращающие условия жизни и постоянно колебался между полюсами противоположностей, крайностей жестокости, подозрительности до идей преследования. Обоснование деспотизма идеей божественной власти и святости сана гармонирует с возникающей на почве болезненной аффективности обостренной тенденцией самозащиты. Муки раскаяния, минуты смиренного и молитвенного настроения, непосредственно следующие за разнузданностью оргий, вакханалиями жестокости, свидетельствуют о глубоком расщеплении личности. Под влиянием неблагоприятных условий одаренная натура Иоанна деградирует, совершенно утрачивая способность какой бы то ни было сдержки, утрачивая границы и критерий допустимого действия, но здесь уже тесно сплетаются друг с другом извращение и патология.

По отношению к внешней деятельности положение не меняется. Здесь также цели становятся узко эгоистичными и обнаруживается крайняя неразборчивость в средствах и пренебрежение к требованиям идеала общественности.

Рассудочно-волевой тип представителей системы и порядка извращается в тип реакционера, бездушного формалиста, карьериста и т. д.

Последний из идеалов—власть не представляет собой по существу общественного идеала. Власть своей предпосылкой имеет неравенство личностей, а следовательно, в принципе ее

лежит элемент антисоциальный. Там, где есть свободное признание, нет по существу власти. Она существует только там, где есть обязательство подчинения и требования силы. Поэтому власть всегда есть путь конфликтов и извращения. Так, где она является средством достижения цели и приемом воздействия, выражением, так сказать, темперамента, там она мирится с требованиями общественной гармонии, но там, где она становится самоцелью, личность уже стоит на грани нормы и извращения. Если есть компенсирующая группа склонностей и, следовательно, также другой идеал, гарантирующий общественное здоровье личности, личность удерживается в границах социальных норм. Если этого нет, то обычно личность извращается. Мы не будем здесь приводить примера и характеристики, так как на всякого властолюбца извращение налагает свой отпечаток. Наполеон может служить в этом отношении хорошей иллюстрацией. С детства оторванный от семьи, развившийся в период революции, которая всегда временно понижает социально-моральные устои, стремившийся к деятельности и имевший огромный запас внутренних возможностей при недостатке внешних, — он постоянно встречал препятствия в удовлетворении своих внутренних потребностей. Он совершенно утратил способность мерить свои поступки мерой общественной пользы и нравственной допустимости, и, если он рассмотрен в отделах чистых типов, как яркий представитель идеала власти, то такое же право он имеет на место среди извращенных.

Заканчивая рассмотрение извращенных типов, мы заметим, что не без намерения некоторые представители чистых типов, нами рассмотренные выше, были взяты также для иллюстрации извращенных, и у многих чистых отмечены черты извращения (Кромвель, Некрасов, Ротшильд). Нет возможности точно отметить момент, когда чистый тип становится извращенным. В легких степенях в частичном извращении мы находим те мостки, которыми в текучем единстве многообразия человеческих личностей нормальная личность переходит в извращенную.

БИБЛИОТЕКА ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Общая схема классификации.

Типы / Уровни	Чистые.			Комбинированные.	Смешанные.	Извращенные.		
Низший.	Рассудочные.	Аффективные.	Подвижные (живые).					
			Чувственные					
			Мечтатели.					
		Активные.	Энергичные низшего порядка.					
			Покорно-деятельные.					
			Упрямые.					
Средний.	Непрактичные (теоретики, идеалисты).		Ученые.	Научно-практические.	Например: Чиновник-семьянин; Конторщик-спортсмен.	Неудачники.	Неприспособл. мечтатели.	
			Художники.	Научно-общественные.			Аффективные неудачники.	
							Энергичные озлобленные.	
	Практики-реалисты.		Общественники А. Внутрен.-аффективные.	Художественно-практические.		Усиливающие.	Лицемерные.	
			Общественники Б. Внешн.-деятельные.				Властные-извращенные.	
			Властные.			Пассивные.	Апатичные.	
			Хозяйственные.				Безвольные.	
Высший.	Общественность.		Гладстон, Лассаль, Герцен, доктор Гааз, Песталоцци. Роберт Оуэн.				Расчетливые эгоисты.	
	Знание.	Индуктивные	Дарвин, Гумбольдт, Локк.			Активные (насильн.).	Беспорядочные насильники.	
		Дедуктивные.	Декарт, Спиноза, Джорданно Бруно				Сосредоточено-жестокие.	
	Красота.		Пушкин, Бетховен, Шопен, Байрон, Некрасов, Гете, Ибсен					
	Внешняя деятельность, инициатива.		Ришелье, Демидов.					
	Система, организация.		Петр Великий, Эдиссон, Ротшильд					
	Власть, борьба.		Наполеон I, Кромвель, Бисмарк.					

Пирогов, Ковье, Бородин, Леонардо-да-Винчи.

Бэкон, Иван Грозный, Ротшильд и др.